

ПРИ УЧАСТИИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ,

подъ редакціей профессора Н. Я. Грота.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

№ 2.

Книга 6.

Издание А. А. Абрикосова.

Москва.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №,
Пименовская ул., собств. домъ.

1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Еще о задачахъ журнала.— Н. Я. Грота	I—VI
✓ Нравственность и естествознаніе.—А. Н. Бекетова	1
Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого «О жизни».—А. А. Козлова	68
О законѣ сохраненія энергіи.—Н. Н. Страхова	97
О природѣ чловѣческаго сознанія.—Кн. С. Н. Трубецкого	132

Критика и библіографія.

I. ОБЩА ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Ученіе о волѣ въ новой психологіи. — К. Вентцеля	1
--	---

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

А. Иностранные философскіе журналы.

1. Beiträge z. experimentellen Psychologie.—Н. Ланге	24
2. Mind.—П. Мокіевского	34
3. Перечень статей въ послѣднихъ книжкахъ иностранныхъ философ. журналовъ	36

Б. Философскія статьи въ русскихъ духовн. журналахъ.

Православное обозрѣніе.—Х. Попова	37
---	----

III. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

1. Этика: — The ethical Problem by P. Carus.—П. Астафьева	41
2. Метафизика: — L'évolutionisme des idées forces. A. Fouillée.—Ю. Бартенева	46
3. Исторія философіи: — La philosophie de Lamennais. Paul Janet.—В. Чуйко	50

IV. ПОЛЕМИКА.

Отвѣтъ проф. А. А. Козлову.—Н. Иванцова	54
---	----

IV

	<i>Стр.</i>
Письмо въ редакцію.— А. Козлова	59
V. Новыя книги	60

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи: Славяно-филы.— Я. Н. Колубовскаго (<i>Продолженіе</i>).	1
II. Психологическое Общество: 1) Положенія Н. Я. Грота «О самонаблюденіи», Возраженія С. С. Корсакова и В. А. Гольцева , Положенія Е. И. Челпанова «Объ апперцепціи». 2) Отчетъ о дѣятельности Общества съ января по декабрь 1890 года. 3) Новые члены Общества	89
III. Рефератъ О. В. Леоновой . Современный взглядъ на локализацию въ мозговой корѣ	101
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Еще о задачахъ журнала.

Въ трехъ статьяхъ отъ редакціи, въ первой, третьей и четвертой книгахъ журнала, были достаточно полно и точно выяснены,—казалось намъ,—и задачи журнала „Вопросы философіи и психологіи“, и способы выполненія ихъ въ будущемъ. Но нѣкоторые органы печати упорно хотятъ навязать намъ тенденціи, совершенно намъ чуждыя и никогда не могущія стать руководящими началами нашей дѣятельности.

Если въ нашемъ журналѣ являлось до сихъ поръ преобладающимъ одно направленіе, называемое идеалистическимъ или, по методу, метафизическимъ, то такой фактъ былъ слѣдствіемъ господствующихъ среди большинства сотрудниковъ философскихъ воззрѣній, интересовъ и симпатій.

Мы не подбирали тенденціозно матеріала съ цѣлью группировки его подъ извѣстнымъ предвзятымъ угломъ зрѣнія, да и не могли этого дѣлать, такъ какъ избранный психологическимъ обществомъ редакціонный комитетъ—высшая инстанція въ рѣшеніи судьбы доставляемыхъ редакціи статей—состоитъ изъ лицъ различныхъ научныхъ специальностей, съ разными міросозерцаніями и направленіями мысли. Мы требовали только, чтобы присылаемыя статьи обнаруживали достаточное критическое знакомство съ исторіей науки и философіи и способность авторовъ къ строгой логической работѣ мышленія *). Вѣдь дѣло идетъ, говорили мы въ началѣ, не о выраженіи субъективныхъ мнѣній и добрыхъ желаній, а

---

*) См. книгу I-ю „О задачахъ журнала“, стр. XIV—XV.

о продолженіи той объективной работы философскаго познанія и самопознанія, которая началась въ Европѣ почти двадцать пять столѣтій тому назадъ и, съ болѣе или менѣе значительными перерывами, успѣшно продолжается доннынѣ. У насъ въ Россіи „философствующихъ“ людей много, но людей дѣйствительно знакомыхъ съ исторіею и основными задачами философіи, очень мало.

При обсужденіи отдѣльныхъ философскихъ вопросовъ, знакомство съ прошлыми судьбами философіи иногда съ успѣхомъ возмѣщается обширной спеціальной эрудиціей — глубокимъ знаніемъ математики, естественныхъ наукъ, особенно біологическихъ, или наукъ соціальныхъ. И мы особенно благодарны тѣмъ ученымъ, которые съ точки зрѣнія своей особой научной спеціальности пытаются помочь намъ въ правильной постановкѣ общихъ философскихъ проблемъ. Наконецъ есть случаи, когда знаніе прошлой исторіи философіи и современныхъ спеціальныхъ наукъ замѣняется художественною силою синтеза и интуитивнаго проясновенія въ затаенный смыслъ явленій жизни и психическихъ отношеній личностей. И носители такого особаго, но рѣдкаго природнаго дара, могутъ съ великою пользою, хотя и косвенно, послужить задачѣ выработки общаго міросозерцанія и сознательныхъ идеаловъ жизни.

Но когда нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго—ни знакомства съ философіей, ни научной эрудиціи, ни художественно-литературнаго генія, то остается молчать и учиться: одною доброю волею достигнуть философскаго истолкованія смысла жизни и основныхъ проблемъ знанія невозможно.

Итакъ, не по редакторскому произволу большая часть работъ, помѣщаемыхъ въ журналѣ, проникнута была идеалистической окраской. Мы лично убѣждены, что безъ нея глубокое разрѣшеніе философскихъ проблемъ и не можетъ быть достигнуто, но это—наше *личное убѣжденіе*, отъ котораго судьба присылаемыхъ въ редакцію статей не зависитъ. Все талантливое и ученое, логически-продуманное и литературно-обработанное, что не подходитъ подъ указанное направленіе, найдетъ себѣ и уже находило мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Но намъ стараются навязать, какъ мы сказали выше, инныя задачи и, даже прямо, тенденціи. Намъ хотять сдѣлать изъ искреннихъ и безпристрастныхъ *искателей* истины, какими мы желали-бы быть, — изъ поборниковъ *всесторонняго* анализа явленій жизни и философскаго синтеза разрозненныхъ теченій современной мысли въ одно цѣльное міросозерцаніе, — борцами за политическіе флаги и литературныя пароли отжитой и выродившейся эпохи русскаго самосознанія.

И странно: тѣ самые органы печати, которые радуются появленію у насъ „серіознаго философскаго журнала“ и даже признають за нимъ право на извѣстное руководительство въ развитіи общественнаго сознанія, сами берутся въ свою очередь съ высокомѣриемъ насъ учить не только тому, что мы должны дѣлать, съ чѣмъ и противъ кого бороться, но даже и тому, что мы должны понимать подъ истинной и неистинной философіей, какой кругъ задачъ должны включить въ эту науку, или систему наукъ, и какъ должны ихъ разрѣшать. Всего печальнѣе то, что эти судьи, сами имѣющіе лишь весьма сомнительное знакомство съ философіей и ея основаніями, — смѣло раздавая лавры и дипломы на званіе истинныхъ философовъ, — въ то-же время ревниво отрицають право принять участіе въ современномъ философскомъ движеніи для образованныхъ публицистовъ другихъ направленій, которые и съ философіею, по крайней мѣрѣ современной, хорошо знакомы, и проявляли не разъ способность оригинально мыслить и строго логически проводить свои убѣжденія.

Конечно подкладкой такой нетерпимости являются все тѣ-же литературно-политическіе флаги, значеніе которыхъ для нашего дѣла мы безусловно отвергаемъ. Всякій зрѣлый и разумный человекъ имѣетъ свои политическія убѣжденія, — философское міросозерцаніе конечно находится не только въ связи съ этими убѣжденіями, но даже, какъ показываетъ исторія развитія европейской мысли, большая часть политическихъ теорій, и въ древности, и въ новое время, возникала на почвѣ тѣхъ или другихъ философскихъ ученій о мірѣ и о жизни. Тѣмъ не менѣе едва-ли настала для русскихъ философовъ

пора построения политическихъ теорій, не только вслѣдствіе внѣшнихъ условій развитія русской мысли, но и потому, что зрѣлыя политическія ученія должны основываться на законченномъ нравственномъ міросозерцаніи, которое въ свою очередь можетъ получить научное основаніе лишь на почвѣ строго продуманной психологіи человѣка, теоріи знанія и ученія о мірѣ. Мы призывали и призываемъ мыслящихъ людей нашей родины именно, и прежде всего, къ разработкѣ основныхъ теоретическихъ проблемъ философіи, къ общему и дружному обсужденію коренныхъ вопросовъ знанія, бытія, и человѣческаго существованія—съ точки зрѣнія новыхъ данныхъ спеціальныхъ наукъ и современныхъ философскихъ изслѣдованій,—и только этимъ путемъ можно надѣяться приобрести твердыя точки опоры для построения нравственнаго міровоззрѣнія, имѣющаго философскую цѣну и могущаго послужить основаніемъ для новыхъ политическихъ ученій. Такія ученія могутъ быть созданы не журналомъ, а лишь отдѣльными даровитыми личностями, какъ это и было всегда, и есть въ настоящее время, ибо и теперь можно указать у насъ по крайней мѣрѣ на двухъ-трехъ талантливыхъ мыслителей, которые, выработавъ разными путями свои философскія міросозерцанія, проповѣдуютъ обществу, на свой собственный страхъ, свои нравственные и политическія убѣжденія. И прекрасно: дай Богъ, чтобы людей въ законченными философскими воззрѣніями было у насъ больше. Журналъ нашъ, пробуждая широкій обмѣнъ мыслей, можетъ ускорить и облегчить созрѣваніе философскихъ дарованій, но не его дѣло становиться подъ знамя выработанныхъ другою эпохою, большею частью *заимствованныхъ* политическихъ доктринъ, — какъ не дѣло современныхъ представителей этихъ отживающихъ доктринъ, въ свое время возникшихъ на почвѣ извѣстныхъ философскихъ ученій, предписывать свою политическую вѣру русскимъ философамъ современности.

Да и что это за вѣра? Лучшія человѣчныя побужденія сплошь и рядомъ отрицаются, служеніе обществу истолковывается какъ исключительное служеніе злобамъ дня, инте-

ресамъ своего народа и племени, или еще хуже, партіи, сословія, общественнаго класса. Самыя идеи челоуѣчества и челоуѣчности грубо осмѣиваются, ненависть къ ближнему безъ всякаго стыда объявляется добродѣтелью, а любовь къ людямъ — непростительной слабостью. Высокіе замыслы достигнуть мира и единенія между людьми отстраняются, какъ неосуществимыя и вредныя для общества утопіи, ложь и лицемѣріе выдаются за проявленія гражданской зрѣлости. Въ виду такихъ явленій неудивительно, что скептики ищутъ источника всякихъ чистыхъ и добрыхъ стремленій—или въ скрытыхъ побужденіяхъ эгоизма,—или въ традиціяхъ общественныхъ движеній, происходившихъ десятки лѣтъ тому назадъ, какъ будто нынѣ уже стало невозможно возникновеніе новыхъ чистыхъ и добрыхъ побужденій.

Всѣ честные и серіозные люди, хотя-бы и различныхъ міросозерцаній, должны соединиться во имя общаго врага—тѣхъ паразитовъ мысли и общественнаго дѣла, которые думаютъ запугать общество призраками прошлыхъ ошибокъ и крайнихъ увлеченій, чтобы получить право на отрицаніе самыхъ святыхъ завѣтовъ прошедшихъ поколѣній и лучшихъ нравственныхъ идеаловъ гениальныхъ мыслителей всѣхъ вѣковъ.

Всего хуже то, что *челоуѣко-ненавистничество* проповѣдуется у насъ часто подъ знаменемъ православія и національной идеи. А между тѣмъ идеалы русскаго народнаго самосознанія, русскаго христіанскаго міровоззрѣнія всегда были иные.

Истинно-русскій челоуѣкъ, христіанинъ, по убѣжденію лучшихъ представителей русскаго самосознанія, полонъ благоволенія ко всему челоуѣческому,—къ добру, красотѣ и правдѣ *въ каждомъ смертномъ*. Для него нѣтъ именъ, нѣтъ званій и положеній, а есть только другая челоуѣческая личность, ищущая правды и добра, заключающая въ себѣ искру Божію, которую слѣдуетъ найти, пробудить, истолковать.

Такимъ искателемъ искры Божіей во всѣхъ людяхъ, даже дурныхъ и преступныхъ, былъ нашъ русскій мыслитель Достоевскій. Достоевскій—одинъ изъ самыхъ типическихъ выразителей тѣхъ началъ, которыя, по нашему глубокому убѣжде-

нію, должны лечь въ основаніе нашей своеобразной національной нравственной философіи.

Миролюбіе и кротость, любовь къ идеальному и открытіе образа Божія даже подъ оболочкою временной мерзости и позора—вотъ идеаль русскаго мыслителя, мечта русской нравственной философіи. Пусть невѣжественные гордецы глумятся надъ „человѣкомъ“ и „человѣческимъ“,—они—не русскіе мыслители. Лицемерно скрываясь подъ знаменемъ лжеправославія и народности, они совершенно чужды истинному духу русскаго христіанскаго народа, ибо самое превознесеніе идеи „православія“ надъ идеєю „христіанства“ и ученіемъ Христа съ точки русскаго человѣка — кощунство. Если есть у насъ что-нибудь особенное и по-истинѣ святое въ преданіяхъ народной мысли, то это именно — смиреніе, жажда духовнаго равенства, идея соборности сознанія.

Всякое исключительное отстаиваніе своей личности, своей односторонней личной правды—есть грубое самозванство, есть подражаніе духу чуждому, иноземному. Всякое глумленіе надъ правдою только потому, что она *не моя* правда, есть оскорбленіе правды—вѣчной, обще-человѣческой. Если русскому народу суждено получить значеніе въ будущихъ судьбахъ человѣчества, то лишь какъ носителю великой истины взаимнаго дополненія духовныхъ личностей, нравственнаго единенія всѣхъ людей,—превознесенныхъ и униженныхъ, знающихъ и только ищущихъ знанія и правды.

Пусть близорукіе приверженцы начала личной и національной исключительности проповѣдуютъ взаимную ненависть, нетерпимость, гнетъ надъ убѣжденіями и совѣстью, — *русскій философскій журналъ* не пойдетъ за ними. Его задача—дать полный просторъ русской мысли, *искренней проповѣди* *человѣчно добра и вселенской правды*, какія-бы выраженія она ни принимала.

Николай Гротъ.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Нравственность и естествознание.

Объ искателяхъ правды.

Предлагаемая статья составляетъ только часть задуманной мною работы. Это—краткій „опытъ“, въ которомъ мнѣ хотѣлось высказать свое представленіе о реальныхъ основахъ высшей человѣческой нравственности. Онъ представляетъ нѣчто законченное, а потому можетъ быть предложенъ читателямъ независимо отъ того, будетъ или не будетъ продолженія.

Пробѣгая мои страницы, можно усмотрѣть и предвидѣть, въ чемъ должно состоять это продолженіе.

Вопервыхъ, самыя основы нравственности, мною выставляемыя, могутъ подлежать обсужденію гораздо болѣе подробному.

Вовторыхъ, для полного развитія моей темы, важно разсмотрѣніе конкретныхъ приложений выставляемой мною нравственной основы къ различнымъ сторонамъ человѣческой дѣятельности.

Удастся или не удастся мнѣ обработать слѣдующіе за печатаемымъ теперь „опыты“,—во всякомъ случаѣ то, что здѣсь предлагается, достаточно округлено и, какъ уже сказано, составляетъ нѣчто законченное.

Долговременный опытъ жизни мнѣ показаль, что нѣтъ почти человѣка, который, хотя-бы на днѣ своей души, не таилъ нравственнаго огня, называемаго христіанскою любовью. У меня есть хорошіе знакомые, считающіе себя убѣжденными матеріалистами, но живущіе и дѣйствующіе на основаніи этого великаго принципа, прилагая его въ своихъ поступкахъ нисколько не менѣе чѣмъ убѣжденные вѣрующіе, а иногда и гораздо полнѣе. Это значитъ, думается мнѣ, что большинство если и не признаетъ самаго принципа, то содержитъ его въ себѣ и руководится имъ, нерѣдко даже безсознательно, въ большей или меньшей степени. Все дѣло въ томъ, насколько христіанская основа примѣняется къ жизни, насколько каждый сѣумѣлъ—или возмогъ—подчинить ей свои поступки и дѣла.

Свѣтскій человѣкъ и монахъ, матеріалистъ и вѣрующій мистикъ, крестьянинъ и ученый, мало того, — буддистъ, конфуціонистъ, даже еврей и магометанинъ,—словомъ, люди всѣхъ вѣрованій и всякихъ общественныхъ положеній, всегда между собою сойдутся при обсужденіи частныхъ поступковъ людскихъ и въ главнѣйшихъ чертахъ сѣумѣютъ оцѣнить добро и зло въ человѣческихъ дѣйствіяхъ въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Еслибъ этого не было, люди не могли-бы другъ друга понимать, не могли-бы ни въ чемъ между собою столкнуться. Даже полудикіе люди, находящіеся повидимому въ самыхъ неприглядныхъ, суровыхъ условіяхъ, — и тѣ одарены священной искрою любви къ ближнему. Въ этомъ отношеніи необыкновенно интересно, напримѣръ, описаніе быта Сидячихъ Чукчей, сдѣланное знаменитымъ и ученымъ мореплавателемъ, Норденшельдомъ *). Этотъ народецъ—Сидячіе Чукчи—живетъ на самомъ берегу Сибирскаго Ледовитаго океана, въ самой восточной части берега, за предѣлами лѣсной растительности. Климатъ тѣхъ странъ коротко характеризуется тѣмъ, что первый весенній цвѣтокъ предсталъ экипажу Веги, зимовавшей на Чукот-

*) *Nordenskiöld: Die Umseglung Asiens und Europa's auf der Vega 1878 — 1880. Leipzig, 1882.*

скомъ берегу, 5-го іюня. Сидячіе Чукчи, говорятъ Норденшельдъ, представляютъ рѣдкій примѣръ народа буквально анархическаго и лишеннаго всякой религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне мирнаго и миролюбиваго, такъ какъ древняя ихъ воинственность совершенно исчезла. Эти люди принуждены большую часть жизни проводить въ тѣсныхъ и смрадныхъ юртахъ, или на охотѣ и на рыбной ловлѣ, при морозѣ выше 30 и даже 40 градусовъ, и при всемъ томъ мы находимъ у этихъ людей самое широкое гостепріимство относительно всѣхъ и каждаго и величайшія семейныя добродѣтели: нѣжную и крѣпкую взаимную привязанность какъ между супругами, такъ между родителями и дѣтьми. Лучшихъ, болѣе благонаправныхъ дѣтей чѣмъ чукотскія дѣти,—говоритъ Норденшельдъ,—я нигдѣ не видываль: европейскія дѣти въ этомъ отношеніи далеко ниже ихъ. Терпѣніе родителей, въ особенности матерей, относительно дѣтей,—можно сказать, безгранично; но за то и дѣти съ самаго ранняго возраста ведутъ себя образцово какъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ и къ родителямъ. Обычай наказывать дѣтей между Чукчами вовсе неизвѣстенъ. Велика и честность этого народа: преступленія у нихъ крайне рѣдки и случаются почти всегда подъ вліяніемъ водки, ввозимой сюда европейцами (русскими) или американцами.

Итакъ, справедливое, любвеобильное отношеніе къ ближнему гнѣздится и въ душѣ дикарей, и даже проявляется въ нихъ съ особою силой при самыхъ суровыхъ условіяхъ, лишь только осѣнить ихъ миръ, лишь только привыкнуть они къ полной безопасности съ внѣшней стороны *).

Если это такъ, если въ людяхъ съ самаго начала вложена та искра, которая разгораясь и разрастаясь даетъ начало христіанской любви и нравственности, то, казалось-бы, нечего и мудрствовать лукаво, — стоитъ лишь прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы распространить, развить и

---

*) Норденшельдъ признаетъ, что миръ на Сибирскомъ Ледовитомъ полярѣ наступилъ съ окончательнымъ покореніемъ Сибири русскими, властно прекратившими вражескіе набѣги однихъ племенъ на другія.

укрѣпить въ сердцахъ людей вѣру любви — христіанскую вѣру.

И дѣйствительно, этого довольно относительно многихъ простыхъ людей, издавна живущихъ въ патриархальномъ быту. Христіанскіе принципы необыкновенно прочно установились, напримѣръ, въ иныхъ глухихъ углахъ, еще не затронутыхъ меркантильною жизнью,—какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ западной Европѣ. Но при малѣйшемъ осложненіи жизни для человѣка становится все труднѣе и труднѣе прилагать эти принципы на практикѣ, и, если вникнуть поглубже, оказывается, что прочная нравственность большинства простолюдиновъ зависитъ—если не вполнѣ, то въ сильной степени,—отъ того, что Богъ „избавилъ ихъ отъ лукаваго“. Будучи прочною, эта нравственность, какъ и самая вѣра, доведены въ нихъ до крайней простоты,—до простѣйшихъ, можно сказать, элементовъ.

Только подобнымъ упрощеніемъ и можно объяснять столь легкое превращеніе крестьянина всѣхъ странъ и народностей въ кулака, безжалостнаго эксплуататора своихъ собственныхъ братій. Притомъ-же возрастаніе потребностей, стремленіе къ полнотѣ жизни—суть явленія ничѣмъ неустрашимыя, связанныя съ прогрессомъ и съ усовершенствованіемъ самого человѣчества. Самый фактъ возрастанія населенія опредѣляетъ уже необходимость пріискиванія все новыхъ и новыхъ средствъ къ существованію. Отсюда—неотразимая необходимость въ развитіи ума, въ накопленіи знаній, въ развитіи ремесель, наукъ и т. д.

Словомъ, человѣческія потребности возрастаютъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, а искра нравственности все остается искрою и уже не даетъ довольно огня, чтобы согрѣть и очистить всѣ дѣла человѣческія. Параллельно съ этимъ ослабѣваетъ и дѣйствіе вѣры: ея голосъ становится недостаточнымъ, и человѣчество мало-помалу приходитъ къ тому заключенію, что она вполнѣ бессильна; многіе уже провозглашаютъ, что ея и не нужно вовсе, что это только мистическій бредъ, который туманитъ разумъ и препятствуетъ человѣческому прогрессу

Тѣмъ не менѣе священная искра не потухла въ сердцахъ людей: необходимость въ руководствѣ нравственными принципами сознается еще въ большей степени, чѣмъ среди патриархальнаго быта. Отсюда—стремленіе построить нравственность на иныхъ, рациональныхъ, реальныхъ началахъ. Люди стали слишкомъ умны, чтобы покоряться однѣмъ только мистическимъ основамъ религіи, которыя не поддаются точнымъ объясненіямъ и доказательствамъ. Явилась претензія создать такую нравственность, необходимость которой бросалась-бы въ глаза каждому и которая, притомъ, была-бы каждому по плечу, т.-е. могла-бы быть употребляема какъ ходячая монета и, какъ ходячая монета, вращаться по всѣмъ торговымъ и заголустьямъ.

Произошло съ нравственностью то-же, что и со всѣмъ на свѣтѣ, а именно—приниженіе, умаленіе качества на счетъ количества. Подобно продажному вину, въ которомъ въ настоящее время нѣтъ уже ни капли винограднаго сока, но которое теперь потребляется въ большемъ чѣмъ когда-либо количествѣ, нравственные ученія нашего вѣка становятся все жиже и жиже, христіанскій огонь начинаетъ меркнуть, замѣняясь какими-то суррогатами низшаго разбора.

Цѣль многихъ искателей правды новѣйшаго времени состоитъ именно въ томъ, чтобы установить мораль, практически примѣнимую. Такъ, между прочимъ, Гербертъ Спенсеръ указываетъ на то, что христіанская мораль предъявляетъ человѣчеству совершенно неисполнимыя требованія и что этимъ самымъ она отъ себя отталкиваетъ, лишая человѣка всякой возможности слѣдовать ея правиламъ въ своихъ поступкахъ.

Всего-же яснѣе выражается практическое—или, вѣрнѣе, грубо-матеріальное—направленіе иныхъ моралистовъ въ такъ-называемой меркантильной или мѣщанской (буржуазной) морали, основою которой признается взаимная выгода.

Еще недавно, извѣстный экономистъ Молинали провозглашалъ выгоду единственнымъ основнымъ принципомъ нрав-

ственности. По его словамъ, все невыгодное — безнравствднно. и наоборотъ.

Въ Киссингенѣ одинъ весьма образованный и богатый бюргеръ категорически доказывалъ мнѣ тщету всякой религии. Когда-же я ему замѣтилъ, что не можетъ-же онъ не признавать пользы религии, хотя-бы для рабочаго класса, то онъ отвѣтилъ, что „для этихъ людей религію слѣдуетъ замѣнить полиціей“.

Въ Парижѣ одинъ швейцарецъ, докторъ, занимался при мнѣ развѣнчиваніемъ и уничтоженіемъ легендарныхъ героев своей родины, Вильгельма Теля, Арнольда Винкельрида и проч.,—объявляя, что все это были или грубые пастухи, защищавшіе своихъ коровъ, или сумасшедшіе фанатики. Къ числу послѣднихъ онъ причислилъ и Иисуса Христа.

На мое замѣчаніе, что безъ такихъ сумасшедшихъ невозможенъ былъ-бы прогрессъ, онъ только пожалъ плечами.

Сужденія и рѣчи, подобныя приведеннымъ, можно теперь слышать очень часто, особенно на Западѣ. Они вполне соотвѣтствуютъ настроенію весьма многихъ писателей-моралистовъ, этихъ искателей правды, какими они, безъ сомнѣнія, себя считаютъ.

У насъ въ Россіи, къ счастью, пользуются громаднымъ сочувствіемъ другое направленіе, другіе искатели правды, во главѣ которыхъ стоитъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Они стараются возстановить нравственность любви во всей ея чистотѣ, и притомъ на религіозныхъ основаніяхъ. Это стремленіе конечно не ново, но громадный авторитетъ, великій талантъ и чистосердечность Льва Николаевича возымѣли сильное вліяніе и проповѣдь его не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Тѣмъ не менѣе, рѣшительныхъ и прочныхъ послѣдствій отъ этой проповѣди нельзя ожидать, потому въ особенности, что самъ Л. Н. себя лишилъ сильнѣйшаго орудія,—такого орудія, которое могло-бы ему послужить прочною опорю. Онъ не признаетъ науки и даже какъ-бы считаетъ ее вражескою силою, стре-

мящеюся къ разрушенію не только нравственности, но и самой религіи.

Другой русскій писатель, покойный Н. Я. Данилевскій, вмѣсто того, чтобы въ развитіи новѣйшей науки искать опоры своимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ, задался странною и неблагодарною попыткой разрушить дарвиновское ученіе, усмотрѣвъ въ немъ сильнѣйшій оплотъ безбожія и всякой скверны. Для этого онъ собралъ весьма многое изъ того, что до него было писано противъ дарвинизма, представивъ русской публикѣ нѣчто въ родѣ сборника, направленного къ низложенію „нечестиваго“.

Между тѣмъ, именно основныя идеи Дарвина, подлежащія конечно нѣкоторому видоизмѣненію, а главное—болѣе точной формулировкѣ, всего болѣе способны дать христіанскому міровоззрѣнію прочную научную основу.

Ни одинъ человѣкъ, занимающійся наукою, но не замкнувшійся въ узкой специальности, не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ вопросовъ столь высокаго значенія, какова человѣческая нравственность. Для учителя и руководителя многихъ поколѣній юношей, какимъ былъ я въ теченіе сорока лѣтъ, такое воздержаніе еще менѣе возможно. Поэтому да не удивится читатель, что и я, естествоиспытатель, рѣшаюсь писать о нравственности. Замѣтки, послужившія матеріаломъ для этого опыта, я началъ собирать еще съ 1884 года, хотя и въ прежнихъ моихъ общедоступныхъ сочиненіяхъ мѣстами уже выражены мысли, касающіяся нравственности.

Въ этомъ моемъ опытѣ читатель не найдетъ изложенія воззрѣній прежнихъ моралистовъ. Цѣль моя вовсе не въ томъ, чтобы представить этику на новыхъ основаніяхъ. Я хотѣлъ только высказать мысли, казавшіяся мнѣ новыми и вѣрными. Въ слѣдующихъ главахъ я стараюсь доказать, что естествознаніе и точная наука вообще способны служить опорой христіанской нравственности въ несравненно большей степени, чѣмъ всякое другое проявленіе человѣческаго ума.

Не касаясь собственно науки о нравственности и тѣхъ теорій, которыя были высказаны по ея поводу, я однако-же долженъ былъ сдѣлать исключеніе относительно книги Герберта Спенсера *), такъ какъ она весьма близко соприкасается съ моими собственными взглядами на основы нравственности, представляя попытку вывести принципы чело-вѣческой морали изъ данныхъ естествознанія.

I.

Значеніе естествознанія въ разысканіи нравственныхъ основъ.

Многіе просвѣщенные люди убѣждены въ томъ, что естествознаніе можетъ только колебать, а не укрѣплять основы нравственности, такъ какъ оно неминуемо ведетъ къ матеріализму и безбожію. Поэтому, прежде чѣмъ приступать къ анализу нравственности съ точки зрѣнія естествознанія, необходимо установить самое понятіе о томъ, что должно называть точнымъ естествознаніемъ, оцѣнивъ силу и предѣлъ этого рода знаній, уяснивъ возможныя отношенія его къ психической жизни вообще и къ нравственности въ особенности.

Во Франціи подъ именемъ наукъ (*sciences*) подразумѣваютъ только тѣ знанія, которыя добыты непосредственнымъ наблюденіемъ или опытомъ, а выводы изъ нихъ произведены помощью обобщенія (полной индукціи) или математической дедукціи. Математика, механика, физика, химія, астрономія, минералогія съ геологіею, зоологія и ботаника со всѣми ихъ отраслями — вотъ тѣ знанія, которыя соотвѣтствуютъ выше указанной точкѣ зрѣнія. Все остальное, начиная съ философіи, относится къ тому, что французы называютъ *lettres*, а нѣмцы — *humaniora*; въ этомъ рядѣ знаній не имѣется той точности, которая свойственна наукамъ собственно. Правда, мы и тутъ находимъ точно установленные факты, но далеко не въ достаточномъ числѣ для про-

*) *Herbert Spencer: Les bases de la morale évolutionniste. Bibliothèque Internationale. Paris, 1881.*

изведенія точныхъ и обширныхъ обобщеній, соотвѣтствующихъ тѣмъ выводамъ науки, которые имѣютъ характеръ незыблемыхъ законовъ.

Точность наукъ и есть собственно причина того, что выводы ихъ, окончательно установленные, могутъ служить, и дѣйствительно служить (притомъ безошибочно), на удовлетвореніе нуждъ человѣчества.

Напротивъ того, знанія историко-филологическаго ряда не представляютъ ни одного вывода, который могъ-бы безошибочно прилагаться къ жизни, ибо и самая юриспруденція не въ состояніи начертать безошибочныхъ законовъ. Значеніе этого рода знаній, въ соединеніи съ искусствомъ, громадно въ смыслѣ общаго развитія психической стороны человѣка; но безъ точныхъ наукъ оно-бы совершенно утратилось. Безъ реальныхъ знаній человѣчество давно-бы уже погибло, или, по меньшей мѣрѣ, одичало-бы въ непрестанной борьбѣ изъ-за насущнаго хлѣба.

Если такъ, если одна точная наука въ состояніи открывать незыблемые законы, то весьма естественно, даже необходимо, обратиться къ ней для открытія и тѣхъ непреложныхъ принциповъ, которые служатъ основою явленію столь высокаго значенія, какова человѣческая нравственность.

Какими-же средствами обладаетъ точная наука, гдѣ тотъ предѣлъ, до котораго она достигаетъ, и можетъ-ли нравственность входить въ кругъ ея изслѣдованій?

Всего ближе къ наукѣ о нравственности стоитъ физиологія, отрасль знанія, состоящая въ приложеніи механики, физики и химіи къ разъясненію жизни.

Эта наука, стремящаяся поглотить въ себя психологію, и есть то самое чудовище, которое считается краеугольнымъ камнемъ материализма, а слѣдовательно и безбожія.

Задачи физиологіи стануть еще болѣе ясными, если сказать, что она заключается въ механическомъ разъясненіи жизни, ибо и физика, и химія мало-по-малу становятся отраслями механики. Такой оборотъ наука окончательно

приняла съ тѣхъ поръ, какъ установленъ законъ единства силъ, такъ какъ на основаніи этого закона всѣ силы, начиная съ силы всеобщаго тяготѣнія и кончая химическою энергіей, могутъ другъ въ друга превращаться *).

Наука, однако-же, можетъ познавать и изучать силы только по ихъ проявленію, то-есть по тѣмъ движеніямъ, которыя онѣ производятъ. Въ механикѣ сила есть синонимъ движенія, ибо сущность того, что называется силою, не только намъ не извѣстна, но и останется для насъ таковою навсегда. Это до такой степени несомнѣнно, что механика и не занимается вопросомъ о сущности силъ: для нея это—вопросъ праздный.

Отсюда прямо слѣдуетъ, что и физика, и химія, и самая физиологія,—если только онѣ сохраняютъ свойства точныхъ наукъ,—могутъ разъяснять явленія, подлежащія ихъ изслѣдованію, исключительно помощью движенія. И дѣйствительно, если перечисленнымъ отраслямъ знанія удастся свести изучаемое явленіе къ движенію, то онѣ въ правѣ, со своей точки зрѣнія, считать это явленіе окончательно разъясненнымъ; такъ онѣ и поступаютъ.

Такимъ образомъ въ физикѣ къ движенію сведены: звукъ, свѣтъ, теплота, электричество; все это, какъ извѣстно, колебательныя движенія, которыя изучаются помощью опыта и математики. Напомнимъ, что и химическая энергія сводится къ движенію, которое однако-же пока еще не поддается точному изслѣдованію.

На томъ-же основаніи и физиологія стремится объяснить явленія жизни движеніемъ, и она считаетъ свою задачу законченною, когда ей удастся то или другое явленіе жизни свести къ движенію.

Твердо ставъ на механическую точку зрѣнія, какъ впрочемъ и подобаешь всякой точной наукѣ, легко можно поддаться увлеченію и признать, что кромѣ механики во вселенной ничего нѣтъ и быть не можетъ. Тогда, очевидно,

---

*) См. напримѣръ *Секки*: L'unité des forces physiques, par le R. P. Secchi, Paris, 1869.

пришлось-бы признать, что единственно - возможное объяснение всего существующаго есть объяснение механическое. Если-же таковое не найдено, то оно или отыщется со-временемъ, или-же его и вовсе не имѣтся.

Ограниченность человѣческой природы такова, что умъ нашъ дѣйствительно *точнымъ* образомъ можетъ вращаться только въ области механики. Ошибка тѣхъ, кто признаетъ одну механику, именно въ томъ и заключается, что они забываютъ это свойство человѣческой природы.

А между тѣмъ сама наука непрестанно и положительнѣйшимъ образомъ указываетъ намъ на свое безсиліе въ самажнѣйшихъ вопросахъ, ибо ни химія, ни физика, ни еще менѣе механика, въ тѣсномъ смыслѣ, даже и не пробуютъ подходить къ вопросу о сущности силы.

Точныя науки и тѣ, кто ихъ разрабатываетъ, совершенно удовлетворяются гипотезою, что всѣ разнообразныя движенія, которыя имъ извѣстны подъ именемъ всеобщаго тяготѣнія и отталкиванія, свѣта и теплоты, электричества и химической энергіи, съ тысячею тысячъ ихъ модификацій, суть не что иное, какъ свойства матеріи.

Матерія вѣчна. Она всегда обладала свойствами, присущими ей нынѣ; а что такое эта самая матерія и откуда она взялась—не нашего ума дѣло.

Нужно еще припомнить, что и всеобщее тяготѣніе есть гипотеза; Ньютонъ собственно и не утверждалъ, будто существуетъ дѣйствительно притягательная сила, а говорилъ только о движеніи совершающемся такъ, „какъ будто тѣла другъ друга притягиваютъ“. Замѣтимъ еще, что и свѣтовое движеніе происходитъ среди гипотетическаго эѳира, т.-е. какой-то матеріи, лишенной главныхъ ея свойствъ. По мнѣнію многихъ, и колебательное тепловое движеніе, и электричество совершаются среди того-же эѳира.

Ясно какъ день, что дальше *движенія* точная наука идти не можетъ. Она, по самому свойству своему, осуждена на изслѣдованіе одного только движенія, ибо и форма есть не что иное какъ результатъ движенія. Такимъ образомъ

рѣзко очерчивается кругъ, среди котораго точная наука безошибочно можетъ дѣйствовать: расширить этотъ кругъ невозможно. Тѣ, которые утверждаютъ, что наука безконечна, что никто не можетъ предвидѣть, до чего могутъ простираться ея открытія, ласкаютъ себя напрасною надеждой; ибо и теперь уже ясно, что всякое механическое объясненіе только приводитъ данное явленіе къ тому или другому роду движенія.

Позволительно предполагать, что во вселенной существуетъ еще неизвѣстное число неизвѣстныхъ намъ движеній, что наука имѣетъ возможность ихъ открыть и изслѣдовать, но—и только. Сущность, очевидно, находится выше всѣхъ этихъ движеній, сведенныхъ новѣйшею наукою воедино.

Такимъ образомъ точная наука, какъ таковая, лишена возможности открыть сущность вещей *), хотя, [повидимому, она склонна принимать движеніе за эту сущность. Она по самому свойству своему находится въ положеніи островитянина, у котораго отняты всѣ средства покинуть берегъ.

Переходя къ физиологіи, мы должны признать, что и она, будучи лишь приложеніемъ механики, со включеніемъ физики и химіи, должна стремиться къ тому, чтобы всѣ отправления организма свести къ движенію. Она дѣйствительно такъ и поступаетъ.

Главное, основное ея положеніе заключается въ томъ, что въ организмѣ никакое движеніе не происходитъ иначе какъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ стимуловъ.

Второй, не менѣе важный принципъ гласитъ, что внѣш-

---

*) „Nous ne pouvons connaître que les conditions matérielles, et non la nature intime des phénomènes de la vie. (Мы можемъ познавать лишь матеріальныя условія, а не сущность жизненныхъ явленій)“. *Claude Bernard: Leçons sur les phénomènes de la vie communs aux animaux et aux végétaux. Paris, 1878, p. 53.* И далѣе: „Nulle part on n'atteint les causes premières; les forces physiques sont tout aussi obscures que la force vitale. (Нигдѣ не доискиваются до первоначальныхъ причинъ: физическія силы для насъ столь-же темны какъ и жизненная сила)“. *Ibid. p. 55.*

нія вліянія передаються въ организмѣ не иначе, какъ чрезъ протоплазму живыхъ клѣточекъ *). Слѣдовательно, весь ключъ жизни въ протоплазмѣ, и если наука достигнетъ полного познанія протоплазмы и тѣхъ движеній, которыя въ ней совершаются, то жизнь будетъ разъяснена, такъ какъ, повторяю, принципъ жизни всецѣло заключается въ этомъ веществѣ.

Посмотримъ-же, какъ отвѣчаетъ на это наука.

Протоплазма есть органическое, безформенное бѣлковое вещество, химическій составъ котораго, не взирая на всѣ старанія, въ точности неизвѣстенъ.

Касательно-же движеній и всякаго рода физико-химическихъ превращеній, совершающихся въ протоплазмѣ подъ вліаніемъ внѣшнихъ дѣятелей, извѣстно еще менѣе.

Въ физиологіи имѣется выраженіе—*раздражительность* (*irritabilitas*, откуда взято французское *irritabilité*, нѣмецкое *Irritabilität* и т. д.), которымъ думаютъ все объяснить. Эта раздражительность подобна движенію, вызываемому электричествомъ или—вѣрнѣе—движенію, называемому электричествомъ. Я тронулъ ледъ теплою рукою, нервы руки раздражены этимъ прикосновеніемъ, раздраженіе бѣжитъ по нерву въ мозгъ, тамъ ему подвергается извѣстный комплексъ мозговыхъ клѣточекъ, отъ которыхъ раздраженіе бѣжитъ обратно по нервамъ къ рукѣ, прикосновеніе которой ко льду вызвало первоначальное раздраженіе, и рука отдергивается отъ льда; вотъ несомнѣнные факты, несомнѣнно доказанные опытомъ. Доказано также, что раздражаемость бываетъ двоякаго рода: одна вызываетъ чувствительность, другая—сокращеніе мышцъ, а слѣдовательно и всѣ движенія органовъ. Доказано также, что одни нервы проводятъ чувствительность, другіе—подвижность, поэтому и раздѣляютъ ихъ на чувствительные и двигающіе. Наконецъ, доказано, что въ мозговыхъ центрахъ происходитъ усложненіе раздражи-

---

*) Это положеніе выставляется съ особою ясностью помощью остроумно-установленныхъ опытовъ Клода Бернара, описаніе которыхъ помѣщено въ выше названномъ извѣстномъ его сочиненіи.

тельности, но *въ чемъ состоитъ самая раздражительность*—неизвѣстно; и не можетъ быть извѣстно, ибо неизвѣстно и самое вещество, среди котораго раздражительность дѣйствуетъ. Ясно только, что это есть движеніе, ибо удается даже измѣрить то минимальное время, которое протекаетъ отъ момента раздраженія до появленія раздражительности въ мозгу. Безъ раздражительности протоплазмы нельзя ступить ни шагу не только въ нервной физиологіи, но и во всей остальной, ибо доказано, что безъ раздражительности протоплазмы ничто не совершается и въ растеніи.

Многіе пытались разъяснить движеніе, называемое раздражительностью; однако-же теоріи, предлагавшіяся на этотъ счетъ, не могли быть приняты. Но еслибъ и удалось доказать, что раздражительность есть извѣстнаго рода колебательное движеніе, сопровождаемое извѣстными химико-физическими явленіями, то вся выгода открытія состояла-бы въ томъ, что слово раздражительность было-бы замѣнено какимъ-нибудь другимъ, напримѣръ словомъ электричество, или гальванизмъ, а затѣмъ, что движеніе это сопровождается тѣми или другими измѣненіями въ составѣ протоплазмы. Быть-можетъ оказалось-бы возможнымъ даже опредѣлить химико-физическія метаморфозы, происходящія отъ этого движенія въ мозговыхъ центрахъ. Но физиологія еще очень далека отъ всего подобнаго и даже весьма сомнительно. дойдетъ-ли она когда-либо до такихъ desiderata.

Если-же мы предположимъ, что все это уже достигнуто, то и тогда это будетъ не болѣе какъ открытіе новаго рода движенія, а сущность, его вызывающая, осталась-бы все такъ-же малоизвѣстною, какъ и прежде.

Ясное дѣло, что суть жизни, которую стремится разъяснить физиологія, состоитъ вовсе не въ тѣхъ разнообразныхъ движеніяхъ и ихъ безчисленныхъ комбинаціяхъ, которыя совершаются въ организмѣ, а въ *воспріятіи* результатовъ всѣхъ этихъ движеній, въ ихъ *перцепціи*, т.-е. въ такихъ явленіяхъ, которыя, не имѣя ничего общаго съ движеніемъ, не могутъ подлежать и механическому объясне-

нію, а слѣдовательно сами собой исключаются изъ области фізіологическихъ изслѣдованій *).

Не такъ, однако-же, думаютъ нѣкоторые фізіологи. Оставивъ въ сторонѣ опытъ и наблюденіе и основываясь исключительно на томъ, что имъ удалось добыть до сихъ поръ, они пускаются въ спекуляціи насчетъ психической жизни человѣка и, какъ слѣдовало ожидать по свойству механики, приходятъ къ тому заключенію, что кромѣ матеріи и ея движенія ничего въ организмѣ не существуетъ.

Сознаніе, говорятъ фізіологи, есть продуктъ нервной дѣятельности. Его выдѣляетъ нѣкоторая, извѣстная часть мозга, точно такъ-же, какъ печень выдѣляетъ желчь, слонныя железы—слюну и т. д.

Только сознаніе, очевидно, не матерія, а сила.

Такъ какъ, однако-же, сила проявляется намъ исключительно движеніемъ, то сознаніе есть опять-таки нѣкоторое, намъ неизвѣстное движеніе, выработанное и выдѣленное организмомъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ стимуловъ.

Такимъ образомъ организмъ представляется совершеннѣйшимъ локомотивомъ; нагрѣвающая огонь и вода относительно локомотива являются тѣмъ-же, чѣмъ для организма лица, питье и воздухъ. Подъ вліяніемъ нагрѣтыхъ водяныхъ паровъ вырабатывается и выдѣляется движеніе локомотива, подъ вліяніемъ пищи, воздуха и проч. вырабатывается и выдѣляется организмомъ также движеніе. Вся разница—въ степени сложности; поэтому движенія организма несравненно разнообразнѣе движеній локомотива.

Вотъ въ сыромъ, но за то наглядномъ видѣ та гипотеза, помощью которой вся психическая дѣятельность человѣка сводится къ механическому движенію. Не ясно-ли изъ этого, что относительно разъясненія принципа жизни фізіологія дошла до того предѣла, дальше котораго она итти не можетъ.

Знаменитый фізіологъ Дюбуа-Реймонъ, въ своей рѣчи

*) Quel que soit le sujet qu'il étudie, le physiologiste ne trouve jamais devant lui que des agents mécaniques, physiques ou chimiques.

о границахъ человѣческаго ума, дойдя до опредѣленія сознанія, заключаетъ словомъ: „ignovimus“.

Въ точной наукѣ намъ дано открывать лишь ближайшія причины явленій, но не больше. Другой, не менѣе Дюбуа-Реймона знаменитый ученый Клодъ Бернаръ, объявляетъ даже безъ всякихъ изворотовъ, что физиологія должна этимъ и ограничиваться. Онъ называетъ это *детерминизмомъ*, прибавляя, что физиологія должна вовсе оставить въ сторонѣ психическія явленія, отъ нея ускользящія *).

Итакъ, область точнаго знанія представляется въ настоящее время яснѣе очерченною, чѣмъ когда-либо. Громадный успѣхъ нервной физиологіи именно въ томъ и заключается, что она дошла до крайняго предѣла, переступить который она уже не можетъ. Она доказала помощью точнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ опытовъ, что, сводя все къ механическому движенію, какъ подобаешь точной наукѣ, постепенно доходишь до такой проблемы, которая, будучи узломъ всей системы, ничего общаго съ движеніемъ уже не имѣетъ. Тутъ на сцену появляется древняя душа,—духъ—die sogenannte Seele, какъ говорить не безъ досады физиологъ Функе.

Многіе физиологи, особенно нѣмецкіе и англійскіе, утѣшаютъ себя тѣмъ, что физиологическая душа есть произведеніе тѣла, хотя это и не даетъ имъ ни малѣйшей возможности изучать атрибуты такой тѣлесной души физиологически-точными опытными средствами... Они занимаются измѣреніемъ времени возникновенія или, какъ говорится, образованія сознанія, отъ начала раздраженія,—забывая, что самое слово „раздраженіе“ есть пустой звукъ, терминъ обо-

*) Въ томъ-же смыслѣ употребляется это слово и въ общежитіи. Легко понять, что физиологъ, говоря о чувствительности, не можетъ употреблять это выраженіе въ такомъ узкомъ смыслѣ; онъ не можетъ считать, что чувствительность ограничивается только психическими измѣненіями сознанія, измѣненіями нашего я... Эти психическія явленія ускользятъ отъ физиолога, который изучаетъ и знаетъ лишь матеріальные факты, даже и въ томъ случаѣ, когда они не имѣютъ никакого отношенія къ нашему я“ (Claude Bernard. op. c. p. 283—284).

значающей неизвѣстное. На зло физиологамъ этого рода душа человѣческая остается все тѣмъ-же невѣдомымъ, таинственнымъ существомъ, которое стоитъ на палубѣ корабля-жизни и, наблюдая за дѣйствіями его механическаго двигателя, заправляетъ ими, борется съ его неповоротливостью, съ недостатками его конструкции, съ изъянами отъ ветхости и отъ ударовъ прежнихъ бурь.

Чѣмъ дальше будетъ развиваться наука, тѣмъ очевиднѣе будетъ присутствіе этого коммодора и наконецъ она войдетъ въ свои границы и останется наукою о механическихъ движеніяхъ, совершающихся въ человѣческомъ тѣлѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ и психическихъ силъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что, ставъ на чисто-механическую точку зрѣнія, человѣку никогда не удастся разгадать тайну бытія; психическій міръ механикой не разрѣшить. Намъ дано наблюдать только проявленія духа, дано изучать механическія движенія, вызываемыя въ организмѣ душевными силами,—тѣ отголоски духа, что вызываются механическими движеніями организма. Но свести самую душу къ движенію—невозможно. Это нелѣпая и наивная претензія, ибо для познанія духа нужно сначала постигнуть безконечность, уразумѣть сущность матеріи и силы, а на это, безъ сомнѣнія, точная наука и не посягнетъ.

Если-бы я думалъ иначе, мнѣ-бы слѣдовало бросить перо и ни въ какомъ случаѣ не заниматься нравственностью, ибо съ механической точки зрѣнія нравственность есть вещь условная, а вѣрнѣе что нравственности и не существуетъ. Если человѣкъ есть машина, автоматъ, то какихъ-же искать въ немъ нравственныхъ началъ?

По странной непослѣдовательности, многіе матеріалисты обходятъ это послѣднее соображеніе; если-же вникнуть въ него, выходитъ нѣчто, по истинѣ, чудовищное.

Вопервыхъ, человѣкъ-машина дѣйствуетъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ общефизическихъ внѣшнихъ причинъ. Слѣдовательно онъ не можетъ и не долженъ отвѣчать за свои поступки. Добро и зло не существуютъ; ибо кому-же при-

деть въ голову напрымѣръ назвать локомотивъ, раздавившій человѣка, злымъ, а локомотивъ, доставившій быстро и благополучно поѣздъ по назначенію—добрымъ. А между тѣмъ о машинѣ-человѣкѣ нѣкоторые не затрудняются говорить это самое.

Ужъ если машина, такъ пусть и остается машиной, какая-бы сложная она ни была. Машина не можетъ проявлять ни добра, ни зла, ни любви, ни ненависти, ни даже страданія или наслажденія: она можетъ проявлять только движеніе. Утверждать же, что страданіе, наслажденіе, чувствительность, сознаніе и прочее такое, не что иное какъ движеніе,—значить,—вращаться какъ бѣлка въ колесѣ и альфу объяснять омегою, а омегу альфою. Видѣть въ этомъ хотя-бы тѣнь объясненія психической дѣятельности человѣка—нѣтъ возможности. Ни физиологія, ни физиологи не выдаютъ этого за объясненіе*). Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ только, что они окончательно устранили нематеріальное начало и что посредствомъ опыта можно доискаться и до болѣе глубокихъ причинъ психической жизни.

Я старался показать, что дальше движенія точная наука идти не можетъ и что этимъ самымъ ставится рѣзкій предѣлъ ея дѣятельности. Однакоже, если механическая точка зрѣнія, единственно-вѣрная въ точныхъ наукахъ, не можетъ и не должна касаться психической стороны жизни,—спрашивается: какимъ-же образомъ естествознаніе можетъ содѣйствовать установленію законовъ нравственности?

Человѣкъ есть часть того безпредѣльнаго цѣлаго, которое мы называемъ вселенною или космосомъ. Поэтому, если человѣческая нравственность есть нѣчто неизмѣнчивое, не условное, а абсолютное, то она очевидно должна покоиться на какомъ-либо неизблемомъ космическомъ законѣ, который

*) См. *Gustav Theodor Fechner: Elemente der Psychophysik*, 2 Aufl., 1889. Знаменитый авторъ этого сочиненія опредѣляетъ свое ученіе такъ: «ехасте Lehre von den Beziehungen zwischen Leib und Seele (точное ученіе о соотношеніяхъ тѣла и души)». Въ этомъ дѣйствительно—и только въ этомъ—можетъ заключаться высшая цѣль нервной физиологіи.

долженъ проявляться неизбежно и въ матеріальномъ космосѣ. Задача естествознанія именно и состоитъ въ отысканіи этого космическаго *проявленія*.

II.

Эволюціонизмъ въ примѣненіи къ нравственности.

Много положено труда для отысканія основъ рacionales нравственности, много высказано на этотъ счетъ вѣрнаго; но искомое оставалось—и остается до сихъ поръ—въ полной неизвѣстности. Въ концѣ концовъ приходилось все-таки обращаться къ религіи, съ ея нравственными предписаніями.

Исторія человѣчества показываетъ однакоже, что сама религія любви слишкомъ часто утверждалась и распространялась огнемъ и мечомъ, что сами жрецы—служители этой религіи—неоднократно превращались въ воиновъ и даже въ палачей. Самая жизнь христіанскихъ народовъ нимало не согласуется съ принципами ихъ вѣрованій. Наконецъ, съ развитіемъ и распространеніемъ знаній, критика религіозныхъ началъ становится все болѣе и болѣе настойчивой, проникая въ народныя массы.

Въ виду этого явилось стремленіе замѣнить христіанскую нравственность другою. Такова, между прочимъ, эволюціонная нравственность Герберта Спенсера, основанная на теоріи Дарвина.

Самъ Дарвинъ, въ своей книгѣ о происхожденіи человѣка, трактуетъ довольно много о человѣческой нравственности, но не дѣлаетъ никакой попытки установить ея основы, ея руководящія правила. Его теорія происхожденія человѣческой морали есть приложеніе общей теоріи происхожденія видовъ и состоитъ въ слѣдующемъ.

Хотя низшія животныя, не исключая, и челоѣкообразныхъ обезьянъ, лишены морали въ настоящемъ значеніи этого слова, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ ихъ поступковъ имѣютъ характеръ поступковъ нравственныхъ. У животныхъ соціальныхъ эти поступки особенно часты. Мало-по малу

взаимная помощь, отчасти по закону наследственности, отчасти благодаря естественному отбору, переходит въ привычку, въ инстинктъ и порождаетъ чувство взаимной *симпатіи*, которое поддерживается еще и материнскою любовью. Человѣкъ есть существо общественное. Привычка, инстинктъ самопомощи и симпатія передалась ему по наследству отъ ближайшихъ его родичей и укрѣпились общественною жизнью. Но такъ какъ въ немъ выработалось высшее самосознаніе и разумъ, то его дѣйствія, опредѣляемая любовью и взаимною симпатіей, стали сознательны и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались его атрибутомъ и руководящимъ принципомъ.

Таковы главныя черты ученія Дарвина о происхожденіи человѣческой нравственности. Въ этомъ ученіи нисколько не отрицается нравственность, имѣющая своимъ главнымъ двигателемъ любовь или симпатію къ ближнему, т.-е. нравственность христіанская. А такъ какъ Дарвинъ прямо признаетъ творческую силу божества, то и самая нравственность человѣческая является началомъ божественнымъ, хотя и вырабатывается естественнымъ путемъ, на основаніи законовъ эволюціи, установленныхъ самимъ Создателемъ.

Цѣль Дарвина состояла только въ томъ, чтобы показать, какъ человѣческая нравственность, хотя и составляющая важнѣйшее отличіе человѣка отъ остальныхъ животныхъ, выработалась все-таки путемъ усовершенствованія и развитія такихъ свойствъ низшихъ животныхъ, которыя представляютъ собою принципы нравственности въ зачаточномъ состояніи. Таковы: материнская любовь, взаимная помощь, симпатія, послушаніе и даже зачатки сознанія.

Гербертъ Спенсеръ, ставъ на точку зрѣнія Дарвина и принявъ его теорію происхожденія видовъ, задался совершенно другою задачей: онъ предпринялъ основать самую нравственность на новыхъ началахъ, создать новую этику.

Дабы понять и оцѣнить по достоинству ученіе Спенсера, необходимо стать на дарвиніанскую точку зрѣнія, усвоивъ себѣ сущность теоріи эволюціи видовъ, ибо самъ человѣкъ

есть лишь ея результатъ, послѣдняя высшая ступень этой эволюціи, этого развитія. Онъ произошелъ, путемъ медленныхъ измѣненій, отъ самопростѣйшихъ тварей. Въ тѣ первичныя капли органическаго вещества, которыми началась на землѣ органическая жизнь, Создатель вложилъ in potentia всѣ свойства будущихъ самосложнѣйшихъ существъ, въ томъ числѣ и человѣка. Развитіе (эволюція) органическаго міра состояло — и состоитъ — въ постепенномъ усложненіи самой жизни, рука объ руку съ усложненіемъ ея формъ.

Такъ, въ сѣмени самаго гигантскаго дерева, достигающаго въ зрѣлости высоты Исакиевскаго собора*), мы находимъ in potentia всѣ его части, не взирая на мелкость и простоту строенія этого сѣмени**). Сравненіе будетъ еще вѣрнѣе, если мы скажемъ, что самое сѣмя началось микроскопически-мелкой каплей органическаго вещества, въ которой нельзя отыскать даже и намека на будущія исполинскія формы дерева. Такимъ образомъ, въ невидимой простымъ глазомъ частицѣ органической матеріи заключена вся будущность огромнаго цѣлаго, способнаго жить въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и даже тысячелѣтій***).

Дерево представляетъ намъ подобіе того, какъ вообще развивался органическій міръ. Въ продолженіи неисчислимыхъ тысячелѣтій животная жизнь принимала формы все болѣе и болѣе разнообразныя и сложныя, но всѣ эти формы — подобно вѣтвямъ одного огромнаго дерева — соединены между собою однимъ общимъ стволомъ, который начался въ неисчислимо-отдаленныя, доисторическія времена. Самые верхніе, наиболѣе сложные отпрыски дерева являются въ нашемъ сравненіи человѣческимъ родомъ. Если такъ,

*) Знаменитое калифорнское хвойное дерево — *Sequoia gigantea*, называемое также мамонтовымъ деревомъ, вашигтоніей и веллингтоніей, бываетъ вышиною въ 50 сажень съ лишнимъ. Нѣкоторыя новоголландскія миртовыя, изъ рода *Eucalyptus* (напр. *Eucalyptus giganteus*), еще выше.

***) Зародышъ вашигтоніи въ сѣмени не длиннѣе нѣсколькихъ миллиметровъ.

****) Старыя вашигтоніи не моложе 1500 лѣтъ. Нѣкоторые авторы насчитываютъ имъ до 5000 лѣтъ.

то, несмотря на великое совершенство и сложность этих отпрысковъ, представляющихъ собою челоуѣчество, они заключаютъ въ себѣ свойства всѣхъ прошедшихъ безчисленныхъ развѣтвленій и ростковъ, не исключая и той безформенной частицы вещества, изъ которой вышелъ первый, начальный ростокъ.

Чѣмъ дальше подвигалась такая эволюція, тѣмъ сложнѣе становились отпрыски, постепенно измѣняясь подъ давленіемъ также измѣняющихся и усложняющихся условий бытія. Вотъ эта-то *приспособляемость*, т.-е. способность измѣняться подъ вліяніемъ окружающаго міра, вложенная Создателемъ въ первичную каплю органическаго вещества, и есть та неизсякаемая сила, которая превратила микроскопически-мелкій организмъ, лишенный всякаго расчлененія, сначала въ другой—или въ другіе, едва отъ него отличающіеся, затѣмъ—въ такіе, которые проявляютъ уже нѣкоторое подобіе расчлененія, нѣкоторые члены, хотя отчасти приспособленные къ той или другой жизненной работѣ, напримѣръ—къ питанію и размноженію.... Такое усложненіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сродство ихъ между собою бросаются въ глаза каждому, при взглядѣ на ряды усложняющихся органическихъ формъ.

Прежніе натуралисты, напримѣръ Кювье, учили, что сродство это не есть сродство кровное, а только сходственность. Они утверждали, что Создатель самъ начерталъ планъ своего созданія; что Онъ, предвидя вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ земныя условія, среди которыхъ придется жить Его твореніямъ, сотворилъ ихъ не только согласно предначертанному Имъ плану, но еще и приспособилъ каждое существо къ той средѣ, въ которой предназначено ему жить.

Эволюціонисты, съ Ламаркомъ и Дарвиномъ во главѣ, учатъ, напротивъ, что сродство между организмами есть дѣйствительно сродство кровное, что если и не всѣ организмы произошли отъ одного общаго родича, то во всякомъ случаѣ отъ немногихъ, отъ которыхъ и пошли тѣ ряды по-

степенно-усложняющихся существъ, которые признаны всѣми натуралистами безъ исключенія.

Каждый такой рядъ представляетъ собою настоящее родословное древо, простѣйшій первородичъ котораго появился въ отдаленнѣйшія времена доисторической жизни земного шара.

Измѣненія, коимъ подвергались организмы, совершались постепенно, такъ что ближайшіе родственники едва замѣтно или-же и вовсе между собою не различались; но чѣмъ дальше становилось родство, тѣмъ больше накоплялось и различій между родственниками, а когда между ними залегли цѣлыя тысячелѣтія и десятки тысячелѣтій, тогда и признаки ихъ единокровности все болѣе и болѣе сглаживались. Многія—даже большая часть—промежуточныхъ поколѣній вовсе исчезли, или оставили послѣ себя болѣе или менѣе замѣтные слѣды, въ видѣ окаменѣлостей, отпечатковъ, а потому возстановленіе родословнаго дерева организмовъ крайне затруднительно, но во многихъ частяхъ своихъ однако-же возможно.

Если сравнить теперь живущіе и притомъ наиболѣе сложные организмы съ простѣйшими и вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшими, то съ перваго раза кажется, что между ними нѣтъ и не можетъ быть не только родства, но и сходства. Если-же размѣстить организмы, составляющіе одно общее родословное древо, по степенямъ ихъ родства, то сходство оказывается съ поразительною ясностью. Это обстоятельство было признано задолго до ученія объ эволюціи органическихъ формъ помощью измѣняемости. Рисовали даже родословныя деревья организмовъ, а кровнаго родства все-таки не признавали.

Дарвинъ ввелъ еще одно основаніе теоріи, именно—измѣняемость въ направленіи полезномъ для организмовъ. Оно послужило ему для установленія ученія о естественномъ отборѣ, котораго здѣсь пока нечего касаться.

Измѣняемость въ полезную для организма сторону сама собою вытекаетъ изъ приспособляемости, ибо это свойство

(т.-е. приспособляемость) заключается въ приуроченіи строенія организма къ окружающимъ условіямъ, — другими словами, это есть способность такъ измѣняться, чтобы сколь возможно лучше пользоваться средствами, предлагаемыми природою.

Такова основная сущность теоріи эволюціи. Это есть представленіе величественное, скорѣе возвышающее, чѣмъ унижающее наши понятія о творческой силѣ Создателя.

Согласно этому представленію, человѣкъ является дѣйствительно вѣнцомъ созданія и настоящимъ организованнымъ микрокосмомъ: онъ выражаетъ, резюмируетъ въ себѣ всѣ безчисленныя прошедшія поколѣнія организмовъ, когда либо жившихъ на землѣ, отъ простѣйшаго, микроскопически-мелкаго ризопода, являющагося подъ сильнымъ микроскопомъ наблюдателя какою-то опаловою брызгою безъ опредѣленной формы, и кончая самимъ человѣкомъ.

Если такъ, то для уразумѣнія свойствъ человѣка, даже самыхъ сложныхъ и возвышенныхъ, необходимо прослѣдить и тщательно изучить эволюцію этихъ свойствъ, уяснивъ себѣ то, какимъ образомъ простѣйшія свойства и дѣйствія постепенно усложняются, по мѣрѣ усложненія самихъ организмовъ; тогда, безъ сомнѣнія, можетъ съ полною очевидностью разъясниться и возникновеніе, и разростаніе, а слѣдовательно и самое значеніе этихъ свойствъ, ибо человѣческая нравственность, согласно высказанному, несомнѣнно подвергалась той-же эволюціи, которой подвергалось и всякое другое его свойство.

Руководясь такими мыслями, Гербертъ Спенсеръ, основываясь притомъ на прежнихъ своихъ трудахъ по психологій, біологій и соціологій, предпринялъ изученіе эволюціи нравственныхъ началъ и изложилъ въ своемъ сочиненіи *объ эволюціонной морали* самыя основы нравственности на началахъ теоріи эволюціи организмовъ. Такимъ образомъ его книга представляется самоновѣйшею попыткою основать человѣческую нравственность на рациональныхъ началахъ. Авторъ придаетъ особое значеніе своему труду: онъ по-

спѣшилъ издать его, даже не закончивъ всего ряда задуманныхъ имъ работъ,—ряда, который долженъ былъ заключиться трактатомъ о нравственности. „Я боялся,—прибавляетъ онъ,—что не успѣю выполнить именно того, что считалъ самымъ важнымъ“.

Въ настоящее время, говоритъ Спенсеръ, когда прежняя религіозная основа нравственности начинаетъ слабѣть, а многими и вовсе не признается, возникаетъ грозное опасеніе, что нравственность человѣческая лишится всякой основы. Поэтому теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо чувствуется необходимость научнаго обоснованія нравственности.

Поводы, какъ видно, въ высшей степени важные и заслуживающіе величайшаго уваженія.

Новыя, научныя основанія нравственности Спенсеръ думаетъ найти, какъ я уже сказалъ, въ эволюціонизмѣ. Вотъ главныя черты его ученія.

Нравственность выражается извѣстнаго рода поступками, которые—вмѣстѣ взятые—составляютъ то, что называется *нравственнымъ поведеніемъ*.

Прежде всего необходимо, однако-же, установить самое понятіе о *поведеніи вообще*, ибо поведеніе нравственное есть только часть поведенія вообще, а значеніе—смыслъ—части мы можемъ понять только познавъ связь и отношеніе ея къ цѣлому.

Поведеніе есть собраніе поступковъ, ведущихъ къ какой-либо опредѣленной цѣли, ибо мы не можемъ назвать поступками, напримѣръ, судорожныя движенія эпилептика.

Но и въ этомъ смыслѣ не всѣ поступки могутъ подлежать оцѣнкѣ съ точки зрѣнія нравственности. Мы замѣчаемъ, однако-же, что переходъ отъ поступковъ безразличныхъ къ нравственнымъ или безнравственнымъ совершается съ полною постепенностью. Одинъ и тотъ-же поступокъ при разныхъ условіяхъ можетъ оказаться безразличнымъ—или нравственнымъ, или даже безнравственнымъ.—Я иду гулять; самъ по себѣ этотъ поступокъ безразличенъ; но онъ становится нравственнымъ, если моя прогулка совер-

Ставъ на эту точку зрѣнія, Спенсеръ долженъ признать, и дѣйствительно признаеть, что основою нравственности служить эгоизмъ. Онъ, правда, противопоставляетъ эгоизму альтруизмъ, но находитъ, что альтруизмъ происходитъ первоначально или, какъ онъ выражается, зависитъ отъ эгоизма, ибо альтруистическія наслажденія все-же суть наслажденія личныя, — само райское блаженство есть ни что иное какъ наслажденіе въ будущемъ.

Эволюцію моральныхъ поступковъ Спенсеръ устанавливаетъ на тѣхъ-же началахъ, которыя выставлены Дарвиномъ. Первоначальные зачатки нравственныхъ поступковъ имѣются уже на самыхъ низкихъ ступеняхъ животной жизни. Въ этихъ простѣйшихъ ея проявленіяхъ поступки опредѣляются исключительно лишь грубо-физическими жизненными цѣлями и состоятъ въ приспособленіяхъ къ наилучшему достиженію этихъ цѣлей при данныхъ условіяхъ. Но такъ какъ низшіе организмы построены черезчуръ просто, то и цѣли достигаются далеко не вполне, а самая жизнь отличается бѣдностью содержанія, великою простотою. Съ усложненіемъ организмовъ условія ихъ бытія постепенно тоже усложняются, приспособляемость становится все болѣе и болѣе разнообразною: жизненныя цѣли достигаются полнѣе, — полнѣе становится и самая жизнь. Въ человѣкѣ цѣль бытія достигаетъ высшей сложности, — высшей сложности достигаетъ и приспособляемость, результатомъ которой является наибольшая полнота жизни. Тѣмъ не менѣе принципъ, или, лучше сказать, основа, выработавшаяся въ видѣ нравственнаго руководительства человѣческими поступками, та-же самая, что руководитъ поступками всякой животной твари. Эгоизмъ есть проявленіе потребности самосохраненія, слѣдствіе необходимости поддерживать сколько возможно долѣе и лучше свое индивидуальное существованіе. Альтруизмъ есть проявленіе потребности воспроизведенія, имѣющей результатомъ поддержаніе на неопредѣленное время существованія своего рода (точнѣе—вида, *species*).

Какъ эгоизмъ, такъ и альтруизмъ являются такимъ обра-

зомъ роковою, необходимою потребностью для достиженія возможной полноты жизни, возможно большаго количества наслажденій, такъ какъ въ этомъ и состоитъ то, что мы называемъ счастьемъ. Слѣдовательно, разумное согласованіе эгоизма съ альтруизмомъ и есть рациональная основа естественной нравственности. Поступки, вредные организму, уже потому самому и безнравственны. Слѣдовательно крайній, абсолютный альтруизмъ, предписываемый христіанскою любовью, будучи нерѣдко вреденъ организму, не можетъ быть признанъ основою нравственности. Человѣкъ, лишаясь здоровья, а тѣмъ болѣе жизни, для спасенія ближняго, поступаетъ безнравственно, ибо сохраненіе собственной жизни и здоровья составляетъ его нравственную обязанность не только ради его самого, но и ради его семьи и всѣхъ согражданъ.

Ученіе Спенсера о нравственности есть единственная попытка воспользоваться данными естествознанія для установленія рациональныхъ основъ нравственности. Мы видѣли, къ чему сводятся эти основы: все дѣло въ стремленіи къ наслажденію жизнью. Сама «симпатія», столь близкая къ христіанской любви, вырабатывается постепенно подъ вліяніемъ наслажденій (удовольствій), доставляемыхъ семейной жизнью, а затѣмъ жизнью гражданской и общественной. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ человѣчества взаимныя симпатіи людей должны все болѣе усиливаться, ибо самый строй общества будетъ совершенствоваться. Неудобства настоящаго общественнаго строя будутъ постепенно сглаживаться, необходимость взаимной помощи станетъ до того очевидна, что постепенно войдетъ въ обыденную привычку, сдѣлается источникомъ „эгоистическихъ“ наслажденій, такъ какъ самопожертвованіе будетъ доставлять наслажденіе и человѣкъ нерѣдко даже будетъ жертвовать собственными выгодами не ради своего эгоистическаго наслажденія, а въ полномъ забвеніи его, радуясь наслажденію ближняго безъ всякой предвзятой идеи о своей собственной радости. Этоли не христіанская любовь!

Нѣтъ, это не она, а высшая степень альтруизма, который отъ христіанской любви разнится самымъ существеннымъ образомъ, по мнѣнію Спенсера, во первыхъ тѣмъ, что альтруизмъ всегда долженъ умѣряться—и умѣрется—„приличною“ дозою эгоизма, а во вторыхъ тѣмъ, что альтруизмъ не имѣетъ сверхъестественнаго происхожденія. Христіанская любовь есть результатъ непосредственнаго божественнаго откровенія; альтруизмъ лишь посредствующимъ путемъ происходитъ отъ Божества и, какъ всякое другое явленіе природы, путемъ длинныхъ измѣненій.

Въ настоящее время и этого рода нравственность не только не практикуется, но даже и не можетъ практиковаться, какъ то замѣчаетъ Спенсеръ; поэтому абсолютная мораль, при которой эгоизмъ и альтруизмъ,—какъ два необходимыхъ, неизбѣжныхъ ея элемента,—находятся другъ съ другомъ въ полномъ равновѣсіи, эта мораль наступитъ только въ будущемъ. Ея водворенія можно ожидать лишь съ полнымъ прекращеніемъ войнъ, антагонизма государствъ и народовъ, и пр. и пр. Въ настоящее время можно лишь постоянно имѣть въ виду принципы абсолютной морали, а жить компромиссами, стараясь въ каждомъ частномъ случаѣ по возможности приблизиться къ этимъ принципамъ. Мы не можемъ надѣяться на полную нравственность нашихъ поступковъ; при настоящихъ условіяхъ мы даже не можемъ совершать полного добра; чаще всего мы осуждены на совершеніе возможно-меньшаго зла.

Нельзя не согласиться съ этимъ заключеніемъ. Человѣчество, взятое въ цѣлости или,—какъ говорятъ статистики,—средній человѣкъ далеко еще не дожилъ и до эволюціонной морали Спенсера.

Исторія человѣчества полна, однако-же, примѣровъ несравненно болѣе возвышенной нравственности. Правда, эта возвышенная нравственность никогда не была удѣломъ массъ; она проявлялась или въ отдѣльныхъ личностяхъ, или въ небольшихъ группахъ людей, но за то проявлялась съ такою грандіозною шириною, а нерѣдко и съ такою неудержимою

энергией, что могла увлекать за собою народы, вызывая цѣлые историческіе перевороты.

Съ точки зрѣнія эволюціонной морали безнравственными окажутся не только Сократъ, Будда, Конфуцій, Магометъ, но въ особенности Христосъ, ибо въ его поступкахъ альтруизмъ ни мало не умѣрялся законною долею эгоизма. Если-бы, однако, среди человѣчества не появлялось, отъ времени до времени, Сократовъ и ему подобныхъ, то нравственный прогрессъ остановился-бы вовсе.

Оставаясь даже въ предѣлахъ обыденной жизни, мы, — къ счастью для человѣчества, — нерѣдко бываемъ свидѣтелями такихъ поступковъ, которые покоятся на основахъ несравненно болѣе возвышенныхъ, чѣмъ альтруизмъ, урегулированный приличною дозою эгоизма.

Человѣкъ, бросающійся въ воду при первомъ взглядѣ на утопающаго, безъ размысленій на счетъ того, что при этомъ онъ самъ можетъ утонуть, подвинуть на свой поступокъ отнюдь не альтруизмомъ въ смыслѣ Спенсера, а дѣйствительною христіанскою любовью. По Спенсеру онъ-бы долженъ, прежде чѣмъ бросаться въ воду, взвѣсить послѣдствія такого дѣянія и величину риска; долженъ-бы, пожалуй, справиться на счетъ репутаціи утопающаго: можетъ-быть онъ рискуетъ спасти вреднаго члена семьи и общества? А можетъ-быть самого утопающаго было-бы легче спасти, если-бы, не слѣдуя первому влеченію своего сердца, спаситель бросился разыскивать спасательную лодку, которая, безъ всякаго для себя вреда и даже съ нѣкоторымъ эгоистическимъ удовольствіемъ для спасителя, вытащила-бы погибающаго изъ воды.

И однако такихъ и подобныхъ поступковъ необдуманнаго и безграничнаго самоотверженія мы бываемъ свидѣтелями, повторяю, очень часто. Они повторялись и во всѣхъ прежнія времена, среди народовъ всякихъ странъ и всякихъ вѣрованій.

Это показываетъ, что въ человѣкѣ насажденъ принципъ нравственности, способный вызывать поступки, высокое зна-

ченіе которыхъ очевидно для каждаго и которые никакою критикою не могутъ быть унижены, хотя-бы и съ точки зрѣнія естественной морали Спенсера.

Какъ насадились эти принципы въ душѣ человѣка—другой вопросъ. Быть можетъ это совершилось именно тѣмъ эволюціоннымъ путемъ, который указанъ Гербертомъ Спенсеромъ, или вѣрнѣе Дарвиномъ; но мы уже видѣли, что принципы нравственности, выведенные Спенсеромъ, гораздо ниже тѣхъ, что проявляются отъ времени до времени не только въ натурахъ исключительныхъ, но даже и въ обыкновенныхъ людяхъ. Поэтому врядъ-ли можно ожидать, чтобы толкованіе Спенсеромъ самой эволюціи моральной было безошибочно.

Однако, оставляя въ сторонѣ критику самыхъ принциповъ эволюціонной нравственности, мы должны поставить вопросъ: ученіе Спенсера заключаетъ-ли въ себѣ такія основы морали, которыя способны замѣнить намъ еще столь сильно распространенную религіозную основу нравственности,—другими словами: способно-ли ученіе Спенсера внушить человѣчеству обязанность нравственныхъ поступковъ и жизни, и притомъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, въ той мѣрѣ, какъ это внушается религіею?

Отвѣтъ, какъ мнѣ кажется, долженъ быть отрицательный.

Вся сила доказательствъ Спенсера основана на такомъ принципѣ, который самъ по себѣ не можетъ служить доказательствомъ; ибо кто-же можетъ знать и оцѣнить ту степень совершенства, до которой способно дойти человѣчество, слѣдуя даже тѣмъ путемъ, который указанъ Дарвиномъ.

Вполнѣ принимая ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ, все-таки нѣтъ ни малѣйшей возможности познать будущую дѣятельность силъ, вложенныхъ *in potentia* въ созданіе, способное и даже непремѣнно долженствующее развиваться, усложняться и совершенствоваться все далѣе и далѣе, все болѣе и болѣе.

Второе соображеніе заключается въ томъ, что причин-

ность, указанная Спенсеромъ и самимъ Дарвиномъ,—есть только ближайшая причинность и, какъ таковая, не можетъ служить ни полнымъ объясненіемъ, ни прочною основой для утвержденья такого явленія, какъ человѣческая нравственность.

Для поясненія моей мысли приведу примѣръ. Представимъ себѣ человѣка, который при видѣ локомотива, влекущаго поѣздъ, сказалъ-бы, что причина движенія всего поѣзда заключается во вращеніи колесъ локомотива. Онъ былъ-бы совершенно правъ и кое-кто, быть-можетъ, удовольствовался-бы этимъ объясненіемъ, ибо движеніе колесъ локомотива дѣйствительно составляетъ ближайшую причину движенія поѣзда. Но болѣе пытливый человѣкъ захотѣлъ-бы узнать, кто—или что двигаетъ колесами, а другой, еще болѣе вдумчивый, пожелалъ-бы понять причину расширенія пара; наконецъ и этимъ можно не удовольствоваться: желательнее узнать свойства самого теплорода и такимъ образомъ мы дошли-бы до механической теории теплоты... Но и тутъ ненасытная душа человѣческая не могла-бы успокоиться, ей захотѣлось-бы проникнуть въ самую суть дѣла, узнать откуда взялось движеніе, называемое теплотою... Чтѣ-бы тогда отвѣтила наука этой ненасытной душѣ?—Не получивъ отвѣта, она-бы такъ и осталась алчущей познанія истины, которую никто не былъ-бы въ состояніи ей открыть.

Такъ точно и съ теоріей эволюціи нравственности. Мы видимъ, что колеса вертятся, понимаемъ, что толкають ихъ голодъ и сладострастіе. Изъ всемірной исторіи видимъ, что человѣчество давнымъ давно борется съ этими стимулами, находя что для него всего выгоднѣе предаваться и тому и другому, только съ умѣренностью. Намъ говорятъ, что это вращеніе колесъ началось еще гораздо раньше, чѣмъ мы вообще думали, т.-е. еще въ тѣ времена, когда человѣкъ имѣлъ видъ ничтожной инфузоріи.

Все это такъ, но мы хотимъ знать, съ какой стати явился самый голодъ и сладострастіе. Если всѣ виды эволюціи организмовъ и направляются этими факторами, то по-

слѣдніе являются намъ только ближайшими орудіями всего движенія. Если они, — эти грубые погонщики, — въ концѣ концовъ и приведутъ человѣчество къ нравственности, то мы не можемъ не спрашивать о томъ, во имя какой-же высшей идеи, во исполненіе какого высшаго закона они такъ неустанно, такъ настойчиво дѣйствуютъ?

Намъ скажутъ, можетъ-быть, что вышеназванные стимулы суть просто дериваты свойствъ матеріи, присущихъ ей отъ начала вѣковъ. А если такъ, то мы требуемъ разъясненія, въ силу какого закона самыя свойства матеріи ей *присущи* и откуда они взялись.

Вотъ еслибы Гербертъ Спенсеръ указалъ намъ на этотъ законъ, то мы-бы имѣли нѣкоторую прочную основу для нравственности. Въ его-же ученіи есть только то, что называется детерминаціею: рядъ фактовъ, притомъ связанныхъ между собою довольно обильной дозой парадоксовъ. Чтобы не говорить голословно, приведу примѣры.

Въ главѣ IV Спенсеръ критикуетъ между прочимъ моральное ученіе, основанное на божественной волѣ, находя, что это ученіе ведетъ къ отрицанію всякой морали. Онъ доходитъ до такого вывода помощью слѣдующаго разсужденія. Еслибы понятіе о добрѣ было внушено людямъ исключительно Богомъ, то они сами по себѣ не могли-бы отличать добро отъ зла. Слѣдовательно, еслибы люди не знали какіе поступки Божествомъ считаются хорошими, а какіе дурными, они-бы не были отвѣтственны ни за какія свои дѣйствія, даже и самыя дурныя. Если-же предположить, что до понятія о добрѣ и злѣ можно дойти инымъ путемъ, помощью наведенія, то этимъ самымъ принимается иной — не божественный — источникъ познанія добра и зла. — Въ этихъ соображеніяхъ парадоксъ заключается въ произвольномъ толкованіи откровенія. По смыслу этого ученія, Божество раскрываетъ людямъ значеніе добра и зла, а не создаетъ добро и зло для specialнаго руководства человѣческими поступками. Но такъ какъ Богъ есть источникъ добра и всякаго блага, то Его откровеніе на счетъ

этого по тому самому становится непреложнымъ и всеисчерпающимъ. Тѣмъ не менѣе, божественное откровеніе вовсе не предполагаетъ невозможности познанаія добра и злыми путями, тѣмъ болѣе что въ ученіе о божественномъ происхожденіи добра входитъ и ученіе о безсмертіи богоподобной души человѣческой, въ коей Создателемъ насажены сѣмена добра. Если-же ученіе о божественномъ происхожденіи добра понимается иными мыслителями такъ парадоксально, какъ предполагаетъ Спенсеръ, то врядь-ли стоило его опровергать.

Другимъ примѣромъ ошибочности сужденій нашего автора можетъ служить его соображеніе о невозможности „чистаго альтруизма“. Онъ самъ себя разрушаетъ,—говорить Спенсеръ: если всякій человѣкъ будетъ жить *только* для другихъ и будетъ *только* въ этомъ находить наслажденіе, то между людьми произойдетъ безконечная борьба великодушій (combats de générosité), для прекращенія которой придется одному уступить и тѣмъ доставить неудовольствіе другому, а слѣдовательно, пришлось-бы пожертвовать и своимъ наслажденіемъ, и наслажденіемъ ближняго; тогда и восторжествовалъ-бы эгоизмъ. Весь парадоксъ тутъ въ одномъ маленькомъ словѣ „*только*“.

Подобное злоупотребленіе формальной логикой происходитъ отъ того, что у Спенсера все основано исключительно на эволюціи; ибо если признать буквально, на примѣръ, положеніе, что эгоизмъ коренится въ стремленіи удовлетворить своимъ естественнымъ потребностямъ, то и выпить стаканъ воды—значитъ поступить эгоистически. Чистый альтруистъ, по Спенсеру, прежде чѣмъ проглотить эту воду, сталь-бы искать, нѣтъ-ли кого по близости, кому этотъ стаканъ воды былъ-бы столь-же нуженъ, какъ и ему. Будучи альтруистомъ, конечно, и тотъ, въ свою очередь, отказался-бы, и кончилось-бы тѣмъ, что въ тшетныхъ усиліяхъ другъ друга напоить, они-бы расплескали всю воду.

Обращаясь къ практической сторонѣ этого ученія, т.-е. къ возможному вліянію его на водвореніе нравственности

среди нынѣ живущихъ людей, можно, по моему мнѣнію, утверждать, что для хорошихъ людей оно безразлично, ибо всѣ предлагаемыя имъ правила уже имѣются въ христіанскомъ ученіи; что-же касается доказательствъ въ пользу необходимости эгоизма, то эта проповѣдь врядъ-ли кому нужна, такъ какъ правило: „*chacun pour soi, Dieu pour tous*“ довольно строго и безъ того соблюдается въ текушія времена.

Въ заключеніе этого краткаго очерка эволюціонной морали, должно сказать еще слѣдующее.

Нравственныя правила, выводимыя Спенсеромъ, не отличаются замѣтно отъ правилъ, проповѣдуемыхъ христіанствомъ; если-же и отличаются, то въ ущербъ нравственности, ибо абсолютная мораль Спенсера ниже идеальной морали, основанной на христіанской любви.

О практическомъ значеніи выработанныхъ Спенсеромъ основаній, т.-е того, что онъ называетъ абсолютною моралью, самъ авторъ самаго безнадежнаго мнѣнія. Ясно,— говоритъ онъ,— что абсолютной морали можетъ слѣдовать только идеальный человѣкъ въ идеальномъ обществѣ; ибо, еслибы въ настоящее время, при нынѣ существующихъ формахъ жизни, явился человѣкъ съ абсолютною нравственностью, то онъ подвергся-бы всякаго рода страданіямъ и погибь-бы преждевременно.

Однако, несмотря на недостатки теоріи эволюціонной морали, ученіе Спенсера уже по тому имѣетъ огромное значеніе, что оно даетъ научное подтвержденіе христіанской нравственности. Ограниченія ея, предлагаемыя авторомъ, имѣютъ, какъ мнѣ кажется, мало значенія.

Мнѣ думается однако-же, что еслибы Спенсеръ, вмѣсто того, чтобы задаваться мыслью о замѣнѣ христіанской основы нравственности, предпринялъ-бы розысканіе научнаго подтвержденія этой основы, то онъ приобрѣлъ-бы несравненно больше послѣдователей, избавилъ-бы себя отъ многихъ натяжекъ и парадоксовъ, а главное постарался-бы найти болѣе глубокія, а слѣдовательно и болѣе возвышенныя основныя причины морали, чѣмъ тѣ, которыя имъ выдвинуты впередъ.

III.

Космическій принцип христіанской нравственности.

Великое открытіе нашего времени — спектральный анализ — дало наукѣ возможность доказать, что самые отдаленные изъ доступныхъ телескопическому зрѣнію міровъ состоятъ изъ тѣхъ-же химическихъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ и наша земля. Если припомнить, что тяжесть, свѣтъ и теплота,—словомъ, всѣ *движенія* совершаются въ звѣздномъ мірѣ по тѣмъ-же законамъ, по которымъ все это происходитъ и на нашей землѣ, то нѣтъ причины думать, чтобы и на другихъ планетахъ не могли возникнуть такіе-же сложные организмы, какъ человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, если гдѣ-либо въ звѣздномъ мірѣ имѣются организованныя существа, находящіяся на степени нашего развитія, то и нравственностью ихъ руководятъ принципы, руководящіе и земнымъ человѣкомъ.

Но и помимо этихъ соображеній мы приходимъ къ тому заключенію, что принципа, управляющаго психической жизнью человѣка, а слѣдовательно и его нравственностью, нужно искать не въ тѣсномъ и ничтожномъ кругу земныхъ тварей, а среди общихъ законовъ всего космоса. Причины, указываемыя эволюціонистами, очевидно сами суть лишь слѣдствія другихъ, болѣе глубокихъ началъ, за которыми, быть-можетъ, имѣется еще цѣлый рядъ причинъ все болѣе и болѣе общихъ, кульминаціонная вершина которыхъ въ самомъ Божествѣ.

Нравственность только тогда получить дѣйствительно незыблемую основу, когда будетъ указанъ тотъ космическій законъ,—его-же не преjdeши,—который служитъ ей высшимъ заправителемъ и руководителемъ.

Можетъ-быть наука еще не достаточно развилась для разрѣшенія поставленнаго вопроса; но велика ея сила и, несмотря на умственную нашу ограниченность, мы можемъ утверждать, что въ пространствѣ нѣтъ границъ человѣческому знанію, такъ какъ оно простирается даже за предѣлы

телескопическаго зрѣнія, и наукѣ дано уже и теперь право утверждать, что вселенная, во всей своей безпредѣльности, управляется одними и тѣми-же законами, въ точности дознанными человѣкомъ.

Можетъ быть, не взирая на обширность своего объема, знаніе человѣческое все еще слишкомъ поверхностно; но странно не примѣнять его къ изслѣдованію именно того, въ чемъ проявляется высшая психическая жизнь и что для всѣхъ и каждаго всего дороже.

Я полагаю, — вмѣстѣ съ большинствомъ, — что высшая нравственность, до которой когда-либо доходилъ человѣкъ, есть нравственность христіанская. Слѣдовательно, моя задача должна заключаться въ присканіи космическаго закона, служащаго естественнымъ основаніемъ этой нравственности.

Сущность ея въ христіанской любви. Слова Евангелія, характеризующія и опредѣляющія это великое начало, въ высшей степени ясны. Основываясь на нихъ и приступая къ анализу названнаго принципа, съ точки зрѣнія точной науки, мы опредѣлимъ его слѣдующимъ образомъ:

Христіанская любовь есть наслажденіе наслажденіями ближняго и страданіе его страданіями, какъ своими собственными. Отсюда прямо вытекаетъ второе положеніе, а именно:

Жизнь христіански-любящаго должна такъ слагаться, чтобы всѣ его поступки клонились къ осуществленію блага ближняго въ той-же мѣрѣ, какъ и его собственнаго.

Второе положеніе можетъ осуществиться лишь исполненіемъ третьяго положенія, т.-е. въ томъ случаѣ, когда поступки человѣка ведутъ къ полному уравненію его наслажденій съ наслажденіями ближняго, или, другими словами, къ *справедливости*.

Такимъ образомъ, справедливость является главнѣйшимъ и ближайшимъ началомъ христіанской нравственности, ибо она лежитъ въ основѣ самой христіанской любви. Поэтому-то человѣкъ христіански-нравственный и называется праведникомъ.

Что-же такое справедливость, и какъ выразится она на точномъ и отвлеченномъ языкѣ науки?

Справедливость есть равенство въ приложеніи къ жизни всѣхъ и каждаго. Равенство (=) вотъ кратчайшій символъ, выражающій и высшій принципъ высшей человѣческой нравственности.

Но математическое равенство мыслимо только въ отвлеченіи; въ природѣ-же, во вселенной оно выражается *равновѣсіемъ*, и именно подвижнымъ равновѣсіемъ.

Роковая необходимость равновѣсія чувствовалась человѣкомъ отъ самаго начала; въ первыя времена смутно, безсознательно, затѣмъ все съ большимъ и большимъ сознаниемъ. Грубѣйшіе дикари, огнеземельскіе Пешересы уже проявляютъ нѣкоторое стремленіе къ уравненію потребностей всѣхъ членовъ своей народности. Вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ развитіе человѣческаго стремленія установить равенство между всѣми и каждымъ. Правда, оно понималось чаще всего лишь по отношенію къ своей народности, справедливостъ-же къ другимъ народамъ если и признавалась, то смутно, или только отдѣльными лицами (у грековъ философомъ Демокритомъ).

Христіанство провозгласило безграничную справедливость, и въ этомъ состоялъ нравственный принципъ того „Откровенія“, которое люди получили свыше, отъ самого Бога.

Откуда-же взялось это стремленіе къ равновѣсію, откуда идея равенства, кратчайшимъ и точнѣйшимъ образомъ выражающая основу высшей нравственности?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, обратимся сначала къ самому человѣку и возьмемъ исходною точкой нашего анализа здороваго, нормальнаго юношу, наслаждающагося жизнью. Для него—все радость: онъ не чувствуетъ въ отдѣльности частей своего тѣла, не справляется съ тѣмъ, гдѣ у него мозгъ, гдѣ сердце, а гдѣ желудокъ и т. п. Онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ о томъ, какъ работаютъ его суставы или мускулы, но чувствуетъ наслажденіе и отъ

удовлетворенія голода или жажды, и отъ сна, такъ-же какъ отъ бодрствованія. Пусть это будетъ жизнерадостное существо, живущее безъ мудрствованія, всею полнотою своей тѣлесной жизни.

Чѣмъ-же именно опредѣляется жизненная радость этого безхитростнаго юноши, чѣмъ поддерживается его непрерывное наслажденіе?

Единственно, исключительно *равновѣсіемъ* всѣхъ частей его организма, всѣхъ его отправленій. Малѣйшее нарушеніе этого равновѣсія уже вызываетъ въ нашемъ юношѣ нѣкоторое страданіе. Если, напримѣръ, почему-нибудь ослабнетъ его пищевареніе, то и дѣятельность остального организма слабѣетъ, и радость жизни для него уменьшается. Словомъ, лишь при полномъ равновѣсіи, при полномъ *уравненіи* всѣхъ отправленій его организма онъ способенъ *вполнѣ наслаждаться жизнью*. Здоровье есть первое благо жизни, — вотъ давнишнее, мудрое изрѣченіе; но что-же такое здоровье, какъ не равновѣсіе всѣхъ отправленій тѣла? Если организмъ находится въ такихъ условіяхъ, при которыхъ каждое изъ его отправленій можетъ совершаться со всею полнотою, если при томъ всѣ эти отправленія между собою строго уравнены, разумѣется, каждое въ своей сферѣ дѣятельности, — если соблюдено между ними равновѣсіе, — то организмъ здоровъ и способенъ наслаждаться жизнью.

Затѣмъ представимъ себѣ, что жизнь нашего юноши усложняется: онъ любитъ и любимъ, онъ имѣетъ подругу жизни, столь-же нормальную и жизнерадостную, какъ и онъ самъ. Для него уже недостаточно уравненіе его собственныхъ отправленій: ему столь-же необходимо ежеминутно сознавать, что и подруга его жизни, жена его находится въ томъ-же положеніи какъ и онъ самъ, — малѣйшее нарушеніе равновѣсія въ ея организмѣ, вызывающее въ ней хотя-бы признакъ страданія, отражается страданіемъ и въ немъ самомъ.

Но вотъ жизнь этой человѣческой пары усложняется еще на шагъ: у нихъ родился младенецъ и съ этихъ поръ уже

каждый из троихъ требуетъ для остальныхъ двухъ того же уравненія въ органическихъ отправленияхъ, какое онъ ощущаетъ въ себѣ самомъ. Радость жизни, равновѣсіе нарушаются уже чаще, страданіе чаще смѣняетъ наслажденіе; но и наслажденія становятся полнѣе, напряженнѣе, ибо они опредѣляются не однимъ только безсознательнымъ чувствомъ собственнаго благоденствія, но еще сознаниемъ благоденствія нѣсколькихъ близкихъ существъ.

Пусть-же нашъ юноша, сдѣлавшійся зрѣлымъ человекомъ, мужемъ и отцомъ семейства, одаренъ не только нормальнымъ, здоровымъ тѣломъ, но и всѣми атрибутами настоящаго человѣка, способнаго не только тупо наслаждаться самымъ фактомъ существованія, но и сознательно черпать свои наслажденія изъ окружающаго міра. Тотчасъ картина его жизни, его радостей и страданій расширяется до безконечности, исходя однако-же все изъ того же принципа уравненія, изъ того же равновѣсія. Его существо жаждетъ уже не только равновѣсія въ самомъ себѣ и близкихъ, но и во всемъ окружающемъ мірѣ, во всей вселенной, и, прежде всего, — въ человѣчествѣ.

Всякое стихійное нарушеніе равновѣсія причиняетъ интеллектуальному человѣку нѣкоторое страданіе: птичье гнѣздо, разоренное бурей вмѣстѣ съ птенцами; дерево, полное жизни, вырванное съ корнемъ; даже жалобное метаніе и ревъ по свободѣ хищнаго звѣря, запертаго въ тѣсную клітку.

Во сколько-же разъ сильнѣе чувствуетъ онъ страданіе „каждаго изъ малыхъ сихъ“, каждая изъ членовъ всеобщей семьи человѣческой!

Итакъ, нарушеніе равновѣсія—равенства—вотъ источникъ всякаго страданія нашего; а соблюденіе или восстановленіе равновѣсія есть коренной, первоначальный источникъ нашихъ наслажденій.

Я уже сказала, что вся исторія человѣчества есть исторія его стремленій къ осуществленію высшаго выраженія идеи равенства—правды или справедливости. Искусства и науки, законодательства и религія имѣютъ главною цѣлью

облегчить, расчистить путь человечества къ этому высшему идеалу среди безчисленныхъ препятствій, создаваемыхъ ему на этомъ пути безпрестаннымъ нарушеніемъ равновѣсія, безконечнымъ рядомъ несправедливостей, которыя ему приходится миновать.

Откуда-же такое неудержимое стремленіе?

Личная выгода, личное наслажденіе,—скажутъ новѣйшіе моралисты.—Тѣ самыя инстинкты,—скажутъ эволюціонисты,—которыя проявляются и у низшихъ животныхъ и которыя у человѣка приняли форму симпатіи.

Но, съ точки зрѣнія точной науки, съ той точки, на которую мы стали съ самаго начала, выраженія: взаимная выгода, инстинктъ взаимной выгоды—суть пустыя слова, ничего не объясняющія. Ни физиологія, ни психологія тутъ не помогаютъ. Если сказать, что это—привычка организма, состоящая въ томъ, что при повтореніи извѣстныхъ условій организмъ повторяетъ всегда одни и тѣ-же дѣйствія, то это будетъ только игра словъ, то-же что и ссылка на инстинктъ. Это только утвержденіе, констатированіе факта, а не объясненіе.

Но стоитъ лишь обратиться къ небесамъ, къ космическимъ явленіямъ, къ міровымъ законамъ, управляющимъ вселенною, и умъ поражается тѣмъ равновѣсіемъ, которое мы называемъ гармоніею и которое царствуетъ отъ предѣловъ земныхъ во всей безконечности пространства и времени, ибо само бытіе вселенной не мыслимо безъ равновѣсія, безъ уравненія всѣхъ и cadaго въ сферѣ ихъ дѣятельности. Вѣчное, повсемѣстное движеніе и вѣчное, повсемѣстное равновѣсіе въ этомъ непрестанномъ движеніи; ибо, если и нарушается это равновѣсіе, то лишь въ частностяхъ, возстановляясь въ тотъ-же самый мигъ, въ который оно нарушено.

На равновѣсіи зиждется вселенная, весь необъятный космосъ; въ немъ заключается самое общее проявленіе міровой силы, заправляющей какъ необозримыми звѣздными системами, такъ и малѣйшимъ атомомъ на землѣ.

Человѣкъ не изъять отъ общаго вселенскаго закона; какъ и всякое другое существо, онъ роковымъ образомъ увлекается общимъ круговоротомъ. Но если растение или низшее животное повинуется этому закону безсознательно, то въ человѣкѣ, одаренномъ сознаниемъ и разумомъ, возникаетъ роковымъ образомъ, съ механическою необходимостью, и сознание неудержимо-влекущей его вселенской силы. Въ низшихъ натурахъ это сознание неясно и тупо, въ натурахъ болѣе совершенныхъ оно становится опредѣленнѣе, а въ нѣкоторыхъ, какъ-бы избранныхъ, *психическихъ* натурахъ сознание это становится руководящимъ началомъ жизни, источникомъ высшихъ наслажденій и страданій.

Заключу краткимъ повторениемъ тѣхъ положеній, которыя должны служить основой всего дальнѣйшаго изложенія.

1) Подвижное равновѣсіе, какъ результатъ уравнивающихъ силъ природы, на которомъ зиждется весь строй вселенной, есть и первоначальный стимулъ высшей человѣческой нравственности.

2) Справедливость есть вторичная причина человѣческой нравственности, такъ какъ она есть прямое приложеніе закона всеобщаго равновѣсія къ поступкамъ человѣка.

3) Результатомъ является неотразимое (роковое) тяготѣніе (стремленіе) человѣка къ осуществленію справедливости, т.-е. къ высшей нравственности.

4) Христіанская любовь, какъ сознание необходимости всеобщей справедливости, какъ наслажденіе справедливостью къ ближнему и ко всему живущему, завершаетъ этотъ рядъ, отражая въ душѣ человѣка высшій космическій законъ и представляя собою единственный и главнѣйшій признакъ человѣческой нравственности.

Такимъ образомъ эволюція, въ смыслѣ Дарвина и Спенсера, представляется лишь однимъ изъ средствъ къ достиженію равновѣсія, которое является роковою необходимостью.

Итакъ, сама жизнь порождаетъ въ насъ не только идею о всеобщемъ уравненіи, но всѣми своими безчисленными движеніями она навязываетъ человѣку (притомъ въ каждый моментъ его существованія) самый фактъ равновѣсія, ибо онъ проявляется даже въ той симметріи нашего тѣла и его отправленій, безъ которой невозможенъ ни одинъ мигъ нормальной жизни.

Органическое стремленіе къ сохраненію полной симметріи въ нашемъ собственномъ тѣлѣ есть источникъ само-сохраненія.

Материнская любовь,—семейное начало,—порождающее сознаніе необходимости уравненія матери съ ея дѣтьми, есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ высшей нравственности на землѣ, то-есть органическаго стремленія къ осуществленію равновѣсія между всѣми людьми. — Гётевское „Das ewig Weibliche“ понимаю я именно въ этомъ смыслѣ.

Итакъ, съ точки зрѣнія науки, высшая человѣческая нравственность является приложеніемъ космическаго закона. Новѣйшая наука, установивъ законъ единства силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ должна признать, что Ньютонъ указалъ уже намъ ту первенствующую силу, проявленіе которой выражается всеобщимъ тяготѣніемъ. Движеніе, опредѣляемое притяженіемъ, способно переходить во всѣ остальные силы, или лучше—принимать прямо, или посредствующимъ путемъ, формы движеній, свойственныя всѣмъ остальнымъ силамъ. Такимъ образомъ и естественная основа нравственности представляется дериватомъ той самой силы, которая по волѣ Создателя управляетъ всѣми космическими явленіями.

Подвижное равновѣсіе—вотъ высшая цѣль, въ которой сходятся всѣ цѣли бытія. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что частныя, отдѣльныя бытія подчинены бытію цѣлаго; въ этомъ заключается тотъ объективный и абсолютный альтруизмъ, который отражается въ богоподобной душѣ христіански-нравственнаго человѣка: все для ближняго, даже жертва собственной жизнью, пока не достигнуто полное равновѣсіе между людьми.

Я выразилъ, сколь могъ точнѣе, свое представленіе о сущности и рациональной основѣ христіанской нравственности. Слѣдующія за этимъ страницы должны служить развитіемъ и подтвержденіемъ высказанныхъ идей.

IV.

Равенство и равновѣсіе.

Абсолютное, математическое равенство существуетъ только въ умѣ человѣка. Мыслимо однако-же и равенство физическое, ибо напримѣръ два кубическихъ сантиметра воды, при равенствѣ остальныхъ условій, абсолютно равны. Если мы, нашими слабыми средствами, не можемъ вполнѣ достигнуть этого равенства, то это еще не значить, что сама природа не можетъ его осуществить. Но для достиженія такого физически-абсолютнаго равенства необходимо сравнивать однородныя тѣла. Неоднородные предметы или тѣла быть равными между собою не могутъ. Казалось-бы, мы не можемъ даже говорить о равенствѣ двухъ тѣлъ, имѣющихъ различное химическое или физическое строеніе, хотя бы даже ихъ вѣсъ и плотность были совершенно равны.

Какимъ-же образомъ мы заводимъ рѣчь о равенствѣ между людьми, представляющими между собою хоть и не такое различіе, какое имѣется между безчисленными неорганическими и органическими тѣлами, но все-таки настолько другъ отъ друга отличными, что каждый человѣкъ представляется отдѣльною личностью различающеюся отъ всѣхъ остальныхъ.

Казалось-бы, разнородныя тѣла можно сравнивать между собою только для отысканія ихъ различій, а не равенства.

Дѣйствительно, разнородныя тѣла не могутъ быть уравнены сами по себѣ, но они могутъ быть *уравнены относительно сферы дѣйствія каждаго изъ нихъ*. Съ осуществленіемъ этого уравненія и наступаетъ равновѣсіе, которое такимъ образомъ является прямымъ, непосредственнымъ приложеніемъ равенства.

Съ указанной точки зрѣнія можно сравнивать самыя раз-

народныя тѣла. Приведу примѣръ, для разъясненія дѣла. Возьмемъ два произведенія различныхъ искусствъ, на примѣръ статую и историческую картину: если оцѣнить каждое изъ этихъ произведеній въ сферѣ каждому изъ нихъ принадлежащей, то невозможное окажется возможнымъ. Статуя оцѣнивается съ точки зрѣнія скульптуры, картина— съ точки зрѣнія живописи. Выражая достоинство той и другой цифрами, принявъ на примѣръ 100 за символъ высшаго совершенства, мы получимъ 2 цифры,—два балла, если хотите. Цифры, выражая отвлеченное понятіе о степени достоинства чего-бы то ни было, очевидно могутъ быть и сравниваемы: если бѣдшая цифра, выражающая высшее достоинство, пришлась на примѣръ на статую, то мы въ правѣ сказать, что статуя лучше картины. Въ общезитіи мы безпрестанно такъ и выражаемся, для ясности прибавляя иногда слова: „въ своемъ родѣ“. Въ этомъ смыслѣ возможно даже утверждать, что статуя лучше того или другого чело-вѣка.

Если возможно такимъ образомъ сравнивать разнородные предметы, то возможно и ихъ уравненіе, приведеніе ихъ къ равенству,—къ равновѣсію. Такъ въ залѣ изящно украшенной можно уравнять произведенія всевозможныхъ искусствъ: для этого нужно только наблюдать, чтобъ они имѣли одинаковую художественную цѣнность въ сферѣ представляемаго ими искусства. Тогда наша зала будетъ проявлять равновѣсіе, гармонію въ своемъ убранствѣ. Если мы спросимъ себя: что именно требуется для достиженія полнаго совершенства въ украшеніи нашей залы, то придется отвѣтить, что для этого необходимо, чтобы условія, при которыхъ вырабатывались всѣ произведенія, были не только въ высшей степени благопріятны, но и равны между собою. Пусть равные по достоинству скульпторъ, живописецъ, мозаистъ, керамикъ и проч. работаютъ при одинаково благопріятной для каждого обстановкѣ, тогда и получится требуемое равенство, выражающееся полнымъ равновѣсіемъ.

Такимъ образомъ дается возможность не только сравни-

вать, но и уравнивать между собою самые различные предметы. Для этого нужно, очевидно, чтобы мѣра условій, благоприятствующихъ дѣятельности каждаго изъ уравниваемыхъ предметовъ, была равна для всѣхъ, т.-е. *чтобы равенство касалось не самихъ предметовъ, а ихъ сферъ.*

Въ природѣ мы повсюду находимъ такое уравненіе: помощью его и сохраняется во вселенной то общее равновѣсіе, безъ котораго немислимо ея бытіе. Отсюда необходимо вытекаетъ то обстоятельство, что если не получается, или почему-либо не можетъ сохраниться уравненіе сферы дѣйствія той или другой формы бытія съ остальными, то форма эта исчезаетъ въ силу самаго закона сохраненія равновѣсія; ибо то, что не можетъ войти въ систему, держащуюся равновѣсіемъ, то этимъ самымъ и устранивается.

Равняющая сила природы дѣйствуетъ съ роковою неизбѣжностью и все, что ни есть во вселенной, сохраняетъ свое бытіе лишь безусловно подчиняясь этой силѣ.

Обратимся однако-же къ человѣку.

Люди не могутъ быть равны между собою и никогда равными не будутъ. Это положеніе, безпрестанно повторяемое, не терпитъ возраженія и должно считаться аксіомою до тѣхъ поръ, пока мы будемъ подразумѣвать равенство математическое. Такое равенство наступило-бы, еслибы всѣ люди были между собою тождественны тѣломъ и духомъ, еслибы человѣкъ А былъ=каждому изъ людей А', А'', А''' и т. д... Это не только не возможно, но и не желательно.

Такому невозможному и нелѣпому равенству совершенно противоположно равновѣсіе между людьми, которое, не будучи равенствомъ, есть однако-же его непосредственное приложеніе и проявленіе. Для достиженія этого рода равенства, о которомъ только и можетъ быть рѣчь въ реальномъ мірѣ, необходимо лишь, *чтобы условія бытія встѣхъ и каждаго изъ людей были между собою равны, при равенствѣ данныхъ *).*

---

*) Предвижу возраженія противъ этой краткой формулы. Многие, пожалуй, поймутъ ее невѣрно, или не захотятъ понимать. Скажутъ, напримѣръ, что нельзя уравнивать жителей горъ съ жителями степей или поморья. потому уже,

Религія, наука, искусства и ремесла, хорошія правитель-ства, каждое въ своей сферѣ и на свой ладъ, именно и стремятся къ осуществленію такого равенства. Если всѣ люди, будучи равны передъ Богомъ, будутъ дѣйствительно равны передъ закономъ и равно надѣлены землей, водой, воздухомъ и огнемъ, тогда и наступитъ то равенство, о которомъ идетъ рѣчь.

Многіе, даже громадное большинство, утверждаютъ, что и такое равенство невозможно; но это большинство основываетъ свои доказательства преимущественно на невозможности математическаго равенства, то-есть на смѣшеніи понятій. Вообще, смѣшеніе понятій есть главный источникъ всѣхъ парадоксовъ, служащихъ для обмана человечества.

Признавая равенство, проявляющееся космическимъ закономъ равновѣсія и справедливости, за основу человѣческой нравственности, намъ представляется, что все прошедшее человечества и все его будущее озаряется для насъ яркимъ свѣтомъ. Въ прошедшемъ мы видимъ, что всѣ стремленія человѣческія имѣли цѣлью уравненіе людей между собою. Въ этомъ отношеніи мы видимъ даже несомнѣнное усовершенствованіе. Въ будущемъ мы предвидимъ продолженіе этого прогресса, все большее и большее распространеніе сознанія роковой неизбѣжности этого уравненія; ибо законы природы не прекращаютъ своихъ дѣйствій: они вѣчны. Мы прозрѣваемъ тотъ вѣкъ, когда большинство сознаетъ необходимость полного и всеобщаго уравненія въ той мѣрѣ, въ какой теперь оно признаетъ необходимость для каждаго дышать воздухомъ, питаться разъ въ сутки хотя-бы черствою коркой хлѣба и утолять жажду хотя-бы изъ грязной лужи.

И теперь мы подчасъ вздыхаемъ, иногда горячимся, а по временамъ даже бунтуемъ изъ-за того, что не всѣ надѣле-

---

что одинъ живетъ въ горахъ, другой въ степи, третій у моря. Для такихъ-то діалектиковъ я и прибавилъ три послѣднія слова, которыя, собственно говоря, должны-бы подразумѣваться сами собою.

ны необходимымъ. Большинство и теперь платонически желаетъ, чтобы всѣ были здоровы, ежедневно хорошо накормлены, напоены, а на ночь успокоены... Вотъ это-то платоническое желаніе тогда только и перейдетъ въ дѣйствительность, когда каждому станетъ ясно, что основою всѣхъ сихъ желаній служить законъ природы, его-же не преидеши. Мои строки для того и пишутся, чтобы доказать присутствіе такого закона.

Скептики скажутъ, что въ моихъ доказательствахъ уже потому кроется грубая ошибка, что всякій законъ природы исполняется неизбѣжно: онъ оттого и называется закономъ природы, что не исполнять его нельзя, хотя-бы и было къ тому стремленіе. Между тѣмъ, гдѣ-же справедливость на землѣ, гдѣ пресловутое равновѣсіе, гдѣ то равенство, на которое здѣсь такъ настойчиво указывается?

Мнѣ скажутъ, что вселенная подчинена незыблемымъ законамъ, которые прилагаются въ каждый изъ моментовъ ея бытія, съ непреклонною точностью.

Въ этомъ заключается законъ необходимости.

Живыя существа отсюда не исключены.

Какимъ-же образомъ, спрашивается, искать справедливости тамъ, гдѣ царитъ одна роковая необходимость, — *diva necessitas*?...

Безчисленные явленія, безпрестанно повторяющіяся на нашихъ глазахъ, какъ-бы свидѣтельствуютъ о противоположности понятій, выражаемыхъ словами: необходимость и справедливость.

Съ этой точки зрѣнія особенно поражаетъ насъ смерть. На одной землѣ уничтожаетъ она ежеминутно миллионы живыхъ существъ, а между тѣмъ каждое изъ этихъ существъ одарено по большей части весьма сложною организаціей и напряженною чувствительностью.

Въ силу необходимости, миллионы хищныхъ осуждены подвергать страданію и смерти миллионы безобидныхъ травоядныхъ.

Съ каждымъ глоткомъ воды, съ каждымъ вздохомъ, даже

съ каждымъ шагомъ уничтожаемъ мы десятки, сотни и даже тысячи жизней... Не даромъ благочестивый индусъ сметааетъ передъ собою дорожную пыль, опасаясь погубить живое созданіе...

Гдѣ-же справедливость, гдѣ-же любовь?

Справедливость въ душѣ человѣка, отвѣтимъ мы. Во вселенной-же она проявляется *абсолютнымъ* равенствомъ въ приложеніи разъ установленныхъ законовъ бытія.

Въ этомъ-то математически-строгомъ приложеніи законовъ вселенскихъ и заключается то, что мы зовемъ необходимою, а вѣрнѣе—*вселенскою законностью*.

Въ силу ея, этой законности, не только достигнута, но и постоянно поддерживается міровая гармонія, называемая нами подвижнымъ равновѣсіемъ.

Въ физическомъ космосѣ такое равновѣсіе сохраняется непрерывнымъ устраненіемъ однѣхъ формъ другими: тѣ изъ нихъ, которыя не удовлетворяютъ вселенской законности, замѣняются иными, превращаются въ новыя... Смерть въ космическомъ смыслѣ не есть уничтоженіе, а только *перемѣна формы бытія*.

„Гибни міръ — торжествуй законъ“ (Fiat justitia—pereat mundus)—вотъ въ чемъ, казалось-бы, состоятъ законы природы; на самомъ дѣлѣ происходитъ обратное, ибо законъ царствуетъ гибелью частей во имя сохраненія цѣлаго, а не наоборотъ. Повторяю еще разъ: *формы бытія мѣняются, но цѣлое сохраняется во всей своей гармоніи*.

Въ душѣ человѣка, въ его совѣсти отражается космическая законность жаждою къ установленію гармоніи, не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ частностяхъ бытія, и прежде всего—въ человѣчествѣ.

Тотъ, кто не подчиняется этому органическому, присущему людямъ стремленію, тотъ рано или поздно, такъ или иначе претерпѣваетъ давленіе грандіозныхъ силъ природы, уравнивающихъ, уравнивающихъ, повсюду водворяющихъ вселенскую законность.

Одинъ мигъ сосредоточеннаго вниманія открываетъ намъ

безпрерывное, неустанное дѣйствіе этихъ силъ въ средѣ человѣческой.

Нормальная жизнь человѣка, какъ уже указано, состоитъ въ равновѣсіи не только всѣхъ отправленій его организма между собою, но и съ внѣшними силами природы. Нормальная жизнь человѣчества состоитъ въ равновѣсіи (помощью ихъ уравненія) всѣхъ людей между собою. Еслибы то и другое соблюдалось, то ни отдѣльные люди, ни человѣчество не испытывали-бы на себѣ уравнительныхъ силъ природы. Но люди постоянно стремятся нарушить законъ и тогда—горе нарушающему, ибо тогда механическія силы вселенной приступаютъ къ уравновѣшиванію помимо человѣка; и вотъ онъ страдаетъ, онъ преждевременно гибнетъ, ибо если его организмъ отказывается отъ участія во всеобщей гармоніи, то — постепенно или разомъ — самъ онъ устраняется неумолимымъ дѣйствіемъ міровыхъ силъ: собственныя силы его истрачены, организмъ ослабѣлъ, онъ не въ состояніи уравновѣшивать напора внѣшнихъ дѣятелей и переходить въ новыя формы, болѣе пригодныя къ участію во всеобщемъ равновѣсіи.

Мы безъ малѣйшаго преувеличенія можемъ сказать, что почти всѣ люди умираютъ преждевременно, ибо нѣтъ фізіологической причины, чтобы человѣкъ не доживалъ до ста лѣтъ и даже до болѣе глубокой старости. Нѣтъ человѣка, который не испыталъ-бы въ своей жизни болѣе или менѣе серіозной болѣзни: это потому, что мало, очень мало на свѣтѣ вполнѣ нормальныхъ, совершенно здоровыхъ людей. А что такое болѣзнь, да и сама преждевременная смерть, какъ не послѣдствіе нарушеннаго равновѣсія, возстановляемаго неумолимою и всесильною волей, держащею въ своихъ рукахъ судьбы вселенной?

V.

Равновѣсіе и такъ-называемая борьба за существованіе.

Ученіе о равновѣсіи, какъ главномъ космическомъ принципѣ, находится повидимому въ противорѣчій съ новѣйшимъ

ученіемъ о борьбѣ за существованіе. Это понуждаетъ насъ еще разъ проникнуть здѣсь въ сущность названнаго явленія. Я говорю „еще разъ“—потому, что мнѣ уже неоднократно приходилось останавливать на немъ вниманіе читателей.

Явленіе жизненнаго состязанія, смѣшиваемое по большей части съ борьбою за существованіе, въ настоящемъ значеніи этого выраженія, представлено мною въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ это дѣлалось прежде. Я доказалъ, что его вовсе нельзя считать закономъ природы, а только приложеніемъ одного изъ механическихъ законовъ къ органической природѣ.

Такъ какъ мои выводы и заключенія по этому поводу помѣщены въ изданіи весьма мало распространенномъ *), а другой разъ въ учебникѣ **), и притомъ въ самомъ сжатомъ видѣ, то считаю необходимымъ повторить ихъ здѣсь съизнова.

Напомню сначала сущность явленія, которое, какъ сказано, возводится многими на степень закона природы.

Жизненное состязаніе, иначе называемое борьбою за существованіе (*struggle for life*), есть не что иное какъ извѣстный экономическій законъ Мальтуса, что признаетъ съ полною опредѣленностью и самъ Дарвинъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Такъ какъ размноженіе человѣческаго рода совершается въ геометрической прогрессіи, а средства къ существованію увеличиваются въ прогрессіи арифметической, то часть нарождающихся людей должна неминуемо гибнуть.

Жизненное состязаніе, говоритъ Дарвинъ въ 3-й главѣ своего знаменитаго сочиненія о „Происхожденіи видовъ“, есть *обобщеніе закона Мальтуса на всю органическую природу*.

Вникая однако-же въ изложеніе Дарвина, мы находимъ, что явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, понимается имъ гораздо обширнѣе и далеко не столь точно (см. 3-ю главу того-же сочиненія). Въ этомъ изложеніи смѣшиваются два

*) См. Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, т. I.

**) Учебникъ Ботаники А. Бекетова. Спб. 1883, стр. 506 и слѣдующія.

«Обстоятельства между собою различныя, а именно: *отношенія организмовъ къ внѣшнимъ общефизическимъ дѣтелямъ*, то что можно назвать дѣйствительно борьбою за существованіе, и *антагонизмъ между самими организмами*,—жизненное состязаніе собственно.

Первое изъ названныхъ явленій отличается принципиально отъ второго тѣмъ, что для его осуществленія требуются только два фактора: жизнь и общефизическія внѣшнія силы, тогда какъ для осуществленія второго требуются еще два новыхъ фактора: размноженіе въ геометрической прогрессіи и ограниченность пространства.

Эти два явленія находятся между собою въ такомъ-же отношеніи, какъ явленія расширенія тѣла отъ теплоты и движеніе паровыхъ машинъ. Для перваго достаточно соприсутствія тѣла и теплоты, для втораго еще необходимы извѣстнаго построенія машина и замкнутость расширяющагося тѣла (пара) внутри этой машины. Слѣдовательно, жизненное состязаніе есть частный случай борьбы за существованіе, ибо между факторами, опредѣляющими жизненное состязаніе, имѣются непремѣнно тѣ, которые опредѣляютъ борьбу. но не наоборотъ.

Понятно, что борьба за существованіе въ первомъ смыслѣ есть нѣчто физически необходимое, ибо сама жизнь есть ничто иное какъ реакція на дѣятельность внѣшнихъ силъ. Жизненное состязаніе, собственно, напротивъ того, не заключаетъ въ себѣ принципиальной физической необходимости.

Еслибы на всемъ земномъ шарѣ находилась одна-единственная органическая особь, то и тогда она находилась-бы въ борьбѣ за существованіе съ окружающими, общефизическими условіями. Для того-же, чтобы произошло жизненное состязаніе, необходимы, по меньшей мѣрѣ, двѣ особи, живущія притомъ въ ограниченномъ пространствѣ.

Итакъ, изъ общаго представленія о борьбѣ за существованіе мы должны съ самаго начала выдѣлить то, что дѣйствительно можетъ называться жизненнымъ состязаніемъ, т.-е. дѣйствительный антагонизмъ между организмами, ос-

твляя за выраженіемъ „борьба за существованіе“ реакцію организмовъ — ихъ сопротивленіе—вліянію внѣшнихъ силъ. Безъ этого послѣдуетъ смѣшеніе понятій, которое замѣчается и у Дарвина, и у его послѣдователей, бросааясь въ глаза въ каждомъ конкретномъ случаѣ изъ біологіи животныхъ или растений. Такъ, если двѣ охотничьи собаки вступили въ бой съ волкомъ, то, съ точки зрѣнія дарвинистовъ, мы еще должны спросить себя: кто тутъ борется? Собаки ли съ волкомъ, или собаки между собою; ибо та изъ собакъ, которая сильнѣе и ловчѣе, останется въ живыхъ, задушивъ окончательно волка, а менѣе сильная и ловкая сама погибнетъ: значить — сильнѣйшая собака поборола слабѣйшую! Съ нашей-же точки зрѣнія мы скажемъ не колеблясь, что обѣ собаки борются съ волкомъ, находясь между собою въ состязаніи.

Изъ двухъ зайцевъ, преслѣдуемыхъ борздой собакой, побѣдитъ тотъ, который рѣзвѣе и уйдетъ отъ борзой; но, съ точки зрѣнія дарвинистовъ, зайцы, убѣгая отъ преслѣдованія, боролись между собою, а не съ борзою, задушившею одного изъ нихъ, и т. д.

Очевидно, нельзя относить всякое уничтоженіе организмовъ къ жизненному состязанію, ибо оно проявляется только при ограниченности пространства и излишкѣ въ народненіи. Если-же этихъ условий нѣтъ на-лицо, то такъ называемый законъ Мальтуса непримѣнимъ. Гибель безчисленныхъ билліоновъ органическихъ существъ отъ морозовъ и засухи, отъ наводненій, урагановъ, землетрясеній и тому подобныхъ общихъ силъ, нельзя приписывать жизненному состязанію. Это чувствовалъ и самъ Дарвинъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія онъ противопоставляетъ борьбу со внѣшними условіями—жизненному состязанію, стараясь придать большее значеніе второму, напримѣръ въ цитированной третьей главѣ (§ V—Вліяніе климата), гдѣ онъ приводитъ доказательства въ пользу того, что разрушительное дѣйствіе климата происходитъ преимущественно посредствующимъ путемъ.

Въ другомъ мѣстѣ (та-же глава III) Дарвинъ прямо говоритъ, что около предѣла вѣчныхъ снѣговъ происходитъ лишь борьба организмовъ съ окружающими условіями.

Прибавлю еще, что подъ понятіе о жизненномъ состязаніи нельзя подводить и борьбу разнородныхъ организмовъ между собою, ибо они относятся другъ къ другу какъ борящіеся *), а не какъ состязующіеся: баранъ и напавшій на него волкъ не состязаются, а борятся; человекъ борется съ солитеромъ, живущимъ въ его кишкахъ, а не состязается съ нимъ.

Указанное смѣшеніе понятій уже не разъ повело къ возраженіямъ, происходившимъ именно оттого, что мысль Дарвина была понята невѣрно.

Законъ Мальтуса, а затѣмъ и жизненнаго состязанія—выведены статистически. Не трудно накопить тысячи и десятки тысячъ примѣровъ, доказывающихъ, что число зародышей, производимыхъ растеніями и животными непомѣрно выше числа остающихся въ живыхъ организмовъ; но сущность вопроса заключается не въ этомъ. Нужно доказать, что эта гибель опредѣляется именно жизненнымъ состязаніемъ, ибо ученіе о естественномъ отборѣ основано на предположеніи, что новыя формы вырабатываются помощью жизненнаго состязанія.

Статистическій методъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои достоинства, пока наука не располагаетъ другимъ, болѣе точнымъ. Но выводы статистики потому уже не могутъ считаться законами природы, что они имѣютъ дѣло только съ конкретными явленіями. Статистика лишена возможности открывать дѣйствительныя причины выводимыхъ ею правилъ. Какъ всякія правила, они подвержены исключеніямъ и кореннымъ измѣненіямъ. Закономъ-же природы мы называемъ такіе принципы, которые неизмѣнны, несмотря на какія-бы то ни было измѣненія внѣшнихъ условій.

---

*) Этого рода борьбу правильнѣе отнести еще въ третью категорію, хотя все-таки она ближе подходит къ представленію о борьбѣ со внѣшними условіями, нежели жизненное состязаніе.

Можно, безъ сомнѣнія, говорить о частныхъ законахъ природы, но въ сущности такіе законы представляютъ лишь приложение тѣхъ или другихъ общихъ; это—явленія, а не законы.

Къ числу такихъ явленій принадлежитъ и жизненное состязаніе.

Приступая къ его анализу съ общефизической точки зрѣнія, прежде всего предстоитъ указать на тотъ законъ, конкретнымъ проявленіемъ котораго служить, между прочимъ, и жизненное состязаніе. Для этого еще разъ поставлю на видъ, что жизненное состязаніе опредѣляется слѣдующими обстоятельствами:

- 1) отношеніемъ организмовъ ко внѣшнимъ условіямъ;
- 2) ограниченностью пространства, отъ которой зависитъ ограниченность средствъ существованія.
- 3) размноженіемъ организмовъ въ геометрической прогрессіи.

Съ устраненіемъ второго изъ этихъ трехъ условій исчезла-бы необходимость въ жизненномъ состязаніи. Слѣдовательно, его основою служитъ тотъ физическій законъ, по которому данное пространство не можетъ быть занято одновременно двумя тѣлами,—словомъ, *законъ непроницаемости матеріи*.

Дѣйствительно, количество пищи, воздуха, необходимаго для дыханія,—все это сводится къ объему пространства, ибо если размѣры его даны, то все его наполняющее можетъ развиваться только въ этихъ данныхъ предѣлахъ; при безграничности пространства и матерія можетъ развиваться безпредѣльно.

Итакъ, основною причиною жизненнаго состязанія является законъ непроницаемости матеріи, при ограниченіи пространства. Если-бы эта основная причина занимающаго насъ явленія была указана съ самаго начала, то не могли-бы подняться возраженія нѣкоторыхъ ученыхъ, отвергавшихъ самый принципъ жизненнаго состязанія.

Продолжаемъ свой анализъ далѣе. Для этого сводимъ

жизнь къ ея простѣйшему выраженію: жизнь есть движеніе. Тогда жизненное состязаніе является антагонизмомъ силъ, ибо въ механикѣ сила и движеніе—одно и то-же. Если ради простоты взять только двѣ силы, то жизненное состязаніе представится намъ во всей своей ясности. Оно изобразится тогда вѣсами: если вѣсы находятся въ покоѣ, когда обѣ чашки ихъ свободны, то это не значитъ, чтобы чашки не находились подъ вліяніемъ силы тяжести: онѣ находятся между собою въ антагонизмѣ, но равновѣсіе ихъ не нарушено, потому что оба плеча коромысла между собою равны. Совершенно въ такомъ-же положеніи находились-бы двѣ особи даннаго вида, еслибы вещество, изъ котораго онѣ черпаютъ свою жизнь, было распространено равномерно и въ количествѣ достаточномъ для обѣихъ. Находясь въ равновѣсіи, онѣ не перестали-бы въ то-же время находиться и въ антагонизмѣ.

Вѣсы, выведенные изъ равновѣсія сокращеніемъ одного изъ плечъ коромысла, посредствомъ передвиженія, или прибавленіемъ тяжести на одну изъ чашекъ, приходятъ въ колебаніе, которое продолжается нѣкоторое время, но заканчивается все-таки равновѣсіемъ, причемъ одна изъ чашекъ оказывается ниже другой, съ наклоненіемъ коромысла въ ея сторону. Равновѣсіе возстановлено, антагонизмъ продолжается. Но на этотъ разъ равновѣсіе достигнуто рядомъ колебаній: иносказательно можно-бы выразиться такъ, что послѣ нѣкоторой борьбы между чашками вѣсовъ одна изъ нихъ побѣдила.

То-же представляютъ и двѣ органическія особи, если вещество, дающее имъ жизнь, распределѣно не равномерно, если въ сторону одной особи оно въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ сторону другой, или если внѣшнія условія—свѣтъ, тепла и пр.—благопріятствуютъ одной особи больше, чѣмъ другой. Словомъ, какъ-бы мы ни разсуждали въ указанномъ направленіи, мы непременно придемъ къ тому заключенію, что вслѣдъ за колебаніемъ, такъ или иначе вызваннымъ нарушеніемъ равновѣсія, слѣдуетъ опять равновѣсіе.

Взирая на окружающую насъ природу, на явленія звѣзднаго міра, мы дѣйствительно всюду встрѣчаемъ и колебаніе и равновѣсіе, несмотря на вѣчный антагонизмъ силъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что жизненное состязаніе есть антагонизмъ силъ, результатомъ котораго является равновѣсіе: это есть *борьба изъ-за равновѣсія*.

Подобное иносказаніе мнѣ кажется правильнѣе, чѣмъ выраженіе „борьба за существованіе“; но и оно ведетъ скорѣе къ затемнѣнію, чѣмъ къ уясненію понятій, ибо борьба въ собственномъ смыслѣ кончается побѣдою одного изъ борящихся; на дѣлѣ-же антагонизмъ силъ кончается равновѣсіемъ, и уничтоженіе одной изъ нихъ является моментомъ второстепеннымъ и даже не необходимымъ.

Итакъ, жизненное состязаніе есть частный случай антагонизма силъ, основою которому служить законъ непроницаемости матеріи при ограниченности сферы, или объема дѣйствія, и необходимымъ результатомъ котораго является равновѣсіе.

Если такъ, то нѣтъ причины принимать, что равновѣсіе на земной поверхности можетъ быть достигнуто лишь помощью указаннаго антагонизма. Это, очевидно, понималъ и Дарвинъ; но, развивая свое ученіе о естественномъ отборѣ, вытекающемъ изъ жизненнаго состязанія, онъ останавливался преимущественно на проявленіяхъ этого принципа, на фактахъ борьбы, притомъ постоянно смѣшивая ихъ съ проявленіями жизненнаго состязанія.

Съ общефизической точки зрѣнія вполне понятно, что самый антагонизмъ силъ только тогда можетъ возникнуть, когда дѣйствующія силы прилагаются къ одному и тому-же тѣлу. Если-же дѣло переносится въ среду организмовъ, то нерѣдко приходится слышать рѣчь о взаимной борьбѣ организмовъ, находящихся чуть-ли не въ разныхъ частяхъ свѣта. Отсюда ясно, что организмы, ведущіе одинокую жизнь, отдѣленные другъ отъ друга значительными разстояніями, могутъ подвергаться лишь борьбѣ съ окружающими условиями, а не жизненному состязанію.

Съ другой стороны, силы, даже приложенныя къ одному и тому-же тѣлу, могутъ не состоять въ антагонизмѣ, если тѣло, къ которому онѣ приложены, одарено безконечною противъ нихъ силою сопротивленія (инерціею). Излишекъ средствъ къ существованію представляетъ именно этотъ случай въ средѣ организмовъ. Въ природѣ мы весьма часто встрѣчаемся съ этимъ обстоятельствомъ *).

Наконецъ, въ мірѣ социальныхъ организмовъ ослабленіе антагонизма возникаетъ именно вслѣдствіе необходимости бороться съ окружающими условіями. Съ общефизической точки зрѣнія это есть совмѣстное дѣйствіе однородныхъ силъ, имѣющихъ одинаковое направленіе и приложенныхъ къ одной и той-же точкѣ. Двѣ лошади, дружно влекущія одну и ту-же тяжесть, отнюдь не находятся въ состязаніи: очевидно, онѣ помогаютъ другъ другу. Отсюда происходитъ взаимная помощь—явленіе, на которое обращалъ вниманіе покойный К. Э. Кесслеръ **), назвавшій его закономъ и придававшій ему больше значенія, чѣмъ самому принципу борьбы за существованіе. Дарвинъ, въ своей книгѣ о происхожденіи человѣка, также останавливается на явленіи взаимной помощи (глава III) по поводу стремленія животныхъ къ общенію.

Прибавлю здѣсь, что социальная жизнь проявляется взаимною помощью не только у животныхъ, но и у растений. Достаточно указать на обширныя лѣса и луга наши, съ незапамятныхъ временъ состояшіе изъ однѣхъ и тѣхъ-же породъ, чтобы оцѣнить ту взаимную помощь, которую оказываютъ другъ другу растенія. Такъ наприм. деревья, сомкнутыя лѣсами, исключаютъ изъ-подъ себя нерѣдко всякую другую растительность, сохраняютъ влагу несравненно дольше, чѣмъ въ открытыхъ мѣстахъ, гораздо успѣшнѣе противятся вѣтрамъ и т. д. Не то-ли самое представляютъ и огромныя степныя пространства, напримѣръ въ южной Рос-

*) Яркимъ примѣромъ тутъ можетъ служить размноженіе европейскихъ млекопитающихъ—лошадей и рогатаго скота, перевезенныхъ въ Америку.

***) Труды С.-Пб. Общества Естествоиспытателей.

сіи, съ незапамятныхъ временъ покрытыя ковылемъ и тыр-сою. Плотные пучки этихъ жесткихъ многолѣтнихъ травъ исключаютъ изъ своей среды почти всякую другую растительность и, сплетаясь корнями, образуютъ прочный покровъ, который противустоялъ пасущимся стадамъ вѣроятно въ теченіе многихъ тысячелѣтій.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что жизненное состязаніе есть только одинъ изъ регуляторовъ равновѣсія, преобладающаго въ природѣ.

Слѣдовательно, результатъ соображеній, представленныхъ мною въ самомъ сжатомъ видѣ, состоитъ прежде всего въ прочномъ установленіи ученія о жизненномъ состязаніи, которое оказывается простымъ приложеніемъ физическаго закона непроницаемости матеріи. Отрицать названное явленіе—значить отрицать самую матерію.

Итакъ, явленіе жизненнаго состязанія, вмѣсто того чтобы вести къ неминуемому истребленію, приводитъ напротивъ того къ равновѣсію. Этотъ, по моему мнѣнію, неоспоримый результатъ совершенно противоположенъ тѣмъ нелѣпымъ,—скажу даже отвратительнымъ съ моральной точки зрѣнія,—выводамъ, которые изъ своего мнимаго закона производилъ Мальтусъ и которые многими и до сихъ поръ принимаются за чистую монету.

Выводы эти сводятся главнымъ образомъ къ тому, что если въ природѣ все основано на борьбѣ, кончающейся неизбежною гибелью тѣхъ или другихъ, то остается лишь подчиниться этому и всю надежду возлагать на повальные голода, эпидемическія и всякія другія болѣзни, наводненія, землетрясенія, войны и тому подобныя бѣдствія, которыя освобождаютъ землю отъ излишка ея населенія. Съ другой стороны, бѣднякамъ совѣтуютъ не размножаться и быть экономными.

Но такъ какъ жизненное состязаніе ведетъ къ соревнованію, къ отборкѣ наиболѣе способныхъ,—слѣдовательно, къ прогрессу,—то изъ этого выводится самый свирѣпый эгоизмъ: борьба есть законъ природы,—это доказано наукой

и великимъ Дарвиномъ,— слѣдовательно, борись и побѣждай на пользу себѣ, доказывая тѣмъ, что ты наиболѣе способный, наиболѣе достойный оставаться на землѣ и наслаждаться ея благами.

Понятно, что Дарвинъ тутъ ни при чемъ, ибо, принявъ выставленное Мальтусомъ явленіе, онъ его выводовъ не принималъ.

А что разные публицисты, на основаніи Дарвина, готовы выводить чуть-ли не законность грабежа, то вѣдь это въ исторіи человѣчества не новость. Ужъ если изъ религіи любви вывели необходимость жечь и всячески истреблять людей, то можно-ли удивляться признанію законности всякой драки на основаніи того, что знаменитый ученый произнесъ слово „борьба за существованіе“, да еще прибавилъ, что это—законъ природы.

Развратники и всякіе прожигатели жизни отлично умѣютъ толковать въ свою пользу разныя отвлеченныя теоріи и тѣмъ оправдывать себя. Но не въ развратникахъ дѣло. Врядъ-ли кто изъ нихъ прочтетъ эти строки; а если и прочтетъ, то не уразумѣетъ.

Я былъ-бы счастливъ, еслибы тѣ, кто по долгу или по склонности считаютъ себя учителями человѣчества, въ особенности юноши, усвоили то представленіе о жизненномъ состязаніи, которое здѣсь устанавливается и которое я считаю единственно вѣрнымъ. Тогда, думается мнѣ, перестали-бы выставлять эгоизмъ высшимъ принципомъ нравственности и борьбу съ ближнимъ въ замѣнъ любви къ ближнему.

VI.

Естественный отборъ и нравственность.

Послѣ оцѣнки значенія жизненнаго состязанія, съ точки зрѣнія нравственности, должна слѣдовать оцѣнка, съ той-же точки зрѣнія, Дарвинова принципа естественнаго отбора *).

*) *Natural selection* чаще всего переводится у насъ выраженіемъ „естественный подборъ“ (см. наприм. С. Рачинскаго переводъ „Происхожденія видовъ“).

Въ скотоводствѣ и птицеводствѣ, въ садоводствѣ, полеводствѣ и огородничествѣ давно уже извѣстенъ и практикуется искусственный отборъ, помощью котораго различные культиваторы производятъ по-истинѣ чудеса, создавая новыя породы животныхъ и растений. Для этого отбираютъ тѣхъ животныхъ и тѣ растенія, которыя обнаруживаютъ наклонность къ измѣненію въ желаемомъ направленіи. Если, на примѣръ, требуется изъ стада грубо-рунныхъ овецъ произвести тонкорунныхъ, то изъ нихъ отбираютъ такихъ, которыя по какой-либо причинѣ уродились съ болѣе тонкою шерстью, чѣмъ остальные. Въ числѣ потомковъ отобранныхъ такимъ образомъ особей непременно оказывается нѣсколько экземпляровъ съ еще болѣе тонкимъ руномъ; отбираютъ опять и этихъ и, поступая такимъ образомъ, черезъ нѣсколько поколѣній получаютъ породу, по тонкости шерсти иногда совершенно отличную отъ первоначальной. Если хозяинъ имѣлъ цѣлью завести исключительно тонкорунныхъ овецъ, то, по мѣрѣ увеличенія своего отборнаго стада, онъ переведетъ всѣхъ толсторунныхъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ тонкорунныя овцы оказались лучше приспособленными къ условіямъ своего быта: онѣ сохранились благодаря тому, что *приспособились* (приноровились) къ требованіямъ хозяина.

Во всѣхъ случаяхъ искусственнаго отбора главнѣйшія условія заключаются, очевидно, въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ способности измѣняться и, во-вторыхъ, въ способности приспособляться къ тому или другому условію. Въ искусственной отборкѣ и условіе искусственное, поставленное прихотью или потребностями человѣка. Среди вольной природы, очевидно, искусственныхъ условій быть не можетъ; естественное-же условіе отборки можетъ быть и бываетъ только одно, говоритъ Дарвинъ, а именно — по-

Я всегда пишу и говорю *отборъ* или отборка; то-же дѣлаетъ профессоръ Тимирязевъ, знатокъ не только дарвинизма, но и англійскаго языка. Слово *подборъ* подразумѣваетъ нѣчто заранѣе избранное, къ чему подбираютъ, а это не вѣрно по существу Дарвиновой мысли.

лезность для самого организма. Слѣдовательно, если организмъ измѣняется, то лишь въ сторону для него полезную. Въ противномъ случаѣ онъ неминуемо гибнетъ.

Такъ, житель теплыхъ странъ, переселившись въ холодную страну, поневолѣ долженъ измѣнить свои привычки, долженъ постараться приучить свой организмъ и къ холоду, и къ иной пищѣ и т. д. Если это не удастся ему самому, то между дѣтьми его непременно окажутся уже такія, которыя съ самага начала легче его самого выдержать новыя условія, а чрезъ нѣсколько поколѣній приспособленіе оказывается уже по большей части полное. Итальянская или южно-французская семья, даже не смѣшиваясь съ русскими, черезъ нѣсколько поколѣній послѣ переселенія въ Россію нерѣдко уже вполне приспособляется къ русскому климату: слѣдовательно, она измѣнилась въ полезномъ для себя направленіи.

Измѣнчивость, усиливающаяся наслѣдственностью, ради полезною для организма приспособленія къ окружающимъ условіямъ— вотъ великій принципъ, провозглашенный и доказанный Дарвиномъ.

Тѣ организмы, которые скорѣе и полнѣе успѣваютъ приспособиться къ окружающимъ условіямъ, прибавляетъ Дарвинъ, очевидно берутъ верхъ въ жизненномъ состязаніи, которое, такимъ образомъ, мощно способствуетъ къ измѣненію организмовъ въ полезную для нихъ сторону.

Итакъ, въ вольной природѣ жизненное состязаніе играетъ ту-же роль, которую въ дѣлѣ искусственнаго отбора играетъ человекъ. Поэтому весь процессъ измѣненія организмовъ ради приспособленій справедливо названъ Дарвиномъ естественною отборкою.

Намъ нѣтъ никакой нужды спорить здѣсь о значеніи жизненнаго состязанія въ явленіи измѣняемости и приспособленія организмовъ. Для насъ не представляетъ первостепенной важности то обстоятельство, происходятъ-ли измѣняемость и приспособленія исключительно помощью естественнаго отбора или еще другими естественными средства-

ми. Всего важнѣе для насъ то, что организмы дѣйствительно измѣняются, и притомъ именно въ полезную для себя сторону; что неспособные къ такому измѣненію устраняются, по закону необходимости, неумолимою рукою того, что мы называли вселенскою законностью.

Отрицать эти положенія, при настоящемъ состояніи науки, нѣтъ никакой возможности.

Не представляетъ для насъ первостепенной важности и тотъ вопросъ, до какихъ именно предѣловъ можетъ доходить измѣняемость организмовъ: произошли-ли всѣ организмы отъ одного наипростѣйшаго, отъ безформенной капли органической матеріи, или-же отъ нѣсколькихъ сотъ, или даже тысячъ первоначально созданныхъ простѣйшихъ типовъ?

Всего важнѣе для насъ то, что измѣнчивость организмовъ дѣйствительно происходитъ въ весьма широкихъ предѣлахъ, что такъ-называемыя естественныя группы животныхъ и растений (виды, роды, семейства и т. д.) въ природѣ другъ отъ друга не разграничены рѣзко, а представляютъ переходныя формы, которыя оказываются все многочисленнѣе, по мѣрѣ того какъ разрабатывается природа отжившая (палеонтологія) и живая, и притомъ не по мертвому матеріалу, а по живому.

Той-же самой измѣнчивости, той-же приспособляемости подверженъ и человѣкъ: новѣйшая антропология представляетъ тому безчисленныя доказательства.

Дарвинисты склонны принимать, что человѣкъ произошелъ отъ антропоморфныхъ обезьянъ. Это положеніе не нравится большинству, и въ особенности философствующей братіи. Не есть-ли это, однако-же, только недоразумѣніе или даже пустое жеманство? Назовите обезьяну „лѣснымъ человѣкомъ“, буквально переводя малайское слово *орангутангъ*,—и тогда можетъ-быть ваше жеманство прекратится.

Впрочемъ, для нашей цѣли вовсе не нужно обезьянское происхожденіе человѣка, ибо нѣкоторые дикари и по сю

пору во многихъ отношеніяхъ хуже не только обезьянъ, но и собакъ; ибо ни обезьяны, ни собаки никогда не убиваютъ своихъ ближнихъ, чтобы сожрать ихъ, какъ то дѣлаютъ еще во многихъ мѣстахъ дикари-людоѣды. А между тѣмъ вѣдь антропофаги-негритосы несомнѣнно — люди, и Ньютонъ тоже человѣкъ: не позволительно-ли думать, что между Ньютономъ и негритосомъ разстояніе гораздо большее, нежели между негритосомъ и орангъ-утангомъ?

Итакъ, человѣкъ, какъ всякій организмъ, измѣняется, все болѣе и болѣе приспособляясь къ окружающимъ условіямъ въ полезную для себя сторону. Спрашивается, въ чемъ-же состоитъ то главнѣйшее свойство, которое даетъ человѣку такой громадный перевѣсъ надъ всѣмъ органическимъ міромъ?

Всякій сознаетъ, безъ сомнѣнія, что всѣ его преимущества заключаются въ духовныхъ способностяхъ. Съ этимъ, кажется, никто спорить не будетъ.

Вникнемъ-же поглубже въ то, какое великое значеніе для нравственности имѣетъ этотъ принципъ, провозглашенный Дарвиномъ.

Если признать, что человѣкъ, какъ и всѣ организмы, измѣняетъ, усиливаетъ и совершенствуетъ въ себѣ только наиболѣе полезныя для него особенности, что это происходитъ въ немъ въ силу вселенской необходимости, помощью приложенія неизблемыхъ міровыхъ законовъ, то не ясно-ли какъ день, что измѣняемость человѣка касается прежде всего его духовной стороны, вѣрнѣе—онъ весь измѣняется ради усовершенствованія своего духа?

Сопротивляться этому явленію все равно, что сопротивляться силѣ тяжести, біенію собственнаго сердца, расширенію собственныхъ легкихъ при дыханіи...

Можно задержать ходъ указаннаго явленія, составляющаго сущность прогресса, и тѣмъ причинять человѣчеству все новыя и новыя страданія, но остановить его невозможно.

Измѣняемость человѣка въ смыслѣ усовершенствованія

его духа, а слѣдовательно и его нравственности—вотъ то явленіе, котораго не приняли во вниманіе ни Мальтусъ, ни вообще тѣ, кто, занимаясь экономическими вопросами, не хотять или не могутъ знать того, что происходитъ въ природѣ, помимо жалкой базарной дѣятельности человѣка.

Торжество естествознанія въ вопросахъ этики, скажемъ даже прямо—въ религіозномъ вопросѣ—заключается въ томъ, что именно оно, а не какая-либо другая отрасль знанія открываетъ тѣ пути, которыми вселенскій законъ, созданный и утвержденный Божествомъ, ведетъ человѣчество къ совершенству.

Космическая гармонія, подвижное равновѣсіе, какъ неизбежное слѣдствіе міровой законности, порождая въ человѣкѣ сознаніе необходимости равновѣсія въ немъ самомъ и во всемъ его окружающемъ, насаждаетъ въ его душѣ, помимо его воли и помощью лишь эволюціи организмовъ, чувство справедливости, переходящее наконецъ въ христіанскую любовь—высшее проявленіе человѣческой нравственности.

Вся исторія человѣчества есть не что иное какъ постепенная, но—увы!—безсознательная отборка, ради усовершенствованія народовъ, племенъ и каждого человѣка въ отдѣльности.

Пора дѣйствовать сознательно, разумомъ и любовью помогая великимъ силамъ природы, ведущимъ насъ къ добру и прогрессу, не взирая на наше безпрестанное сопротивленіе и на всяческія противодѣйствія.

Такимъ образомъ естествознаніе самымъ дѣйствительнымъ способомъ укрѣпляетъ основной принципъ нравственности, провозглашенный человѣчеству божественными устами Спасителя.

На длинномъ пути, пройденномъ человѣкомъ, отъ появленія его въ послѣ-третичное время въ видѣ канштадтскаго дикаря, и до нашихъ дней, руководящимъ свѣтомъ постоянно служило ему реальное знаніе. Сама религія только тогда могла возымѣть благотворное вліяніе на че-

ловѣка, когда въ немъ накопились знанія, когда его интеллектуальная сторона развилась подъ вліяніемъ науки.

Наукѣ предстоитъ и въ будущемъ все съ большею и большею силою развивать въ человѣчествѣ истинное религиозно-нравственное чувство, ибо наука, открывая законы бытія вселенной и, со свойственною ей точностью, выводя приложенія этихъ законовъ къ духовному быту человѣка, тѣмъ самымъ сильнѣе всякихъ проповѣдей способна превратить человѣка въ дѣйствительно-нравственное существо.

Задача естествознанія—помогать великимъ силамъ природы, установленнымъ Создателемъ, вести человѣка къ совершенству.

А. Бекетовъ.

Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“.

(Продолженіе.)

Письмо седьмое. Отъ автора къ г. N. N.

... Теперь обращаюсь къ предмету, означенному мною въ послѣднемъ письмѣ. Но прежде необходимо сдѣлать одно предварительное замѣчаніе.

Можетъ показаться весьма страннымъ утверженіе, что такой писатель, какъ гр. Толстой, въ совершенствѣ владѣющій литературнымъ и художественнымъ языкомъ, представляетъ для пониманія не меньшія затрудненія, чѣмъ Гегель, Кантъ и еще кто-либо изъ нѣмецкихъ философовъ, извѣстныхъ по темнотѣ изложенія. Между тѣмъ такое утверженіе позволяетъ себѣ именно вашъ покорнѣйшій слуга. Трудность языка гр. Толстого въ его сочиненіяхъ философскаго характера зависитъ однако, по-моему, отъ совершенно другихъ и даже прямо *противоположныхъ* причинъ, чѣмъ у вышеназванныхъ философовъ. У нихъ она происходитъ отъ технического, условнаго, спеціально имъ принадлежащаго языка и терминологіи; но какъ скоро вы раздѣ достаточно познакомитесь съ ними, наприм. у Гегеля, то пониманіе этого философа становится уже дѣломъ довольно легкимъ. Даже Кантъ, при условіи знакомства съ его крайне

искусственной терминологіей, становится доступнымъ пониманію, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстъ, гдѣ темнота происходитъ отъ неясности, двусмысленностей и колебаній въ самой мысли Канта. Но гр. Толстой употребляетъ общій литературный языкъ, въ которомъ нѣтъ специальныхъ, искусственныхъ, ему только принадлежащихъ терминовъ; кромѣ того въ его изложеніе входитъ множество образныхъ, поэтическихъ выраженій, примѣровъ и уподобленій, которые какъ-бы рисуютъ передъ вами всякую высказываемую имъ мысль. Между тѣмъ именно въ этихъ поэтическихъ выраженіяхъ и уподобленіяхъ, въ этомъ популярномъ языкѣ, въ этомъ отсутствіи техническихъ терминовъ и заключается вышеозначенная трудность пониманія гр. Толстого. Извѣстно, что въ словахъ, относящихся къ области нашего внутренняго опыта, къ области высшихъ и сложныхъ идей нашего нравственнаго и умственнаго міра, и употребляющихся въ общелитературномъ и разговорномъ языкѣ, нѣтъ никакой, какъ-либо установленной и соблюдаемой, опредѣленности въ ихъ значеніи и смыслѣ; напротивъ, здѣсь господствуетъ полный произволъ. Одно и то-же слово чуть не каждымъ употребляется или совсѣмъ въ *особомъ* смыслѣ и значеніи, или-же, по крайней мѣрѣ, съ *особымъ* оттѣнкомъ, *особою* модификаціей общаго смысла и значенія, что, конечно, зависитъ главнымъ образомъ отъ различій въ условіяхъ жизни (степени образованности, личнаго опыта, вѣрованій, убѣжденій и проч.) членовъ народа и общества, употребляющихъ одни и тѣ-же слова, но мыслящихъ подъ ними болѣе или менѣе различное содержаніе. Таковы, наприм., слова: бытіе, существованіе, духъ, разумъ, сознаніе, нравственность, благо, счастье, жизнь, знаніе и т. под. Единственное средство сдѣлать такія слова настоящими орудіями для полнаго и дѣйствительнаго умственнаго общенія между людьми *вообще* и между писателями и ихъ читателями *въ частности* состоитъ въ томъ, чтобы или употреблять ихъ въ болѣе или менѣе установленномъ смыслѣ какого-либо опредѣленнаго психологическаго

или философскаго направленія, или - же употреблять эти слова при постоянномъ ихъ опредѣленіи и вѣрности разъ поставленному опредѣленію.

Но гр. Толстой никакой заботы относительно этого предмета не обнаруживаетъ и никакихъ особыхъ правилъ или предосторожностей не соблюдаетъ. Онъ не только не даетъ точныхъ опредѣленій смысла, въ которомъ употребляетъ слова своего общелитературнаго и картиннаго языка, но даже постоянно грѣшитъ и въ томъ, что одно и то-же слово употребляетъ *ad libitum* въ разныхъ смыслахъ. Правда, это произвольное употребленіе чрезвычайно *выгодно* для цѣлей его проповѣди или для возбужденія у его читателей чувствъ и настроеній ей соотвѣтствующихъ, но чрезвычайно *невыгодно* для тѣхъ очень немногихъ читателей, которые, подобно автору настоящаго письма хотѣли-бы получить отъ гр. Толстого ясныя понятія и прочныя убѣжденія, способныя выдержать болѣе или менѣе строгую критику. Указавши вамъ въ общихъ чертахъ на это свойство сочиненія гр. Толстого „О жизни“, я, при своемъ разборѣ тѣхъ или другихъ пунктовъ его ученія, буду не разъ имѣть случай указывать на примѣры, подтверждающіе все вышесказанное.

Вглядываясь внимательно во множество положеній гр. Толстого, гдѣ онъ говоритъ о *разумѣ*, я прежде всего отмѣчаю, что этотъ разумъ есть нѣчто, принадлежащее къ *различнымъ и разнороднымъ категоріямъ*. Во первыхъ, отождествленіе разума съ понятіемъ, которое соединяется съ извѣстными терминами: Logos'a, мудрости и пр. (гл. X) *), даетъ намъ право на заключеніе, что разумъ есть не только *субстанція*, но даже личное, *само себя сознающее* существо, и притомъ *высшее* существо. Въ этомъ смыслѣ—особаго, отдѣльнаго отъ міра (или трансцендентнаго), верховнаго су-

*) При ссылкахъ на книгу гр. Толстого: „О жизни“, я буду указывать главы или страницы его книги только въ такомъ случаѣ, когда указанный пунктъ не вошелъ въ мое изложеніе. Обо всемъ-же, вошедшемъ туда, я буду говорить безъ особыхъ указаній, какъ о предметѣ знакомомъ читателю.

щества—понимается разумъ въ тѣхъ многочисленныхъ мѣстахъ книги „О жизни“, гдѣ выражается мысль о цѣлесообразномъ устройствѣ всѣхъ отношеній и явленій въ мірѣ, въ силу котораго эти отношенія, въ концѣ концовъ, ведутъ къ одной общей цѣли—къ благу. Такимъ образомъ къ нашему благу ведетъ насъ и *прямой* путь пробужденія разумнаго сознанія, и *косвенный* путь страданій. Къ благу-же ведетъ насъ, наконецъ, и путь смерти, которая есть только средство для осуществленія особаго рода эволюціи, состоящей въ постоянномъ увеличеніи нашего величайшаго блага, именно—любви, при каждомъ „переходѣ отъ однихъ условий жизни къ другимъ, или отъ одного отношенія къ міру къ другому отношенію“. Конечно, разумъ, установившій и поддерживающій эту разумную эволюцію, долженъ быть понимаемъ не иначе какъ въ смыслѣ особаго верховнаго существа относительно существъ, проходящихъ путь эволюціи, которая, съ этой точки зрѣнія, есть не чтд иное какъ дѣло свободнаго акта воли и любви этого верховнаго существа. Путемъ этой эволюціи верховный разумъ исправляетъ наши, чуждые ему, грѣхъ и вину и избавляетъ насъ отъ страданій жизни, которыя, по ученію гр. Толстого, суть только слѣдствія нашихъ прошедшихъ грѣховъ и заблужденій.

Но, въ силу неопредѣленности и образности выражений гр. Толстого, тѣ-же самыя мѣста могутъ быть толкуемы и въ другомъ смыслѣ, именно въ томъ, что разумъ не есть особое, личное, сознательное существо, но что онъ есть *безличная субстанція*, къ которой все прочее въ мірѣ относится какъ ея проявленіе, какъ ея модификація. Такое значеніе слова „разумъ“ подкрѣпляется многими мѣстами, которыя уже никакъ не могутъ быть толкуемы въ смыслѣ личнаго, верховнаго существа. Это второе понятіе разума вполне родственно съ понятіемъ, прошедшимъ въ разныхъ формахъ чрезъ всю исторію греческой философіи, начиная съ Гераклита и кончая неоплатонизмомъ. Это есть объективный Logos или разумъ, или-же система вѣчныхъ идей, составляющихъ сущность всей природы или міра. Въ новой

Философіи тотъ-же разумъ является въ видѣ безсознательной субстанціи Спинозы, наконецъ онъ-же есть объективный разумъ Гегеля; однимъ словомъ, это есть вѣчный, объективный, міровой разумъ идеалистической и пантеистической философіи. Понятіе этого разума ясно выражается, наприм., въ тѣхъ мѣстахъ у гр. Толстого, гдѣ онъ говоритъ о разумѣ, какъ о „единственной связи всѣхъ живущихъ“, какъ о „не подлежащемъ опредѣленію и напротивъ составляющемъ основаніе для всякаго опредѣленія“; онъ-же и есть все, чтѣ мы „только и знаемъ и можемъ знать“. Но еще ярче является это понятіе разума, какъ безличной и безсознательной силы природы, составляющей основу явленій, въ тѣхъ мѣстахъ книги „О жизни“, гдѣ гр. Толстой прямо называетъ разумъ «закономъ» (X) или-же говоритъ о томъ или другомъ „законѣ разума“, которому подчиняются явленія. Тутъ разумъ является какою-то роковою силой, подобной роковому закону *перерожденія* въ индусской философіи, или подобной *законамъ природы* (тяготѣнія и проч.) матеріализма.

Но этимъ еще не оканчивается рядъ значеній, въ которыхъ употребляется гр. Толстымъ слово: „разумъ“. Чаще всего оно употребляется въ весьма далекомъ отъ двухъ вышеозначенныхъ значеній, но обычномъ смыслѣ спеціальной дѣятельности человѣка или „высшей способности, необходимой для его жизни“ (XI), выражающейся въ процессѣ, называемомъ мышленіемъ. Описывая разумъ въ этомъ смыслѣ, гр. Толстой считаетъ его подлежащимъ ошибкамъ, вреднымъ вліяніямъ книжниковъ и фарисеевъ; далѣе, въ этомъ же смыслѣ разумъ дѣлится гр. Толстымъ на ложный и истинный, причемъ ложный борется съ истиннымъ. Въ этомъ же смыслѣ разумъ можетъ быть направленъ вмѣсто истины на „раздутіе похотей животной личности“. Наконецъ употребленіе слова „разумъ“ въ этомъ смыслѣ несомнѣнно обнаруживается въ 3-мъ „Приложеніи“, гдѣ разумъ противопоставляется религіозной вѣрѣ. Очевидно, что понятіе этого разума вполне несовмѣстимо съ понятіями, которыя мы разсматривали до сихъ поръ. Здѣсь о разумѣ, какъ о вер-

ховномъ существѣ, какъ о субстанціи, какъ о сознательной или безсознательной силѣ, наконецъ какъ о законѣ, которому подчиняется все существующее,—о разумѣ какъ о началѣ, все въ природѣ связующемъ, и рѣчи быть не можетъ. Здѣсь разумъ есть не болѣе какъ только *слово*, которымъ называется дѣятельность человѣческаго мышленія тогда, когда она протекаетъ правильно или сообразно съ цѣлью получить надлежащіе продукты, т. е. мысли, удовлетворяющія логическимъ законамъ. Конечно, съ этой точки зрѣнія разумъ не можетъ быть мыслимъ какъ сила или какъ существо дѣйствующее, ставящее цѣли, управляющее явлениями, довольствующееся или недовольствующееся дѣятельностью мышленія, приводящее ее въ движеніе, или останавливающее и проч. Всѣ эти атрибуты или свойства принадлежать тогда уже не разуму, а кому-либо другому, *въ комъ и для кого* существуетъ и *къмъ* приводится въ движеніе дѣятельность, называемая, въ отличіе отъ другихъ психическихъ дѣятельностей человѣка, *мыслящею*, а когда она протекаетъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ—*разумно-мыслящею* дѣятельностью.

Понятно, что если въ системѣ гр. Толстого одно изъ основныхъ понятій употребляется въ различныхъ смыслахъ, не допускающихъ никакого соглашенія, потому что они принадлежать къ различнымъ точкамъ зрѣнія или категоріямъ, и притомъ употребляется съ полнымъ и постояннымъ произволомъ, то ожидать отъ этой системы какого-либо прочнаго, достаточно обоснованнаго и убѣдительнаго міросозерцанія крайне рискованно, что, какъ мы увидимъ, и подтверждается на дѣлѣ. Теперь же я обращусь къ другимъ важнымъ понятіямъ философіи гр. Толстого, а именно—къ понятію *знанія и истины*; но поведу о нихъ рѣчь уже въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо восьмое. Отъ г. N. N. къ автору.

... Опять, къ сожалѣнію, вижу, что вамъ очень хочется, чтобы гр. Толстой непременно приклеилъ къ своей фило-

софіи ярлычокъ какого-либо *школьнаго и з м а*. Но если это вамъ оказывается необходимо нужнымъ, то и отыщите сами надлежащій *измъ* и пришпильте его къ книгѣ „О жизни“ также сами. Графу-же Толстому нѣтъ необходимости ни *зану-меровывать* свое ученіе въ какую-либо школьную клѣтку, ни подкрѣплять себя чужими мыслями, хотя-бы онѣ и принадлежали Канту, Гегелю, Шопенгауэру и т. п.

Теперь обращусь къ вашему замѣчанію, въ которомъ вы, кажется, ставите въ вину гр. Толстому даже его *художественный языкъ*, его сравненія, уподобленія и примѣры, и какъ будто видите въ нихъ своего рода *софистическую уловку*, посредствомъ которой онъ какъ-бы *отуманиваетъ* своихъ читателей и выдаетъ имъ заблужденія за истину. Мнѣ желательно было-бы, чтобы вы подтвердили это обвиненіе точнымъ указаніемъ на какія-либо мѣста книги „О жизни“, заключающія, по-вашему, таковую софистику.

Не могу я также не найти вашу критику слишкомъ придирчивою; когда вы разбираете смыслъ и значеніе, въ какихъ гр. Толстой употребляетъ слово „разумъ“. Я не знатокъ въ философіи и не могу входить съ вами въ споръ о смыслѣ, въ какомъ понималось въ исторіи и въ какомъ понимаетъ это слово гр. Толстой. Но, по-моему, совершенно не важно—личный или безличный, *трансцендентный* или *имманентный* разумъ понимаетъ гр. Толстой подъ этимъ словомъ; и даже бѣды нѣтъ въ томъ, если онъ смѣшиваетъ и понимаетъ ихъ оба. Самое *важное* и *главное* дѣло, по-моему, состоитъ въ томъ, существуетъ-ли и разумень-ли *законъ любви*, которому, по гр. Толстому, должно повиноваться, чтобы достигнуть нашего *истиннаго* блага и можно-ли достигнуть послѣдняго—неповиновеніемъ этому закону, а чѣмъ-либо другимъ, наприм. удовлетвореніемъ эгоистическихъ требованій животной личности.

Въ заключеніе моего письма я рѣшаюсь высказать вамъ мое мнѣніе относительно *общаго характера* философіи гр. Толстого, и рѣшаюсь тѣмъ смѣлѣе, что основаніе для этого мнѣнія заимствовано у васъ-же. Какъ-то разъ вы мнѣ

говорили лично, что всякую религію, если въ ней отвлекусь отъ того, что понимается какъ откровеніе или непосредственное внушеніе и вмѣшательство въ ходъ природы божества (наприм., мистеріи, чудеса, установившіеся догма и культъ и т. п.), можно свести и понимать какъ одну изъ формъ того или другого философскаго направленія, причемъ даже самыя грубыя религіи окажутся родственными съ грубыми и простѣйшими формами философскихъ воззрѣній. Мнѣ тогда эта ваша мысль показалась справедливою; и я усвоилъ ее. Прилагая ее теперь къ системѣ гр. Толстого, я думаю, что его философія есть не что иное какъ ученіе христіанской религіи, если разсматривать его не какъ произведеніе божественнаго откровенія, а съ точки зрѣнія человѣческаго разума, или, выражаясь иначе, ученіе гр. Толстого есть „философія христіанства“. Что вы на это скажете?...

Письмо девятое. Отъ автора къ г. N. N.

... Прежде чѣмъ продолжать рѣчь о томъ, на чемъ остановился въ моемъ предыдущемъ письмѣ, я долженъ отвѣтить на ваше.

1. По поводу вашего ироническаго отношенія къ философскимъ *измамъ* я долженъ напомнить вамъ французскую пословицу: *giga bien, qui giga le dernier!* Впослѣдствіи я питаю надежду быть этимъ *послѣднимъ*, когда покажу вамъ, что было-бы не худо самому гр. Толстому, ради его-же собственныхъ цѣлей, нѣсколько сойти съ высоты *пророческой и проповѣднической позиціи* и обратить побольше вниманія на „ничтожные“ философскіе *измы* и надлежащимъ образомъ разверстаться съ ними. Теперь-же я только ограничусь однимъ замѣчаніемъ, что вопросы, поднимаемые гр. Толстымъ въ его книгѣ „О жизни“, всегда существеннымъ образомъ составляли задачу философіи и иначе, какъ съ ея точки зрѣнія, надлежащимъ образомъ рѣшены быть не могутъ.

2. Вы отходите на ложную дорогу или дѣлаете, такъ-

сказать, *логическую диверсію* въ пунктѣ, вызывающемъ у насъ разногласіе, когда говорите, что будто-бы я смотрю на художественный и образный языкъ гр. Толстого какъ на „*софистическую уловку*“. Во первыхъ, я самъ высоко цѣню художественный языкъ гр. Толстого и признаюсь вамъ откровенно, что не чувствовалъ-бы и десятой доли того удовольствія, которое чувствую читая книгу „О жизни“, если-бы тѣ-же самыя мысли были изложены сухимъ, прозаическимъ языкомъ и тономъ. Во вторыхъ, упрекъ, который я дѣлаю гр. Толстому, есть собственно упрекъ *не за художественный его языкъ, а за неясность и неточность его понятій и за слѣдствіе ихъ, т.-е. трудность уловить значеніе этихъ понятій и разобраться въ нихъ.* Художественный-же языкъ, который, конечно, гр. Толстой употребляетъ безъ всякаго софистическаго умысла, а въ силу своей естественной природы, служить къ тому, что огромное большинство читателей, увлекаемые этимъ языкомъ, не видятъ этой неясности и думаютъ, что въ ученіи гр. Толстого они имѣютъ дѣло съ чѣмъ-то чрезвычайно простымъ, яснымъ, возвышеннымъ, но только очень труднымъ для выполненія на практикѣ по обще-человѣческимъ слабостямъ. Между тѣмъ, по моему, понять ученіе гр. Толстого пожалуй даже труднѣе, чѣмъ выполнить.

Что же касается до требуемаго вами подтвержденія на примѣрахъ той мысли, что гр. Толстой, при посредствѣ своего языка, прикрываетъ неясность мысли и не убѣждаетъ, а какъ-бы *гипнотизируетъ* своихъ читателей, то, несмотря на всю непріятность возлагаемой вами на меня задачи, отрывающей меня отъ *теченія мысли*, въ которое я уже вошелъ, я, дѣлать нечего, попытаюсь возможно кратче исполнить ваше требованіе.

Едва-ли найдется въ области философскихъ наукъ понятіе, которое было-бы труднѣе для строгаго опредѣленія, чѣмъ то, которое выражается словомъ *сознаніе*. Не входя въ изложеніе причинъ этой трудности, которое завело-бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, я ограничусь только за-

мѣчаніемъ, что можетъ-быть именно ею объясняется то явленіе, что весьма рѣдко встрѣчаешь въ философскихъ сочиненіяхъ попытку—не говорю строго опредѣлить это понятіе, но вообще хоть слегка обозначить *смыслъ*, въ какомъ употребляетъ авторъ сочиненія слово „сознаніе“. Что касается гр. Толстого, то у него нѣтъ и слѣда такой попытки, хотя это слово появляется чуть не на каждой страницѣ книги „О жизни“ и притомъ въ разныхъ сочетаніяхъ съ другими понятіями и, по преимуществу, въ фигуральныхъ выраженіяхъ. Само собою разумѣется, что постоянное соединеніе неопредѣленного понятія „сознаніе“, съ многосмысленнымъ понятіемъ разума въ словѣ „разумное сознаніе“, представляетъ у гр. Толстого не малую *препону* для пониманія его философіи и обильный источникъ для недоразумѣній. Если мы къ этому соображенію присоединимъ другое, что понятія „разума“ или „разумнаго сознанія“ поэтически олицетворены и что при этомъ также поэтически говорится о „разрывѣ сознанія“, объ „обманѣ сознанія“, о „пробужденіи“, „возрастаніи“ (возмужаніи) сознанія, о борьбѣ „разумнаго сознанія съ сознаніемъ животной личности“, то должны крѣпко опасаться попасть въ нѣкій поэтической и даже, *sit venia verbo...*, *миѳологическій потокъ*, изъ котораго уже никакими средствами не выплывешь на твердую почву. Ради требуемаго вами примѣра приглашаю васъ выбрать на-удачу главу VI-ю, которая трактуетъ „о раздвоеніи сознанія въ людяхъ нашего міра“. Начинается она на подобіе литургическаго возгласа или *теургическаго дѣйствія* (*mise en scène*) извѣстнымъ текстомъ, въ которомъ говорится о наступленіи времени для проповѣди истины, и далѣе представляетъ поэтическую картину, въ которой „разумное сознаніе, переросшее ложныя ученія“, обращаетъ свой голосъ къ человѣку, который до сихъ поръ подъ вліяніемъ этихъ ложныхъ ученій слушался голоса животной личности и служилъ ея похотямъ. Картина эта поэтически описываетъ споръ и борьбу въ человѣкѣ „животной личности“ съ „разумнымъ сознаніемъ“. Въ слѣдующей VII-й

главъ изображается, какъ тотъ-же человѣкъ въ силу этой борьбы „раздвояется“ и какъ жизнь его „разрывается“, „останавливается“. Вообще картина принимаетъ нѣсколько трагическій характеръ: ложное ученіе, подобно смертельному яду „впитавшееся“ (imbu) въ человѣка, ведетъ къ смерти; *подрастающее-же* разумное сознание освобождаетъ его отъ смерти, но въ то-же время „останавливаетъ его жизнь“. Наконецъ въ VIII-й главѣ мучительное раздвоение человѣка находитъ благополучное разрѣшеніе въ картинѣ побѣды *совѣсьмъ возмужавшаго* разумнаго сознания надъ ложными ученіями книжниковъ и фарисеевъ. Оказывается, что „раздвоеніе сознания“, что „противорѣчіе между голосомъ животной личности и разума“, что „остановка жизни“ есть не что иное какъ призракъ или миражъ, навѣянный тѣми-же ложными ученіями. Человѣкъ, просвѣщенный „разумнымъ сознаниемъ“, узнаетъ, что жизни у него до сихъ поръ *никакой не было* и что, слѣдовательно, „остановки жизни“, которой онъ такъ ужасался, не могло и быть; что жизнь только тогда и начинается, когда является „разумное сознание“ въ сопровожденіи величайшаго блага—любви.

Надѣюсь, что моего настоящаго указанія на цѣлыя три главы къ ряду достаточно для удовлетворенія вашего требованія *привести примѣры* поэтическихъ картинъ, иносказаній и олицетвореній въ разбираемой мною книгѣ „О жизни“. Теперь-же, рискуя навлечь вашъ гнѣвъ моимъ нечестивымъ словомъ, я не могу скрыть отъ васъ, что во время чтенія этихъ и многихъ другихъ мѣстъ, гдѣ гр. Толстой рисуетъ борьбу разумнаго сознания съ ложными ученіями, предо мною невольно возникала извѣстная лубочная народная картинка, изображающая грудь человѣка, въ которой борются, вооруженные соотвѣтствующими атрибутами и символами, добрый духъ съ нѣсколькими злыми и, смотря по перипетіямъ этой борьбы, *то входятъ въ эту грудь, то выходятъ изъ нея*. Однако, несмотря на это обстоятельство и вообще на мое недовѣріе къ слишкомъ поэтическому языку въ философскихъ вопро-

сахъ, я все-таки чувствовалъ пріятное возбужденіе и ловилъ себя въ увлеченіи сейчасъ описанными художественными картинами. Само собою разумѣется, что другіе читатели, можетъ быть, *менѣ* меня *осторожные*, увлекаются этимъ художественнымъ изложеніемъ еще въ гораздо большей степени.

Но, къ сожалѣнію, подъ покровомъ этихъ эстетически возбуждающихъ образовъ, картинъ и иносказаній такіе читатели получаютъ *сомнительнаго качества*, съ точки зрѣнія логики, понятія, каковы, напримѣръ: а) что будто-бы человеческое существо состоитъ изъ 3-хъ началъ, различныхъ по сущности, подчиненныхъ разнымъ законамъ, могущихъ соединяться другъ съ другомъ и даже повиноваться одно другому, но могущихъ и быть въ борьбѣ, а именно: „вещества, животной личности и разумнаго сознанія“; б) что будто-бы человѣческое сознаніе не одно и то-же со всѣми психическими состояніями и дѣйствіями человѣка, а есть какъ-бы особое существо *), и во всякомъ случаѣ одно изъ состояній человѣка, въ которомъ онъ какъ-бы превращается въ особое мѣсто или сцену, на которой появляются, въ которую „проникаютъ“ и которою „овладѣваютъ“ различные актеры, какъ наприм.: истинный разумъ съ его ученіемъ и закономъ любви, животная личность съ ея похотями и ея союзниками, ложнымъ разумомъ и ложными ученіями фарисеевъ и книжниковъ; что актеры эти стараются привлечь на свою сторону и убѣдить зрителя и слушателя, т.-е. самого человѣка. Человѣкъ-же, по этому понятію, является чѣмъ-то особымъ отъ появляющихся на сценѣ сознанія актеровъ и ихъ голосовъ, и, въ качествѣ зрителя и слушателя, колеблется, склоняется то на ту, то на другую сторону, „оспариваетъ и заглушаетъ“ голосъ разумнаго сознанія и слушается похотей и ложныхъ ученій, за что и получаетъ наказаніе въ видѣ страданій и смерти; или-же

---

*) Такъ, наприм., въ главѣ IX-ой описывается „незамѣтный“ и постоянный ростъ разумнаго сознанія, совершенно такъ, какъ будто дѣло идетъ о растеніи или животномъ.

пробуждается отъ заблужденій, повинуется закону разума и получаетъ въ награду вѣчное и незыблемое счастье. Хотя я могъ-бы привести и другіе, но и этихъ двухъ пунктовъ, надѣюсь, будетъ достаточно для иллюстраціи того, какъ, при помощи поэзіи, въ систему гр. Толстого входятъ сомнительныя и просто ложныя понятія.

3. Теперь обращусь къ вашему утверженію, что будто-бы совѣмъ не важно, то-ли, другое или третье понятіе о разумѣ принимается гр. Толстымъ въ его системѣ. Я, конечно, несогласенъ съ этимъ утверженіемъ и, вопреки ему, полагаю, что всѣ три понятія о разумѣ логически могутъ быть связаны только съ различными міровоззрѣніями, что и подтверждается исторіей. Понятіе разума, въ смыслѣ особаго отъ другихъ и самосознательнаго верховнаго существа, составляетъ обыкновенно принадлежность системъ, которыя носятъ названіе *реализма*, *плюрализма* и *теизма*. Понятіе разума, какъ безличной высшей силы, составляетъ главнымъ образомъ принадлежность системъ, которыя носятъ названіе *идеализма*, *монизма* и *пантеизма*. Наконецъ, понятіе разума, какъ только специальной человѣческой способности къ мышленію, есть по преимуществу принадлежность *матеріализма*, *сенсуализма*, *позитивизма* и т. п. Такъ какъ никакая система, а также и система гр. Толстого, не можетъ, безъ ущерба ея логической состоятельности и послѣдовательности, въ одно время принадлежать къ одному, другому и третьему направленію, то ясно, что эти *три разнородныя* понятія о разумѣ могутъ держаться въ системѣ гр. Толстого только благодаря *противорѣчію*, *непослѣдовательности* и *смѣшенію* различныхъ точекъ зрѣнія, которыми онъ пользуется ради цѣлей своей проповѣди, произвольно переходя съ одной на другую. Конечно, эти свойства системы отразились и на ея этическомъ ученіи, что я и надѣюсь показать вамъ при дальнѣйшемъ моемъ разборѣ книги „О жизни“.

4. Вы совершенно вѣрно припомнили и выразили мою мысль и мнѣ, конечно, пріятно было услышать, что вы

усвоили ее, но я не могу согласиться съ вашимъ приложеніемъ ея къ философскимъ возрѣніямъ гр. Толстого. По-моему, эти возрѣнія болѣе соотвѣтствуютъ азіатскимъ религіямъ, нежели христіанству; и притязаніе гр. Толстого на отождествленіе своего ученія съ яко-бы очищеннымъ христіанствомъ, несостоятельно и основано на весьма крупномъ недоразумѣніи, въ которое впадаетъ какъ онъ самъ, такъ и его поклонники. Философія гр. Толстого вовсе не есть философія христіанства, а скорѣе всего философія браманизма и, пожалуй, еще болѣе буддизма. Какъ-бы ни было велико нѣкоторое внѣшнее сходство между буддизмомъ и христіанствомъ (наприм., въ заповѣди цѣломудрія, институтѣ монашества и многихъ другихъ отношенійхъ) *), но все-таки *сущность* и *духъ* этихъ религій совершенно различны, а потому и то, что можетъ быть названо философіей буддизма или-же философіей христіанства, совершенно различно.

Прежде всего философія буддизма пантеистическая или, говоря точнѣе, атеистическая, ибо верховнымъ началомъ, лежащимъ въ основѣ всего міра, является *не субстанція* самознательная или даже безсознательная, а *акциденція*, дѣйствіе, *дѣло* безъ дѣйствующаго существа. Точно также и міръ, по философіи буддизма, состоитъ не изъ существъ или субстанцій, мыслящихъ и дѣйствующихъ, а изъ дѣлъ, которыя происходятъ другъ отъ друга и которыя не имѣютъ начала и выходятъ изъ безконечности. Этотъ міръ дѣлъ и слагается въ призрочныя существа, въ призрочный временно-пространственный міръ вещей. Все познаніе, по буддѣйской философіи, и состоитъ только въ томъ, чтобы постичь эту призрочность и ея корень,—дѣла, которыя суть не что иное какъ выраженіе похотей, имѣющихъ призрочные объекты. Значить этика буддѣйской философіи естественно имѣетъ своею цѣлью коренное *уничтоженіе дѣлъ* или, что то-же, спасеніе отъ похотей, желаній и тѣмъ самымъ

*) См., напр., соч. Seydel'я: Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zu Budda-Sage und Budda-Lehre. 1882.

спасеніе отъ страданій, которыя суть неизбѣжныя слѣдствія желаній, имѣющихъ призрачныя, ежемгновенно измѣняющіеся и уходящіе въ безконечность, объекты или цѣли. Отсюда естественно также и то, что и послѣдняя цѣль этой философіи есть *ничто*, которое составляетъ и исходный пунктъ для того призрачнаго нѣчто, которое называется міромъ *). Совершенно противоположно этой философіи буддизма то философское міросозерцаніе, которое родственно христіанству. Въ этомъ міровоззрѣніи верховное существо есть одна изъ субстанцій и различается отъ другихъ не тѣмъ, что оно—субстанція, а эти существа акциденціи, какъ въ пантеизмѣ, а тѣмъ, что оно, по степени, есть высочайшая субстанція. Далѣе, міръ состоитъ изъ множества субстанцій, которыя хотя, въ силу своего участія въ природѣ высочайшей субстанціи, такъ сказать, идеально пребываютъ въ ней, но тѣмъ не менѣе суть все-таки самостоятельныя субстанціи, имѣющія свою особую индивидуальную природу и волю. Отсюда этика этого міросозерцанія имѣетъ *не одну только отрицательную* цѣль спасенія отъ страданій, *но и положительную*, а именно: всестороннее развитіе и усовершенствованіе природы каждаго существа до безконечности, или до того предѣла, который представляется въ высочайшемъ существѣ. Въ исторіи европейской философіи есть философскія системы, которыя дѣйствительно могутъ съ нѣкоторымъ правомъ претендовать на названіе философіи христіанства. Такъ, на примѣръ, въ еще до-христіанскомъ мірѣ нѣкоторые элементы этой христіанской философіи предвосхищены разными формами платонизма и стоицизмомъ. На границѣ между новымъ и средневѣковымъ міромъ, въ эпоху Возрожденія, мы находимъ образчики философіи христіанства, на примѣръ, у Николая Кузанскаго, у Кампанеллы и, какъ это ни покажется страннымъ, у Джордано Бруно. Въ новое время болѣе всѣхъ можетъ претендовать на названіе

*) Позволю себѣ указать читателямъ на мою книгу: „Очерки изъ исторіи философіи“, гдѣ подробно изложена философія буддизма.

своего міровоззрѣнія „христіанской философiей“ Лейбница. Затѣмъ традиціи Лейбница, смѣшиваясь съ нѣкоторыми инородными элементами, отражаются въ философiи Канта и его преемниковъ и доходятъ до самаго послѣдняго времени, гдѣ, по моему мнѣнію, основные пункты философiи Лейбница находятъ болѣе полное развитіе у нѣкоторыхъ представителей современной философiи, каковы, на примѣръ, Лотце, Бергманъ и Тейхмюллеръ *). Итакъ, отстранивши высказанное вами притязаніе, что будто-бы философiя гр. Толстого есть философiя христіанства, я перехожу къ предметамъ, на которыхъ остановился въ прошломъ письмѣ, т. е. къ понятіямъ знанія и истины въ книгѣ „О жизни“. Напрасно стали-бы мы искать у гр. Толстого *точно* и *систематическаго* разрѣшенія вопросовъ: что такое знаніе, что такое истина и какими методами или способами обезпечивается пріобрѣтеніе ихъ, — однимъ словомъ, чего-либо въ родѣ выраженія принциповъ его логики и теоріи познанія. Но такъ какъ имъ несомнѣнно признается существованіе знанія и истины съ ихъ противоположностями, — незнаніемъ, ложью или заблужденіемъ, и такъ какъ онъ не мало дѣлалъ указаній на тѣ или другія частныя, отдѣльныя истины, а также и отдѣльныя заблужденія, то мы и займемся этими указаніями, которыми особенно богаты главы XI, XII, XIII, XIV и слѣд. Въ нихъ, по-моему, даже формулировано гр. Толстымъ нѣчто въ родѣ *принципа познаваемости*, который поможетъ намъ образовать нѣкоторое понятіе о теоріи познанія той системы, къ которой относится книга „О жизни“. Я не стану излагать вамъ содержанія этихъ главъ, такъ какъ вы имѣете подъ рукою книгу и всегда можете прочесть и провѣрить основанія для моей критики **), къ которой я прямо и перехожу.

*) Бергманъ и Тейхмюллеръ, къ сожалѣнію недавно умершій, совершенно неизвѣстны въ Россіи, несмотря на то, что послѣдній былъ русскій подданный и профессоръ русскаго университета (Дерптскаго).

**) Для читателей-же этой статьи книгу гр. Толстого почти вполнѣ замѣняетъ изложеніе.

По моему крайнему разумѣнію всѣ разсужденія гр. Толстого въ вышеозначенныхъ главахъ, при совершенно вѣрно и оригинально поставленномъ исходномъ пунктѣ, заключаютъ въ себѣ крупныя *недоразумѣнія*, которыя сбиваютъ автора съ вѣрно начатаго пути и ведутъ его въ лабиринтъ *затрудненій* и даже *противорѣчій*. Теперь я формулирую этотъ вѣрный исходный пунктъ или *принципъ познаваемости* гр. Толстого, а потомъ укажу на недоразумѣнія.

Исходный пунктъ. Совершенно вѣрно утверждаетъ гр. Толстой, что намъ доступнѣе всего наше *сознаніе*, и притомъ наше *настоящее сознаніе*, и что безъ того намъ было-бы рѣшительно ничего неизвѣстно, несмотря на самое тщательное изученіе исторіи существованія матеріальныхъ вещей, животныхъ и людей. Точно также неоспорима, по-моему, и та истина, что изученіе *внѣшнихъ* вещей не можетъ научить насъ ничему о насъ самихъ, о нашихъ цѣляхъ, стремленіяхъ, радостяхъ, страданіяхъ, вообще о нашей жизни, о нашемъ существѣ и его свойствахъ. Конечно, обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ непосредственно даннаго намъ нашего сознанія. Поэтому я вполне согласенъ съ гр. Толстымъ, что совершенно ложны тѣ ученія, которыя въ движеніи вещества видятъ причину всего совершающагося въ мірѣ, а также и причину нашихъ лѣтательностей и состояній. Изученіе законовъ вещества и законовъ, выведенныхъ изъ историческаго существованія вещей, не можетъ научить насъ смыслу и значенію нашей жизни; поэтому изъ всѣхъ познаваемыхъ вещей наибольшую *важность* и наибольшую *достоверность* имѣетъ для познающаго его внутренняя жизнь, его разумъ, воля и чувство. Затѣмъ уже эта важность и достоверность познанія уменьшаются по мѣрѣ уменьшенія близости познаемаго предмета къ намъ самимъ. Совершенно справедливо также утверждаетъ гр. Толстой, что достовернѣе всего мы знаемъ о себѣ, потомъ о намъ подобныхъ людяхъ, далѣе—о животныхъ, растеніяхъ и наконецъ о мертвомъ веществѣ.

Центральнымъ пунктомъ всякаго знанія должно быть знаніе самого себя, такъ что „все дѣйствительное человѣче-

ское знаніе заключается у каждаго въ своемъ я“ (XII), все-же прочее мы можемъ понимать только изъ себя и только въ такой степени, въ какой оно похоже на насъ и есть „наше отраженіе“ (XIII).

Теперь я укажу на **недоразумѣнія**.

Когда гр. Толстой говоритъ о сознаніи какъ объ области нашего достовѣрнаго познанія, то говоритъ не *просто о сознаніи*, а по большей части о какомъ-то „разумномъ сознаніи“. Это „разумное сознаніе“ онъ противопоставляетъ „животному сознанію“, которое тоже принадлежитъ намъ, но которое не есть *мы*, а составляетъ какую-то „нашу животную личность“ или „животную индивидуальность“. Вотъ этотъ-то пунктъ и составляетъ для меня одинъ изъ большихъ камней преткновенія въ пониманіи системы гр. Толстого.

Я-же съ своей стороны думаю, что не только у насъ, но вообще у сознающихъ существъ нѣтъ двойного, тройного и т. д., однимъ словомъ, *множественнаго* сознанія: что бы ни составляло *предметъ* сознанія каждаго существа и будетъ-ли оно *обширно* или *мало* по объему, оно входитъ въ единое сознаніе этого существа. Во всякомъ случаѣ каждый изъ насъ, т.-е. изъ людей, *непосредственно сознаетъ* это *единство* и приписываетъ всѣ различныя по содержанію элементы своего сознанія одному и тому-же, также непосредственно сознаваемому, своему существу, которое и называетъ словечкомъ „я“. Такое-же единство сознанія и единство сознающаго существа каждый, по аналогіи, приписываетъ и всѣмъ другимъ людямъ, а также и животнымъ. Самымъ сильнымъ *подтвержденіемъ* вѣрности этой нашей аналогіи служатъ для каждаго *связность, сопринадлежность и единство цѣли*, обнаруживающіяся въ дѣйствіяхъ людей и животныхъ. Поэтому для меня, наприм., допустить, чтобы во мнѣ самомъ или въ какомъ-либо другомъ, подобномъ мнѣ, существѣ совмѣщались различныя сознанія, такъ-же невозможно, какъ невозможно допустить, что я есмь заразъ и Козловъ, и сосѣдній лавочникъ Ивановъ, или бѣгушій по крышѣ котъ

Васька. Но точно также я не могу допустить и того, чтобы этот котъ Васька былъ заразы и бѣгающей по улицѣ собакой Волчкомъ, или чтобы въ немъ вмѣстѣ съ его кошачьимъ сознаниемъ совмѣщалось и сознание собачье, такъ что кошачье сознание, выражаясь картиннымъ языкомъ гр. Толстого, влекло-бы Ваську бѣгать по крышѣ и тамъ искать своего блага, а собачье сознание говорило-бы ему, что это невозможно, ибо это грозитъ смертию, и что благо возможно только на улицѣ.

Въ связи съ этимъ допущениемъ *нѣсколькихъ сознаний въ одномъ существѣ* стоятъ, по-моему, и другія недоразумѣнія въ *принципѣ познаваемости* гр. Толстого. По этому принципу мы всего полнѣе и лучше познаемъ то, „въ чемъ наиболѣе участвуетъ наше сознание“, т.-е. то, что касается насъ-же самихъ. Внѣшніе-же предметы, „по преимуществу опредѣляемые законами пространства и времени, мы знаемъ тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе въ познаніи ихъ участвуетъ наше сознание. Мы не понимаемъ и не знаемъ ихъ, а только получаемъ о нихъ нѣкоторое представленіе“. Такимъ образомъ знаніе наше въ переходѣ отъ самихъ себя къ другимъ людямъ, животнымъ, растеніямъ постепенно уменьшается и наконецъ, по словамъ гр. Толстого, „вещество мы понимаемъ меньше всего,—мы только его видимъ, но не знаемъ“. Поэтому сколько-бы и какъ-бы тщательно мы ни наблюдали законы и „жизнь въ пространствѣ и времени, совершающуюся безъ нашихъ усилій, она всегда останется для насъ тайной“.

Во всѣхъ этихъ положеніяхъ истинная основа, по-моему, такъ *переплетена и перепутана* съ недоразумѣніями, что я считаю весьма нелегкимъ выдѣлить ихъ изъ этой основы, ясно формулировать и указать на ихъ источникъ; однако, попытаюсь.

Важнѣйшія изъ этихъ недоразумѣній состоятъ, по-моему, въ заблужденіи, что будто-бы мы можемъ знать что-либо *помимо* и какъ-бы *внѣ нашего сознанія*. Гр. Толстой несомнѣнно

выражаетъ эту ошибочную мысль, когда въ несовсѣмъ ясныхъ выраженіяхъ говоритъ, что одни изъ познаваемыхъ предметовъ являются намъ въ „нашемъ сознаніи“, а другіе являются намъ какъ-то „во внѣшнемъ представленіи“, и что первые мы „знаемъ“, а вторые только „видимъ и наблюдаемъ въ пространствѣ и времени“. Я - же съ своей стороны думаю, что „сознаніе наше участвуетъ“ въ познаніи какихъ-бы то ни было предметовъ и даже самого пространства и времени, потому что внѣ этого сознанія для насъ никакихъ предметовъ и никакого познанія и нѣтъ. Весь міръ, который мы можемъ понимать и называть „не я“, познается нами чрезъ наше-же сознаніе: какимъ-либо образомъ соприкасаться и прямо наблюдать этотъ міръ, видѣть, слышать, осязать его и проч. мы рѣшительно не можемъ. Все это видѣніе, слышаніе, осязаніе и прочіе процессы такъ-называемаго чувственнаго воспріятія вмѣстѣ съ его *условіями*: пространствомъ, временемъ, движеніемъ и матеріею,—суть не что иное какъ акты нашей-же дѣятельности и явленія нашего сознанія. Конечно, мы имѣемъ *вполнѣ разумное основаніе* за этими явленіями разумѣть и полагать существа; но объ этихъ существахъ мы знаемъ только на основаніи данныхъ нашего-же сознанія, которыя мы понимаемъ какъ слѣдствія нашей связи и взаимодействія съ другими существами, подобно намъ не подлежащими законамъ времени, пространства и движенія. Наши чувственныя ощущенія суть совершенно такая-же *наша принадлежность*, какъ и наша мысль, воля и чувство, но причина ихъ заключается не только въ насъ, но и въ другихъ существахъ; и все, что мы объ этихъ существахъ знаемъ и можемъ знать, есть дѣло нашего мышленія и нашего правильнаго умозаключенія о томъ, что въ явленіяхъ нашего сознанія должно быть отнесено на долю нашей собственной дѣятельности и причинности и что—на долю дѣятельности и причинности другихъ существъ, съ которыми мы состоимъ въ метафизической связи. Гр. Толстой, по-моему, впадаетъ въ ошибочную *половинчатость* и *односторонность* тѣмъ, что одни элементы нашего сознанія, относи-

мые имъ къ нашему внутреннему міру, считаетъ не подлежащими пространству и времени, а другіе, относимые имъ къ такъ-называемому внѣшнему міру, считаетъ подлежащими пространству и времени. Отъ этого, по его мнѣнію, „свой разумъ, свое благо, свою жизнь или стремленіе къ благу мы знаемъ“, а свою „животную личность“ и „вещество нашего тѣла“ мы только „видимъ или представляемъ внѣшнимъ образомъ“.

Я-же, вопреки этой односторонности гр. Толстого, утверждаю, что и *самое дѣленіе* предметовъ познанія на *внѣшній* и *внутренній* міръ есть до извѣстной степени остатокъ еще далеко не исчезнушаго первоначального наивно-реалистическаго міровоззрѣнія и что всѣ элементы нашего сознанія, не исключая и квази-внѣшнихъ предметовъ въ пространствѣ и времени, принадлежатъ и относятся *къ одному и тому-же* нашему внутреннему міру. Всѣ они, равно какъ и само пространство и время, суть только наши мысли или *идеи* (т.-е. нашъ внутренний міръ) и подлежатъ только законамъ нашей мыслящей дѣятельности. Въ силу всего сейчасъ сказаннаго, я вижу слѣды недоразумѣнія даже въ той *формулировкѣ*, посредствомъ которой гр. Толстой выражаетъ и свои вѣрныя положенія. Такъ, когда онъ говоритъ, что какъ-бы внимательно мы ни изучали законы вещества и законы историческаго бытія вещей, но безъ нашего сознанія намъ было-бы рѣшительно ничего неизвѣстно о нашей жизни, то изъ этихъ словъ видно, что онъ предполагаетъ возможность какого-то *внѣшняго наблюденія* законовъ безъ нашего сознанія о насъ самихъ. Я-же думаю, что безъ него *невозможно было-бы* ни тщательное, ни поверхностное наблюденіе; да нечего было-бы и наблюдать, потому что міръ цвѣтныхъ, звучащихъ, пахнущихъ, теплыхъ, холодныхъ, перемѣняющихся мѣсто и т. под. вещей самъ по себѣ не существуетъ и состоитъ изъ *образовъ*, строяемыхъ безсознательною дѣятельностью нашего *мысленія* и нашей *объективной* или *безсознательной фантазіи* на основаніи непосредственныхъ данныхъ нашего первоначальнаго сознанія, которыя принадлежатъ къ различнымъ родамъ,

а именно: сознанія о нашихъ *дѣятельностяхъ* съ ихъ *содержаніемъ* (познавательной съ категоріями и логическими формами, волевой и чувствовательной съ чувствами, стремленіями и желаніями, и двигательной съ безчисленными внѣшними и внутренними ощущеніями) и сознанія о *нашемъ индивидуальномъ существѣ* или субстанціи.

Параллельно и одновременно съ этими образами тѣ-же наши дѣятельности и на тѣхъ-же основаніяхъ первоначальнаго сознанія и также бессознательно вырабатываютъ и основныя идеи, служащія для *объединенія, обобщенія и распорядка* сперва, или, такъ-сказать, *въ первой инстанціи* этихъ образовъ, и, затѣмъ, или *во второй инстанціи* тѣхъ безчисленныхъ, самихъ по себѣ неустойчивыхъ, безпрерывно смѣняющихся и разнообразно переплетающихся первоначальныхъ и элементарныхъ *состояній* нашего сознанія. Эти упорядочивающія и объединяющія идеи или понятія и суть: *пространство, время, движеніе и матерія*. Для болѣе нагляднаго выраженія сейчасъ высказанной мною мысли позволю и я себѣ взять примѣръ и сдѣлать уподобленіе. Извѣстно, что всѣ реальныя, экономическія *цѣнности* состоятъ въ безчисленно-разнообразныхъ *дѣйствіяхъ* (трудъ, работъ) различныхъ существъ (людей, животныхъ, растений, химическихъ и физическихъ элементовъ). Для облегченія и упорядоченія перехода и пользованія этими цѣнностями существуетъ у людей фикція, посредствомъ которой всѣ безконечно разнообразные экономическіе акты и продукты *обозначаются и замѣняются* металлическими деньгами или-же бумажными обязательствами, при которыхъ еще лучше бросаются въ глаза фиктивность и условность этого идеальнаго замѣстителя реальныхъ актовъ и продуктовъ. Пространство, время, движеніе и матерія, вмѣстѣ съ составляющими ее образами вещей, суть въ области познанія такіе-же *замѣстители и регуляторы* реальныхъ элементовъ сознанія, каковыми служатъ деньги и бумажныя обязательства для реальныхъ цѣнностей въ мірѣ экономическомъ. Какъ безъ денегъ или вообще безъ замѣстителя актовъ и продуктовъ труда экономическая жизнь людей не

вышла-бы изъ самыхъ примитивныхъ формъ быта дикарей, такъ безъ идей пространства, времени, движенія и матеріи, распадающейся на образы вещей, умственная, а съ нею и вся культурная жизнь человѣчества была-бы почти въ такомъ-же неразвитомъ и низкомъ состояніи, въ какомъ она находится у высшихъ животныхъ, хотя имъ почти въ такой-же мѣрѣ, какъ и человѣку, доступна ббольшая часть элементовъ первоначальнаго сознанія и хотя они также, какъ и люди, изъ этихъ элементовъ вырабатываютъ *образы* вещей и пользуются ими въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ существамъ. Такимъ образомъ, по-моему, пространство, время, движеніе и матерія или вещество, какъ таковыя, вовсе не суть нѣчто таинственное, непонятное, какъ говорить о томъ гр. Толстой, но, напротивъ, они суть нѣчто чрезвычайное *прозрачное и ясное* для пониманія. Непонятными и таинственными они могутъ казаться только тогда, когда мы, не проникши въ ихъ идеальный характеръ и въ ихъ субъективное происхожденіе, считаемъ ихъ *реальностями* совершенно внѣшними для насъ, но въ то-же время доступными нашему наблюденію и воспріятію, хотя эта доступность и представляетъ непостижимую тайну, съ которою никакъ не могутъ справиться тѣ теоріи чувственного воспріятія, которыя признають реальнымъ вещество и его движеніе въ пространствѣ и времени.

Хотя гр. Толстой объ этомъ также, какъ и о другихъ пунктахъ его теоріи познанія, *прямо и систематически* нигдѣ не высказывается, однако я считаю невозможнымъ сомнѣваться въ признаніи имъ пространства, времени и вещества, подчиненнаго ихъ законамъ, *реальностями*, — признаніи, соединенномъ, конечно, съ неяснымъ понятіемъ объ ихъ происхожденіи и появленіи въ нашемъ сознаніи, что, по-моему, есть только другое выраженіе для вышеозначеннаго заблужденія, что можно знать что-либо *помимо и внѣ сознанія*. Вытекающія изъ этого заблужденія гр. Толстого недоразумѣнія всего ярче отражаются въ его *неправильномъ отношеніи* къ современной наукѣ, взятой въ ея цѣломъ составѣ, а съ ней и къ

тѣсно связанной съ нею европейской культурѣ и цивилизации.

Вы, конечно, помните, какъ презрительно относится, напр., въ III-й главѣ и слѣд. гр. Толстой къ представителямъ современной науки и на какую низкую ступень онъ низводитъ значеніе ихъ трудовъ сравнительно съ ученіемъ мудрецовъ: Лаодзы, Конфуція, Браминовъ, Будды и проч. Вы помните также и его упрекъ современнымъ образованнымъ людямъ въ томъ, что они, посвящая время на изученіе представителей наукъ, въ родѣ Гельмгольца или Спенсера, пренебрегаютъ этимъ ученіемъ мудрецовъ, которое „все можно купить за 5 руб. и прочесть въ двѣ недѣли и въ которомъ тѣмъ не менѣе заключена вся мудрость человѣчества, все, что сдѣлало человѣчество такимъ, какое оно есть“. При этомъ онъ изъ представителей наукъ нисколько не исключаетъ и представителей философіи, которую считаетъ такою-же ничтожною, какъ и другія науки, въ сравненіи съ ученіемъ мудрецовъ. Наконецъ, вы помните также, какъ, характеризуя въ частности тѣ или другія науки, онъ, наприм., историческія и политическія науки причисляетъ „къ празднымъ людскимъ разсужденіямъ о жизни“, а изученіе естественныхъ наукъ считаетъ „не только празднымъ, но и губительнымъ, такъ какъ они, исходя изъ своихъ основныхъ точекъ зрѣнія, закрываютъ отъ человѣка его единственный предметъ познанія и поддерживаютъ его въ томъ заблужденіи, что, изслѣдуя отраженіе предмета, онъ можетъ познать и самый предметъ“ (XI). Напомнивши вамъ все это, я теперь попытаюсь ясно обнаружить передъ вами недоразумѣнія, лежащія въ основѣ такого отношенія гр. Толстого къ европейской наукѣ.

Во первыхъ онъ признаетъ существованіе только наукъ, изучающихъ, по его выраженію, законы внѣшнихъ предметовъ въ пространствѣ и времени, но совершенно *пропускаетъ* и *импорируетъ* существованіе *цѣлаго отдѣла* наукъ, занимающихся какъ разъ предметами, открытыми намъ въ нашемъ сознаніи. Этотъ отдѣлъ наукъ вообще состоитъ изъ

наукъ о духѣ и распадается на *двѣ* большія группы: а) *фило-софскія* науки и б) *общественныя*. Первая группа заключа-етъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ дисциплинъ, а именно: *психологію, логику или теорію познанія, метафизику, этику, эстетику*. Вторая группа включаетъ въ себѣ науки *объ общество* и его различныхъ функціяхъ (впрочемъ, упомянутыя гр. Толстымъ подъ неопредѣленнымъ названіемъ наукъ политическихъ) и науки юридическія, *о правѣ*. Игнорируя всѣ эти науки, гр. Толстой ставитъ дѣло такъ, что какъ будто-бы въ европейской цивилизаціи существуютъ только науки естественныя и біологическія, заключающія ученіе о тѣлахъ, подлежащихъ законамъ пространства и времени, и о жизни, подчиняющейся этимъ законамъ. О предметахъ-же, открывающихся намъ въ нашемъ сознаніи, узнать что-либо можно, по его словамъ, только изъ ученій мудрецовъ. Между тѣмъ всѣ вышеназванныя мною науки, въ особенности науки философскія, именно и занимаются тѣмъ, что открывается намъ въ нашемъ сознаніи и что недоступно наблюденію внѣшнихъ чувствъ. Въ этихъ, игнорируемыхъ гр. Толстымъ, наукахъ мы найдемъ и ученіе „о своемъ разумѣ“ и его законахъ, и даже о „разумѣ, которому подчиняется весь міръ“; въ нихъ-же мы найдемъ и ученіе о „своемъ благѣ“, о любви и другихъ чувствахъ, о волѣ и „стремленіи къ благу“, изъ которыхъ состоитъ наша внутренняя жизнь; здѣсь-же мы найдемъ и ученіе о нашихъ обязанностяхъ по отноше-нію къ нашимъ ближнимъ, къ людямъ и даже къ другимъ существамъ, взятымъ въ отдѣльности, и объ нашихъ обязанно-стяхъ къ тѣмъ-же самымъ существамъ, взятымъ вмѣстѣ въ общественной жизни. Въ тѣхъ-же наукахъ мы найдемъ указа-нія и на наши права, какъ людей вообще и какъ членовъ общества въ частности; здѣсь-же мы найдемъ и ученіе о нормахъ жизни, которыхъ намъ приличествуетъ держаться, какъ разумнымъ существамъ и какъ членамъ общества, состоящаго изъ разумныхъ существъ. Что-же касается до уче-ній мудрецовъ, то я откровенно признаюся вамъ, что, не-смотря на все мое глубокое удивленіе и почтеніе къ нимъ,

какъ къ первоначальнымъ просвѣтителямъ людей въ разныхъ странахъ въ раннія, грубыя эпохи, я все-таки думаю, что ученіе о предметахъ нашего сознанія современныхъ европейскихъ, сейчасъ названныхъ наукъ, относится къ ученіямъ мудрецовъ такъ-же, какъ размышленіе зрѣлаго, опытнаго и возмужавшаго человѣка къ незрѣлымъ, неяснымъ, хотя возвышеннымъ и увлекательнымъ размышленіямъ юноши.

Во вторыхъ, гр. Толстой неосновательно расходится съ общимъ мнѣніемъ по вопросу о сравнительной ясности и понятности наукъ и по *достоверности* заключающихся въ нихъ знаній. По-моему въ этомъ пунктѣ общее мнѣніе правѣ автора книги „О жизни“. Общее мнѣніе считаетъ самою понятною и достоверною изъ наукъ прежде всего математику, потомъ механику; далѣе слѣдуютъ естественныя науки о веществѣ (физика, химія), потомъ біологія, потомъ общественныя науки и наконецъ психологія и вообще философскія науки. „Почему-же, спросите вы, общее мнѣніе право, а гр. Толстой не правъ?“ Да потому, отвѣчу я, что хотя во всѣхъ наукахъ человѣкъ, какъ выше было мною указано, имѣетъ дѣло только съ своимъ сознаніемъ, однако въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отдѣльные элементы этого сознанія ярко и рѣзко *выдѣлены* изъ цѣлой массы и изъ общей связи и единства всего содержанія сознанія и, въ этомъ абстрактномъ видѣ, *поставлены* передъ нашею мыслящею дѣятельностью сами себѣ, или объективно. Разумѣется, это выдѣленіе и постановка сдѣланы нами безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, ими обусловлена чрезвычайная ясность и понятность наукъ математическихъ и естественныхъ. Что такое, наприм., математика или механика, т.-е. науки о величинѣ, чистѣ, пространствѣ, времени и движеніи? Да онѣ суть не чтò иное, отвѣчу я, какъ ученіе объ объективированномъ, оторванномъ отъ реальныхъ актовъ нашей умственной дѣятельности, способѣ распредѣленія, упорядоченія и пониманія нашею познавательною дѣятельностью актовъ нашихъ-же дѣятельностей вообще. Эта объективированная и фиксированная какъ-бы на фотографической пластинкѣ наша-же дѣя-

тельность и является намъ въ наукахъ о времени, пространствѣ, движеніи, веществѣ и ихъ законахъ.

Но, начиная съ наукъ біологическихъ, эти законы значительно *осложняются*, начавшимся еще въ физикѣ и химіи, присоединеніемъ данныхъ нашего наличнаго, непосредственнаго сознанія, въ которыхъ отражается наша текущая, живая дѣятельность. Съ этого момента постепенно увеличиваются затрудненія въ изученіи предмета наукъ, ибо мы уже теряемъ, говоря фигурально, ту вымощенную и ровную почву, которую мы имѣли преимущественно въ наукахъ математическихъ и въ значительной степени въ физикѣ и химіи. Въ наше изученіе живого міра постоянно вплетается *несознаваемая* нами *аналогія* съ нашимъ непосредственно-сознаваемымъ существомъ и его функціями. Кромѣ того въ это изученіе входятъ, такъ-сказать, въ сыромъ видѣ (опыта и наблюдения) безчисленные акты сознанія о нашей собственной дѣятельности и ея содержаніи, въ чемъ открывается новый *источникъ затрудненій*, отражающійся въ наукахъ о живыхъ существахъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ выше по своимъ функціямъ живое существо,—слѣдовательно, преимущественно въ наукѣ о человѣкѣ (физиологіи, антропологіи, психологіи и пр.). Дѣло въ томъ, что въ нашихъ безчисленныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, ощущеніяхъ, въ явленіяхъ нашего чувства, воли и проч., содержаніе которыхъ дано не въ пространствѣ и времени, а въ живомъ наличномъ сознаніи, вмѣстѣ съ нашей дѣятельностью отражается и дѣятельность другихъ безчисленныхъ существъ, съ которыми мы находимся въ *механическомъ общеніи и взаимодействіи*. Отсюда чрезвычайно трудно изъ этого отраженія въ сознаніи *общей дѣятельности* нашей и другихъ существъ выдѣлить то, что есть выраженіе нашей дѣятельности и то, что есть выраженіе чужой дѣятельности и гдѣ мы играемъ пассивную роль. Поэтому совершенно справедливо то мнѣніе, что науки, трактующія о предметахъ непосредственно данныхъ въ нашемъ сознаніи, суть самыя трудныя для изученія, потому что представляютъ постоянную возможность ошибки и заблужденія.

Въ третьихъ, хотя первый и главный источникъ нашего знанія о жизни составляютъ непосредственныя данныя въ нашемъ сознаниі, но, вслѣдствіе вышеуказаннаго участія этихъ данныхъ во всѣхъ наукахъ, а слѣдовательно и въ наукахъ біологическихъ, историческихъ и общественныхъ, мы смѣло можемъ считать и эти науки источникомъ познанія о жизни въ *несравненно большей степени*, чѣмъ то допускаетъ гр. Толстой. Я даже пойду дальше и скажу, что посредствомъ данныхъ этихъ наукъ мы можемъ *повѣрять* показанія нашего непосредственнаго сознанія и даже *исправлять* тѣ иллюзіи и ошибки, въ которыя нерѣдко насъ вводятъ его показанія. Такъ, наприм., сплошь и рядомъ мы приписываемъ своимъ собственнымъ дѣятельностямъ хотѣнія, движенія и даже мышленія то, въ чемъ мы вовсе не повинны, — и приписываемъ только на основаніи иллюзіи, въ которыя вводитъ насъ непосредственное сознаніе. Затѣмъ въ вопросахъ о нашихъ радостяхъ и страданіяхъ мы должны руководиться данными наукъ, изучающихъ существованіе и жизнь въ зависимости отъ законовъ пространства и времени. Хотя пространство, время, движеніе и матерія и не суть реальности или не существуютъ сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе, въ силу ограниченности нашей природы, они суть необходимый *значокъ* нашихъ реальныхъ отношеній съ другими реальными существами, однако такой точный и вѣрный значокъ, что, при умѣнни толковать его, онъ не уступаетъ въ цѣнности своихъ показаній и непосредственному сознанію. Требовать, чтобы мы въ познаніи о самихъ себѣ и о своей жизни игнорировали данныя наукъ, изслѣдующихъ явленія жизни въ законахъ пространства, времени, вещества и движенія, походило-бы на то, какъ еслибы мы для познанія и сообщенія своихъ и чужихъ мыслей захотѣли отказаться отъ употребленія словъ и буквенныхъ значковъ этихъ словъ на томъ основаніи, что слова суть звуки, а не мысли, а буквы суть видимыя каракульки, а не звуки и не мысли. Да и самъ гр. Толстой, несмотря на его громкое заявленіе, что „истинная человѣческая жизнь есть совсѣмъ не то, что происходитъ въ

пространствѣ и времени“, все-таки, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о жизни и ея благѣ имѣетъ въ виду жизнь съ точки зрѣнія пространства и времени, что я и надѣюсь выяснитъ вамъ въ дальнѣйшемъ ходѣ моей критики книги „О жизни“.

Теперь-же, неудовлетворенный своими поисками за теоріей познанія гр. Толстого въ томъ пунктѣ, который я назвалъ *принципомъ познаваемости*, направлю эти поиски въ другую сторону, а именно: займусь разборомъ его указаній на тѣ или другія отдѣльныя истины, а также и отдѣльныя заблужденія, о которыхъ говорится въ разбираемой мною книгѣ. Но о результатѣ этихъ поисковъ я сообщу вамъ уже въ слѣдующемъ письмѣ.

А. Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О законѣ сохраненія энергіи.

A caecâ necessitate metaphysicâ, quae utique eadem est semper et ubique, nulla oritur rerum variatio.

Newton.

Законъ сохранения энергіи есть величайшій законъ физики, тотъ законъ; который обнимаетъ всѣ явленія, изучаемыя этою наукою, и даетъ ей такимъ образомъ строгое единство. Можно сказать, что физика есть наука о различныхъ видахъ энергіи и о превращеніяхъ одного изъ нихъ въ другой. Законъ этотъ открытъ недавно, сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и многіе (наприм. Гельмгольцъ) признаютъ его величайшимъ успѣхомъ, какой только совершили естественныя науки въ нашъ вѣкъ.

Вотъ удобный случай для того, чтобы предложить себѣ и разобрать вопросы, относящіеся къ самой сущности этого рода научныхъ изслѣдованій. Во первыхъ, какъ совершилось открытіе? То-есть, какой методъ привелъ ученыхъ къ познанію новой истины? Во вторыхъ, что содержится въ этой истинѣ? То-есть, какую связь между явленіями эта истинна указываетъ и опредѣляетъ? Наконецъ, что вносить новый законъ въ наше познаніе природы? То-есть, приближаетъ-ли онъ насъ къ тому пониманію природы, котораго мы болѣе или менѣе сознательно ищемъ? Всякій другой физиче-

скій законъ, всякое другое физическое познаніе могутъ дать поводъ къ подобнымъ вопросамъ; но законъ сохраненія энергіи въ этомъ отношеніи всего удобнѣе и интереснѣе, потому что въ немъ какъ-бы сосредоточена вся наука физики; тутъ вполне обнаруживается ея методъ, внутренній смыслъ и существенный захватъ.

I.

Замѣтимъ прежде всего, что законъ сохраненія энергіи былъ найденъ безъ помощи какихъ-нибудь вновь открытыхъ фактовъ. Тѣ ученые, которые производятъ все наше познаніе изъ опыта, часто говорятъ, что только одно накопленіе опытовъ и наблюденій расширяетъ наши познанія; а тутъ произошло огромное расширеніе физическихъ познаній безъ появленія хотя-бы единого новаго наблюденія или опыта. Въ первый разъ законъ былъ установленъ *Юліемъ Робертомъ Майеромъ* въ маленькой статьѣ, подъ заглавіемъ: *Замѣчанія о силахъ мертвой природы*, появившейся въ маѣ 1842 года въ *Анналахъ Химіи* Либиха. Майеръ служилъ лѣкаремъ въ Гейльброннѣ и не имѣлъ никакихъ возможностей дѣлать сложные опыты. Въ своей статьѣ онъ приводитъ какъ новый фактъ только то, что, когда онъ *сильно болталъ* какой-то сосудъ съ водою, то оказалось наконецъ повышеніе температуры воды на одинъ градусъ. Статья Майера, написанная смутно и слишкомъ кратко, не обратила на себя никакого вниманія. Въ 1845 году онъ отдѣльно издалъ въ Гейльброннѣ статью: *Органическое движеніе въ связи съ обмѣномъ вещества*, гдѣ яснѣе и подробнѣе излагаетъ свою мысль. По его словамъ, ему „удалось связать между собою безчисленныя явленія природы и вывести изъ нихъ нѣкоторый высшій основной законъ“ *). Однако-же, и тутъ нѣтъ никакихъ новыхъ опытныхъ изысканій. Вторая статья Майера также не возбудила вниманія ученыхъ, и черезъ два года Гельмгольцъ, ничего не знавшій объ трудахъ Майера, издалъ въ Берлинѣ свою небольшую

* J. R. Mayer, *Mechanik der Wärme*. Stuttg. 1867, стр. 16. (Это—собраніе его статей).

брошюру (*О сохраненіи силы*), въ которой самостоятельно установилъ тотъ-же самый законъ. Тутъ новый законъ былъ выраженъ въ точной и ясной научной формѣ, и показано его распространеніе на всю область физики. Но также, какъ и у Майера, нѣтъ и рѣчи о новыхъ фактахъ. Гельмгольцъ писалъ это свое разсужденіе въ Потсдамѣ, гдѣ служилъ тогда военнымъ лѣкаремъ, и не только не дѣлалъ ради его какихъ-нибудь опытовъ, но долженъ былъ при справкахъ довольствоваться тамошнею гимназическою библіотекою*).

Такъ совершилось открытіе этого закона. Его открыли два молодыхъ лѣкаря вдали отъ всякихъ ученыхъ пособій. Статьи, на которыя мы указали, составляютъ его дѣйствительное полное установленіе, и ихъ нельзя ставить на ряду съ тѣми чаяніями или предвзятіями новаго общаго закона, которыя появлялись ранѣе, или въ то-же время, у нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Въ особенности статья двадцатипятилѣтняго Гельмгольца есть дѣло вполне рѣшительное. Можно сказать, что это полная программа новой физики; физика имѣетъ теперь тотъ видъ, который далъ ей Гельмгольцъ этою программою, подобно тому, какъ химія получила свой теперешній видъ въ силу періодической системы элементовъ нашего Менделѣева.

Какъ-бы нарочно для того, чтобы вполне уяснить дѣло этого открытія, случилось, что въ то-же самое время были сдѣланы новые и очень хорошіе опыты, доказывавшіе, что физическія явленія, въ нѣкоторыхъ важныхъ, но еще неизслѣдованныхъ случаяхъ, происходятъ вполне согласно съ тѣмъ, что въ послѣдствіи стало называться закономъ сохраненія энергіи. Опыты эти дѣлалъ англичанинъ Джемсъ Прескоттъ Джоуль, двадцатипятилѣтній молодой человекъ, получившій домашнее воспитаніе и по профессіи пивоваръ (близь Манчестера). Какъ человекъ со средствами, онъ заказывалъ себѣ новые приборы и достигалъ очень точныхъ результатовъ.

Вслѣдствіе этого, потомъ, когда обнаружилась вся важ-

*) Ostwald's Klassiker. H. Helmholtz, Ueber die Erhaltung der Kraft, стр. 59.

ность новой истины, многіе, особенно англичане (Тэтъ), стали утверждать, что открытіе ея принадлежитъ собственно Джоулю, а не Майеру и Гельмгольцу. Произошелъ горячій и долгій споръ, въ которомъ приверженцы Джоуля, такъ сказать, стояли за эмпиризмъ, именно ни за что не хотѣли допустить, чтобы можно было открывать новые законы природы какъ будто аргіогі, не сдѣлавъ ни единого опыта; напротивъ, сторонники Майера не только этимъ не смущались, но иногда признавали новый законъ даже прямо за апріорный и находили основаніе его въ нѣкоторыхъ общихъ метафизическихъ положеніяхъ, которыя отчасти указывалъ и самъ Майеръ. Этотъ вопросъ, о первенствѣ открытія допускаетъ, однако, очень простое и твердое рѣшеніе. Очевидно, открывшимъ нужно считать того, кто первый провозгласилъ законъ, и притомъ сдѣлалъ это на достаточномъ основаніи. Джоуль изслѣдовалъ частные случаи, но вовсе не видѣлъ, что его опыты составляютъ подтвержденіе нѣкотораго общаго положенія, простирающагося на всѣ физическія явленія*). Майеръ, хотя и не зналъ новыхъ фактовъ Джоуля, прямо сказалъ, однако, что нашелъ „высшій основной законъ“ физическаго міра и указалъ при этомъ на тѣ основанія, на которыхъ онъ дѣйствительно опирается. Поэтому Тиндаль, Гельмгольцъ, а за ними и большинство ученыхъ справедливо признали Майера истиннымъ установителемъ закона.

II.

Сохраненіе энергіи было установлено безъ всякой помощи новыхъ фактовъ, но, конечно, установители принимали въ соображеніе *старые* факты. Тутъ былъ только сдѣланъ новый выводъ изъ тѣхъ основаній, которыя были прежде извѣстны. Общій видъ того, какъ происходило дѣло, изображенъ у Гельмгольца слѣдующимъ образомъ: „прогрессъ естествен-

*) Самъ Джоуль такъ рассказываетъ о своихъ трудахъ: „такъ какъ я думалъ, что опредѣленіе механическаго эквивалента теплоты дастъ намъ *средство объяснить разныя интересныя явленія*, то я началъ весною 1844 рядъ опытовъ“ и пр. (Писано въ 1851 году. См. *J. P. Joule, Das mechanische Wärme-equivalen. Gesammelte Abhandl. Braunsch. 1872, стр. 121*).

ныхъ наукъ зависить отъ того, что изъ наличныхъ фактовъ дѣлаются все новыя и новыя наведенія, и что потомъ слѣдствія этихъ наведеній, когда эти слѣдствія указываютъ на новые факты, сравниваются съ дѣйствительностію посредствомъ эксперимента“. „Но слава открытія [принадлежить тому, кто нашелъ новую идею; экспериментальная повѣрка составляетъ потомъ трудъ, имѣющій болѣе механической характеръ. Да и нельзя безусловно утверждать, что нашедшій идею обязанъ выполнить и вторую часть всего дѣла“ *).

Эти слова, цѣль которыхъ состоитъ въ сравненіи заслугъ Майера и Джоуля, были написаны въ 1868 году, слѣдовательно больше двадцати лѣтъ послѣ статьи *О сохраненіи силы*. Гельмгольцъ въ это время все больше и больше уклонялся въ сторону эмпиризма**),—уклоненіе, кажется, продолжающееся, и даже усиливающееся, до сихъ поръ. Поэтому, и въ приведенныхъ словахъ онъ, согласно съ теоріею эмпиризма, говорить, что новый законъ былъ *наведеніемъ* изъ наличныхъ, существовавшихъ (*vorhandenen*) фактовъ. Нѣсколько загадочное выраженіе, что наличные факты могутъ быть источникомъ какъ-будто неопредѣленнаго числа новыхъ (*immer neue*) наведеній. Но истинный видъ дѣла уясняется намъ, если обратимъ вниманіе на то, что для каждаго такого наведенія нужно сперва *найти новую идею*. Какъ совершается это нахожденіе, Гельмгольцъ не говорить; онъ только замѣчаетъ, что въ немъ содержится вся слава и сила открытія, такъ что подведеніе старыхъ фактовъ подъ идею и повѣрка ея новыми опытами, очевидно, имѣетъ уже низшее значеніе, составляетъ подвигъ *болѣе механической*, чѣмъ чисто умственный.

Если такъ, то въ чемъ-же состояла въ настоящемъ случаѣ новая идея? И какъ она могла возникнуть безъ помощи какого-бы то ни было новаго факта? Гельмгольцъ, можно сказать, говорить здѣсь по собственному опыту, ибо вѣдь онъ дѣйствительно самъ открылъ законъ сохраненія энергіи. Ес-

*) Тамъ-же, стр. 56.

**) Въ 1868 году онъ уже изложилъ теорію не-евклидовскаго пространства.

ли мы, поэтому, обратимся къ статьѣ *О сохраненіи силы*, то и получимъ отвѣтъ на наши вопросы.

Оказывается, что дѣло гораздо проще и яснѣе, чѣмъ можно было-бы предполагать. Идея, которая утверждается Гельмгольдомъ и распространяется имъ на всю физику, есть ничто иное, какъ одна изъ теоремъ теоретической механики, такъ называемое *начало живыхъ силъ*. Теорема эта была извѣстна давно; она найдена въ первый разъ Гюйгенсомъ, еще до появленія книги Ньютона, и утверждаетъ то самое, что мы теперь называемъ сохраненіемъ энергіи. Если-же такъ, то совершенно понятно, почему изслѣдованіе Гельмгольца вовсе не было вызвано какими-нибудь новыми фактами и вовсе въ нихъ не нуждалось. Притомъ, очевидно, это не было также какое-нибудь *новое наведеніе* изъ старыхъ фактовъ. Спрашивается, о чемъ-же говоритъ Гельмгольцъ, когда употребляетъ слова *открытіе, новая идея*? Въ чемъ заключается *истинная новость* его изслѣдованія?

Новость была, и новость великая, но состояла она только въ томъ, что всѣ физическія явленія, и недавно открытыя, и давно извѣстныя, подводились подъ давно извѣстный законъ живыхъ силъ. Новая *идея* заключалась въ томъ, что *физика должна безусловно подчиниться механикѣ*, что всѣ физическія явленія *подходятъ*, какъ частные примѣры, подъ общіе *механическіе законы*.

Гельмгольцъ прямо съ этого и начинается свое разсужденіе. Онъ задается вопросомъ о *последней и собственной цѣли* физики, разсуждаетъ вообще объ отысканіи причинъ явленій, о веществѣ, движеніи, силахъ, и приходитъ къ заключенію, что „задача физики состоитъ въ томъ, чтобы свести явленія на неизмѣнныя, притягательныя и отталкивательныя силы, напряженіе которыхъ зависитъ отъ разстоянія“ *). То-есть, замѣтимъ, на такія силы, дѣйствіе которыхъ вполне подчиняется закону живыхъ силъ. Безъ сомнѣнія, это ясное представленіе цѣли физическихъ изслѣдованій и желаніе поста-

*) Тамъ же, стр. 6.

вить всю науку на путь къ этой цѣли,—вотъ та новая мысль, которую признавалъ за собою Гельмгольцъ.

Майеръ, точно также, въ самомъ началѣ и первой и второй своей статьи ссылается на законъ живыхъ силъ; но, по удивительной способности отвлеченія и обобщенія, онъ образовалъ свое понятіе *силы*, или, какъ онъ говоритъ, физической *причины* (т.-е. энергіи), изъ самыхъ разнородныхъ частей; такъ, онъ подводитъ подъ это понятіе *теплоту*, хотя не считаетъ ея движеніемъ, *силу паденія* (Fallkraft), которую опредѣляетъ по вѣсу тѣла и по его разстоянію отъ земли, и т. д. Онъ утверждаетъ, что „законъ сохраненія живыхъ силъ основывается на общемъ законѣ неразрушимости причинъ“ *). Такимъ образомъ, сохраненіе энергіи понято имъ во всей его всеобщности, почему смѣло и твердо проведено по явленіямъ всякаго рода. Если-же Майеръ не видѣлъ, что это сохраненіе вполнѣ совпадаетъ съ закономъ живыхъ силъ, то это происходило, вѣроятно, отъ тѣхъ „недостатковъ въ его научномъ образованіи“, которые признаетъ у него Верде **).

III.

Что мысли Майера и Гельмгольца были дѣйствительно новы, доказывается сопротивленіемъ, которое онѣ встрѣтили въ ученomъ мѣрѣ, и сущность ихъ новизны видна по свойству этого сопротивленія, ибо оно не было простою инерціею.

„Очень трудно“,—пишетъ Гельмгольцъ,—„перенестись въ мысленную атмосферу того времени и ясно себѣ представить, до какой абсолютной степени дѣло тогда казалось новымъ“. „Въ тѣ времена еще нельзя было достигнуть славы и внѣшнихъ успѣховъ новымъ убѣжденіемъ; скорѣе наоборотъ“. „Майеръ только съ большимъ трудомъ могъ добиться мѣста для обнародованія своего перваго сжатого изложенія“ (въ Либиховыхъ Анналахъ); „знакомые ему физики отвергали его“. „Со мною было, хотя уже спустя нѣсколько лѣтъ, то-же

*) Mayer, тамъ же, стр. 6.

***) E. Verdet, Théorie mec. de la chaleur, T. I, p. XCVII.

самое“; „мнѣ было отказано въ помѣщеніи моего труда въ Поггендорфовыхъ Анналахъ, и, между членами Берлинской Академіи наукъ, за меня стоялъ одинъ Якоби, математикъ“ *).

Спрашивается, въ чемъ-же было затрудненіе? Конечно въ томъ, что у физиковъ тогда уже была извѣстная метафизика, уже были очень твердыя понятія о нѣкоторомъ мірѣ неизмѣннхъ вещей и дѣйствій, скрывающемся за измѣнчивымъ міромъ наблюдаемыхъ явленій. Они были убѣждены въ исконномъ разнообразіи веществъ и силъ, принадлежащихъ каждому веществу. „Это было,—пишетъ Верде,—несчастное время, когда законъ двойного преломленія считался аргументомъ въ пользу теоріи истеченія; когда превосходнѣйшія записки Френеля оставались забытыми и по нѣскольку лѣтъ подвергались опасности затеряться. Поэтому, когда Сади Карно пытался открыть общіе законы механической силы тепла, онъ, не колеблясь ни мгновенія, принялъ за исходную точку своихъ разсужденій *вещественность и слѣдовательно неразрушимость теплорода*“ **).

Вотъ гдѣ заключалось главное препятствіе. Твердо признавалось существованіе особаго вещества, *теплорода*,—такъ учили Лавуазье, Лапласъ, Фурье и за ними всѣ ученые. По этой метафизикѣ, ни одна часть теплорода, со всѣми свойствами, которыя ему принадлежатъ, не могла ни исчезнуть, ни вновь появиться, какія-бы механическія явленія при этомъ ни происходили. Майеру и Гельмгольцу пришлось прямо противорѣчить такому взгляду. Для нихъ, согласно съ закономъ живыхъ силъ, *теплота можетъ разрѣшиться въ движеніе и движеніе можетъ породить теплоту*. Это дѣлается совершенно понятнымъ, если мы представимъ, что сама теплота есть нѣкоторый родъ движенія,—представленіе, которому ничто не мѣшаетъ и которое вполне твердо высказалъ уже Юнгъ (1807).

Понятно, что на этомъ пунктѣ сосредоточилось все вниманіе физиковъ. Ученіе о сохраненіи энергіи они большею

*) *Helmholtz*, тамъ-же, стр. 57 - 59.

**) *Verdet*, тамъ-же, стр. XCV.

частію даже называютъ *механическою теоріей теплоты*; Гиндаль далъ своей книгѣ объ энергіи заглавіе: *Теплота какъ родъ движенія*, Майеръ назвалъ собраніе своихъ статей — *Механикою теплоты*, и т. д. Приложение закона живыхъ силъ къ явленіямъ тепла быстро создало цѣлую физикоматематическую науку, имя которой *термодинамика*.

Итакъ, новость и смѣлость „открытія“ состояла главнымъ образомъ въ низверженіи стараго предразсудка посредствомъ мысли тоже очень старой. Тутъ повторилось передъ нами явленіе, которое очень часто встрѣчается въ исторіи наукъ. Истина обыкновенно проста и легко бываетъ доступна прямому, непредубѣжденному взгляду. Но когда она заявляется въ первый разъ, она, почти безъ исключенія, встрѣчается съ предразсудками, которые уже заняли ея мѣсто и держатся на немъ съ величайшимъ упорствомъ. Мы, вообще, смотримъ на міръ сквозь густое облако понятій и образовъ, созданныхъ нами самими, и главныя усилія нашего ума тратятся на то, чтобы разогнать этотъ туманъ,—дѣло, которое, притомъ, вполне едва-ли кому удастся. Ученіе объ энергіи-должно было бороться съ ученіемъ о теплородѣ, какъ система Коперника боролась съ ученіемъ о неподвижности земли, взвѣшиваніе Лавуазье съ ученіемъ о флогистонѣ, эпигенезисъ съ теоріею заключенныхъ зародышей, перерожденіе организмовъ съ теоріею постоянства видовъ и т. д.

Въ настоящемъ случаѣ очень ясно видно также отношеніе, въ которомъ стоятъ между собою истина и предразсудокъ. Истина обыкновенно есть нѣкоторое общее положеніе, а предразсудокъ—частный фактъ, утверждаемый въ его особенности. Общее положеніе возникаетъ изъ понятій закономерно образующихся въ нашемъ умѣ, и оно постепенно заявляетъ свою силу, то-есть подчиняетъ себѣ частныя представленія. Открытіе закона энергіи есть ни что иное, какъ побѣда той мысли, что всѣ вещественныя явленія подчинены механическимъ законамъ,—слѣдовательно, побѣда тѣхъ началъ для пониманія физическаго міра, которыя провозглашены были Декартомъ.

И вотъ почему, Гельмгольцъ, который впослѣдствіи такъ рѣшительно говорилъ объ „открытіи“, о „новой идеѣ“, сначала, въ самой статьѣ *О сохраненіи силы*, ничего не говоритъ о какой-нибудь новости своихъ взглядовъ; онъ потомъ ссылался на это молчаніе, и вообще на содержаніе своей статьи, какъ на доказательство, что „для него уже тогда не могло быть и рѣчи о притязаніяхъ на первенство“, „насколько вообще, — прибавилъ онъ, — можетъ быть рѣчь о такихъ притязаніяхъ въ отношеніи къ общему принципу *)“. Значить, по его мнѣнію, общіе принципы суть такія положенія, что едва-ли можно приписывать опредѣленному лицу первенство въ ихъ открытіи.

IV.

Законъ сохраненія энергіи есть ни что иное, какъ одно изъ положеній теоретической механики, теорема, доказываемая математически на основаніи другихъ, болѣе элементарныхъ положеній. Какъ-бы ни было трудно дѣлать тѣ наблюденія и измѣренія, которыя необходимы, чтобы подводить потомъ всякаго рода явленія, подъ формулу этого закона, сама теорема и ея выводъ имѣютъ совершенную простоту и ясность, подобную той, какая всѣмъ знакома по геометрическимъ теоремамъ. Несмотря на то, этотъ законъ, какъ и вообще та наука, къ которой онъ принадлежитъ, страннымъ образомъ возбуждали и возбуждаютъ въ умахъ какой-то туманъ, отъ котораго не бываютъ свободны даже превосходные ученые и который почти неизбѣженъ у людей мало изучавшихъ предметъ.

Что такое механика? Чтобы освободить ея понятіе отъ всякихъ поводовъ къ образованію тумана, Кирхгофъ даетъ ей слѣдующее опредѣленіе.

„Механика есть наука о движеніи; задачу ея мы опредѣляемъ такъ: описать *вполнѣ и простѣйшимъ образомъ* движенія происходящія въ природѣ“.

„Движеніе есть перемѣна мѣста съ теченіемъ времени; то,

*) Тамъ-же, S. 59.

что движется, есть вещество. Для пониманія движенія необходимо представленія пространства, времени и вещества,—необходимы, но и достаточны*).

Конечно, вполне согласиться съ этимъ опредѣленіемъ такъ же нельзя, какъ нельзя было-бы считать правильнымъ опредѣленіе: геометрія есть наука, описывающая фигуры и формы, встрѣчающіяся въ пространствѣ. Развѣ какая-нибудь математическая наука можетъ заниматься только *описаніемъ* и только того, что *встрѣчается*? Кирхгофъ въ предисловіи объясняетъ точнѣе свою мысль: „Я хочу этимъ сказать (т.-е. словомъ *описать*),—говоритъ онъ,—что дѣло должно идти только о томъ, чтобы найти, *какія* явленія имѣють мѣсто, а не о томъ, чтобы отыскивать *причины*. Если такъ взять вопросъ и предположить представленія о пространствѣ, времени и веществѣ, то мы *посредствомъ чисто-математическихъ соображеній* придемъ къ общимъ уравненіямъ механики“. „Введеніе понятія силъ (т.-е. *причинъ*) здѣсь составляетъ лишь средство упростить способъ выраженія, именно средство выражать *въ короткихъ словахъ* уравненія, которыя безъ помощи этого слова (сила) очень трудно высказываются словами“. Для механики при этомъ нужно только одно: „чтобы всякое положеніе, въ которомъ идетъ рѣчь о силахъ, можно было перевести на уравненія“ **).

Мы видимъ теперь, въ чемъ дѣло. Механика, какъ и всякая другая математическая наука, занимается только *величинами*. Задача ея, какъ и всякой такой науки,—по однимъ величинамъ находить другія, или, какъ выражаются математики, *опредѣлять связь*, зависимость между величинами, т.-е. составлять уравненія, которыя хотя иногда называются различно—*теоремами, законами, началами* (принципами), но въ сущности всегда выражаютъ одно: при опредѣленномъ дѣйствіи надъ однѣми величинами мы необходимо получимъ опредѣленные другія величины. Для математика *вполнѣ описать* значитъ только и единственно — *указать точную мѣру и зависи-*

*) Kirchoff, vorlesungen üb. mathem. Physik, стр. 1

**) Тамъ-же, стр. III, IV.

мость. Объемъ-же математическихъ теоремъ безпредѣльный; ибо все это — условныя истины. Онѣ обнимаютъ не только то, что *встрѣчается*, но справедливы вообще, т.-е. окажутся вѣрными, *какъ только* встрѣтятся, и *если* встрѣтятся каковы бы то ни было случаи, подходящіе подъ ихъ формулы.

Такимъ образомъ, теоретическая механика есть не что иное, какъ математическая наука о вещественномъ движеніи; она предполагаетъ (т.-е. не опредѣляетъ, считаетъ данными) пространство, время и вещество—какъ нѣкоторыя величины, какъ нѣчто измѣримое, и задача ея состоитъ въ томъ, чтобы найти тѣ уравненія между этими величинами, которыя имѣютъ мѣсто при движеніи (и покоѣ).

„Обыкновенно,—пишетъ Кирхгофъ,—механику опредѣляютъ какъ науку о *силахъ*, а силы какъ *причины*, которыя производятъ или *стремятся* произвести движеніе“. „Но съ этимъ опредѣленіемъ связана та неясность, отъ которой никакъ нельзя освободить понятія силы и стремленія“ *).

Обойтись безъ этихъ понятій не только возможно, какъ видно изъ самой книги Кирхгофа, но въ сущности есть дѣло простое. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ понятіе силы; вотъ совершенно строгое изложеніе смысла, соединяемаго съ этимъ словомъ въ механикѣ:

„Говоря въ механикѣ о силахъ, *мы ничего не можемъ въ нихъ разсматривать*, кромѣ ускореній, которыя онѣ производятъ въ различныхъ тѣлахъ **). Поэтому, говоря: на тѣло дѣйствуетъ нѣкоторая сила по извѣстному направленію, мы только иначе выражаемъ положеніе: тѣло *находится въ такихъ обстоятельствахъ*, что получаетъ по сказанному направленію нѣкоторое ускореніе; такъ что направленіе ускоренія *называютъ* направленіемъ силы, которая дѣйствуетъ на тѣло, величину-же ускоренія *называютъ* обыкновенно величиною силы“ ***).

*) Тамъ-же, стр. III.

**) Ускореніемъ называется количество скорости, на которое она возрастаетъ въ единицу времени.

***) И. Вышнеградскій, „Элементарная механика“, Спб. 1860 г., стр. 106.

Слова эти были написаны лѣтъ за пятнадцать до книги Кирхгофа; изъ нихъ ясно видно, что для механики понятие силы вовсе не нужно, а нужно только точное опредѣленіе *обстоятельствъ* (то-есть отношенія другихъ тѣлъ) и ускоренія. А такъ какъ для разныхъ тѣлъ ускореніе при тѣхъ-же обстоятельствахъ бываетъ различное, то отсюда получается такое опредѣленіе: „сила равна массѣ тѣла, умноженной на ускореніе“ *). Изъ предыдущаго видно, что это не есть уравненіе между различными величинами, а простое *словесное* опредѣленіе, т.-е. заявленіе, что ускореніе умноженное на массу *называютъ* силою. Для механики, слѣдовательно, въ силѣ ничего нѣтъ, кромѣ ускоренія и массы, кромѣ этихъ величинъ, вполнѣ измѣряемыхъ и вычисляемыхъ. О сущности *того*, чему принадлежатъ эти величины, механика не говоритъ и не хочетъ говорить, точно такъ, какъ геометрія ничего не говоритъ о сущности пространства. Созданіе наукъ, вообще, основывается на подобныхъ отвлеченіяхъ. Мы ошибаемся, когда воображаемъ, что науки всегда углубляются въ свой предметъ, раскрываютъ его природу; обыкновенно, чтобы сложилось научное познаніе, необходимо отдалиться отъ предмета, остановиться на его отдѣльной чертѣ.

V.

Не должно обманываться словами, не должно держаться за ихъ ходячій смыслъ и подозрѣвать въ нихъ значеніе больше того, какое имъ приписано ихъ опредѣленіями.

Живую силу называется въ механикѣ произведеніе массы на квадратъ скорости, *работою*—произведеніе массы на ускореніе и на пройденное пространство. Такъ какъ эти произведенія часто употребляются, то за ними удерживаются эти особыя названія; какъ родились эти названія—вопросъ посторонній, но теперь они употребляются только для краткости и удобства рѣчи, а не для того, чтобы выразить свойства или сущность того, чтѣ имѣетъ эти величины.

*) Тамъ-же, стр. 108.

Теорема живыхъ силъ есть не что иное какъ уравненіе между этими двумя произведеніями; механика, посредствомъ чисто-математическихъ соображеній, доказываетъ, что работа равняется половинѣ живой силы, то-есть что, если станемъ считать, положимъ, съ начала движенія, то потомъ, какое-бы мы ни взяли мгновеніе, квадратъ скорости въ это мгновеніе равняется удвоенному произведенію ускоренія на пройденное пространство.

Возьмемъ какой-нибудь наглядный и простой примѣръ, гдѣ бы видно было значеніе этой теоремы. Очень удобно взять качаніе маятника, или также движеніе тѣла брошеннаго прямо вверхъ. Если повѣсить тѣло на гибкой нити, вывести его изъ отвѣснаго положенія и потомъ пустить, то оно подыметя по другую сторону отвѣса на ту-же высоту, съ которой его пустили. Поэтому, еслибы не мѣшала воздухъ и нить была абсолютно гибка, такое тѣло продолжало-бы свое движеніе безъ конца. Точно такъ, если мы бросимъ мячикъ прямо кверху, онъ достигнетъ высоты соотвѣтствующей размѣру движенія, которое получилъ, а потомъ станетъ падать. Если вообразимъ, что нѣтъ помѣхи, которую дѣлаетъ воздухъ, что притомъ мячикъ совершенно упругъ и падаетъ на поверхность абсолютно твердую (не принимающую никакого движенія), то онъ, отразившись отъ этой поверхности, долженъ подняться опять на ту-же высоту, и слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, сталь-бы безъ конца подыматься и падать.

Тутъ все время происходитъ ускореніе, когда тѣла понижаются, и замедленіе (величина противоположная ускоренію), когда тѣла подымаются; тутъ тѣла проходятъ извѣстныя пространства, и скорости ихъ измѣняются, то совершенно исчеза (когда мячъ на наибольшей высотѣ и маятникъ всего дальше отъ отвѣса), то возрастая и достигая наибольшей своей величины (когда тѣла доходятъ до низшей точки). Механика опредѣляетъ отношенія между этими величинами, именно доказываетъ, что въ каждой точкѣ пути квадратъ скорости равенъ удвоенному ускоренію, умноженному на

пройденный путь (тутъ нѣтъ различныхъ массъ, и потому количество массы не входитъ въ уравненіе).

Въ то-же время очевидно, что тутъ *ничто* сохраняется, т.-е. остается неизмѣннымъ, потому что тутъ въ каждое мгновеніе повторяется въ точности то состояніе, которое уже было и которое въ свою очередь должно повести за собою новое такое-же состояніе. Чтобы выразить математически такое сохраненіе, механики говорятъ, что тутъ въ каждое мгновеніе *дѣйствительная* живая сила, сложенная съ *возможною* живою силою, равна нѣкоторой неизмѣнной величинѣ. Тогда выйдетъ, что чѣмъ больше дѣйствительная живая сила, тѣмъ меньше возможная, и наоборотъ; сумма-же ихъ будетъ всегда одна и та-же. Такъ, когда эти тѣла находятся на высшей своей точкѣ, они на мгновеніе останавливаются, то-есть, лишаются всякой скорости, слѣдовательно не представляютъ никакой живой силы (значить и работа ихъ равна нулю); но за-то они тутъ имѣютъ возможность пріобрѣсти вновь свою наибольшую живую силу и достигнуть наибольшей своей работы. Ихъ выгода, такъ сказать, заключается въ ихъ *положеніи*, и легко видѣть, что въ механическомъ смыслѣ положеніе значить гораздо больше, чѣмъ въ смыслѣ геометрическомъ: намъ нужно было *поднимать* маятникъ на ту высоту, до которой онъ потомъ доходить при каждомъ качаніи, и нужно было сообщить мячику скорость, соответствующую высотѣ его подъема. Значить, нужны были первоначально извѣстныя движенія, при чемъ входила въ расчетъ и масса этихъ тѣлъ.

Теперь мы можемъ дать нашему закону его общепринятое, установившееся выраженіе. Чтобы избѣжать смѣшенія съ тѣмъ понятіемъ о силѣ, о которомъ мы упоминали, принято „живую силу“ называть *энергіею*. Энергія бываетъ двухъ родовъ: дѣйствительная живая сила называется *энергіею движенія*, или *кинетическою*; возможная живая сила есть *энергія положенія* или *потенціальная*. Законъ сохраненія энергіи гласитъ: *сумма кинетической и потенциальной энергіи есть количество неизмѣнное.*

VI.

Чтобы еще больше уяснить понятіе *энергіи* и ея *сохраненія*, намъ кажется, будетъ очень полезно рассказать здѣсь небольшую полемику, которая возникла изъ-за этихъ понятій между Джономъ Гершелемъ и Ренкиномъ. Всякая теорія, всякая мысль уясняется, если мы научаемся строго отличать ея истинный смыслъ отъ неправильнаго истолкованія. Джону Гершелю пришли на умъ, относительно сохраненія энергіи, сомнѣнія, какія могутъ зародиться и у другихъ, по случаю этого закона. Свое возраженіе Гершель высказалъ въ статьѣ *О происхожденіи силы*, сперва явившейся въ общедоступномъ журналѣ, а потомъ въ сборникѣ статей Гершеля, носящемъ заглавіе *Familiar Lectures* (1867). Передадимъ сущность дѣла собственными словами знаменитаго астронома *):

„Признанное теперь господствующимъ въ физикѣ „начало сохраненія энергіи“, насколько оно стоитъ на научной основѣ, какъ правильный выводъ изъ динамическихъ законовъ, есть не что иное какъ извѣстная динамическая теорема о сохраненіи живой силы, *дополненная, для отраженія точности ея изложенія*, введеніемъ того, что называютъ „потенціальною энергіею“,—выраженіе, которое я не могу не считать несчастнымъ, ибо оно замѣняетъ „триуизмомъ“—выраженіе великаго динамическаго факта. Въ самомъ дѣлѣ, такого сохраненія, въ смыслѣ тождественности всего количества *живой силы* во всякое время и во всѣхъ условіяхъ—не существуетъ“.

Мы видѣли въ тѣхъ примѣрахъ, которые приведены выше, что, дѣйствительно, живая сила измѣняется—то убываетъ до нуля, то нарастаетъ до извѣстнаго предѣла.

„Итакъ,—продолжаетъ Гершель,—сохраненіе энергіи въ дѣйствительности вовсе не есть сохраненіе въ какомъ-либо точномъ смыслѣ этого слова. Можно доказать динамически, что полное количество живой силы въ какой-либо движущейся системѣ, предоставленной взаимодействию своихъ ча-

*) Мы воспользуемся прекраснымъ переводомъ С. А. Рачинскаго: *Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ Джона Гершеля*. Москва, 1868.

стиць, завися по своей величинѣ въ каждое мгновеніе отъ относительнаго положенія частицъ въ это время (или, выражаясь алгебраически, будучи функціею ихъ взаимныхъ разстояній), имѣть максимумъ, выше котораго оно не можетъ подняться, и минимумъ, ниже котораго оно не можетъ спуститься. Итакъ, каково - бы ни было состояніе системы, есть извѣстное количество, на которое ея дѣйствительная живая сила меньше крайне возможной, и говорить, что количество этой разности, сложенное съ настоящимъ количествомъ силы, составитъ максимумъ, — есть ни болѣе ни менѣе какъ „трюизмъ“; все равно, выражень - ли онъ этими словами, или такъ: сумма потенциальной и дѣйствительной энергіи неизмѣнна; или еще иными словами: когда извѣстныя измѣненія происходятъ во взаимномъ положеніи частей системы, она пріобрѣтаетъ столько-же потенциальной энергіи, сколько утрачиваетъ дѣйствительной. Когда мы говоримъ о механической комбинаціи, что она выигрываетъ въ силѣ то, что утрачиваетъ во времени, то, хотя это также переводъ на разговорный языкъ динамическаго уравненія, употребленныя выраженія относятся къ разнымъ способамъ возрѣнія на трату силы. Но въ случаѣ, намъ подлежащемъ, выраженія представляютъ голую тождественность, изъ которой ничего нельзя вывести. Дѣйствительно, еслибы мы могли быть увѣрены а ргіогі, что предъ нами система, представляющая простую или сложную періодичность, то-есть система, въ которой извѣстный промежутокъ времени приведетъ всякую частицу къ тому-же самому положенію относительно всѣхъ другихъ, тогда мы могли-бы быть увѣрены, что, по природѣ вещей, происходило-бы періодически, такъ-сказать, поднятіе отъ низшей къ высшей степени потенциальной энергіи, которая затѣмъ обращалась-бы въ новую живую силу. Но, такъ какъ мы не можемъ имѣть такой увѣренности а ргіогі, а можемъ только представлять возможность такого возстановленія, и не можемъ себѣ представить эту возможность иначе, какъ въ силу предвѣдѣнія и предраспредѣленія, то и то и другое суть неизвѣстныя функціи, измѣнчивыя въ

неизвѣстныхъ предѣлахъ и подлежащія колебаніямъ въ неизвѣстныхъ размѣрахъ; и мы не имѣемъ никакого, ниже малѣйшаго права утверждать, чтобы потраченное въ одной формѣ откладывалось про запасъ для дальнѣйшей траты въ другой“ *).

Сначала можно подумать, что вопросъ здѣсь идетъ только о терминологіи; Гершель ничего не отвергаетъ въ ученіи объ энергіи, но находитъ, что слово *потенціальный* выбрано неудачно, что слово *сохраненіе* употребляется не въ точномъ его смыслѣ, что законъ сохраненія энергіи неправильно называется закономъ природы, ибо онъ не теорема, не какой-либо „великій динамическій фактъ“, а чистый трюизмъ, „голое тождество“. Но легко видѣть, что подъ этими замѣчаніями о терминахъ скрываются извѣстныя понятія о физикѣ, которыхъ держится Гершель и которыя отстаиваетъ. Общеупотребительное нынѣ выраженіе *потенціальная энергія* введено было (еще въ 1853 г.) Ренкиномъ, однимъ изъ основателей науки *термодинамики*. Поэтому Ренкинъ вступился за свой терминъ; но при этомъ онъ высказалъ превосходныя соображенія вообще о физическихъ теоремахъ и объ опредѣленіи физическихъ терминовъ. Мы воспользуемся этими соображеніями, чтобы уяснить себѣ, къ какому разряду истинъ принадлежитъ законъ сохраненія энергіи и каково его дѣйствительное содержаніе.

VII.

„Нельзя не признать,—пишетъ Ренкинъ,—что терминъ *потенціальная энергія* стремится придать изложенію закона сохраненія энергіи нѣкоторую *видимость* трюизма. Мнѣ кажется, однако-же, что таково должно быть всегда слѣдствіе обозначенія физическихъ отношеній словами специально приспособленными для выраженія свойствъ этихъ отношеній, или (что въ сущности сводится къ тому-же) *таково всегда слѣдствіе установленія точнаго и полнаго опредѣленія физическихъ терминовъ*“.

*) Стр. 315—317.

Итакъ, по Ренкину, законъ энергіи есть нѣкоторое *физическое отношеніе*, а свойства такихъ отношеній вытекаютъ изъ самаго опредѣленія физическихъ терминовъ, отчего и получается видимость трюизма.

„Пусть А и В означаютъ нѣкоторыя представимыя отношенія, и пусть этимъ А и В даны точныя и полныя опредѣленія; тогда изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ утвержденіе (теорема), что А и В относятся (въ свою очередь) между собою извѣстнымъ образомъ, и это утвержденіе принимаетъ видимость трюизма и содержится, какъ возможный выводъ, уже въ опредѣленіяхъ. Но оно не есть чистый трюизмъ, ибо если съ этими опредѣленіями соединятся два факта, полтверждаемые опытомъ и наблюденіемъ, именно, что существуютъ отношенія между реальными тѣлами, соотвѣтствующія опредѣленію А. — и что существуютъ также отношенія между реальными тѣлами, соотвѣтствующія опредѣленію В,—то теорема объ отношеніи между А и В становится не чистымъ трюизмомъ, а физическимъ фактомъ. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, „дѣйствительная энергія“ и „потенціальная энергія“ опредѣлены такимъ образомъ, что сколько какое-нибудь тѣло (или система тѣлъ) выигрываетъ въ одной формѣ вслѣдствіе взаимныхъ дѣйствій, столько оно теряетъ въ другой формѣ,—другими словами, что сумма энергій дѣйствительной и потенціальной „сохраняется“; это звучитъ подобно трюизму, но когда доказано опытомъ и наблюденіемъ, что существуютъ отношенія между реальными тѣлами, согласныя съ опредѣленіями „дѣйствительной энергіи“ и „потенціальной энергіи“, то то, что иначе было-бы трюизмомъ, становится фактомъ“ *).

Гершель, какъ мы видѣли, говорилъ, что живая сила (кинетическая энергія) есть нѣчто дѣйствительное, потенціальная-же энергія есть лишь нѣчто возможное, притомъ такое возможное, о которомъ мы никакъ не можемъ сказать, въ какой мѣрѣ оно когда-нибудь обратится въ дѣйствительность,

*) *Philos. Magazine* 1867. Febr.. p. 90. On the Phrase „Potential Energy“, and on the Definitions of Physical Quantities.

и даже обратится-ли въ нее хоть сколько-нибудь. Ренкинъ отвѣчаетъ, что оба вида энергіи одинаково подводятся подъ нѣкоторое высшее понятіе, что та и другая энергія равно представляетъ нѣкоторое *отношеніе между реальными тѣлами*, слѣдовательно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, нѣчто реальное. Если энергія дѣйствія (живая сила) и ея измѣненія суть факты, то такіе-же факты суть энергія положенія и ея измѣненія.

Гершель утверждалъ, что законъ энергіи есть лишь трюизмъ, голое тождество, то-есть нѣчто само собою разумѣющееся. Ренкинъ отвѣчаетъ, что это ничуть не говоритъ противъ закона, что такой видъ трюизма должны имѣть всѣ физическія теоремы, *какъ скоро онѣ выражены словами спеціально для нихъ приспособленными*. Въ самомъ дѣлѣ, всякая тождественность легко можетъ быть закрыта отъ насъ употребленіемъ словъ неимѣющихъ точнаго смысла. Но если будутъ установлены точныя и полныя опредѣленія физическихъ терминовъ, то, по мнѣнію Ренкина, физическія теоремы примутъ видъ тождествій. Такъ и терминъ *потенціальная энергія* только обнаружилъ тождественный характеръ закона энергіи, а вовсе не „замѣнилъ трюизмомъ великій динамическій фактъ“, какъ жаловался Гершель.

Ренкинъ утверждаетъ, что тождество въ законѣ энергіи есть, однако-же, только *видимое*, и что законъ этотъ нужно, несмотря на эту видимость, считать *фактомъ*, ибо онъ основанъ на отношеніяхъ между тѣлами, доказываемыхъ опытомъ и наблюденіемъ. Вполнѣ согласиться съ этимъ нельзя. *Фактомъ* мы называемъ познаніе, въ полученіи котораго участвуетъ исключительно только опытъ (сюда включается и наблюденіе); это есть простѣйшее познаніе чисто-эмпирическаго свойства. Между тѣмъ теорема есть нѣчто сложное и выводное; она предполагаетъ нѣкоторое доказательство и познается посредствомъ умозаключеній изъ того, что познано ранѣе: изъ аксіомъ, фактовъ, другихъ теоремъ. Нельзя сказать, напримѣръ, что теорема Пиеагора есть фактъ имъ найденный, хотя, можетъ-быть, въ Египтѣ она была извѣстна

просто изъ опытныхъ измѣреній,— такъ, какъ Кеплеромъ были найдены законы, названные его именемъ. Нужно думать, что Пиеагоръ обрадовался именно тому, что нашелъ ея общее доказательство и такимъ образомъ обратилъ ее изъ факта въ дѣйствительную теорему.

Итакъ, нельзя физическія теоремы принимать за факты; конечно, онѣ вполне могутъ быть познаваемы путемъ опыта, но наука постоянно стремится обратить ихъ сколько возможно въ умозрительныя истины.

Очень хорошо разсуждаетъ объ этомъ Карно.

„Безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—желательно было-бы въ каждой наукѣ строго указать ту точку, гдѣ эта наука перестаетъ быть опытною и становится совершенно рациональною: это значить — съумѣть довести до возможно-меньшаго числа тѣ истины, которыя мы принуждены почерпать изъ опыта и которыхъ, когда онѣ установлены, уже достаточно для того, чтобы, сочетая ихъ посредствомъ одного умозрѣнія, обнять всѣ развѣтвленія науки; но *это оказывается очень труднымъ*. Когда мы пытаемся слишкомъ высоко подняться посредствомъ одного умозрѣнія, мы подвергаемся искушенію составлять неясныя опредѣленія, слишкомъ широкія и не довольно строгія доказательства. Гораздо менѣе неудобно—брать изъ опыта больше данныхъ, *чѣмъ сколько того требуетъ, можетъ быть, строгая необходимость*; ходъ разсужденій тогда можетъ показаться менѣе изящнымъ, но онъ будетъ тверже и увѣреннѣе *).

Въ такомъ положеніи было дѣло сто лѣтъ тому назадъ и въ такомъ положеніи оно и теперь. До сихъ поръ въ физическихъ наукахъ очень трудно различить то, что дано опытомъ, отъ того, что принадлежитъ умозрѣнію. До сихъ поръ, для избѣжанія этой трудности, принимаются за нѣчто данное опытомъ такія положенія, которыя считать эмпирическими вовсе нѣтъ строгой необходимости. Однако-же, и тутъ сдѣланы нѣкоторые успѣхи: такъ мы видѣли, что у Кирхгофа

*) Carnot, Principes fondamentaux de l'équilibre et du mouvement. Par. 1803.

отнесена въ область математическихъ соображеній часть того, что прежде приписывалось опыту.

Къ сожалѣнiю, самой задачѣ, которая такъ отчетливо выставлена у Карно, многіе ученые не придаютъ важности, такъ что у нихъ иногда трудно разобрать, что они приписываютъ опыту и что умозрѣнiю. Ибо часто вся забота устремляется на результаты, а не на основанiя.

VIII.

Ренкинъ, хотя и называлъ законъ энергiи фактомъ, но, конечно, хорошо понималъ, что эта теорема математически основана на извѣстныхъ элементарныхъ положенiяхъ, которыя, если они взяты изъ опыта, заслуживаютъ имени факта уже въ точномъ смыслѣ этого слова. Поэтому онъ продолжаетъ свои рассужденiя слѣдующимъ образомъ:

„Опредѣленіе не можетъ быть ни истиннымъ, ни ложнымъ; ибо оно ничего не утверждаетъ, а только говоритъ: „пустъ такое-то слово или выраженіе употребляется въ такомъ-то смыслѣ“; но оно можетъ быть *реальнымъ*, или *фантастическимъ*, смотря по тому, соответствуетъ-ли или нѣтъ его содержаніе реальнымъ объектамъ и явленiямъ; и если при помощи опыта и наблюденiя составленъ рядъ опредѣленій, имѣющихъ реальность, точность и полноту, то облеченіе физическаго факта въ кажущійся видъ трюизма часто есть неизбѣжное слѣдствіе употребленiя терминовъ опредѣленныхъ такимъ образомъ“.

„Въ особенности, въ случаѣ *физическихъ количествъ*, опредѣленіе уже содержитъ въ себѣ *правило для измѣренiя количества*; и доказательство реальности опредѣленiя есть тотъ фактъ, что приложеніе этого правила къ тому-же самому количеству при различныхъ обстоятельствахъ даетъ согласные результаты, чего не могло-бы быть, еслибы опредѣленіе было фантастическое; и вотъ отчего, опредѣленіе какого-нибудь ряда физическихъ количествъ необходимо содержитъ въ себѣ математическія отношенiя между этими количествами, которыя (отношенiя), будучи выражены какъ тео-

ремы и сравнены съ опредѣленіями, получаютъ видимость трюизмовъ, но въ то-же время суть фактическія положенія“.

Вотъ драгоценное разсужденіе знаменитаго физика, касающееся самыхъ основъ науки, но едва-ли многими понимаемое и цѣнимое. Вся физика держится на измѣреніяхъ: безъ измѣреній нельзя прилагать математики и не будетъ никакой физической науки; только то и можно признать количествомъ, что измѣримо. И вотъ Ренкинъ утверждаетъ, что коренной и единственный фактъ физики заключается въ самой *измѣримости* ея количествъ, т.-е. въ томъ, что для каждаго количества есть мѣра, которая прилагается къ нему всегда, при всякаго рода обстоятельствахъ. Слѣдовательно, вся физика основывается лишь на томъ, что въ природѣ *возможны и существуютъ количества*; отсюда уже сами собою вытекаютъ физическіе законы, имѣющіе поэтому видъ тождесловіи. Таковъ и законъ сохраненія энергіи.

IX.

Ренкинъ далѣе развиваетъ свою мысль еще съ большей отчетливостію. Ради высокой теоретической важности предмета, мы приведемъ здѣсь вполнѣ эти разсужденія.

„Для поясненія предыдущихъ принциповъ, укажемъ на то, что есть извѣстный рядъ опредѣленій мѣры времени, силы и массы, вслѣдствіе которыхъ законы движенія приводятся къ формѣ трюизмовъ. Таковы:

„I. Пусть *равныя времена* значить—времена, въ которыя движущееся тѣло, свободное отъ вліянія какой-бы то ни было силы, проходитъ равныя пространства. Что это есть реальное опредѣленіе, доказывается фактомъ, что времена, оказавшіяся равными при сравненіи посредствомъ свободного движенія одного тѣла, равны также при сравненіи посредствомъ свободного движенія другого тѣла. Еслибы опредѣленіе было фантастическое, то времена могли-бы быть равными при измѣреніи свободнымъ движеніемъ одного тѣла и неравными при измѣреніи движеніемъ другого.

„II. Пусть *сила* значить—такое отношеніе между двумя тѣ-

лами, что ихъ относительная скорость измѣняется или стремится измѣниться по величинѣ или по направленію; или по тому и другому; и пусть *равныя силы* значить—силы, которыя дѣйствуютъ, когда равныя измѣненія относительной скорости данныхъ двухъ тѣлъ происходятъ въ равныя времена. Что это опредѣленіе реально, доказывается фактомъ, что сравнительныя измѣренія силъ, сдѣланныя въ различные промежутки времени, согласны между собою, чего не было-бы, еслибы опредѣленіе было фантастическое.

„III. Пусть *масса* какого-нибудь тѣла значить—количество обратно пропорціональное измѣненію скорости, сообщенной этому тѣлу въ данное время данною силой. Что это есть реальное опредѣленіе, доказывается фактомъ, что отношеніе между массами двухъ данныхъ тѣлъ на опытѣ всегда оказывается то-же самое, когда эти массы сравниваются посредствомъ скоростей сообщенныхъ имъ различными силами и въ различныя времена, и также остается тѣмъ-же самымъ, будетъ-ли каждая изъ массъ измѣрена какъ цѣлое, или-же какъ совокупность нѣкотораго ряда частей.

„Если принимать эти опредѣленія за чисто вербальныя, не обращая вниманія на ихъ реальность, то законы движенія принимаютъ форму вербальныхъ трюизмовъ; но если опытъ и наблюденіе удостовѣряютъ насъ, что постоянныя отношенія существуютъ между реальными тѣлами и реальными событиями, соотвѣтствующими опредѣленіямъ, то эти кажущіеся трюизмы обращаются въ утвержденія фактовъ“ *).

Чрезвычайно замѣчательна здѣсь попытка указать дѣйствительныя фактическія основы, на которыхъ держится наука механики. Если старательно вникнуть въ слова Ренкина, то окажется, что всѣ его факты суть утвержденія нѣкоторой, такъ сказать, *однородности* или *однообразія* стихій, образующихъ вещественно движеніе. Напримѣръ, относительно *времени* фактъ состоитъ въ томъ, что время совершенно *одинаково* для всѣхъ тѣлъ, такъ что мѣра времени не зависитъ отъ

*) Тамъ-же, р. 91, 92.

того, какое тѣло мы употребимъ для его измѣренія. (Точно также, разумѣется, и пространство совершенно одинаково для всѣхъ тѣлъ). Относительно *силы*, то-есть обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ ускореніе, фактъ состоитъ въ томъ, что все равно, когда и гдѣ и какое тѣло будетъ находиться въ этихъ обстоятельствахъ, лишь-бы только масса тѣла была та-же самая. Величина ускоренія при всемъ этомъ будетъ одинакова. Наконецъ, относительно *массы* фактъ состоитъ въ томъ, что она остается совершенно одинаковою по отношенію ко всякимъ пространствамъ, временамъ, ускореніямъ и тѣламъ; къ различнымъ ускореніямъ она относится только соразмѣрно ихъ величинамъ, и къ различнымъ тѣламъ соразмѣрно ихъ массамъ.

Эти-же самыя положенія можно выразить еще другими словами; можно сказать такъ:

Мѣра каждаго изъ этихъ количествъ, опредѣленная при одномъ случаѣ, *идетъ и для всѣхъ другихъ случаевъ*. Напримеръ, мѣра массы, найденная при одномъ опытѣ, окажется тою-же и во всякихъ другихъ опытахъ, при всякихъ другихъ ускореніяхъ, во всѣ времена и во всѣхъ пространствахъ. Вотъ какого рода *факты* лежатъ въ основаніи механики. Но, очевидно, это не есть особенное свойство тѣхъ количествъ, которыя разсматриваются механикою, а свойство принадлежащее вообще количеству. Чтобы можно было что-нибудь измѣрять, необходимо, чтобы то, чтѣ мы измѣряемъ, не измѣнялось и не исчезало у насъ подъ руками, нужно, чтобы при соединеніи и раздѣленіи частей величина ихъ не нарушалась, нужно, чтобы ту-же самую разъ найденную мѣру всегда и всюду можно было найти по нѣкоторому правилу.

Поэтому, общій фактъ, признаваемый механикою, можно кратко выразить такъ: ускореніе и масса (или, пожалуй, сила и вещество) *суть количества*.

Количества способны имѣть опредѣленную величину. Равныя количества—значить количества, величина которыхъ *одна и та-же*. Отсюда возможность всякихъ равенствъ, уравненій и тождесловій, то-есть всей математики. Теоретическая

механика, такимъ образомъ, есть наука вполнѣ математическая.

Въ концѣ своей статьи Ренкинъ останавливается на понятіи *сохраненія* и дѣлаетъ замѣчанія, очень важныя для поясненія роли этого понятія.

„Одинъ изъ главныхъ предметовъ математической физики состоитъ въ томъ, что она, помощію опыта и наблюденія, удостовѣряется, какія физическія количества или функціи „сохраняются“. Напримѣръ, таковы слѣдующія количества или функціи:

„I. *Масса* каждой частицы вещества—сохраняется во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ.

„II. *Равнодѣйствующій моментъ* тѣла или системы тѣлъ—сохраняется пока дѣйствуютъ однѣ внутреннія силы.

„III. *Равнодѣйствующій угловой моментъ* тѣла или системы тѣлъ сохраняется пока дѣйствуютъ однѣ внутреннія силы.

„IV. *Совокупная энергія* тѣла или системы тѣлъ сохраняется пока дѣйствуютъ однѣ внутреннія силы.

„V. *Термодинамическая функція* сохраняется въ тѣлѣ, которое не получаетъ и не сообщаетъ тепла.

„При опредѣленіи такого рода физическихъ количествъ, почти невозможно, если только не вовсе невозможно, *избѣжать того, чтобы опредѣленіе не заключало въ себѣ признака сохраненія*; такъ что, когда утверждается фактъ сохраненія, то онъ имѣетъ форму тавтологіи“ *)

Значитъ, *сохраненіе* есть неизбѣжная принадлежность такихъ понятій, входитъ въ самое ихъ образованіе; этимъ, какъ мы видѣли, указывается лишь то, что мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительными количествами. Замѣтимъ, что во главѣ этихъ сохраненій Ренкину слѣдовало-бы поставить законъ инерціи: „*движеніе тѣла, на которое никакія силы не дѣйствуютъ, сохраняетъ свою величину, то есть направленіе и скорость*“.

Послѣднія слова Ренкина слѣдующія:

„Въ заключеніе скажу, что когда у насъ какой-нибудь фи-

*) Тамъ-же, р. 92.

зическій законъ получить видимость трюизма, то это, мнѣ кажется, не только не даетъ основанія для возраженія противъ опредѣленія извѣстнаго физическаго термина, а напротивъ составляетъ доказательство, что это опредѣленіе построено въ точномъ согласіи съ дѣйствительностію“.

(9 янв. 1867.)

Тутъ передъ нами рядъ тѣхъ истинъ, къ разряду которыхъ принадлежитъ законъ сохраненія энергіи, и мы уже отчасти знакомы съ содержаніемъ и свойствомъ этихъ истинъ. Это теоремы *сохраненія* извѣстныхъ количествъ. Въмѣсто *сохраненіе* иногда говорятъ *неразрушимость*, *вѣчность*, *безсмертіе*, и часто видятъ здѣсь что-то болѣе важное и существенное, чѣмъ въ другихъ физическихъ и математическихъ утверженіяхъ. Между тѣмъ, „приведеніе къ постоянной величинѣ“ есть лишь очень простой и обыкновенный математическій приемъ. Припомнимъ тѣ постоянныя величины, которыя исчезаютъ при дифференцированіи и появляются при интегрированіи. Приемъ, который тутъ употребляется, есть самый общій приемъ для нахождения связи между величинами. Если мы, положимъ, нашли простѣйшее равенство $dx=dy$, то интегрируя получимъ $x+A=y+B$, слѣдовательно, $x-y=B-A$, что мы и выражаемъ, говоря: разница между переменными x и y —постоянная, равняется одному и тому-же опредѣленному количеству. Таково свойство всякихъ величинъ, для которыхъ $dx=dy$. Выводъ, который мы сдѣлали, совершенно подобенъ выводу постоянства совокупной энергіи, такъ что это постоянство не есть что-то особое, свойственное этому количеству въ видѣ исключенія.

Но умъ человѣческой всегда глубоко заинтересованъ мыслью о неизмѣнномъ, непреходящемъ; онъ не вѣритъ въ полную дѣйствительность временныхъ и исчезающихъ формъ существованія и ищетъ того вѣчнаго и пребывающаго бытія, которое скрываютъ отъ насъ эти формы. Поэтому, онъ придаетъ особенную важность понятіямъ, заключающимъ въ себѣ признакъ постоянства; онъ сильно привязывается къ этимъ понятіямъ, какъ-бы ожидая отъ нихъ отвѣта на мучащую его

загадку. Такимъ образомъ, сохраненіе вещества и сохраненіе энергии получаютъ во многихъ умахъ какой-то фантастическій отгѣнокъ, какъ будто веществу и энергіи принадлежить большая существенность, или даже единственная существенность, въ сравненіи съ разнообразными предметами и явлениями, которыми мы окружены. Напримѣръ, Тэтъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Наше убѣжденіе въ объективной реальности матеріи основано главнымъ образомъ на фактѣ *добытомъ исключительно опытомъ*, именно на невозможности съ нашей стороны измѣнить ея количество, хотя-бы въ малѣйшей степени“. „Разумъ требуетъ отъ насъ послѣдовательности въ логическихъ выводахъ, и потому, если мы находимъ въ физическомъ мірѣ еще что-нибудь, чего нельзя количественно измѣнить, то очевидно обязаны признать за этой вещью совершенно такую-же объективную реальность, какъ и за матеріей, хотя бы наши органы чувствъ и противились такому заключенію. Отсюда,—тепло, свѣтъ, звукъ, электрическіе токи и т. д., несмотря на то, что они не представляютъ особыхъ формъ вещества, должны быть признаны столь-же реальными, какъ и матерія, на томъ основаніи, что съ одной стороны опытъ открываетъ въ нихъ особыя формы энергіи, а съ другой показываетъ, что энергія въ своихъ разнообразныхъ превращеніяхъ вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ, которыя признано считать рѣшительной пробой для реальности матеріи“ *).

Тутъ интересенъ тотъ оборотъ мысли, что самое существованіе матеріи должно быть признано нами, будто-бы, лишь на основаніи ея сохраненія. Тэтъ выражаетъ такимъ образомъ принципъ, напоминающій намъ древнихъ философовъ элеатской школы, именно, что дѣйствительное бытіе совершенно неизмѣнно, и потому ничто измѣняющееся нельзя признать существующимъ. Такъ, тепло, свѣтъ, звукъ и пр. обыкновенно считаются, по увѣренію Тэта, лишенными объективной реальности. Однако-же, ихъ измѣнчивость есть лишь

*) П. Г. Тэтъ. Обзоръ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ успѣховъ физическихъ знаній и пр. Спб. 1877, стр. 313, 314.

видимость, зависящая отъ нашихъ чувствъ; новая физика открыла, что эти явленія имѣютъ полную существенность, что это лишь различныя формы нѣкотораго неизмѣннаго бытія—энергіи.

Очень странно встрѣтить подобную метафизику у Тэта, который исповѣдуетъ строжайшій эмпиризмъ и, напримѣръ, язвительно осмѣиваетъ Майера за ссылку на невинныя аксіомы: *causa aequat effectum* и *ex nihilo nihil fit* *). Но эти метафизическія соображенія показываютъ намъ, какой смыслъ имѣетъ та исключительная важность, которую обыкновенно приписываютъ закону энергіи. Дѣло идетъ, какъ мы видимъ, о сущности вещей, о неизмѣнномъ бытіи, лежащемъ въ ихъ основѣ. Съ другой стороны, тутъ ясно, что самое сохраненіе вещества слѣдуетъ причислить къ тому-же роду утверждений, къ какому принадлежитъ законъ энергіи.

Когда мы говоримъ, что вещество и энергія сохраняются, неразрушимы, вѣчны,—намъ не слѣдуетъ обманываться этими выраженіями и забывать ихъ точный смыслъ. Сохраняется не вещество, а его *масса*, т.-е. лишь механическая мѣра вещества; само-же вещество подвергается непрерывнымъ перемѣнамъ, разрушается, превращается, нарастаетъ и т. д. Точно такъ, энергія, самая сущность которой состоитъ въ движеніи и перемѣнѣ, не сохраняется въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; сохраняется-же лишь нѣкоторая мѣра этихъ движеній и перемѣнъ; въ разныя времена энергія бываетъ различна, и эти различныя ея состоянія только *механически эквивалентны* между собою, какъ-бы, впрочемъ, различны они ни были въ другихъ отношеніяхъ.

XI.

Главная мысль, которую мы старались пояснить предъидущими замѣчаніями, заключается въ томъ, что законъ сохранения энергіи есть механическая теорема, механика-же не есть опытная наука, состоящая изъ постепенно открываемыхъ фактовъ, а есть наука чисто теоретическая. если:

*) Тамъ-же, стр. 49.

не имѣющая, то долженствующая имѣть тотъ апріорный характеръ, какой вообще свойственъ математическимъ наукамъ. Чтобы вполнѣ доказать такое свойство механики, чтобы разсѣять обыкновенныя недоразумѣнія относительно этой науки, нужно-бы подвергнуть основныя механическія понятія подробному и точному изслѣдованію—задача (какъ замѣтилъ Карно) очень трудная, за которую мы здѣсь и не хотѣли браться. Мы хотѣли только указать на существованіе этой задачи, пояснить форму и содержаніе закона энергіи, а также подтвердить ссылками на знаменитыхъ ученыхъ тотъ фактъ, что механика постепенно освобождается отъ эмпирическихъ утвержденій. Въ частности, законъ энергіи, какъ видно изъ словъ Гершеля и Ренкина, имѣетъ видъ тождесловной теоремы, вытекающей изъ самаго опредѣленія входящихъ въ нее количествъ; по справедливому и глубокому замѣчанію Ренкина, многихъ опредѣленій нельзя и составить иначе, какъ вводя въ нихъ свойство *сохраненія*.

Въ настоящее время эмпиризмъ имѣетъ такую силу, что есть первоклассные ученые, напримѣръ Гельмгольцъ, Риманнъ, признающіе самую геометрію за опытную науку. Что пространство имѣетъ три измѣренія, что оно вездѣ однородно и себѣ подобно, и другія подобныя положенія—эти эмпирики считаютъ за опытные данныя, и, слѣдовательно, предполагаютъ возможность пространствъ иного рода, съ другими свойствами. Въ механикѣ еще больше можно найти поводовъ къ такимъ эмпирическимъ мечтаніямъ. Но постепенное развитіе и уясненіе научныхъ понятій безъ сомнѣнія покажетъ, что тутъ совершается лишь нѣкоторое злоупотребленіе обобщеніемъ.

Относительно механики не можемъ не обратить еще вниманія на удивительныя изслѣдованія *Германа Грассмана*, создателя особой математической науки, которую онъ называетъ *наукою протяженій*, *Ausdehnungslehre*, и которая содержитъ въ себѣ общія начала для другихъ математическихъ наукъ. Содержаніе понятій и ихъ взаимная связь тутъ уясняются, можно сказать, до совершенной прозрачности. *Малая*

извѣстность этой науки протяженной зависитъ, кажется, отъ самаго ея совершенства и оттого, что ученые рѣдко занимаются изслѣдованіемъ началъ своихъ наукъ.

Основные законы механики Грассманъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ называетъ силою просто вещественное движеніе, такъ что, когда тѣло движется, онъ говоритъ, что оно имѣетъ силу, что сила ему сообщена или присуща. Затѣмъ онъ выставляетъ слѣдующіе четыре закона.

1. Присущая тѣлу сила всегда остается равна себѣ самой (т.-е. по величинѣ и направленію). (*Законъ инерціи.*)

2. Двѣ силы, сообщенныя одному и тому-же тѣлу, суммируются. (*Законъ сложения.* Подъ сложеніемъ тутъ разумѣется „геометрическое сложение“, ученіе о которомъ, какъ и обо всѣхъ такихъ „геометрическихъ дѣйствіяхъ“, уже ранѣе изложено Грассманомъ.)

3. Двѣ матеріальныя частицы, получившія при какихъ-нибудь обстоятельствахъ равныя силы, получаютъ при всякихъ другихъ обстоятельствахъ тоже равныя силы. (*Законъ массы.*)

4. Если двѣ частицы, имѣющія равную массу, дѣйствуютъ другъ на друга, то сумма ихъ движеній остается та-же, какъ еслибы онѣ другъ на друга не дѣйствовали. (*Законъ противодѣйствія.*)

Въ такой формѣ эти законы имѣютъ видъ подобный виду геометрическихъ аксіомъ, и притомъ всѣ они заключаютъ понятіе *сохраненія*. Въ самомъ дѣлѣ, законъ инерціи утверждаетъ сохраненіе единичной силы въ единичной частицѣ; законъ сложения—сохраненіе двухъ силъ въ единичной частицѣ (въ ихъ суммѣ); законъ массы приводитъ къ сохраненію массы; наконецъ законъ противодѣйствія выражаетъ сохраненіе совокупной силы при взаимномъ дѣйствіи частицъ.

Изъ этихъ законовъ прямо выводится такое общее положеніе:

Совокупная сила (или совокупное движеніе), присущая какой-нибудь системѣ матеріальныхъ частицъ въ какое-нибудь время, есть сумма совокупной силы (или совокупнаго движенія), которая была въ этой системѣ въ какое-нибудь

прежнее время, и всѣхъ силъ, сообщенныхъ ей въ промежутокъ между тѣмъ и другимъ временемъ. И, слѣдовательно, если системѣ не сообщается извнѣ никакой силы, совокупное движеніе системы остается постояннымъ, сохраняется *).

Въ этомъ изложеніи основныя понятія механики получаютъ чрезвычайную ясность, и, если мы станемъ смотрѣть на нихъ, какъ на выводы изъ нѣкоторыхъ фактовъ, то увидимъ, что факты эти подобны фактамъ, лежащимъ въ основѣ геометріи, наприм. что пространство вездѣ однородно, что двѣ прямыя линіи, параллельныя третьей, параллельны между собою, и т. д. Когда мы вникаемъ въ такого рода истины, мы не можемъ не чувствовать, что по самой природѣ своей онѣ совершенно отличны отъ опытнаго познанія, что ихъ, такъ или иначе, придется признать *аналитическими сужденіями*, какъ выражается Кантъ, то-есть сужденіями, въ которыхъ сказуемое составляетъ лишь раскрытіе подлежащаго, — словомъ *тождесловіями*. Доказать эту тождесловность или аналитичность можно только тщательнымъ и строгимъ изслѣдованіемъ понятій, которое, безъ сомнѣнія, современемъ будетъ совершено въ наукахъ. Иныхъ теперь еще смущаютъ даже такія положенія: *одна вещь равна другой*; они говорятъ, что этого никогда нельзя утверждать съ полною основательностью, потому что невозможно убѣдиться, что двѣ какія-нибудь вещи ни въ чемъ между собою не различаются. Но если мы скажемъ: „когда *мѣра* двухъ вещей одна и та-же, то мы говоримъ, что онѣ *равны*, и говоримъ это лишь въ отношеніи къ этой *мѣрѣ*“, то затрудненіе исчезаетъ, и вопросъ сводится къ тому, можемъ-ли мы, приложивши аршинъ къ одной и къ другой вещи, не сомнѣваться въ томъ, что прилагали къ нимъ тотъ-же самый аршинъ? То-есть, вообще, имѣемъ-ли мы право

*) Н. Grassmann, Die Ausdehnungslehre von 1844 etc. Leipz. 1878, стр. 43—45. Совершенно подобнымъ образомъ, уже Маклоренъ, а за нимъ Карно указывали, что „законъ противодѣйствія есть лишь обобщеніе закона инерціи“, именно „распространеніе его на какое-бы то ни было число тѣлъ“ (См. *Carnot. Principes*, стр. 61). Въ сущности, конечно, вся механика основывается на одномъ лишь законѣ инерціи.

употреблять понятія величины и мѣры? Послѣдовательныя эмпирики должны, однако-же, допускать и такое сомнѣніе*).

ХІІ.

Что-же изъ всего этого слѣдуетъ?

Исторія закона сохранения энергіи, смыслъ, который онъ въ себѣ содержитъ, и основанія, на которыхъ онъ держится, представляютъ намъ очень ясный образчикъ того, какой приемъ употребляютъ физическія науки при изслѣдованіи природы, чѣмъ онѣ при этомъ руководятся и какихъ познаній достигаютъ. Очевидно, вся цѣль этихъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлять имѣющіяся въ природѣ количественныя отношенія, къ которымъ необходимо причислить и механическія. Еще полвѣка назадъ физика задавалась, повидимому, болѣе высокими цѣлями. Тогда говорили, что механика есть наука о законахъ движенія, а физика о его причинахъ; тогда физику опредѣляли какъ науку о силахъ природы, и говорили, что до сихъ поръ найдено такихъ силъ шесть: тяготѣніе, частичное притяженіе, химическое средство, теплота, электричество и жизненная сила **)⁴. Разумѣется, нельзя было ручаться за то, что уже всѣ силы были найдены, почему и до сихъ поръ часто говорятъ о вновь открытой силѣ, о неизвѣстныхъ силахъ природы, и т. д. Но теперь, когда утвердилось господство закона энергіи, такъ говорить уже не слѣдуетъ. Совершился величайшій переворотъ во взглядѣ на науку. Уяснилось, что, также какъ и механика, физика не изслѣдуетъ причинъ и силъ, что она есть лишь приложение теоретической механики къ частнымъ случаямъ, нѣкотораго рода земная механика въ противоположность небесной механикѣ, изучающей движеніе небесныхъ тѣлъ. Поэтому, явленія, которыя прежде приписывались существенно различнымъ первоэданымъ силамъ, теперь считаются однородными, составляющими лишь различныя виды механическихъ

*) Здѣсь имѣется въ виду статья Гельмгольца Zählen und Messen въ Philosophische Aufsätze, Ed. Zeller gewidmet Leipz. 1887.

**) Э. Ленцъ, Руков. къ физикѣ, изд. 5-е. Спб. 1859, стр. 2.

процессовъ и потому подлежащими законамъ этихъ процессовъ и ихъ мѣръ. И физики торжественно заявили, что нашли законъ энергіи, котораго не можетъ нарушить никакое открытіе *новыхъ силъ*, который обнимаетъ весь вещественный міръ въ его настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

Практическая важность этого закона—величайшая и несомнѣнная. Физики получили средство точнѣйшимъ образомъ повѣрять свои опыты. Какъ химикъ, разлагая и слагая вещества, находитъ въ механическомъ законѣ сохраненія массы средство убѣдиться, что его результатъ содержитъ все, что было въ данныхъ, подвергнутыхъ опыту, такъ теперь физикъ, изслѣдуя какія-бы то ни было явленія, можетъ повѣрять, сходятся-ли послѣдствія съ началомъ, соблюдаются ли та мѣра, которой подчинены всякія физическія явленія. Не говоримъ уже о приложенияхъ, о той сторонѣ дѣла, которая въ тѣсномъ смыслѣ называется *практическою*. Въ этомъ отношеніи, можно сказать вообще, что мы живемъ и дѣйствуемъ въ физическомъ мірѣ только благодаря познанію механическихъ отношеній. Только тутъ мы знаемъ порядокъ, который никогда намъ не измѣнить, можемъ отчетливо предвидѣть будущее и точно опредѣлять результаты нашихъ дѣйствій. Знаніе закона энергіи безмѣрно увеличиваетъ нашу возможность распоряжаться вещественными явленіями.

Но чѣмъ выше значеніе этого закона въ указанныхъ областяхъ, тѣмъ меньше онъ отвѣчаетъ на наши другіе запросы. Онъ какъ будто вовсе не подвигаетъ насъ въ дѣйствительномъ познаніи природы, въ постиженіи того бытія, съ которымъ мы связаны всѣмъ существомъ своимъ. Разнообразіе явленій и существъ міра, ихъ гармоническое соотношеніе, ихъ различная существенность и правильная іерархія,—все это ничуть не проясняется. Напротивъ, законъ энергіи указываетъ въ природѣ нѣкоторую черту однообразія, сглаживаетъ всякія различія, утверждаетъ единое правило, которому, въ извѣстномъ отношеніи, неизбѣжно подчинены всѣ вещественныя явленія. Физика, какъ мы видѣли, по самой своей сущности, ничего другого и не можетъ и не хочетъ

дѣлать, какъ отыскивать подобныя правила. Она смотритъ на міръ съ этой стороны, она всюду въ немъ отыскиваетъ только то, что можно подвергнуть математическимъ соображеніямъ; такимъ образомъ, ея изслѣдованія приводятся въ концѣ концовъ къ математическимъ теоремамъ. А это — истины формальныя, сводящіяся въ послѣднемъ анализѣ на тождества, въ которыхъ, поэтому, не раскрывается сущность вещей и внутренняя жизнь природы.

Заклучимъ удивительными словами Ньютона, которыя онъ прибавилъ въ концѣ къ послѣднему изданію своихъ *Principia mathematica philosophiae naturalis*:

„Отъ слѣпой метафизической необходимости, такъ какъ она всегда и повсюду бываетъ одна и та-же, не можетъ произойти никакого различія вещей. Все разнообразіе сотворенныхъ вещей въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена могло произойти только и единственно отъ идей и воли Существа необходимо существующаго“.

Эти слова великаго гения составляютъ краткую формулу той мысли, которая смутно чувствуется каждымъ. Замѣтимъ только, что *метафизическая необходимость* сводится, какъ старался показать Гегель, на необходимость *логическую*, и что, если мы и не будемъ прямо приписывать Богу всякое наблюдаемое разнообразіе вещей, то, однако-же, *дѣйствительное познаніе, удовлетворяющее всѣмъ нашимъ запросамъ, должно исходить изъ этого разнообразія* и необходимо приведетъ насъ къ Богу, укажетъ, что только въ Немъ содержится смыслъ всякаго бытія.

23 ноября 1890.

Н. Страховъ.

О природѣ человеческого сознанія.

Человѣческое сознаніе предполагаетъ чувственную, тѣлесную организацию, и вмѣстѣ оно имѣетъ самобытное, идеальное начало. Оно предполагаетъ безсознательную природу, которая организуется и постепенно возвышается до него, ибо оно есть конечный продуктъ космическаго развитія. И въ то-же время оно предполагаетъ абсолютное вселенское сознаніе, точно также какъ и самая чувственная вселенная во времени и пространствѣ предполагаетъ такое сознаніе и всеобщую *чувственность* *).

Отсюда зависитъ внутреннее противорѣчіе и двойственность всей душевной жизни человѣка. Полуживотное, полубожественное, сознаніе человѣка вѣчно дѣлится между сномъ и бдѣніемъ, знаніемъ и невѣдѣніемъ, чувственностью и разумомъ. Оно обладаетъ универсальными формами, вырабатываетъ себѣ общія понятія, общіе идеалы, и вмѣстѣ оно всегда ограничено по своему дѣйствительному эмпирическому содержанію. Оно всегда ограничено и вмѣстѣ не допускаетъ никакихъ опредѣленныхъ границъ, непрестанно выходя за

---

*) См. „Вопросы Философіи и психологіи“ № 1 и 3. Въ виду слишкомъ большого объема настоящаго этюда, выходящаго за предѣлы журнальной статьи, мы помѣщаемъ его въ значительно сокращенномъ видѣ.

ихъ предѣлы. Оно отчасти универсально, отчасти индивидуально, отчасти дѣйствительно, отчасти только возможно (потенциально). Оно заключаетъ въ себѣ постоянное противорѣчіе, которое присуще всѣмъ его понятіямъ, представленіямъ, воспріятіямъ, и вмѣстѣ оно сознаетъ свое собственное идеальное тождество, идеальное единство истины.

Такимъ образомъ противорѣчія отдѣльныхъ философовъ относительно природы человѣческаго сознанія имѣютъ дѣйствительное основаніе въ самомъ этомъ сознаніи. Одни рассматриваютъ его физиологическія условія, другія—его метафизическое, идеальное начало; одни признаютъ познаніе чувственнымъ, всецѣло эмпирическимъ, ограниченнымъ; другіе раскрываютъ его логическую, универсальную природу, его апіорные элементы. И до сихъ поръ никому не удалось достигнуть окончательнаго примиренія этихъ противоположностей, такъ что возникаетъ вопросъ, можетъ-ли оно вообще быть достигнуто. Ибо если противорѣчіе заключается въ самой дѣйствительности, то всякое исключительно теоретическое его рѣшеніе или упраздненіе будетъ по-неволѣ недостаточнымъ или ложнымъ. Одна изъ главнѣйшихъ заслугъ новѣйшей философіи состоитъ можетъ-быть именно въ томъ, что она, отказавшись отъ догматическаго разрѣшенія антиномій, противорѣчій метафизики, стремится указать ихъ корень въ самомъ разумѣ и сознаніи человѣка, или въ самой природѣ вещей (скептики и пессимисты). Иначе самыя противорѣчія философовъ были-бы непостижимы.

Если рассматривать развитіе сознанія внѣшнимъ, эмпирическимъ образомъ, то зависимость его отъ физиологическихъ условій—отъ нервовъ и мозга—не подлежитъ никакому сомнѣнію. И, тѣмъ не менѣе, физиологъ навсегда, безусловно лишенъ возможности чѣмъ-либо заполнить бездну, раздѣляющую явленія матеріальнаго, физическаго порядка отъ самыхъ простыхъ явленій психическаго порядка. Пусть утверждаютъ, что оба—порядка, физическій и психическій, суть двѣ стороны, два аспекта одного и того-же процесса. Стороны эти столь существенно различествуютъ между собою, что

подобное утверждение либо ровно ничего собою не выражает, либо-же является неосновательнымъ, ибо сознание и вещество, или сознание и движение—величины совершенно разнородныя. При всей несомнѣнности той интимной причинной связи, которая существуетъ между мозговыми отправлениями и психическими явлениями, сознание, какъ такое, не можетъ быть объяснено изъ чего-либо материальнаго.

Съ другой стороны, разсматривая сознание въ немъ самомъ, въ его логическихъ функціяхъ, въ его духовной природѣ, мы несомнѣнно приходимъ къ предположенію абсолютныхъ, идеальныхъ нормъ, универсальныхъ началъ, — словомъ, къ идеѣ вселенскаго сознания *). Но между такимъ конечнымъ идеаломъ, который является въ одно и то-же время и образующимъ началомъ и высшею нормою дѣйствительнаго сознания, и между этимъ послѣднимъ—существуетъ не только различіе, но и противорѣчіе, о которомъ достаточно свидѣтельствуя умъ и совѣсть каждаго человѣка. Какъ-бы ни было скудно наше представленіе объ идеалѣ, мы не можемъ считать его осуществленнымъ въ дѣйствительности, достигнутымъ въ настоящемъ сознании. Мы не можемъ познать его изъ дѣйствительности, и не можемъ познать, дедуцировать изъ него эту дѣйствительность до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ достигнутъ нами и осуществленъ. Поэтому высшія философскія умозрѣнія наши имѣютъ лишь приблизительное значеніе и чисто-спекулятивный характеръ, ибо они заключаютъ въ себѣ лишь предвосхищаемое рѣшеніе. Въ извѣстномъ смыслѣ философъ спекулируетъ лишь за счетъ будущаго и онъ одинаково ошибается, когда принимаетъ свои сокровища за наличный капиталъ, или когда онъ поступаетъ ими, не понимая ихъ дѣйствительной цѣнности.

Познание наше безусловно только по своей идеѣ, по своему идеалу полной, абсолютной истины. Въ дѣйствительности оно обладаетъ возможной, формальной общностью, чисто логической универсальностью, которой противулежитъ

*) См. Вопросы философіи и психологіи. № 3.

всегда ограниченное, эмпирическое содержаніе. Чтобы стать абсолютнымъ и полнымъ, всеобъемлющимъ не по формѣ только, но по существу, по содержанию, — сознание должно обнять въ себѣ все, стать сознаниемъ всего и всѣхъ, сдѣлаться воистину вселенскимъ и соборнымъ сознаниемъ. Достижимали эта цѣль или нѣтъ, она во всякомъ случаѣ не можетъ быть задачей чисто-теоретической. Сознать себя во всемъ и все въ себѣ, вмѣстить полноту истины въ реальномъ, абсолютномъ союзѣ со всѣми—это конечный религиозный идеалъ жизни, а не знанія только. Задача философіи состоитъ въ возможно конкретномъ познаніи идеала и указаніи пути къ его осуществленію. Мы не можемъ ожидать отъ нея конечнаго разрѣшенія противорѣчій, имѣющихъ корень въ самыхъ условіяхъ нашего временнаго бытія, и мы не можемъ ждать отъ нея полнаго откровенія истины. Много уже то, если она можетъ сознать противорѣчія бытія и усмотрѣть ту внутреннюю гармонию, которая въ нихъ скрывается и обуславливаетъ собою самое относительное существованіе вселенной, ея сохраненіе, жизнь и развитіе. Въ своихъ различныхъ концепціяхъ, въ своихъ противоположныхъ системахъ философія выражаетъ съ одной стороны многоразличныя противорѣчія бытія и постигаетъ коренное, онтологическое, реальное значеніе этихъ противорѣчій; съ другой стороны, въ своемъ идеализмѣ, въ своемъ стремленіи къ конечному единству она постигаетъ, что противорѣчія эти не могутъ быть безусловны,—иначе и относительное бытіе и познаніе не были-бы возможны; она сознаетъ всеобщую природу разума и предвосхищаетъ тотъ идеалъ, въ которомъ противорѣчія примирены. И чѣмъ глубже сознаетъ философія противорѣчія вселенной, тѣмъ глубже познаетъ она превозмогающую силу идеала. Ибо сознать реальныя противоположности, какъ *противорѣчія*, значитъ признать и внутреннюю логику бытія, тотъ скрытый, идеальный разумъ вещей, то Слово Гераклита, которымъ все вертится, въ которомъ разгадка вселенной.

Итакъ, познавая природу нашего сознанія, мы приходимъ къ

нѣкоторымъ основнымъ противорѣчїямъ, не допускающимъ отвлеченнаго разрѣшенїя,—противорѣчїямъ между индивидуальнымъ и родовымъ, частнымъ и общимъ содержанїемъ и формой, реальнымъ и идеальнымъ. Но самыя эти антиномїи предполагають нѣкоторое скрытое отъ насъ примиренїе, безъ котораго сознанїе, и познанїе—даже относительное—не было-бы осуществимо; они заключаютъ постулатъ, требованїе такого примиренїя и указываютъ, въ какомъ направленїи, гдѣ слѣдуетъ его искать. Прежде всего намъ важно выяснитъ родовые и универсальные элементы сознанїя, не смущаясь ихъ противорѣчїемъ съ тѣмъ, что кажется намъ въ немъ индивидуальнымъ, личнымъ: вслѣдъ за Аристотелемъ, мы должны признать подобное противорѣчїе задачей, объективнымъ затрудненїемъ (апорїей), зависящимъ отъ дѣйствительной противоположности. Въ своей идеальной дѣятельности живое сознанїе примиряетъ эти противорѣчїя, обобщаетъ частное, индивидуализируетъ общее, осуществляетъ идеальное, идеализируетъ дѣйствительное; и хотя такое примиренїе лишь относительно, хотя анализъ раскрываетъ противорѣчїя, присущїя всему нашему теоретическому сознанїю, всякій положительный прогрессъ его въ сознанїи истины и добра представляется намъ конкретнымъ осуществленїемъ его идеала, частнымъ выраженїемъ конечнаго всеединства. Въ своей положительной истинной дѣятельности, а слѣдовательно и въ своемъ истинномъ существѣ, сознанїе обладаетъ конкретною, живою универсальностью. Какъ ни противоположны отвлеченныя начала „общаго“ и „частнаго“, „рода“ и „индивида“, въ дѣйствительности одно не существуетъ безъ другого. Нѣтъ сознанїя безъ сознающихъ индивидуальностей, и нѣтъ сознанїя абсолютно субъективнаго, нѣтъ абсолютно изолированныхъ сферъ сознанїя. Разсматривая сознанїе внѣшнимъ образомъ въ связи съ прогрессивно развивающимися явлениями жизни, или изнутри, при свѣтѣ психологическаго анализа, мы убѣдимся въ его органической универсальности, въ идеальной соборности сознанїя.

Жизнь и сознание.

Сознание есть существенное проявление жизни. Первоначально оно какъ-бы сливается съ прочими ея отправлениями; затѣмъ оно дифференцируется и развивается въ связи съ общей организаціей физиологической и социальной жизни. Оно дифференцируется и развивается вмѣстѣ съ нервной системой и вмѣстѣ съ прогрессомъ социальныхъ отношеній, съ организаціей общенія между существами.

Какъ извѣстно, высшій организмъ есть общество, агрегатъ безчисленнаго множества элементарныхъ организмовъ или анатомическихъ элементовъ, которые группируются въ ткани, органы, аппараты или сложныя системы органовъ. Всеобщее, органическое согласіе всѣхъ этихъ элементовъ при развитой специализаціи ихъ отправленій обусловливаетъ единство жизни въ ея разнообразіи. Между индивидуальностью цѣлаго и частей, единствомъ жизни и распредѣленіемъ функцій существуетъ постоянно возрастающее соотвѣтствіе. Чѣмъ выше стоитъ организмъ въ лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ большую степень различія, специализаціи функцій, автономіи проявляютъ отдѣльные его органы; чѣмъ выше организмъ, тѣмъ болѣе всѣ эти элементы, органы, аппараты согласованы между собою, восполняютъ и предполагаютъ другъ друга въ своемъ различіи, подчиняясь индивидуальному единству живого цѣлаго. Но съ другой стороны, всякій организмъ, самъ является живымъ членомъ своего вида и состоитъ въ постоянномъ или временномъ, физиологическомъ или психологическомъ общеніи съ другими индивидами своего вида,—общеніи, которое органически необходимо.

Сознание въ своей элементарной формѣ—чувственности—предшествуетъ не только дифференціаціи нервной системы, но и первичнымъ организмамъ—клеточкамъ. Уже первичныя амѣбы, лишеныя всякой организаціи, обнаруживаютъ чувствительность и нѣкоторые признаки сознательности. Какъ показываютъ точныя наблюденія, раздражительность и чувствительность суть всеобщія, первоначальныя и такъ-ска-

затѣ стихійныя свойства живой протоплазмы, этой первома-
теріи всего органическаго міра.—Съ возникновеніемъ и раз-
витіемъ органической индивидуальности возникаютъ и раз-
виваются элементарныя органическія союзы, тѣ вначалѣ без-
связныя фізіологическія группы, изъ которыхъ, въ теченіе
безпредѣльнаго зоогеническаго процесса образовались слож-
ныя организмы растений и животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, па-
раллельно этому общему развитію, неопредѣленная органи-
ческая чувственность также растетъ, развивается, услож-
няется; но первичный базисъ ея—общая психологическая ма-
терія—не имѣетъ въ себѣ ничего индивидуальнаго. Это—сти-
хійный родовой процессъ, на почвѣ котораго возможны инди-
видуальныя образованія, точно также какъ и сложныя соче-
танія, ассоціаціи обособляющихся элементовъ. И какъ всякій
организмъ есть продолженіе другого организма, всякая жизнь
продолженіе предшествовавшей жизни, такъ точно и созна-
ніе, чувственность индивидуальнаго существа: она не есть
нѣчто абсолютно-новое, но является также продолженіемъ
предшествовавшей, общеорганической чувственности въ той
спеціальной ея разновидности, которая присуща виду дан-
наго организма. Чувственность не рождается, а продолжается,
какъ жизнь протоплазмы. Сознаніе, какъ и жизнь, есть отъ
начала родовой, наслѣдственный процессъ.

Поэтому отъ низшихъ ступеней зарождающагося сознанія
до высшихъ соціальныхъ, этическихъ его проявленій мы на-
ходимъ въ немъ общую основу, родовыя формы и функціи.
Отъ низшихъ ступеней сознающей жизни до высшихъ ея
проявленій мы наблюдаемъ постепенное развитіе этого уни-
версализма сознанія, постепенный переходъ отъ естествен-
наго, стихійнаго безразличія, отъ непосредственной стихій-
ной общности психическихъ отправленій къ конкретному и
свободному, универсальному единству, къ связному много-
образію, къ живой соборности. И этотъ прогрессъ идетъ
вмѣстѣ съ развитіемъ индивидуальнаго начала.

Низшіе организмы обладаютъ столь незначительной сте-
пенью индивидуализаціи, что между родомъ и индивидуомъ, точ-

нѣ—между отдѣльными индивидами не существуетъ определенной границы. Индивидуальность организма и его частей также развита чрезвычайно слабо. Отдѣльныя части низшихъ животныхъ слабо обособлены, переходятъ другъ въ друга, замѣняютъ или повторяютъ другъ друга; жизнь цѣлаго не обладаетъ устойчивымъ единствомъ. Мы можемъ рвать и рѣзать на части иныхъ полиповъ, моллюсковъ, червей, глистовъ, не убивая индивидуальной жизни и чувствительности этихъ отдѣльныхъ частей; онѣ живутъ самостоятельную жизнью, иногда сами восполняя себѣ недостающее цѣлое. Такимъ образомъ отдѣльные органы обладаютъ такою-же индивидуальностью, какъ и цѣлое, или, точнѣе, цѣлое лишено развитой, центральной индивидуальности. Поэтому, разсматривая составныя части низшихъ организмовъ, изслѣдователь часто не въ состояніи опредѣлить, имѣеть-ли онѣ дѣло съ индивидомъ, состоящимъ изъ многихъ органовъ, или съ колоніей индивидовъ,—съ цѣпью индивидовъ, или съ однимъ индивидомъ, состоящимъ изъ послѣдовательныхъ частей *). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. у иныхъ полиповъ, у губокъ, мы наблюдаемъ мириады органическихъ единицъ, проявляющихъ вполне ясно каждая свою особенную жизнь, которыя возникаютъ изъ одного и того-же зародыша, сохраняютъ прочную матеріальную связь другъ съ другомъ и въ своей совокупной дѣятельности обусловливаютъ жизнь собирательнаго тѣла. Если сблизить двѣ губки, такъ чтобъ онѣ соприкасались, онѣ срастутся; если рѣзать ихъ, части будутъ жить вполне самостоятельно.

Въ развитомъ высшемъ животномъ наоборотъ, всѣ отдѣльныя части и органы координированы между собою и въ значительной степени подчинены контролю центральныхъ органовъ. Всѣ элементарныя жизни, элементарныя сознанія впадаютъ въ одну общую жизнь и сознаніе, въ одну общую индивидуальность. И нервная система высшаго животнаго, заключающая въ себѣ сложную совокупность органовъ созна-

*) Иегеръ: „Руководство Зоологіи“, § 217.

ня, подобно цѣлому организму, представляетъ въ своемъ развитіи ту-же картину постепенно возрастающей дифференціации и интеграции, усложненія и централизаціи *). Подобно цѣлому организму, она состоитъ изъ многосложнаго соединенія миллиардовъ органическихъ элементовъ, клѣточекъ и волоконъ, которые нѣкогда стояли особнякомъ въ низшихъ животныхъ, или составляли простыя, относительно слабо координированныя группы. Нервные волокна соединяются системою мѣстныхъ и центральныхъ узловъ, связанныхъ между собою въ сложномъ іерархическомъ порядкѣ, причемъ функции отдѣльныхъ центровъ, узловъ, нервовъ—строго разграничены. Сознательное воспріятіе сосредоточивается въ высшихъ центрахъ—въ головномъ мозгу у человѣка; но его сфера можетъ простирается на спинной мозгъ уже у птицъ, на совокупность нервныхъ центровъ у менѣ совершенныхъ животныхъ, и наконецъ, все болѣе и болѣе теряя въ ясности и напряженіи, оно можетъ разсѣиваться по всему тѣлу низшихъ животныхъ, не обладающихъ организованной нервной системой, ибо и такія животныя проявляютъ признаки не только чувствительности, но даже инстинкта **).

На низшей ступени своего развитія сознаніе животнаго, подобно его жизни и организаціи, многоединично. У кольчатыхъ, наприм., каждый нервный узелъ соотвѣтствуетъ сегменту тѣла, который состоитъ иногда изъ нѣсколькихъ колець. Всякій сегментъ, кромѣ своего нервнаго узла, обладаетъ еще сходственною частью главныхъ аппаратовъ, иногда даже аппаратами чувствъ. Поэтому когда мы отрѣзаемъ эти сегменты, каждый изъ нихъ остается при своей индивидуальной жизни и сознаніи, и если перерѣзать или перевязать спереди и сзади нервнаго узла тѣ спайки, которыя соединяють его съ узлами сосѣднихъ сегментовъ, то уколы, причиняемые

*) См. Г. Спенсеръ: „Основанія психологіи“ II, гдѣ разсматривается развитіе сознанія въ связи съ развитіемъ нервной системы.

**) См. Роменсъ: „Умъ животныхъ“ „Москва, 1890 г., рус. пер. гл. I—объ инстинктѣ, наприм., у амѣбъ и другихъ первичныхъ животныхъ. Гецкель о клѣточной психологіи.

сегменту этого изолированного узла, будутъ ощущаться имъ однимъ. Подобные опыты, произведенные надъ множествомъ безпозвоночныхъ, моллюскообразныхъ, насѣкомыхъ, приводятъ къ одинаковымъ результатамъ: каждый суставъ, каждый узловой центръ этихъ животныхъ имѣетъ свое сознание; изъ совокупности которыхъ слагается сознание цѣлаго организма. Разсѣянное, раздробленное, многоединичное сознание предшествуетъ въ природѣ сознанию собранному, сосредоточенному, недѣлимому.

Къ тому-же приводитъ насъ и физиологическая психологія, физиологія нервной системы высшихъ позвоночныхъ животныхъ. Она установила, что каждому центру спинного мозга соотвѣтствуетъ особый нервный районъ, въ предѣлахъ котораго онъ способенъ дѣйствовать автоматически, когда высшіе центры поражены или еще не развиты. Животныя съ вырѣзанными мозговыми полушаріями проявляютъ извѣстную, хотя и уменьшенную, степень сознания и съ особою отчетливостію выполняютъ автоматическія движенія *). Наконецъ, повидимому, помимо всѣхъ этихъ физиологическихъ опытовъ и наблюдений, гипнотическіе эксперименты въ недавнее время съ особою яркостью выяснили собирательный характеръ психической дѣятельности человѣка; они открыли существованіе многихъ памятей, многихъ сознающихъ центровъ въ психофизической организаціи человѣка и показали, съ какой энергіей высказывается скрытая многоединичность человѣческаго сознания, автоматизмъ его подчиненныхъ цент-

*) См. Г. Спенсеръ: „Основанія психологіи“, § 177: „Опыты надъ обезглавленными лягушками доставляютъ очень ясное доказательство того, что дѣйствія значительной сложности могутъ быть выполняемы съ большимъ успѣхомъ и безъ помощи головного мозга. Вивисекціи Лонже, Вюльпіана и другихъ показываютъ, что млекопитающія продолжаютъ ощущать и удерживаютъ нѣкоторую способность къ перемѣщенію даже послѣ того, какъ у нихъ будутъ удалены и большой мозгъ и мозжечокъ, а птицы, лишенныя подобнымъ-же образомъ этихъ большихъ головныхъ узловъ, продолжаютъ еще ходить, летать и даже клевать кормъ“. — „Есть засвидѣтельствованные случаи такого рода, когда дѣти въ продолженіе цѣлыхъ дней дышали, плакали, сосали и дѣлали различныя движенія, хотя и родились безъ большого мозга и даже безъ мозжечка“.

ровъ въ случаѣ ихъ болѣзненной диссоціаціи, ихъ разобщенія съ высшими управляющими центрами *).

Такимъ образомъ уже физиологически жизнь и сознаніе индивида представляются намъ коллективными функціями. Но индивидъ высшаго порядка не только обнимаетъ въ себѣ безконечное множество индивидуальностей низшаго порядка,—онъ самъ является органическимъ членомъ нѣкотораго собирательнаго цѣлаго, образуемаго его *видомъ* или *родомъ*.

Во всемъ животномъ царствѣ родъ деспотически властвуетъ въ индивидахъ, повторяя неизмѣнныя формы въ безчисленномъ рядѣ поколѣній. Его господство имѣетъ физиологическую основу и въ животномъ царствѣ сохраняетъ почти исключительно физиологическій характеръ. Самыя психологическія, нравственныя и эстетическія связи, которыя соединяютъ въ половые, семейные и общественные союзы животныхъ отдѣльныхъ видовъ, развиваются на почвѣ физиологическихъ инстинктовъ. Каждый индивидъ такъ или иначе возникаетъ изъ другого индивида и нѣкоторое время составляетъ часть другого организма, другой жизни. Затѣмъ онъ либо остается навсегда связаннымъ со своимъ родителемъ матеріальною связью, либо отдѣляется отъ него. Въ первомъ случаѣ, при полномъ отсутствіи всякихъ психическихъ связей, иногда даже всякаго сосудистаго сообщенія, индивиды связаны своими тканями и питаются одною и тою-же питательною жидкостью. Во второмъ индивиды связываются болѣе сложными психофизическими узами, половыми, родительскими, социальными инстинктами; но, тѣмъ не менѣе, возстановленіе физиологическаго единства и физиологическаго общенія (черезъ посредство питательныхъ жидкостей и заполненія полостей) необходимо и между такими индивидами для сохраненія и размноженія рода.

Когда физиологическое назначеніе животного исполнено, когда новое, свѣжее поколѣніе вполне обезпечено въ своемъ

*) См. любопытную книгу Pierre Janet: „l'Automatisme psychologique. Essai de psychologie expérimentale sur les formes inférieures de l'activité humaine Paris 1889.

развитіи или вырастаетъ въ достаточномъ количествѣ зрѣлыхъ индивидовъ, это послѣднее въ свою очередь вытѣсняетъ своихъ предшественниковъ, смѣняя ихъ въ служеніи роду. За краткимъ разцвѣтомъ половой зрѣлости наступаютъ старость и смерть. Жизнь индивида, какъ такового, сама по себѣ случайна и безразлична. Потому и въ сознаниі животнаго преобладаетъ родовое начало *инстинкта*. Весь индивидуальный умъ животнаго является простой вариацией на общія *инстинктивныя* темы.

Инстинкты, управляющіе наиболѣе сложными и цѣлесообразными дѣйствіями животныхъ, ихъ спариваніемъ, устройствомъ жилищъ, иногда столь изящныхъ и сложныхъ, инстинкты охоты и самозащиты, семейныя, стадныя инстинкты во всѣхъ своихъ многосложныхъ проявленіяхъ—не могутъ быть результатомъ личнаго опыта или размышленія. Это прежде всего безотчетныя внушенія, которымъ животное повинуется какъ-бы автоматически. „Инстинктъ,—говоритъ Гартманъ,—есть то, что побуждаетъ къ дѣйствию въ виду нѣкоторой цѣли, но безъ сознанія этой цѣли“. „При этомъ—прибавляетъ Роменсъ *),—необходимо имѣть въ виду наиболѣе существенную черту инстинктивнаго дѣйствія—его единообразіе у различныхъ индивидовъ одного и того-же вида... Инстинктъ есть у человѣка и животныхъ умственная операція, которая имѣетъ цѣлью особое приспособленное движеніе, но предшествуетъ индивидуальному опыту, не нуждается въ знаніи соотношеній между средствами и цѣлью и совершается однообразно при одинаковыхъ условіяхъ у всѣхъ индивидовъ даннаго рода“. Умственныя операціи, изъ которыхъ вытекаетъ инстинктъ, совершенно независимы отъ личнаго сознанія животнаго. „Оно не можетъ ни вызвать, ни задержать ихъ; онѣ побуждаютъ его къ дѣйствіямъ, цѣли которыхъ оно не сознаетъ, и которыя повторяются изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ замѣтнаго измѣненія... Психическая дѣятельность животнаго не имѣетъ ничего личнаго,—

*) Роменсъ (Romanes): „Умъ животныхъ“. Введеніе.

она передается неизмѣнно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такимъ образомъ *инстинктъ въ высокой степени наследствененъ и видоизмѣняется столь медленно, что онъ кажется неизмѣннымъ* *)).

Столь-же произвольный, какъ органическія отправления, инстинктъ несомнѣнно предполагаетъ нѣкоторыя установившіяся физиологическія особенности въ самой нервно-мозговой организациі животнаго. Безконечно-усложненный рефлексъ—инстинктивное дѣйствіе—вытекаетъ изъ ряда нервно-психическихъ движеній, интегрировавшихся въ связную и постоянную группу, въ одно сложное дѣйствіе, установившееся неизмѣнно въ наследственной передачѣ многихъ поколѣній. Но это еще нисколько не объясняетъ инстинкта *психологически*, т.-е. не объясняетъ инстинкта какъ особую форму сознательности. Ибо очевидно, что инстинктивное дѣйствіе, совершаемое въ виду опредѣленной цѣли, не можетъ быть абсолютно-безсознательнымъ. Подъ наитіемъ нѣкоторыхъ инстинктовъ животныя живутъ удвоенною жизнью; и мы усматриваемъ въ ихъ поступкахъ не прекращеніе сознанія, а какъ-бы его расширеніе за предѣлы животной индивидуальности.

Мы не будемъ приводить здѣсь безчисленныхъ примѣровъ, которыми ярко освѣщается эта форма родовой безличной разумности животныхъ, это ихъ общее, атавическое сознаніе **). Мы не станемъ также разсматривать здѣсь различныя гипотезы о происхожденіи инстинктовъ. Многіе изъ нихъ признаются непостижимыми большинствомъ естествоиспытателей, какъ наприм. отеческій инстинктъ нѣкоторыхъ рыбъ ***) , или другія формы инстинкта, которыя никогда ни при какихъ условіяхъ не могли выработаться изъ личнаго опыта, — тѣ фор-

*) E. Perrier: „Anatomie et physiologie animales“ 1882, p. 216.

**) Читатель найдетъ превосходные примѣры у Гартманна и въ специальныхъ сочиненіяхъ Брема, Роменса и др.

***) Ср. Darwin: „The descent of Man“, v. I, p. 80: with respect to the origin of the paternal and filial affections, which apparently lie at the basis of the social affections, it is hopeless to speculate. См. также Milne Edwards: „Leçons sur la physiologie et l'anatomie comp. des animaux“, t. XIII—объ инстинктахъ насекомыхъ, 470.

мы, въ которыхъ явственно выражается *предвидѣніе*, приспособленіе къ *будущимъ* обстоятельствамъ. Посредствомъ ученія объ *измѣняемости* видовъ происхождение подобныхъ инстинктовъ объяснялось въ отдѣльныхъ случаяхъ съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ. Но *психологически* самые основные, общіе инстинкты, самая форма инстинктивной разумности, *наслѣдственнаго* сознанія—совершенно непонятны, если разсматривать сознаніе животнаго какъ нѣчто индивидуальное. Съ точки зрѣнія такой индивидуалистической психологіи непонятенъ никакой инстинктъ. Непонятно, наприм., почему самецъ узнаетъ самку, почему вообще животное узнаетъ другихъ представителей своего вида, заботится о своемъ потомствѣ, яйцахъ, личинкахъ? Очевидно, что представленіе, которое оно имѣетъ о другихъ особяхъ своего вида, существенно отличается отъ прочихъ его представленій. Ибо оно не только весьма часто вызываетъ въ животномъ сильныя и сложныя волненія, но нерѣдко заключаетъ въ себѣ *расширеніе* его сознанія. *Границы индивидуальности, времени и пространства* какъ-бы отодвигаются, животное отождествляетъ свои интересы съ интересами вида, узнаетъ свое въ другихъ существахъ, въ своей самкѣ, въ семьѣ, въ своемъ видѣ. И оно дѣйствуетъ, въ виду будущаго, какъ-бы въ силу *яснаго* сознанія предшествовавшей судьбы своего рода.

Каждый индивидъ воспроизводитъ, *представляетъ* свой родъ въ своемъ собственномъ лицѣ. Поэтому и самое сознаніе его, какъ сложный продуктъ его организаци, какъ ея психическое отраженіе, заключаетъ въ себѣ потенциально смутный, общій образъ его рода, его *психологическое* представленіе. Такое *представленіе*, строго говоря, не сознательно, хотя въ известномъ смыслѣ оно окрашиваетъ собою всѣ явленія животнаго сознанія. Столь-же врожденное, какъ и самая организаци животнаго, оно не усматривается имъ, не „*апперципируется*“, по выраженію Лейбница. Ибо животное чуждо *самосознанія*. И, тѣмъ не менѣе, это общее представленіе, эта органическая родовая идея, заключаетъ въ себѣ смутное опредѣленіе ума, чувства, влеченій животнаго и

есть скрытый мотивъ всей его жизни. Это какъ-бы психологическій коррелятъ наслѣдственности, ея интимная тайна. Въ силу этой инстинктивной идеи, которая пробуждается въ животномъ по поводу какихъ-либо впечатлѣній или физиологическихъ возбужденій, въ силу этого родового сознанія животное узнаетъ членовъ своего вида, какъ незрѣлыхъ, такъ и взрослыхъ, понимаетъ ихъ, ищетъ физиологическаго и социальнаго общенія съ ними, чувствуетъ свое единство съ ними, сознавая себя съ другими и въ другихъ. Въ общемъ подъемъ жизненной энергіи, въ минуту полового возбужденія или сильнаго страданія и страха, въ потрясенномъ организмѣ животного пробуждаются унаслѣдованныя органическія воспоминанія, наслоившіяся и обобщавшіяся въ теченіе безпредѣльнаго ряда поколѣній; предшествовавшая жизнь рода какъ-бы воскресаетъ въ душѣ животнаго, навязываетъ ему общіе итоги своей мудрости, своего вѣковѣчнаго опыта,—и животное обнаруживаетъ свое инстинктивное ясно-видѣніе, ту загадочную прозорливость, которая насъ изумляетъ.

Такой взглядъ на природу инстинктовъ, на родовое преемство сознанія бросаетъ свѣтъ и на тѣ явленія коллективнаго, собирательнаго сознанія, которыя мы наблюдаемъ столь часто въ половой и социальной жизни животныхъ. Таковы всѣ тѣ сложныя дѣйствія, которыя выполняются стадными животными сообща, при видимомъ раздѣленіи труда и взаимномъ содѣйствіи и пониманіи; таковы явленія высокоразвито-го альтруизма у млекопитающихъ, птицъ и даже рыбъ; таковы общества насѣкомыхъ, ульи и муравейники, представляющіе несомнѣнное единство сознанія во множествѣ индивидовъ,—„одну, хотя и раздробленную, дѣйствующую мысль, на подобіе клѣточекъ и волоконъ мозга млекопитающихъ“ *).

То-же безличное, родовое, инстинктивное сознаніе составляетъ базисъ человѣческаго сознанія, его нижній слой. Какъ

*) Эспинасъ: «Соціальная жизнь животныхъ» (въ рус. перев. Павленкова. Петербургъ 1882), стр. 446. Въ этой интересной и остроумной книгѣ собрано много примѣровъ по занимающему насъ вопросу.

высшее животное, человекъ подчиненъ общимъ зоологическимъ законамъ и является наследникомъ предшествовавшихъ организаций. После всѣхъ явившійся на свѣтъ, онъ обладаетъ наиболѣе древними традиціями. Какъ разумное существо, имѣющее за собою цѣлыя эры культуры, человекъ освобождается отъ неограниченнаго господства среды, а постольку и отъ тѣхъ специальныхъ и сложныхъ въ своей односторонности инстинктовъ, которые выработались у нѣкоторыхъ видовъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій и отвѣчаютъ нѣкоторымъ специальнымъ и неизмѣннымъ условіямъ среды, постояннымъ установившимся соотношеніямъ. Тѣмъ не менѣе и въ человекѣ общіе животныя инстинкты сохраняются и получаютъ своеобразное развитіе. Трудно оцѣнить достаточно ихъ значеніе въ человѣческой жизни, ибо если никто не живетъ одними инстинктами, то все-же большинство живетъ преимущественно ими и тѣмъ, что къ нимъ привилось. Большинство человѣческихъ дѣйствій и характеровъ опредѣляется врожденными свойствами, воспитаніемъ и вліяніемъ общественной среды, — *унаследованнымъ и внушеннымъ сознаниемъ.*

Съ эмпирической точки зрѣнія, два фактора опредѣляютъ степень психическаго развитія человека: его мозгъ и его общество. Первый носитъ въ себѣ совокупность унаследованныхъ способностей, предрасположеній, органовъ сознанія; второе вмѣщаетъ въ себѣ совокупность актуальнаго сознанія, къ которому человекъ долженъ приобщиться. Эти два фактора заключаютъ въ себѣ естественную норму индивидуальнаго развитія, въ предѣлахъ которой личная самодѣятельность имѣетъ болѣе или менѣе широкую сферу. Соціальная организація восполняетъ неизбежные недостатки и ограниченности индивидуальной физиологической организаціи. Коллективная память, общечеловѣческое знаніе, воплощаясь въ словъ, закрѣпляясь письмомъ, безгранично возрастаетъ, обобщается и вмѣстѣ безгранично расширяетъ сферу, доступную отдѣльнымъ умамъ. Коллективная мысль обобщаетъ и объединяетъ совокупность знаній; создаетъ науки и системы

наукъ, въ которыхъ отдѣльные умы могутъ охватить сразу общіе итоги предшествовавшаго знанія. И, усвоивъ себѣ общую науку, человѣкъ способенъ дать ей въ себѣ дальнѣйшее развитие.

У человѣка, какъ и у высшихъ животныхъ, воспитаніе является органическимъ продолженіемъ наслѣдственности. Только при помощи воспитательныхъ внушеній человѣкъ овладѣваетъ своими органами и способностями, элементарными и общими знаніями, распространенными въ его средѣ. Его врожденные способности должны быть воспитаны другими людьми, чтобъ онъ самъ могъ себѣ ихъ усвоить. Языкъ, которымъ онъ говоритъ, знанія и понятія, которымъ онъ учится, законъ, которому онъ подчиненъ, понятіе о Богѣ, которому онъ служитъ и поклоняется,—все содержаніе его сознанія дано ему людьми или черезъ посредство людей. Самая внѣшняя среда, природа, дѣйствуетъ на него чрезъ посредство человѣческой среды, опредѣляя его антропологическій типъ въ наслѣдственной передачѣ медленно образовавшейся организціи, его культурный типъ—въ преемствѣ мѣстныхъ традицій, обычаевъ и понятій, сложившихся подъ общимъ и продолжительнымъ влияніемъ данныхъ естественныхъ условий.

Соціальная среда, соціальная жизнь человѣчества предполагаетъ физиологическія и психологическія связи — особую реальную организацію общественныхъ союзовъ. Поскольку всякое племя, народъ, государство предполагаетъ семью, какъ элементарную ячейку,—общественный организмъ предполагаетъ *физиологическія* узы между отдѣльными индивидами. И вмѣстѣ съ тѣмъ уже семейный союзъ, не говоря уже о болѣе сложныхъ общественныхъ образованіяхъ, скрѣпляется *реальными* психологическими связями, органическою коллективностью сознаній, ихъ родовымъ единствомъ. Всѣ формы соціальной жизни и общенія являются какъ органическія образованія, возникшія на почвѣ наслѣдственныхъ инстинктовъ, родового сознанія, общаго безличнаго творчества. Слово есть органическая способность человѣка, обусловленная спеціальнымъ устройствомъ его мозга и нервовъ. Отдѣльные язы-

ки живутъ и развиваются, какъ роды и виды, по нѣкоторымъ общимъ, постояннымъ законамъ, имѣютъ свою органическую морфологію. Нравственныя чувства и понятія не суть результатъ личнаго опыта или утилитарныхъ соображеній, но плодъ развитія того непосредственнаго альтруизма, безъ котораго родъ не можетъ существовать. Наконецъ самые боги, которымъ служить человекъ, не простыя выдумки жрецовъ и правителей, но плодъ дѣйствительнаго теогоническаго процесса въ общемъ сознаніи отдѣльныхъ племенъ и народностей, соединяемыхъ въ религіозныя общины. Въ этомъ—реальное, позитивное значеніе историческихъ боговъ для отдѣльныхъ народовъ; въ этомъ—объясненіе тѣхъ коллективныхъ галлюцинацій, въ которыя народы воплощаютъ свои религіозныя идеи, тѣхъ чудесъ и теофаній, которыя составляютъ нормальное явленіе въ исторіи религій.

Сознаніе, точно также какъ и познаніе, нравственность, творчество—имѣютъ исторію въ человѣчествѣ. Соціологія выходитъ за предѣлы нашихъ изслѣдованій, но самое понятіе этой науки о внутреннихъ законахъ общежитія, организациіи человѣчества, имѣетъ для насъ большое значеніе. Пусть наше знаніе соціологическихъ законовъ спорно и шатко,—врядъ-ли возможно отрицать извѣстную органическую цѣльность въ самомъ историческомъ процессѣ, или извѣстное разумное, логическое единство въ преемствѣ и развитіи общечеловѣческихъ знаній и культурныхъ началъ. И несомнѣнно, что въ обоихъ случаяхъ такое единство зависитъ не отъ одного давленія внѣшнихъ причинъ, но отъ внутреннихъ связей, отъ самой природы человѣческаго сознанія. Разсматривая историческій процессъ въ его цѣломъ, точно также какъ и въ отдѣльныя великія эпохи, мы находимъ, что міровыя идеи, опредѣлявшія его теченіе, имѣютъ сверхличную, положительную объективность: это какъ-бы общія начала, воплощающіяся въ исторіи; мы видимъ, что великія событія и перевороты не объяснимы изъ частныхъ, индивидуальныхъ дѣйствій, интересовъ и влеченій, изъ случайныхъ, единичныхъ поступковъ, но что они опредѣляются—об-

щими массовыми движеніями, иногда совершенно стихійными, общимъ сознаниємъ, общими инстинктами и потребностями.

Мы не хотимъ отрицать роли личности въ исторіи; мы полагаемъ, напротивъ того, что личность можетъ имѣть, и дѣйствительно имѣетъ, въ ней *общее* значеніе. Въ извѣстномъ смыслѣ все совершается въ исторіи личностью и черезъ личность: только въ ней воплощается идея. Но именно поэтому универсальное значеніе личности и нуждается въ объясненіи. Ибо ея вліяніе не ограничивается одною чисто отрицательной способностью исключать себя изъ общаго дѣла, тормозить его по мѣрѣ присвоенной ей силы и власти: есть личности, способныя *представлять* общіе интересы и идеи и *управлять* людьми во имя общихъ началъ, вести, учить и просвѣщать ихъ. Эти-то способности, которыми обладаютъ историческія личности, истинные дѣятели и учителя человечества, нуждаются въ объясненіи.

Прежде всего историческая личность есть продуктъ своего общества; она образуется имъ, проникается его общими интересами. Она *представляетъ* его органически, воплощаетъ, сосредоточиваетъ въ себѣ извѣстныя его стремленія, а постольку можетъ и сознать ихъ лучше, чѣмъ другія, и найти путь къ разрѣшенію назрѣвшихъ историческихъ задачъ. Часто люди заурядныхъ или одностороннихъ способностей, въ силу обстоятельствъ, въ силу исключительнаго высокаго положенія, которое имъ достается въ удѣлъ, бывають призваны играть роль великаго человѣка. Иногда это имъ удается при нѣкоторой восприимчивости и энергіи, усиленной сознаниємъ власти, нерѣдко даже самою скудостью мысли и отсутствіемъ оригинальности. Ибо когда извѣстныя историческія задачи назрѣли, когда общественныя потребности, частью сознаваемая, частью еще не сознанныя отдѣльными умами, достигаютъ извѣстной интенсивности, когда общественная воля съ прогрессивно возрастающею силою тяготеетъ въ опредѣленномъ направленіи,— она естественно ищетъ наиболѣе приспособленный органъ какъ для своего выраженія, такъ и для своего осуществленія. И она

естественно стремится къ органическому средоточію общества, къ представителямъ его власти, дабы внушить имъ извѣстную задачу, если не опредѣленное рѣшеніе. Историкъ знаетъ, какъ много у народной общественной воли есть различныхъ способовъ выраженія и дѣйствія, какъ полно и разнообразно высказывается она въ самыхъ мелочахъ жизни, еще не сознанныя, не овладѣвшая собою, еще не рѣшившаяся, но какъ-бы ищущая рѣшенія и предчувствующая его. Она проявляется инстинктивно, иногда безотчетно, сама не понимая смысла этихъ проявленій, которыя въ своей сложности создаютъ общую атмосферу, общее давленіе, иногда переходящее изъ скрытаго состоянія въ дѣйствіе.

Не слѣдуетъ однако ослѣплять себя на счетъ могущества общей воли, ея развитія и ея непосредственнаго вліянія на центральные органы. Ошибочно думать, что, помимо всякой политической организаціи, народное сознаніе можетъ всегда непосредственно вдохновлять правителей путемъ магическаго умственнаго внушенія. Ибо прежде всего никакое социальное тѣло не обладаетъ достаточной солидарностью: и атомы, его составляющіе, и центральные его органы проявляютъ значительное взаимное треніе; во вторыхъ, правительство, вдохновляющееся одними темными инстинктами массъ, едва-ли будетъ на высотѣ своихъ задачъ и сѣмъ-бѣтъ возвыситься надъ случайной политикой. Тамъ, гдѣ народная интеллигенція не организована или дезорганизована, народное тѣло можетъ испытывать нужды и потребности, безъ того чтобы вызвать соотвѣтственныя дѣйствія центральныхъ органовъ. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ всякая организація общаго сознанія, гдѣ оно какъ у низшихъ животныхъ разсѣяно безсвязными узлами по всему общественному тѣлу, не собираясь къ центральнымъ органамъ, тамъ господствуютъ лишь элементарные социальныя и государственныя инстинкты, которые хотя и обусловливаютъ крѣпость и нравственную цѣльность государства, но сами по себѣ все еще не достаточны, для того чтобы справляться съ сложными политическими задачами и вопросами. Человѣкъ не можетъ жить

безъ элементарныхъ органическихъ отправленій, не можетъ обойтись безъ инстинктовъ; но онъ не былъ-бы человѣкомъ, еслибы жилъ одною животною, бессловесною жизнью. Такъ точно и государство не можетъ довольствоваться тѣмъ мощнымъ инстинктомъ самосохраненія, тѣмъ стихійнымъ единствомъ сознанія, которое обнаруживаетъ народъ въ години бѣдствій или минуты необычайнаго энтузіазма. Сила государства—въ его жизненныхъ принципахъ, во внутреннемъ единствѣ духа, которое обуславливаетъ его политическій и культурный строй. Но народная воля не должна пребывать навсегда безсознательной, импульсивной, и народная мудрость—бессловеснымъ инстинктомъ, который выражается въ судорожныхъ рефlekсахъ и дикихъ вопляхъ. Если народъ есть живое существо, то это организмъ высшаго порядка, члены котораго обладаютъ разумной природой. И вотъ почему существенной задачей каждаго государства является просвѣщеніе народа и образованіе его интеллигенціи.

Такимъ образомъ и здѣсь, въ социологической области знаніе прогрессируетъ вмѣстѣ съ организацией и предполагаетъ ее. Въ силу этой социальной организаци, этой живой солидарности общественнаго тѣла личность можетъ органически представлять его какъ въ совокупности его частей, такъ и въ отдѣльныхъ отрасляхъ его жизни. При этомъ самое представительство можетъ быть сознательнымъ и свободнымъ или-же безсознательнымъ, непосредственнымъ; оно можетъ обладать постоянною, прогрессивно-совершенствующеюся организацией или-же не имѣть никакой политической организаци, а слѣдовательно и никакого *нормальнаго* политическаго значенія.

Итакъ въ той или другой формѣ личность представляетъ свое общество и свою эпоху. Но этимъ еще не исчерпывается ея значеніе. Ибо еслибы личность служила только выраженію извѣстныхъ общественныхъ стремленій, пассивнымъ органомъ собирательной воли и сознанія, то она не могла-бы оказывать существеннаго вліянія на ходъ событій и на развитіе своего общества. Еслибы она могла только

подводить итоги общаго сознанія, только представлять свое общество; она не могла-бы имъ *править*, учить, исправлять его. Но тогда никакое правительство, никакая государственная или общественная *власть* не имѣла-бы другого авторитета и основанія кромѣ насилія. Вмѣстѣ съ тѣмъ не было-бы и реального общественнаго прогресса: отражаясь въ своихъ отдѣльныхъ представителяхъ, общество оставалось-бы неподвижнымъ.

На дѣлѣ личность имѣетъ въ самомъ обществѣ самобытное значеніе и безусловное достоинство, помимо того общества, которое она собою представляетъ. Если существуетъ положительный прогрессъ въ какой-бы-то ни было отрасли жизни, если развивается общество, наука, искусство, религія, то личность можетъ и должна вносить съ собою нѣчто безусловное въ свое общество — свою *свободу*, безъ которой нѣтъ ни права, ни власти, ни познанія, ни творчества. И помимо унаслѣдованныхъ традиціонныхъ началъ, человѣкъ долженъ въ свободѣ своего сознанія логически мыслить и познавать *подлинную* истину, вселенскую правду и осуществлять ее въ своемъ дѣйствіи. Помимо своихъ частныхъ вѣрованій, временныхъ и мѣстныхъ идеаловъ, онъ долженъ въ самыхъ общеродовыхъ формахъ своего сознанія *высказать* безусловное содержаніе, высшій вселенскій идеаль. И такъ или иначе, опредѣляясь все яснѣе и полнѣе, этотъ идеаль всеобщей правды и добра является точкой опоры, руководящею цѣлью всякаго благого дѣла, высшаго прогресса культуры и знанія. Какъ мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, безъ усвоенія этого объективнаго идеала никакое развитіе не мыслимо вовсе. Но идеаль не можетъ быть *усвоенъ* безъ личнаго, свободнаго усилія.

Искусство, наука, философія развиваются въ каждомъ народѣ въ связи съ его общей культурой и вѣрованіями. Но поскольку они имѣютъ въ себѣ объективное содержаніе, заключаютъ въ себѣ постепенное раскрытіе объективной истины и красоты, они имѣютъ самостоятельную исторію. Ибо въ истинѣ и красотѣ объединяются народы. Чтобы сдѣлать

научное открытіе или построить философскую систему, мало народной мудрости: нужна истина, какъ для художника—подлинная красота, и нужно свободное усиліе личнаго генія. Чтобы преобразовывать общество, учить его, способствовать такъ или иначе его развитію и нравственному улучшенію, нуженъ не только патріотизмъ, но и ясное сознаніе правды и добра, крѣпкая вѣра въ высшій идеаль. И вотъ почему для мыслителя и художника, для религіознаго и политическаго преобразователя всеобщій, истинный идеаль не всегда таковъ, какъ онъ признается въ его средѣ.

Впрочемъ всякій культурный и религіозный народъ признаетъ объективный идеаль, объективную правду; каждый такой народъ признаетъ нѣкоторыя общія нормы, долженствующія лежать въ основѣ человѣческихъ отношеній и религіознаго культа. И для того, чтобы нормы эти соблюдались, онъ признаетъ надъ собою необходимость духовной и государственной *власти*, по возможности и независимой и справедливой. Въ этихъ объективныхъ нормахъ, въ *законѣ* человѣческаго общежитія заключается право на власть; въ идеаль всеобщей правды—ея высшая нравственная санкція.

Итакъ, признавая общій, необходимый характеръ историческихъ событій и внутреннее, разумное единство общаго теченія исторіи, мы въ то-же время признаемъ за личность способность представлять свое общество и управлять имъ. Понятіе о первоначальномъ родовомъ единствѣ, объ органической коллективности сознанія, не отрицаетъ, а объясняетъ намъ эту провиденціальную роль личности въ исторіи. Ибо то, что приобрѣтено личностью, становится достояніемъ рода въ силу ея органической солидарности съ нимъ; дѣло личности, ея подвигъ и творчество имѣютъ общее значеніе помимо своихъ внѣшнихъ, непосредственныхъ результатовъ. Съ другой стороны, индивидуальная личность можетъ усвоить, вмѣщать вселенскій идеаль, познавать всеобщую истину лишь въ универсальныхъ, родовыхъ формахъ человѣческаго сознанія. Только въ своей органической солидарности съ родомъ отдѣльная личность обладаетъ такими формами. И вмѣстѣ

съ тѣмъ въ своей свободной, индивидуальной самодѣятельности она возвышается надъ своею врожденною природою, наполняетъ свое потенциальное сознание идеальнымъ содержаниемъ. Чтобы осуществиться въ дѣйствительности, идеаль предполагаетъ въ ней универсальныя формы и свободный актъ, безъ котораго онъ не можетъ быть усвоенъ.

Разсматривая міровой процессъ, мы видимъ какъ трудно и медленно зарождалась человѣческая личность, какъ туго развивалось ея самосознание. Несмотря на весь эгоизмъ человѣческой природы, самое понятие личности, личныхъ правъ, личной собственности и свободы, — всѣ эти понятія возникаютъ и развиваются на нашихъ глазахъ. И вмѣстѣ съ ихъ развитіемъ, съ развитіемъ личнаго самосознания, пробуждается сознание внутренняго противорѣчія жизни, противорѣчія личности и рода, свободы и природы. Это противорѣчіе обуславливаетъ собою не одни разногласія философскихъ школъ, но глубокой коренно разладъ человѣческой жизни. Его корень лежитъ не въ умствованіяхъ философовъ, а въ самой дѣйствительности, въ самой природѣ вещей, ибо вся дѣйствительность представляетъ намъ борьбу этихъ началъ, и въ философіи мы находимъ лишь отраженіе этой борьбы, лишь сознание мірового противорѣчія. Въ философіи только оно не можетъ быть разрѣшено, именно, потому, что оно есть дѣйствительное противорѣчіе, требующее не теоретическаго, но и практическаго рѣшенія. Простая ссылка на не достигнутый идеаль, въ которомъ противорѣчія отъ вѣка примирены, въ которомъ осуществлено конкретное единство конечнаго и безконечнаго, свободы и природы, личности и вселенной — указаніе такого идеала само по себѣ еще недостаточно: во первыхъ потому, что изъ такого отвлеченно-признаннаго идеала никогда не возможно вывести или понять съ достаточной полнотою дѣйствительнаго эмпирическаго порядка вещей со всѣми его противоположностями; во вторыхъ потому, что осуществленіе такого идеала все-таки остается задачей, которая не подлежитъ теоретическому разрѣшенію. Всякое умозрительное рѣшеніе есть и должно быть только приблизительнымъ, потому

что это только предъугадываемое, чаемое рѣшение. И всякій разъ, какъ философія забываетъ эту спекулятивную природу, отвлеченность своего идеала, она либо предполагаетъ его осуществленнымъ въ дѣйствительности и, закрывая глаза на ея противорѣчія, сама впадаетъ въ нихъ, либо - же она отчаивается въ самомъ идеалѣ, въ его вѣчной дѣйствительности и осуществимости.

Мы говорили уже объ этомъ роковомъ противорѣчіи, которое съ глубокой древности тревожитъ умы, которое уже Аристотель созналъ какъ безысходную задачу онтологическую—противорѣчіе между родомъ и индивидуумомъ. Въ дѣйствительности одинъ не можетъ быть безъ другого; но въ то-же время и тотъ и другой претендуютъ на исключительную дѣйствительность, вмѣстѣ ни тотъ, ни другой не имѣютъ истинной дѣйствительности. Индивиды преходящи, одинъ родъ пребываетъ; но внѣ индивидовъ—это прозрачная отвлеченность. Люди умираютъ, человѣчество безсмертно: *„нѣтъ ничего реальнѣе человѣчества“*. И въ то-же время нѣтъ ничего *„идеальнѣе“*: человѣчество какъ существо, какъ дѣйствительный организмъ, не существуетъ вовсе. Оно не составляетъ не только одного тѣла, но даже одного солидарнаго общества. Только отдѣльные люди суть реальные организмы, но эти *„реальные существа“* всѣ преходящи и смертны, не обладая пребывающей дѣйствительностью.

Какъ-же примиримо это противорѣчіе? Можетъ-ли человѣчество стать такимъ-же реальнымъ и солидарнымъ организмомъ, какъ одинъ человѣкъ, можетъ-ли оно стать однимъ безсмертнымъ человѣкомъ? И могутъ-ли отдѣльные индивиды, составляющіе человѣчество, приобрести въ немъ безсмертіе? До тѣхъ поръ очевидно противорѣчіе непримиримо. Очевидно также, что самъ по себѣ человѣкъ не можетъ его примирить и если когда-нибудь онъ искалъ такого примиренія, то не иначе какъ на практически-религіозной почвѣ, въ томъ или другомъ церковномъ, *богочеловѣческомъ* организмѣ.

Кн. С. Трубецкой.

(Окончаніе послѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

1. Общія характеристики.

Ученіе о волѣ въ новой психологіи.

(Die Lehre von Willen in der neueren Psychologie, kritisch erörtert v. *Oswald Külpe*. Philos. Studien, V B, 2 и 3 Heft.) *).

Б) Положительныя теоріи воли.

Обзоръ отрицательныхъ теорій воли привелъ насъ къ тому общему результату, что послѣднія не соотвѣтствуютъ фактамъ внутренняго опыта. Основаніе этому мы нашли въ метафизическихъ, логическихъ, генетическихъ или физиологическихъ предположеніяхъ, которыя оказывали болѣе или менѣе опредѣленное вліяніе при оцѣнкѣ даннаго намъ въ опытѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, что подобныя предположенія не имѣли никакого дѣйствія на представителей гѣхъ воззрѣній, которыя будутъ излагаться въ этомъ отдѣлѣ, но можно утверждать, что для нихъ самымъ главнымъ источникомъ былъ непосредственный внутренній опытъ.

Изъ своего обзора Кюльпе исключаетъ тѣ теоріи, которыя признаютъ реальность безсознательной воли. Изъ числа ихъ онъ упоминаетъ только о теоріи Гёринга (*System der Kritischen Philosophie*), такъ какъ послѣдній защищалъ существованіе бесо-

*) См. Вопросы филос. и психол., кн. V, II отд., стр. 1—25.

знательной воли, независимо отъ всякихъ метафизическихъ предположеній, опираясь на психологическія основанія. Герингъ полагаетъ, что чувствованія составляютъ сознательное обнаруженіе воли, но что послѣдняя не обладаетъ особеннымъ отличимымъ сознательнымъ существованіемъ наряду съ представленіями и чувствованіями. Подтвержденіемъ этому взгляду служатъ для Геринга: во первыхъ, тотъ опытный фактъ, что относительно своей воли можно обманываться, что было-бы невозможно, еслибъ она была воспринимается непосредственнымъ образомъ; во вторыхъ, значительное число наблюденій изъ обыденной жизни, которыя ведутъ къ признанію первенства воли или точнѣе побужденія, какъ ея самой низшей степени; въ третьихъ, сообщенные Куссмаулемъ опыты надъ психическимъ развитіемъ новорожденнаго. Что касается перваго пункта, то на него можно возразить, что возможность заблужденія, которую Герингъ указываетъ въ отношеніи воли, одинаково имѣетъ мѣсто и въ отношеніи представленій и чувствованій. Кромѣ того, точнѣе приглядываясь къ дѣлу, мы находимъ, что заблуждаемся собственно не относительно того, хотимъ-ли мы или нѣтъ, а скорѣе относительно того, чего именно мы хотимъ... Что касается втораго пункта, то Кюльпе полагаетъ, что основаніемъ для всѣхъ выводовъ Геринга изъ единичныхъ наблюденій послужило недостаточное пониманіе природы побужденія. Если Герингъ думаетъ, что чувствованія можно самымъ легкимъ образомъ устранить, только уничтоживъ или поборовъ соотвѣтствующія имъ побужденія, то этому можно съ одинаковымъ правомъ противопоставить утвержденіе, что мы можемъ искоренить самымъ дѣйствительнымъ образомъ побужденія, если какимъ-либо образомъ устранимъ лежащія въ ихъ основаніи непріятныя чувствованія. Кромѣ того, что такое побужденіе, какъ не внутреннее или внѣшнее движеніе, вытекающее изъ какого-нибудь непріятнаго состоянія? Наконецъ, что касается фактовъ, констатируемыхъ въ отношеніи къ новорожденному, то и они приводятъ къ тому-же результату. Прежде всего надо имѣть въ виду, что сужденіе объ этихъ фактахъ не имѣетъ въ познавательномъ отношеніи равной цѣнности съ опытами, почерпаемыми нами изъ непосредственнаго внутренняго воспріятія; затѣмъ то, что мы обозначаемъ въ ребенкѣ, какъ побужденіе, и о чемъ мы заключаемъ изъ его движеній, слѣдуетъ разсматривать какъ сложный феноменъ, еще мало или совсѣмъ даже не раздѣлен-

ный на единичные, особенные процессы,—феноменъ, въ которомъ съ неопредѣленнымъ актомъ ощущенія и чувствованія нераздѣльно соединенъ и волевой актъ. Поэтому мы должны признать въ сознаниі одинаковую реальность какъ за тѣми, такъ и за послѣднимъ.

Послѣ этого краткаго упоминанія о Герингѣ, Кюльпе переходитъ къ изложенію положительныхъ теорій воли, къ которымъ онъ причисляетъ «всѣ тѣ, которыя признаютъ элементарную самостоятельность воли». Но при этомъ можно сопоставлять волю съ другими элементарными явленіями сознаниія или такимъ образомъ, что мы ей приписываемъ только очень ограниченное вліяніе на внутренніе и внѣшніе процессы, или-же, напротивъ того, самое широкое значеніе для послѣднихъ. Сообразно этому будетъ различно въ обоихъ случаяхъ и понятіе воли, а именно объемъ его въ послѣднемъ случаѣ будетъ больше, чѣмъ въ первомъ.

1) Болѣе узкое понятіе воли. — При предыдущей критикѣ отрицательныхъ теорій воли, мы требовали прежде всего признанія воли, какъ самостоятельнаго явленія сознаниія,—здѣсь же, гдѣ эта самостоятельность уже признана, передъ нами стоитъ для критическаго изслѣдованія другой вопросъ — объ эмпирической природѣ воли и о соответствующемъ вліяніи ея на психическую жизнь. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается различный: *Лотце* видитъ значеніе воли въ актѣ рѣшенія (*Entschluss*), *Бэнъ* — въ самопроизвольности (*Spontaneität*), руководимой чувствованіями удовольствія и страданія; *Рибо*, наконецъ, защищаетъ промежуточный взглядъ, рассматривая волю, съ одной стороны, какъ актъ выбора и рѣшенія, съ другой-же стороны—какъ первоначальную форму реакціи живой матеріи.—1) Воля, какъ актъ рѣшенія. Хотѣніе, какъ своеобразное явленіе, слѣдуетъ отличать, по мнѣнію *Лотце* *), и отъ знанія того, что я дѣйствую, и отъ вѣры въ то, что я буду дѣйствовать; равнымъ образомъ, и отъ чувственныхъ побужденій и отъ всѣхъ дѣйствій, сдѣлавшихся привычными, которыя кромѣ представленій и чувствованій не заключаютъ въ себѣ никакого своеобразнаго элемента. Воля является передъ нами только въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ имѣетъ мѣсто выборъ, рѣшеніе. Ея значеніе для внутренней и внѣшней жизни можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ

*) *Lotze*: *Mikrokosmos und Medicinische Psychologie*.

образомъ. Если намъ даны многія представленія съ соотвѣтствующими чувствованіями, то хотѣніе заключается въ ясномъ предположеніи или одобреніи одного изъ нихъ, что уже имѣетъ тогда съ своей стороны послѣдствіемъ всѣ тѣ состоянія или движенія, которыя связываются съ волею въ силу независимой отъ нея законосообразности. Внѣшнее волеовое дѣйствіе можетъ быть констатировано нами исключительно только тамъ, гдѣ между различными возможными представленіями движеній одно изъ этихъ представлений, благодаря свободному выбору воли, получило преобладаніе.—По этому поводу Кюльпе замѣчаетъ, что здѣсь возможно только одно изъ двухъ: или актъ рѣшенія, въ которомъ Лотце видитъ подлинное дѣло воли, представляетъ сложный актъ, или-же онъ не образуетъ чего-либо свойственнаго исключительно только дѣйствію, которое явилось какъ результатъ выбора (Wahlhandlung), и поэтому долженъ быть распространенъ и на рядъ другихъ явленій. Свободный выборъ, наприм., можетъ быть понимаемъ какъ разумное обдумываніе или взвѣшиваніе, и тогда онъ долженъ считаться послѣдствіемъ весьма сложныхъ процессовъ. Это, очевидно, не можетъ быть мнѣніемъ Лотце, такъ какъ онъ считаетъ, что все возможное содержаніе хотѣнія дано намъ чрезъ посредство произвольнаго теченія представлений и чувствованій, волѣ-же онъ предоставляетъ только свободу неограниченнаго выбора между тѣмъ, что намъ дано такимъ образомъ. Если-же выборъ, согласно этому, не то-же самое, что обдумываніе или взвѣшиваніе, тогда совершенно неизвѣстно, чѣмъ-же собственно отличается въ качественномъ отношеніи рѣшающій импульсъ *выбраннаго дѣйствія* отъ того импульса, который мы воспринимаетъ въ себѣ при *односторонне опредѣленныхъ* волевыхъ дѣйствіяхъ. Одинаковая внутренняя дѣятельность обнаруживается передъ нами въ обоихъ случаяхъ, при внимательномъ присматриваніи къ фактамъ. Свободный выборъ, насколько онъ намъ представляется какъ своеобразное явленіе сознанія, могъ-бы быть нами принятъ также и тамъ, гдѣ единственный мотивъ опредѣляетъ насъ къ одному, внѣшнему или внутреннему, дѣйствію. Можно было-бы сказать, что мы могли-бы въ этихъ случаяхъ и воздержаться отъ дѣйствія. Отсюда ясно, что насколько выборъ не есть взвѣшиваніе или обдумываніе (Überlegen), настолько и между рѣшеніемъ или импульсомъ въ томъ и въ другомъ случаѣ не можетъ быть установлено различія. Но мы не должны упускать изъ

виду въ отношеніи къ выбранному дѣйствію (Wahlhandlung) одного очень важнаго факта внутренняго опыта: это дѣйствіе сопровождается всегда естественнымъ убѣжденіемъ, что не представленія и чувствованія, какъ таковыя, ведутъ къ окончательному результату, но мы еще сознаемъ самихъ себя особеннымъ образомъ дѣятельными, когда мы, въ силу какого-нибудь основанія помогаемъ какому-либо представленію получить господство надъ другими. Только путемъ отрицанія можно считать за иллюзію этотъ фактъ, который мы всѣ переживаемъ и который, такимъ образомъ, обладаетъ всею непреодолимою силою непосредственной достовѣрности. И онъ не объясняется нисколько разнообразною игрою борющихся другъ съ другомъ представленій и чувствованій или мозговыхъ возбужденій.

2) Воля, какъ руководимая чувствованіями самопроизвольность. Отнесеніе Бэна къ тому или другому мѣсту въ ряду разбираемыхъ отрицательныхъ и положительныхъ теорій воли представило для Кюльпе не мало затрудненій. Дѣло въ томъ, что Бэнъ *) совершенно не ставитъ вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли считать волю за своеобразный элементарный феноменъ. И однако, прибавляетъ Кюльпе: «мнѣ казалось правильнѣе разсматривать его взглядъ при анализѣ положительныхъ теорій воли, такъ какъ онъ признаетъ въ самопроизвольности важную и необходимую характеристическую черту всякой произвольной дѣятельности и такъ какъ я не имѣю никакого основанія принимать, что эта самопроизвольность должна быть понимаема просто только какъ физиологическое явленіе, а не какъ фактъ сознанія» (389—390). Къ сожалѣнію, Бэнъ не высказался прямо относительно этого важнаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, если самопроизвольность имѣетъ для Бэна только физиологическое значеніе, то въ отношеніи къ нему находитъ свое примѣненіе большая часть изъ высказаннаго по поводу отрицательныхъ воззрѣній. Если же, какъ это предполагаетъ Кюльпе, самопроизвольность имѣетъ для Бэна и чисто-психологическое значеніе, то все-таки пониманіе Бэномъ воли слишкомъ узко, такъ какъ оно приписываетъ волѣ прямое вліяніе только на мускулы, а не на внутреннія душевныя явленія, и такъ какъ оно связано съ предположеніемъ постояннаго содѣйствія чувствованій, какъ мотивовъ.

*) *A. Bain: The Senses a. Intellect. The Emotions a. the Will.*

Элементами воли Бэнъ считаетъ самопроизвольную активность и чувствованія удовольствія и страданія. Въ отношеніи послѣднихъ можно установить слѣдующій общій законъ: каждое удовольствіе связано съ повышеніемъ, каждое страданіе — съ пониженіемъ жизненныхъ функций. Въ фактѣ, который констатируется этимъ закономъ, лежитъ возможность начала волевого контроля. Самопроизвольность причиняетъ разнообразныя движенія; если одно изъ нихъ совпадаетъ съ моментомъ пріятнаго чувствованія, то связанное съ этимъ общее повышеніе жизненной энергии сдѣлаетъ и это опредѣленное движеніе болѣе энергическимъ, и обратно, если это движеніе совпадаетъ со страданіемъ. Вслѣдствіе частаго повторенія такихъ одинаковыхъ случайныхъ совпаденій, образуются прочныя ассоціаціи между опредѣленными движеніями и чувствованіями. Чтобы вполне понимать Бэна, надобимѣть въ виду, что онъ подъ понятіе чувствованія, «feeling», подводитъ не только всѣ пріятныя и непріятныя ощущенія, но также и аффекты. Только это объясняетъ намъ индивидуальную особенность каждой ассоціаціи; здѣсь не только каждое движеніе должно быть опредѣленного, особеннаго рода, но также и предшествующее пріятное и непріятное ощущеніе должно имѣть специфическій характеръ. Простое соединеніе между опредѣленными движеніями и опредѣленными чувствованіями мало-по-малу усложняется,—образуются новыя ассоціаціи, возникаютъ промежуточные члены между старыми и такимъ образомъ совершается постепенно процессъ развитія воли. Излагать этотъ процессъ развитія и отдѣльные его моменты мы здѣсь не будемъ; существеннымъ представляется только одно, что опредѣляющими мотивами воли, какъ на болѣе высокихъ, такъ и на болѣе низкихъ ступеняхъ ея развитія, являются удовольствія или страданія, уже имѣющіяся на-лицо или только предвидимыя; только они могутъ вызвать волевое усиліе, сдѣлать понятнымъ переходъ изъ покоя въ движеніе и отъ одного движенія къ другому. Безъ предшествующаго, пріятнаго или непріятнаго ощущенія, непосредственно-ли оно намъ дано или-же только представляется нами, воля не можетъ быть возбуждена. Что касается вліянія воли, то она имѣетъ непосредственное вліяніе только на нашу мускульную систему; вліяніе-же ея на наши внутреннія душевныя состоянія, на теченіе представлений и настроеніе наше, можетъ быть только косвеннымъ. Эта способность воли къ контролю надъ мыслями и эмо-

ціями можетъ быть сведена къ ея связи съ мускульною системою. Повсюду, гдѣ идетъ дѣло о произвольномъ вниманіи, мы можемъ констатировать идеальныя двигательныя тенденціи, которыя относятся къ дѣйствительнымъ движеніямъ такъ-же, какъ представленія къ воспріятіямъ.

Критическія замѣчанія Кюльпе по поводу ученія о волѣ Бэна настолько интересны и, по нашему мнѣнію, важны, что мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ съ нѣкоторою подробностью. Прежде всего, они касаются связи волевыхъ актовъ съ чувствованіями. Эта связь Бэномъ преувеличена. Бэнъ заходитъ даже такъ далеко, что говоритъ о хотѣніи только тамъ, гдѣ удовольствіе или страданіе вызываютъ дѣйствіе. И однако отсюда должны быть исключены три рода случаевъ. Прежде всего, всѣ тѣ дѣйствія, которыя имѣютъ своимъ мотивомъ какое-либо представляемое удовольствіе или страданіе. Что значитъ представлять удовольствіе? Или это означаетъ: представлять все то, что, согласно предшествующему опыту, было связано съ этимъ чувствованіемъ, или - же представлять себѣ соотвѣтствующія слова, которыя имѣютъ значеніе символовъ понятій о пріятныхъ состояніяхъ. вмѣстѣ съ этимъ можетъ возникнуть также слабое чувствованіе означеннаго рода, которое переживается въ данный моментъ... Но послѣднее не всегда имѣетъ мѣсто. Если-же подобные случаи существуютъ, то они нарушаютъ общее правило, потому что *представляемое* удовольствіе не есть какое-нибудь удовольствіе само по себѣ и, слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ дѣйствіе опредѣляютъ просто-на-просто представленія... Еще яснѣе обнаруживается это по отношенію къ двумъ другимъ родамъ случаевъ волевой дѣятельности, къ дѣйствіямъ привычнымъ и къ дѣйствіямъ совершаемымъ во имя долга. Извѣстенъ фактъ, что привычка притупляетъ живость чувствованій, сопровождающихъ представленіе, до полного безразличія. Это явленіе выражается также и въ томъ, что, для обычнаго хода опредѣленнымъ образомъ упорядоченной жизни, чувствованія, какъ мотивы единичныхъ дѣйствій, играютъ только крайне ничтожную роль. Подъ привычными-же дѣйствіями мы вовсе не понимаемъ здѣсь дѣйствій, сдѣлавшихся автоматическими,—существуетъ не мало актовъ воли, которые съ неизбежною необходимостью, безъ всякихъ предшествующихъ чувствованій, вступаютъ въ рядъ однообразнаго теченія ежедневной жизни... Наконецъ, мы имѣемъ въ испол-

неніи обязанностей такіе волевые акты, которые не всегда могут быть поставлены въ зависимость отъ чувствованій удовольствія или страданія. Обязанность можно опредѣлить какъ твердое убѣжденіе въ безусловной цѣнности какого-нибудь дѣйствія, ряда дѣйствій или правила, и соотвѣтствующее ему ощущеніе принужденія—дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Послѣдній признакъ составляетъ то, что мы называемъ чувствомъ долга. Цѣнность-же дѣйствія вовсе не равнозначна съ способностью его приносить удовольствіе: часто обязанность именно означаетъ отказъ отъ какого-нибудь удовольствія. Психологически-же и здѣсь являются только представленія, какъ предшествующія волевымъ актамъ. Итакъ, во всѣхъ этихъ трехъ родахъ случаевъ мы имѣемъ не малое число волевыхъ дѣйствій, мотивами которыхъ отнюдь не служатъ чувствованія удовольствія и страданія. По мнѣнію Кюльпе, къ такому распространенію чувствованій, какъ мотивовъ, на всѣ волевые дѣйствія дали поводъ логическія соображенія: хотятъ указать основаніе для возможности обнаруженія какой-либо дѣятельности и, какъ единственный достаточный мотивъ, кажется имѣющимъ значеніе только чувствованіе. Но психическіе факты должны быть изслѣдуемы независимо отъ подобныхъ соображеній. Гораздо скорѣе слѣдуетъ разсматривать, какъ выраженіе психофизической бережливости, тотъ фактъ, что мы не нуждаемся въ томъ, чтобы каждый разъ пускать въ ходъ чувствованіе, для выполненія какого-нибудь дѣйствія, но что разъ цѣнность послѣдняго установлена предыдущимъ опытомъ и общимъ разсужденіемъ, то она слѣдуетъ сама собою, коль скоро представленіе этого дѣйствія апперцепировано нами. Такимъ образомъ Бэнновское понятіе воли слишкомъ узко, потому что оно обнимаетъ не всѣ волевые акты, а только тѣ, гдѣ чувствованіе удовольствія или страданія было мотивомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мы должны приписать волѣ большую самостоятельность въ душевной жизни, причемъ ни предшествующія, ни послѣдующія состоянія не являются характеристичными для ея возникновенія и ея дѣйствія. Бэнновское понятіе воли потому также слишкомъ узко, что оно ограничиваетъ непосредственное вліяніе воли только мускульной системой. Внутренній-же опытъ учитъ насъ, что воля въ широкомъ размѣрѣ вліяетъ также на теченіе нашихъ представленій; вниманіе есть также феноменъ воли и самая важная исходная точка для установленія природы послѣдней. Мы имѣемъ не только

дѣйствующую волю (*productiven Willen*), но также и воспринимающую (*receptiven*). Первая выражается яснѣ всего въ двигательныхъ импульсахъ, которые вызываютъ непосредственно движеніе; послѣдняя чаще всего обнаруживается во вниманіи. Въ обоихъ случаяхъ мы чувствуемъ себя дѣятельными и это сознаніе внутренней самостоятельной дѣятельности есть общій критерій внутренняго или внѣшняго волевого дѣйствія.

Въ видоизмѣненномъ видѣ Бэнговскую теорію воли защищаетъ Серджи (*Sergi, La psychologie physiologique*), хотя взглядъ Бэна получаетъ здѣсь такое значительное преобразование, что Серджи собственно ближе соприкасается со Спенсеромъ. Самопроизвольность теряетъ у него рѣшительно всякое значеніе *сознательнаго* факта, а характеристическую черту хотѣнія онъ видитъ въ антиципированіи двигательнаго эффекта, возникающемъ въ промежуткѣ между послѣднимъ и предшествующимъ ему чувственнымъ возбужденіемъ.

3) Промежуточный взглядъ. — Взглядъ Рибо имѣетъ эклектическій характеръ. Самое первоначальное обнаруженіе живого существа, самая первая реакція живой матеріи, должны имѣть значеніе воли; съ другой стороны оказывается, что только то обнаруженіе имѣетъ право носить это имя, которое мы наблюдаемъ въ сознаніи развитого человѣка, какъ выборъ, опредѣляемый характеромъ. Между этими двумя утвержденіями трудно перекинуть мостъ. Выборъ, по мнѣнію Рибо, есть не что иное какъ сужденіе утвердительнаго или отрицательнаго рода, отличное отъ теоретическаго сужденія, только вслѣдствіе отношенія, въ которомъ оно стоитъ къ движеніямъ. — По этому поводу Кюльпе замѣчаетъ, что внутреннее воспріятіе, въ силу котораго мы устанавливаемъ то, что въ насъ совершается, можетъ имѣть двойкій смыслъ. Мы должны при этомъ понятіи различать между непосредственнымъ переживаніемъ, непосредственнымъ опытомъ, и между знаніемъ о послѣднемъ или размысленіемъ по поводу непосредственно даннаго. Первое представляетъ дѣйствительный источникъ для всего фактическаго, — послѣднее есть средство обобщить наши опыты. Предположимъ, что въ процессъ развитія образовались понятія и слова для отдѣльныхъ внутреннихъ состояній. Тогда внутреннее воспріятіе второго рода будетъ заключаться въ подведеніи опредѣленнаго явленія подъ соответствующее понятіе; но въ существованіи самаго явленія черезъ это

ничего не может измениться. Если поэтому во мнѣ можетъ быть констатировано непосредственное переживаніе, которое несравнимо ни съ ощущеніемъ, ни съ чувствованіемъ, то внутреннее воспріятіе отличить его посредствомъ особеннаго понятія и имени. Такимъ образомъ «я хочу» означаетъ не только утвержденное сужденіе, какъ это думаетъ Рибо, но и совершающееся во мнѣ своеобразное переживаніе (*Erlebniss*), своеобразный непосредственный опытъ. Воля обнаруживается въ насъ независимо отъ положенія «я хочу» и не какъ сужденіе, но какъ своеобразный актъ сознанія, соединенный, безъ сомнѣнія, съ другими простыми элементарными актами.

II) Болѣе широкое понятіе воли. — Здѣсь Кюльпе различаетъ два главныя направленія. Первое изъ нихъ, которое онъ характеризуетъ, какъ *логически-метафизическое расширение понятія воли*, нашло своихъ главныхъ представителей въ Бенеке и Фортлаге. Второе, возникшее въ новѣйшее время, когда непосредственный внутренній опытъ признается за непосредственно достовѣрное въ познавательномъ отношеніи,—можетъ быть нами обозначено какъ *эмпирическое расширение понятія воли*.

1) Логически-метафизическое расширение понятія воли:—а) Стремленіе, какъ элементарный психическій феноменъ (Бенеке). — Несмотря на обстоятельную критику, съ какою Гербартъ поколебаль ученіе о способностяхъ, мы находимъ у Бенеке опять понятіе способности *). Онъ предполагаетъ въ душѣ, которая еще не воспринимала раздраженій, безчисленное множество первоначальныхъ силъ или способностей (*Urvermögen*), которыхъ существуетъ столько-же, сколько родовъ раздраженій. Эти способности представляютъ существеннымъ образомъ стремленія, т.-е. онѣ стремятся къ наполненію раздраженіемъ, какъ къ своему дополненію, предопредѣленному самою ихъ природою. Удовлетворенныя первоначальныя способности становятся основными способностями (*Grundvermögen*); онѣ скоро утрачиваютъ то раздраженіе, которое ими было воспринято, и насколько онѣ, вслѣдствіе исчезновенія раздраженія, опять становятся свободными, настолько снова возникаютъ стремленія, которыя отличаются отъ первой названной формы стремленій тѣмъ, что они являются стремленіями къ *чему-либо* (къ воспринятію он-

*1 *Beneke*. Psychologische Skizzen.—Lehrbuch der Psychol. als Naturwissenschaft.

редѣленною раздраженія). Отсюда становится яснымъ то рѣзкое различіе, которое существуетъ между взглядомъ Бенеке и взглядомъ Гербарта на стремленія: у послѣдняго стремленіе играло только роль сознаваемого эффекта, сопровождающаго дѣйствительные психическіе процессы борьбы представленій и лишеннаго самого по себѣ всякаго значенія,—у Бенеке, напротивъ того, стремленіе не только не исключается изъ теоріи, но получаетъ дѣйствительное реальное значеніе. Первоначальныя способности составляютъ стремленія,—неудовлетворенныя основныя способности точно также; повсюду въ психической жизни, гдѣ мы можемъ констатировать недостатокъ или уменьшеніе по отношенію къ прежней или позднѣйшей полнотѣ или наполненію, мы имѣемъ и стремленіе. — Въ отношеніи Бенеке можно въ двойномъ смыслѣ говорить о расширеніи понятія воли. Во-1-хъ, насколько у него стремленія предполагаются безъ измѣненія ихъ значенія также и въ области безсознательнаго (послѣднее у Бенеке только по степени отличается отъ сознательнаго и есть не что иное, какъ ослабленное сознаніе), и именно въ началѣ психическаго развитія; во-2-хъ, насколько онъ въ каждомъ душевномъ процессѣ, посредствомъ абстрактнаго, умозрительнаго приема познанія, открываетъ стремленіе, какъ составной элементъ... Вообще Бенеке вмѣсто фактовъ начинаетъ свою работу съ гипотетическихъ предположеній и находится подъ влияніемъ того стараго заблужденія, что данное намъ для объясненія можетъ считаться объясненнымъ, если только мы приобрѣли о немъ возможно болѣе общее понятіе. Тѣмъ не менѣе въ его теоріяхъ лежатъ зародыши плодотворныхъ мыслей. Конечно, не въ примѣненіи понятія безсознательнаго и не въ пониманіи имъ сознанія вообще, — здѣсь болѣе тщательное размышленіе и истинно-эмпирическая точка зрѣнія привели-бы къ другому результату, — но въ утвержденіи, что всякій психическій актъ представляетъ сложное цѣлое, расчлененіе котораго предпринимается разумомъ только для цѣлей теоріи, и въ лежащей здѣсь возможности болѣе свободной и многосторонней оцѣнки даннаго намъ въ опытѣ. Познаніе этой истины мы должны поставить Бенеке въ особенную заслугу.

б) Побужденіе, какъ основаніе сознанія (*Fortlage*).— Игра съ понятіями, діалектика выступаетъ отчетливо передъ нами въ воззрѣніяхъ Фортлаге *). Прежде всего Фортлаге подвергаетъ

*) *Fortlage*: System der Psychologie als Naturwissenschaft.

изслѣдованію вопросъ объ отношеніи сознательнаго къ бессознательному. Различіе между сознаниемъ и бессознательнымъ не есть различіе въ степени силы представленій: въ сознаниі мы имѣемъ по сравненію съ бессознательнымъ состояніемъ совершенно *новое* свойство. Это новое свойство заключается въ *ясности и отчетливости*: одни и тѣ-же представленія составляютъ содержаніе сознательной и бессознательной жизни, но между тѣмъ какъ бессознательное темно, сознательное отличается особенною ясностью. Сознаніе отождествляется у Фортлаге, наперекоръ употребительной психологической терминологіи и внутреннему опыту, съ вниманіемъ. Основаніемъ для этого послужило, во-1-хъ, только-что указанное различіе сознательнаго и бессознательнаго,—во 2-хъ утверждене, что сознаніе равнозначительно съ самосознаніемъ. Между тѣмъ какъ Гербартъ считаетъ побужденія, стремленія и желанія побочными явленіями теченія представленій, здѣсь, наоборотъ, представленія, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько они сознаются нами, составляютъ сопутствующіе феномены побужденій... Сознаніе возникаетъ вслѣдствіе той задержки, которую испытываетъ побужденіе (Trieb). Если-бы побужденіе сопровождалось непосредственнымъ, мгновеннымъ удовлетвореніемъ, то не было-бы никакого сознанія; только въ той степени, въ какой оно задерживается, возникаетъ промежуточное состояніе вниманія или сознанія. Спрашивается теперь, какую роль играютъ чувствованія? Они, по мнѣнію Фортлаге, по существу своему тождественны съ побужденіями. Удовольствіе есть побужденіе, которое стремится сохранить наличное душевное состояніе, страданіе-же есть побужденіе, которое стремится устранить его. Различіе между чувствованіемъ и побужденіемъ состоитъ только въ томъ, что повсюду, гдѣ обозначаемое этими именами явленіе вызвало внутреннее или внѣшнее измѣненіе, мы называемъ это явленіе побужденіемъ, гдѣ-же, напротивъ того, оно появляется безъ подобнаго результата, тамъ мы называемъ его удовольствіемъ или страданіемъ. Оба послѣднія состоянія отличаются съ своей стороны въ слѣдующемъ отношеніи: чистое удовольствіе, если не возникаетъ никакого препятствія, продолжаетъ пребывать, чистое-же страданіе, при этомъ-же условіи, исчезаетъ. Такъ какъ страданіе можетъ сохраняться только черезъ посредство препятствій, то оно является чѣмъ-то случайнымъ (Accidentelles), между тѣмъ какъ удовольствіе есть нѣчто существенное (substantiell). Основаніе жиз-

ни составляетъ примитивное удовольствіе. Рядомъ съ нимъ мы должны допустить *прямое* примитивное страданіе, изъ котораго тотчасъ-же рождается стремленіе или воля. По поводу послѣдняго вывода Кюльпе замѣчаетъ, что онъ является наименѣе яснымъ въ системѣ Фортлаге. Насколько будутъ имѣть мѣсто внѣшнія или внутреннія помѣхи, наступленіе которыхъ также не совѣмъ ясно, настолько естественно можетъ реагировать противъ нихъ основное удовольствіе, какъ побужденіе. Но тогда не требуется, очевидно, никакого основного страданія для объясненія этого побужденія.—Но нигдѣ болѣе ясно не бросаются въ глаза діалектическіе приемы Фортлаге, какъ въ понятіи объ антиципации. Побужденіе, по его мнѣнію, антиципируетъ (предваряетъ) будущее; независимо отъ такой антиципации, оно будетъ чувствованіемъ удовольствія или страданія. Такъ какъ побужденіе, связанное съ неудовольствіемъ (Unlusttrieb), дѣйствительно устремляется на что-либо еще не имѣющее на-лицо въ настоящемъ, то оно и составляетъ подлинное побужденіе. Здѣсь Фортлаге на простое побужденіе переноситъ то, что обнаруживается въ болѣе сложныхъ душевныхъ актахъ, каковы желанія или рѣшенія воли. Изъ того, что въ послѣднихъ имѣетъ мѣсто предвареніе будущаго, не слѣдуетъ, что оно должно имѣть мѣсто уже и въ простомъ побужденіи.

в) Побужденіе, какъ самое первоначальное выраженіе духа. — Иммануиль Германъ Фихте *) рассматриваетъ побужденіе, какъ составную часть безсознательной души, рядомъ съ которой существуетъ дѣятельность представленія, и духъ, по его мнѣнію, есть та сущность, которая производитъ обѣ эти дѣятельности. Въ психологическомъ отношеніи мы открываемъ у него мало своеобразнаго,—главный интересъ, который имъ руководилъ при составленіи психологіи, былъ метафизическаго и этическаго характера. Сознаніе, говоритъ Фихте, не привноситъ въ духъ ничего собственно новаго, специфически болѣе высокаго или иного; оно освѣщаетъ только то, что въ немъ уже находилось. Всѣ органическія отправления Фихте обозначаетъ какъ инстинктивныя дѣйствія души и понимаетъ подъ именемъ инстинкта *побужденіе*, руководимое апіорной, безсознательной дѣятельностью представленія. Побужденіе, которое

*) I. H. Fichte: Psychologie 1864

должно быть разсматриваемо какъ феноменъ воли, представляетъ, согласно этому, самый первоначальный и самый простой актъ души... Чувствованія и представленія ставятся Фихте въ одностороннюю зависимость отъ побужденій. Вообще говоря, вся система Фихте представляетъ намъ логическо-метафизическое построение. Не непосредственно данное въ опытѣ образуетъ здѣсь исходную точку, но достигнутое посредствомъ какихъ-нибудь умозрѣній объясненіе. Логическій анализъ психологическихъ понятій находитъ себѣ здѣсь живое примѣненіе.

2) Эмпирическое расширение понятія воли. Намъ осталось теперь только изложеніе того взгляда на значеніе воли въ душевной жизни, который выработала физиологическая психологія въ лицѣ Вильгельма Вундта **). Руководящую мысль этой новой науки составляетъ принятіе полного параллелизма между психическими и физическими процессами; отсюда въ частности проистекаетъ требованіе для какого-либо даннаго психическаго событія найти соотвѣтствующей ему нервной процессъ. Условіемъ для выполненія послѣдняго является точный анализъ непосредственно даннаго намъ въ сознаніи... При этомъ надо имѣть въ виду два обстоятельства: во-1-хъ, нужно исходить изъ безпристрастнаго установленія непосредственно даннаго намъ въ сознаніи, затѣмъ—помнить, что въ мысли о «параллелизмѣ» ничего болѣе не заключается, какъ только указаніе на неопредѣленное отношеніе обоихъ родовъ явленій. Признавая неоспоримымъ это отношеніе, физиологическая психологія оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ о его значеніи и его специфическомъ характерѣ. Разрѣшеніе этого вопроса пока совершенно ускользаетъ отъ эмпирической науки.—Въ лицѣ Вундта физиологическая психологія достигла своей зрѣлости. Для пониманія психологическихъ взглядовъ Вундта необходимо прежде всего твердо держаться двухъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ точекъ зрѣнія... Обѣ лучше всего развиты имъ въ «Этикѣ»... Это, во 1-хъ, указаніе на непрерывное теченіе внутренней жизни, въ которой единичные акты должны быть разсматриваемы не какъ объекты, но какъ процессы, сплавляющіеся неразрывно другъ съ другомъ и дающіе намъ одно цѣльное сознаніе... Съ другой стороны, это

***) *W. Wundt: Grundzüge der physiol. Psychol., Ethik, Essays, статьи въ Philosophische Studien.*

пониманіе, которое Вундтъ связываетъ съ единичными психологическими понятіями. «Мы называемъ внутреннее душевное возбужденіе чувствованіемъ, когда активный моментъ, который мы преимущественно вкладываемъ въ понятіе воли, отступаетъ совершенно на задній планъ; мы называемъ его желаніемъ (*Begehren*), когда послѣдній становится замѣтнымъ, не дѣйствуя однако непосредственно на теченіе внутреннихъ процессовъ, какъ измѣняющая сила; мы говоримъ о хотѣніи (*Wollen*), когда внутреннее состояніе связывается съ воспріятіемъ самодѣятельности и того измѣняющаго дѣйствія, которое эта послѣдняя оказываетъ или на наши внутренніе душевные процессы, или на представленія, относимыя нами наружу» (426). Слѣдовательно, фактически мы имѣемъ одно нераздѣльное цѣлое и *одинъ* измѣняющійся процессъ (*Geschehen*),—элементарныя качества послѣдняго, установленныя какъ понятія, и различныя сочетанія изъ нихъ. Но эти понятія не являются намъ реальными сущностями, которыя находятся и дѣйствуютъ позади явленій сознанія, а само сознаніе не является свойствомъ или обнаруженіемъ безсознательнаго, которое будто-бы только одно активно... Первыя остаются логически-установленными составными частями одного непрерывнаго потока переживаемыхъ нами явленій, а послѣднее представляетъ сокращенное выраженіе для *всѣхъ* психическихъ актовъ, доступныхъ каждый разъ нашему внутреннему воспріятію.

а) Понятіе воли.—Когда мы анализируемъ, хотя-бы поверхностно, факты нашего сознанія, мы можемъ констатировать въ нихъ одно существенное различіе. Мы находимъ между нашими непосредственными переживаниями, съ одной стороны, такія, которыя съ полною ясностью присутствуютъ въ насъ теперь или присутствовали ранѣе; съ другой стороны, такія, которыя совершаются въ насъ или совершались прежде на половину туманно или даже и совсѣмъ неясно. Особенно отчетливо выступаетъ это различіе въ области чувства зрѣнія, гдѣ ему соотвѣтствуетъ различіе между точкою фиксаціи зрѣнія и полемъ зрѣнія. Параллельно означеннымъ выраженіямъ, въ примѣненіи къ выставленному нами различію фактовъ сознанія, можно говорить также о внутреннемъ полѣ зрѣнія и внутренней точкѣ фиксаціи. Обратимся прежде всего къ представленіямъ. Какъ говорить намъ опытъ, мы сознаемъ себя чисто-пассивными по отношенію ко всѣмъ ощущеніямъ, находящимся въ полѣ зрѣнія нашего сознанія, конечно въ томъ

случаѣ, когда мы отдаемъ себѣ отчетъ въ нашемъ отношеніи къ нимъ (*falls wir darüber reflectiren*). Напротивъ, тѣ представленія, которыя являются въ точкѣ фиксаціи нашего сознанія, связаны съ опытомъ нѣкоторой самодѣятельности. Вступленіе представленія въ поле зрѣнія нашего сознанія можетъ быть обозначено какъ *перцепція*, а вступленіе представленія въ точку фиксаціи сознанія — какъ *апперцепція*. Но въ то время, какъ апперцепція воспринимается нами, какъ внутренняя дѣятельность, — перцепція представляетъ только результатъ логическаго различенія, образованнаго нами по аналогіи. Ясность и полнота элементовъ представленія отличаетъ апперципированныя представленія отъ перципированныхъ, въ такой-же степени, какъ и единство, которое независимо отъ числа апперципированныхъ представлений... Широта-же и ясность апперцепціи стоятъ обыкновенно въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Изъ условій апперцепціи мы можемъ различать *внѣшнія* и *внутреннія*. Къ первымъ относятся тѣ измѣненія нашего двигательнаго аппарата, которыя случайно выдвигаютъ опредѣленные объекты на переднюю сцену нашего сознанія; затѣмъ—сила, продолжительность и размѣръ впечатлѣній... Повсюду, гдѣ мы можемъ указать только подобныя внѣшнія условія, мы говоримъ тамъ преимущественно о *непроизвольной* или *пассивной апперцепціи*. Къ внутреннимъ условіямъ апперцепціи могутъ быть причислены: во 1-хъ—воспоминаніе, во 2-хъ—чувствованія удовольствія или неудовольствія, которыя соединяются съ какими-нибудь находящимися въ сознаніи представленіями и заставляютъ выдѣлять ихъ, въ силу этого, изъ числа другихъ; въ 3-хъ, наконецъ,—относительная пустота (незаполненность) сознанія... Эти пять условій комбинируются самымъ разнообразнымъ образомъ. Чѣмъ болѣе существенную роль играютъ внутреннія условія, тѣмъ болѣе апперцепція приобретаетъ характеръ *произвольной* или *активной*. Это имѣетъ свое основаніе въ томъ, что мы здѣсь наиболѣе всего сознаемъ дѣятельность выбора, которая, какъ многосторонне-опредѣленная, можетъ быть отличена отъ односторонне-опредѣленной. Само собою понятно, что число содѣйствующихъ условій не вызываетъ никакого качественного измѣненія въ самомъ процессѣ апперцепціи. Только для оцѣнки ея степени играетъ, конечно, существенную роль число мотивовъ и соотвѣтствующая имъ сила. Основныя качества апперцепціи—самодѣятельность и единство — составляютъ какъ разъ именно тѣ

качества, которыя остаются въ хотѣніи (Wollen) послѣ того, какъ мы отдѣлили отъ него всѣ элементы представленія и чувствованія. Мы имѣемъ поэтому право обозначить апперцепцію какъ *примитивную волевою дѣятельность*. Апперцепированное представленіе есть условіе внѣшняго волевого дѣйствія. Само хотѣніе, насколько оно означаетъ своеобразный фактъ сознанія, мы должны понимать какъ апперцепцію.

б) Дѣятельность воли (Wirksamkeit des Willens).—О дѣятельности воли можно говорить въ двоякомъ отношеніи: во 1-хъ, имѣя въ виду условія, которымъ она подлежитъ; во 2-хъ, имѣя въ виду тѣ процессы, въ которыхъ ея дѣятельность обнаруживается... Относительно мотивовъ воли отчасти было упомянуто уже при критикѣ теоріи Бэна, отчасти-же они были указаны при изложеніи внѣшнихъ и внутреннихъ условій, которыя, согласно Вундту, опредѣляютъ апперцепцію. Такъ какъ между послѣдними не исключительно приведены чувствованія удовольствія или страданія, то надо полагать, что эти чувствованія и не рассматриваются Вундтомъ, какъ исключительные мотивы всякой волевой дѣятельности. Только тѣ обнаруженія воли сплошь можно было-бы, какъ кажется, считать мотивируемыми такимъ образомъ, которыя относятся къ *первоначальному* возникновенію волевыхъ дѣйствій. Объектъ, который *въ первый разъ* возбуждаетъ мое вниманіе, тотчасъ-же связывается въ представленіи съ чувствованіемъ удовольствія, которое я отмѣчаю какъ интересъ; точно также и движеніе, къ которому я посылаю первый волевой импульсъ. Но и за этими предѣлами чувствованія удовольствія и страданія являются часто поводами нашихъ дѣйствій и мыслей. Только въ тѣхъ случаяхъ, которые были приведены ранѣе, при критикѣ теоріи Бэна, мы не можемъ указать непосредственно никакихъ подобныхъ мотивовъ для возникновенія волевой дѣятельности. Но что воля имѣетъ такое широкое содѣйствіе въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ сознанія, мы найдемъ это само собою понятнымъ, принимая во вниманіе столь значительно расширенное Вундтомъ понятіе воли по сравненію съ обычнымъ взглядомъ на нее.—Разсмотримъ кратко нѣкоторые единичные способы обнаруженія воли. Самый простой случай мы имѣемъ тамъ, гдѣ существуетъ апперцепція одного ощущенія. То, что здѣсь доставляетъ воля, это — бѣльшая ясность послѣдняго. Но для того, чтобы получилась эта ясность, вниманіе должно *при-*

способиться къ силѣ впечатлѣнія. Когда напряженіе вниманія точно соотвѣтствуетъ силѣ впечатлѣнія, то мы имѣемъ *острую* апперцепцію, въ противоположномъ случаѣ—*тупую*. Ощущенія напряженія, которыя сопровождаютъ приспособленіе вниманія, представляютъ мѣру для величины его. Они наблюдаются также и тогда, когда объектами апперцепціи являются образы воспоминанія и здѣсь вообще имѣютъ значеніе одинаковыя обстоятельства, какъ и при ощущеніяхъ. Эти ощущенія напряженія, которыя составляютъ болѣе или менѣе постоянныя побочныя явленія вниманія, уже показываютъ намъ ясно то влияніе, которое имѣетъ апперцепція на движенія. Ни чувственный (*sensorische*), ни двигательный эффектъ не можетъ быть съ опредѣленностью указанъ какъ первоначальный, но оба они являются какъ элементы, непосредственно связанные другъ съ другомъ и, безъ сомнѣнія, взаимно усиливающіе другъ друга. Непосредственное влияніе воли не обнаруживается только двигательной иннервацией, но оказываетъ свое дѣйствіе также и въ перемѣщеніи представленій въ фиксационную точку сознанія. — Соединенія представленій другъ съ другомъ въ меньшей степени, чѣмъ и ощущенія, зависятъ отъ дѣятельности апперцепціи. Только здѣсь имѣетъ опредѣляющее значеніе различіе пассивной и активной апперцепціи. Въ первой мы имѣемъ дѣло съ *ассоціативными соединеніями* представленій, во второй — съ *апперцептивными соединеніями* ихъ. Такъ какъ пассивная апперцепція предшествуетъ активной, то мы должны принять, что апперцептивныя соединенія представленій развиваются на почвѣ ассоціаций. Различіе между дѣятельностью апперцепціи въ томъ и другомъ случаѣ состоитъ существеннымъ образомъ въ слѣдующемъ: при ассоціации, одновременныя и послѣдовательныя соединенія представленій другъ съ другомъ, какъ таковыя, производятся не апперцепціею, но даются ей готовыми, между тѣмъ какъ настоящія логическія (апперцептивныя) соединенія возникаютъ только благодаря дѣятельности апперцепціи, выбирающей опредѣленныя представленія изъ многихъ ассоціаций. Точно также апперцепція связана и съ чувствами. Не только въ томъ смыслѣ, что удовольствіе и страданіе являются самыми частыми мотивами послѣдней, но также и въ томъ смыслѣ, что чувства могутъ быть рассматриваемы какъ формы реакціи апперцепціи. Такъ, согласно Вундту, возникновеніе физическихъ чувствованій (*sinnlichen Gefühle*) мы должны объяснять изъ реакціи ап-

перцепціи на чувственное впечатлѣніе. Въ подкрѣпленіе этого взгляда могутъ быть приведены слѣдующіе доводы. Во 1-хъ, чувствованія всякаго рода сопровождаются сознаниемъ внутренней дѣятельности, чего не бываетъ при перцепціяхъ и въ чемъ слѣдуетъ видѣть дѣйствительное сознаваемое содержаніе апперцепціи. Во 2-хъ, какъ воля, такъ и чувствованіе одинаковымъ образомъ зависятъ отъ упражненія или привычки; оба они, подъ вліяніемъ частаго повторенія, одинаково притупляются, теряютъ свою живость и энергію. Въ 3-хъ, возникновеніе перцепціи безъ дальнихъ словъ связывается съ наличностью соотвѣтствующаго раздраженія, возникновеніе-же чувствованій, напротивъ того, по крайней мѣрѣ, въ развитой психической жизни связано съ предрасположеніями сознания, которыя имѣютъ свою исторію. То-же самое имѣетъ значеніе, какъ мы видѣли, и въ отношеніи апперцепціи. Въ 4-хъ, тѣ формы хотѣнія, съ которыми мы всего чаще встрѣчаемся въ обыденной жизни, т.-е. желаніе и отвращеніе (*Widerstreben*), мы находимъ въ такой естественной и близкой связи съ чувствованіями удовольствія и страданія, что только для остраго анализа возможно отдѣлить единичныя составныя части. Но это отношеніе между апперцепціей и чувствованіями не ограничивается только областью; физическихъ удовольствій и страданій. Нечего и говорить, что одинаковая связь съ апперцепціей существуетъ и для элементарныхъ эстетическихъ чувствованій и для чувствованій интеллектуальныхъ, сопровождающихъ апперцептивныя соединенія представленій и являющихся, такимъ образомъ, непосредственными дѣйствіями апперцепціи. Относительно-же аффектовъ мы можемъ отмѣтить слѣдующее. Аффектомъ самаго простаго рода можетъ считаться то впечатлѣніе, которое производитъ на сознание неожиданное возбужденіе. Неожиданнымъ-же впечатлѣніе бываетъ тогда, когда апперцепція не приспособилась къ нему; оно проникаетъ въ этомъ случаѣ въ точку фиксаціи сознания только благодаря своей силѣ. Съ другой стороны аффектъ можетъ возникнуть даже при предшествующемъ приспособленіи, если возбужденіе настолько сильно, что оно скоро исчерпываетъ апперцепцію. Что касается движеній, то Вундтъ различаетъ такія движенія, которыя совершаются механически, безъ существеннаго участія промежуточныхъ психическихъ состояній, отъ такихъ, въ которыхъ опредѣленные состоянія сознания воспринимаются нами или могутъ быть предполагаемы нами, какъ

психическія причины движеній. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ объ автоматическихъ и рефлекторныхъ движеніяхъ; во второмъ случаѣ мы имѣемъ или движенія, вызванныя побужденіями (Triebbewegungen), или произвольныя движенія, т.-е. воля является здѣсь или односторонне или многосторонне опредѣленнымъ источникомъ движенія. Такъ какъ между обѣими основными формами побужденія, желаніемъ и отвращеніемъ, находится точно также индифферентное состояніе, какъ между удовольствіемъ и страданіемъ, то мы должны къ движеніямъ, вызваннымъ побужденіями, причислять также такія односторонне-опредѣленныя движенія, которыя обязаны своимъ возникновеніемъ апперцепированному представленію безъ сопровождающихъ его чувствованій. Большой классъ этихъ движеній составляютъ движенія привычныя. — Воля находится въ близкомъ отношеніи къ самосознанію. Самосознаніе, согласно Вундту, возникаетъ, съ одной стороны, изъ суммы представленій, которыя принимаютъ постоянный характеръ, съ другой стороны—изъ зависимости, въ которой эти послѣднія стоятъ отъ нашей воли. Позднѣе вообще внутренняя дѣятельность апперцепціи становится подлиннымъ содержаніемъ нашего «я», а всѣ тѣ—получувственныя, полуотвлеченныя составныя части послѣдняго—получаютъ болѣе или менѣе побочное значеніе.

Если мы теперь рассмотримъ очерченную нами здѣсь вкратцѣ дѣятельность воли въ цѣломъ, то намъ безъ дальнихъ словъ станетъ ясною та значительная роль, которая приходится ей, согласно Вундту, въ душевной жизни. Строго говоря, для развитого сознанія существуетъ только одно содержаніе, которое не зависитъ отъ воли или при которомъ эта функція не участвуетъ, это — воспріятія, перцепированныя ощущенія или представленія. Но эти послѣднія образуютъ только обширный матеріалъ, который мы можемъ сдѣлать цѣннымъ для себя только при помощи апперцептивной дѣятельности. Точно также и все то, что исходить изъ перцепированныхъ ощущеній и представленій, не разсматривается нами какъ принадлежащее къ нашей подлинной внутренней жизни. Послѣдняя концентрируется гораздо скорѣе на всемъ томъ, что попадаетъ въ точку фиксаціи сознанія и на стоящихъ съ этимъ послѣднимъ въ самой тѣсной связи душевныхъ волненійхъ (Gemüthsbewegungen).

с) Физиологическое основаніе апперцепціи. —

Согласно Вундту, мы должны признать физиологическое основаніе апперцепціи въ возбужденіяхъ, которыя исходятъ изъ особеннаго органа. Этотъ органъ апперцепціи получаетъ центростремительнымъ путемъ чувственныя возбужденія, имѣющія мѣсто во всѣхъ органахъ нашего тѣла, и передаетъ по центробѣжному пути импульсы подчиненнымъ центрамъ, — импульсы, которые, если они достигаютъ чувствительныхъ центровъ, лежатъ въ основаніи апперцепціи ощущеній, если-же они достигаютъ мускульныхъ нервныхъ центровъ (Muskelcentren), — лежатъ въ основаніи выполненія произвольныхъ движеній. Такъ какъ обыкновенно и то и другое происходитъ одновременно, то даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не бываетъ дѣйствительнаго движенія, возникаютъ слабыя сопутствующія возбужденія мускуловъ, которыя даютъ о себѣ знать въ нашемъ сознаніи, какъ ощущенія напряженія (Spannungsempfindungen). Степень апперцепціи и интенсивность ощущеній независимы другъ отъ друга. Это находитъ свое физиологическое выраженіе въ самостоятельности обоихъ центровъ. Отъ силы физическаго возбужденія зависитъ *интенсивность* ощущенія, отъ силы апперцептивнаго возбужденія — *ясность* его.

d) Развитие воли. — Въ противоположность *гетерогенетической* теории возникновенія произвольныхъ движеній, Вундтъ защищаетъ *автогенетическій* взглядъ. Согласно первой теоріи, движенія первоначально выполняются совершенно независимо отъ воли, чисто-механически. Только послѣ цѣлаго ряда автоматическихъ или рефлекторныхъ движеній, которыя возбуждаютъ въ душѣ соотвѣтствующія представленія, душа научается мало-по-малу выполнять движенія сознательно, преднамѣренно. Это воззрѣніе мы находимъ уже у Гербарта, затѣмъ у Лотце, въ самое недавнее время у Баумана, отчасти къ нему примыкаетъ и Бэнъ. Взглядъ Вундта на развитіе воли естественно вытекаетъ изъ установленнаго имъ понятія воли. Разсматривая волю, какъ своеобразную элементарную функцію сознанія, онъ естественно долженъ былъ защищать автогенетическое воззрѣніе, такъ какъ всякая элементарная функція сознанія должна быть также первоначальна, какъ само сознаніе. Припомнимъ прежде всего, что, согласно Вундту, апперцепція, какъ внутренняя волевая дѣятельность, можетъ вызывать непосредственно какъ чувственныя, такъ и двигательныя возбужденія. Поэтому нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ возможности *импульсивной* апперцепціи

которую Вундтъ отличаетъ отъ апперцепціи *репродуктивной* (воспроизводительной). Въ послѣдней на первый планъ выступаетъ представленіе движенія, а иннервационное ощущеніе ступшевывается; при импульсивной апперцепціи получается обратное. Предположимъ далѣе, что изъ наблюденій надъ животными пріобрѣтаетъ большую вѣроятность, что односторонне-опредѣленные волевые акты предшествуютъ по времени многосторонне-опредѣленнымъ. Тогда мы получимъ по отношенію къ внѣшнему волевому дѣйствію тотъ выводъ, что, сдѣлавшись первоначально возможнымъ въ силу импульсивной апперцепціи, оно затѣмъ уже восприняло въ себя представленіе движенія. Приблизительно-чистая импульсивная апперцепція можетъ быть наблюдаема также и въ развитой жизни, наприм. при простыхъ двигательныхъ реакціяхъ безъ предшествующаго представленія движенія съ яснымъ ощущеніемъ иннервации и напряженія. Въ то время какъ, согласно гетерогенетическому взгляду, представленіе движенія образуетъ необходимый мотивъ внѣшняго волевого дѣйствія, а это представленіе имѣетъ своимъ предположеніемъ воспріятіе совершенныхъ безъ участія воли движеній,—здѣсь, наоборотъ, послѣднія понимаются, какъ волевые дѣйствія, ставшія механическими.—Дѣйствія, выходящія изъ побужденій, Вундтъ разсматриваетъ какъ самыя простыя волевые дѣйствія, которыя только тѣмъ отличаются отъ сложныхъ актовъ выбора, что здѣсь является непосредственно-дѣйствующимъ только одинъ предшествующій мотивъ. Въ самомъ началѣ происхожденія душевной дѣятельности вообще Вундтъ помѣщаетъ побужденіе и въ этомъ побужденіи онъ принимаетъ рядомъ съ ощущеніемъ, сопровождающимся болѣе или менѣе сильнымъ чувствованіемъ, также апперцептивный элементъ, который мы должны представлять себѣ содержащимся, при первоначальной нераздѣльности отдѣльныхъ составныхъ частей, въ цѣлой совокупности всего сознанія. Всѣ движенія мы должны сводить къ первоначальной дѣятельности воли; слѣдовательно, и автоматическія и рефлекторныя движенія мы должны понимать какъ дѣйствія связанныя съ побужденіями или произвольныя, которыя только стали механическими. Какъ произвольныя движенія, такъ и движенія, вызванныя побужденіями, и рефлексы,— всѣ они развиваются сообща изъ одной формы движенія, которая носить на себѣ одновременно въ нѣкоторомъ смыслѣ признаки и волевого дѣйствія и рефлекса.—Этимъ Кюльпе и закан-

чиваетъ изложеніе Вундтовской теоріи воли. Сходные въ существенномъ взгляды развиваютъ *Шнейдеръ* *) и *Гёфдингъ* **), также *Лэддъ* ***).

Заканчивая свою работу, Кюльпе считаетъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о развитіи современной психологіи вообще, такъ какъ послѣднее стоитъ въ тѣсной связи со взглядомъ на волю. Въ психологіи теперь все болѣе и болѣе придается значенія тому, что дано намъ въ нашемъ сознаниі, и тщательный анализъ этого послѣдняго становится все болѣе и болѣе важною задачею психологической работы. Большое значеніе для правильнаго разрѣшенія послѣдней имѣетъ пониманіе внутренняго воспріятія и сознанія. До сихъ поръ психологическое изслѣдованіе слишкомъ преувеличивало цѣнность того, что намъ дано въ представленіяхъ. Быть-можетъ, это имѣетъ свое основаніе въ старой потребности овеществлять душевные процессы. Представленія могли быть понимаемы какъ нѣчто вещественное, и сообразно этому, подобно объектамъ внѣшняго воспріятія, быть надѣляемы объективнымъ существованіемъ. «Этотъ взглядъ,—такъ заканчиваетъ Кюльпе свой рефератъ,—будетъ, по всей вѣроятности, все болѣе уступать свое мѣсто другому, согласно которому представленія не въ меньшей степени, чѣмъ чувствованія и волевые акты, сплавляются въ нашемъ сознаниі въ нераздѣлимые цѣльные процессы и получаютъ уже изъ нихъ только какъ результаты логическаго анализа. И тогда, слѣдовательно, представленія обладаютъ не большею эмпирическою реальностью, чѣмъ и другіе, отличимые отъ нихъ, элементарные феномены, и тогда, значить, мы не имѣемъ никакого права оказывать имъ особое предпочтеніе въ теоріи душевной жизни...» (446).

К. Вентцель.

*) *Schneider*: Der thierische Wille. Der menschliche Wille.

***) *Höfding*: Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung.

***) *Ladd*: Elements of physiological psychology (1887).

II. Обзоръ журналовъ.

А. ИНОСТРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЖУРНАЛЫ.

1. **Hugo Münsterberg.** Beiträge zur experimentellen Psychologie. Heft 1—2 Freiburg in B. 1889 (стр. XII+188+234).

Экспериментальная психологія переживаетъ важный кризисъ. Получивъ основаніе въ классическихъ трудахъ Фехнера, Гельмгольца, Дондерса, Экснера и Вундта, она затѣмъ стала почти исключительнымъ достояніемъ школы послѣдняго. Различныя обстоятельства этому способствовали. Во первыхъ, переходя изъ Цюриха въ Лейпцигъ, Вундтъ поставилъ условіемъ учрежденіе «Института экспериментальной психологіи», который долго оставался единственнымъ учрежденіемъ этого рода; во вторыхъ, онъ основалъ свой журналъ (Philosophische Studien), гдѣ печатаетъ по преимущ. работы, произведенныя въ этомъ институтѣ; наконецъ, своимъ сочиненіемъ по фізіологической психологіи онъ приобрѣлъ громадную и заслуженную извѣстность. Признавая за самимъ Вундтомъ первое мѣсто въ этой области знанія, нельзя однако не видѣть тѣхъ недостатковъ, которые свойственны большинству его учениковъ. Среди этихъ недостатковъ особенно важны два слѣдующихъ: отсутствіе свободы мысли, свойственное людямъ, привыкшимъ *jugare in verba magistri*, и недостаточность психологическаго анализа, основаннаго на самонаблюденіи и замѣняемаго массою цифръ и таблицъ, не получающихъ однако до-

статочнаго объясненія*). Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ метафизическимъ основамъ Вундтовской школы и съ общимъ развитіемъ интереса къ психологическому эксперименту, породили въ послѣднее время стремленіе къ болѣе самостоятельной обработкѣ психологическихъ вопросовъ и къ основанію новыхъ лабораторій и журналовъ. Къ такого рода явленіямъ и принадлежитъ вышеупомянутое изданіе Мюнстерберга, привать-доцента Фрейбургскаго университета, основавшаго на свои средства психологическую лабораторію и обѣщающаго издавать въ цѣломъ рядѣ выпусковъ произведенныя въ этой лабораторіи работы. Въ настоящее время онъ издалъ уже три выпуска. Оставляя пока въ сторонѣ содержаніе третьяго изъ нихъ (*Neue Grundlegung der Psychophysik*), мы реферлируемъ здѣсь содержаніе двухъ первыхъ.

Въ первомъ выпускѣ помѣщены двѣ статьи: «о сознаниіи и мозгѣ» (введеніе) и «о произвольномъ и непроизвольномъ сочетаніи представленій».

1. Въ статьѣ *о сознаниіи и мозгѣ* (стр. 1—64) М. излагаетъ тѣ принципы, къ доказательству и выясненію которыхъ онъ предпринялъ нижеслѣдующія экспериментальныя изслѣдованія. Его основная точка зрѣнія—критицизмъ: вещество и духъ суть комплексы явленій, закономерная связь которыхъ создается познающимъ субъектомъ. Изъ этихъ комплексовъ явленія психическія должно мыслить обусловленными явленіями физическими (физиологическими процессами нервной системы), а не наоборотъ, ибо явленія прерывистыя (сознаніе прерывается, наприм. сномъ) и не полныя (сознается нами лишь немного изъ происходящаго въ нашемъ тѣлѣ) не могутъ обусловливать непрерывныя и полныя ряды физиологическихъ явленій. Существуютъ однако три группы психическихъ состояній, которыя повидимому независимы отъ физиологическихъ процессовъ, а именно явленія воли, чувствованія и апперцепція: воля, по общему мнѣнію, опредѣляетъ наши движенія, сама-же она независима; чувствованія не имѣютъ, кажется, никакой физиологической основы, а апперцепція, т.-е. про-

---

*) Самому Вундту лучше всякаго другого извѣстны эти недостатки, и не онъ виноватъ въ нихъ: всѣмъ, изучавшимъ его сочиненія, извѣстно, что онъ самъ постоянно настаиваетъ на первостепенномъ значеніи точнаго самонаблюденія, а тѣ, кто имѣлъ честь работать подъ его руководствомъ, хорошо знаютъ ту высокую терпимость, которая составляетъ основную черту въ его отношеніяхъ къ ученикамъ.

цессъ активной переработки представленій, разсматривается (въ школѣ Вундта) какъ независимая способность духа. Что касается до воли, то уже въ предыдущемъ сочиненіи *Die Willenshandlung*, 1888) Мюнстербергъ показалъ, что *физическая* сторона волевыхъ движеній должна быть объясняема исключительно изъ механико-химическихъ принциповъ, со стороны-же *сознанія* волевыхъ дѣйствій отличаются отъ произвольныхъ лишь тѣмъ, что первымъ предшествуютъ воспоминанія о прежнихъ подобныхъ дѣйствіяхъ, а вторымъ—нѣтъ. Что касается до чувствованій, то уже существуютъ попытки физиологическаго ихъ объясненія, и авторъ обѣщаетъ дать въ послѣдствіи новые опыты, подтверждающіе такое объясненіе. Но главную трудность представляетъ третья группа психическихъ явленій, кажущихся независимыми, а именно—апперцепція. Подъ апперцепціей новая психологія разумѣетъ процессы вниманія, анализа и логическаго сужденія, и школа Вундта полагаетъ, что эти процессы суть акты особой, независимой силы духа, которые не только не обусловлены физиологическими процессами въ мозгѣ *), но и не могутъ быть объясняемы изъ *содержанія* представленій, служащихъ объектомъ вниманія, анализа и логическаго сужденія.

2. Эту-то теорію Вундта и его школы М. опровергаетъ во второмъ изслѣдованіи, подъ заглавіемъ *о произвольномъ и произвольномъ соединеніи представленій*. Два ряда психическихъ опытовъ служатъ для этого опроверженія. Въ первомъ рядѣ М. опредѣляетъ продолжительность так.-назыв. неполной и полной физиологической реакціи. Различіе этихъ реакцій, установленное опытами Лудвига Ланге и референта, состоитъ въ томъ, что при неполной реакціи пациентъ (объектъ эксперимента) обращаетъ все свое вниманіе на требуемое отъ него движеніе и старается произвести его возможно скорѣе, т.-е. едва внѣшнее раздраженіе будетъ имъ *перципировано*; при полной-же реакціи пациентъ обращаетъ вниманіе на внѣшнее раздраженіе и его ясно сознаетъ (*апперципируетъ*); первая изъ этихъ реакцій требуетъ значительно меньше времени, чѣмъ вторая. Это-то различіе двухъ видовъ двигательной реакціи М. и употребилъ для провѣрки Вундтовой теоріи апперцепціи. Если эта теорія вѣрна, то, какъ замѣ-

*) Правда, Вундтъ видитъ особый мозговой центръ апперцепціи въ лобныхъ извилинахъ коры, но это противорѣчитъ его-же опредѣленію апперцепціи, какъ внутренней функции воли.

часть самъ Вундтъ (*Phys. Psychol.*, 3-te Aufl., II, 269), при сложныхъ психическихъ актахъ, наприм. выбора, возможна лишь полная реакція; а между тѣмъ опыты М. несомнѣнно показываютъ, что и краткая реакція возможна при такихъ сложныхъ актахъ. Эти опыты состояли въ томъ, что пациентъ долженъ былъ производить реакцію однимъ изъ пяти пальцевъ, смотря по тому, какое онъ услышитъ число изъ первыхъ двухъ, или въ какомъ надежѣ будетъ произнесено любое существительное, или будетъ-ли произнесенное слово существительнымъ, прилагательнымъ, мѣстоименіемъ, числительнымъ или глаголомъ, или будетъ-ли это слово означать городъ, рѣку, животное, растеніе или химич. элементъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, несмотря на ихъ сложность, очевидно предполагающую различеніе слышимыхъ словъ и соотвѣтственный тому выборъ пациентомъ нужнаго пальца, оказалось возможнымъ получить *объ* формы реакціи, т.-е. не только полную, какъ того требуетъ теорія Вундта, но и краткую. Эти опыты показываютъ, въ противоположность названной теоріи, что и сложные психическіе акты (различенія и выбора) могутъ быть совершаемы и безъ яснаго сознанія или, точнѣе, безъ апперцепціи; иначе говоря, апперцепція вовсе не есть, какъ то полагаетъ Вундтъ, активный факторъ при различеніи и выборѣ, а лишь пассивный и несущественный *показатель* (въ сознаніи) совершившихся въ психической жизни явленій, т.-е. она не входитъ въ рядъ этихъ процессовъ, а за ними лишь слѣдуетъ. — Во второмъ рядѣ опытовъ М. опредѣляетъ продолжительность различныхъ видовъ ассоціаціи представленій. Вундтовская теорія разсматриваетъ логическую апперцепцію какъ особый актъ сужденія, работающій уже на основаніи матеріала, доставляемаго ассоціаціями: логическая апперцепція, построая сужденія, выбираетъ изъ массы подлежащихъ ассоціацій тѣ, которыя нужны. Изъ этого слѣдуетъ, что построить сужденіе къ данному представленію должно-бы быть наиболѣе легко въ томъ случаѣ, если это представленіе не ограничено никакими другими предварительными условіями (это будетъ простымъ актомъ первой и любой ассоціаціи, безъ всякаго апперцепціоннаго вывода) и, напротивъ, такая задача должна-бы быть сложнѣе и требовать большаго времени, если это сужденіе ограничено извѣстнымъ выборомъ. Таково именно и есть мнѣніе Вундта (*loc. cit.*, II, 317); и опять опыты М. показываютъ, что оно обратно истинѣ: найти къ данному слову ассоціацію наиболѣе

трудно и требуетъ наибольшаго времени, если этотъ выборъ ничѣмъ не ограниченъ, и, наоборотъ, если онъ ограниченъ, время ассоціаціи сокращается.—Вслѣдъ за этими опроверженіями Вундтовской теоріи апперцепціи, М. показываетъ, что всѣ апперцепціонные акты и, въ частности, логическое мышленіе могутъ быть выведены изъ простыхъ явленій ассоціаціи и ничего иного не требуютъ. Два признака отличаютъ повидимому логическое мышленіе отъ обыкновенной ассоціаціи: это—истинность и самопроизвольность. Что касается до перваго, то надо замѣтить, что всякая *полная* ассоціація совершенно истинна, ибо вполне соотвѣтствуетъ произведшему ее порядку обыкновенныхъ явленій; «ассоціація не только не недостаточна для произведенія логической истины, но скорѣе есть единственное для нея средство; все нелогичное происходитъ отъ неполной ассоціаціи». Актъ сужденія, по М., есть тоже лишь извѣстный типъ ассоціаціонной связи, именно въ сужденіи ассоціація вмѣсто того, чтобы переходить отъ представленія А къ представленію Б, отъ Б—къ В, и т. д., подыскиваетъ ассоціаціи къ одному и тому-же представленію, сохраняющемуся тождественнымъ (субъектъ сужденія). Что-же касается до чувства самопроизвольности, свойственнаго мышленію, то оно обязано главнымъ образомъ иннерваціоннымъ ощущеніямъ (М., ссылаясь на автора этого реферата, признаетъ весьма важную роль въ мышленіи за двигательными представленіями). Наконецъ въ этой-же статьѣ М. даетъ физиологическое объясненіе ассоціаціи и старается показать, что основною формою ассоціаціи должна быть признана связь одновременныхъ представленій, ассоціаціи-же по послѣдовательности и сходству оказываются выводными.

Во второй книжкѣ своихъ Beiträge Мюнстербергъ даетъ четыре изслѣдованія: о чувствѣ времени, о колебаніяхъ вниманія, о глазомѣрѣ и пространственномъ чувствѣ уха.

1. Вопросъ о томъ, съ какою точностью мы можемъ *субъективно* измѣрять время, занималъ многихъ психологовъ. Обыкновенно примѣнявшійся для этихъ изслѣдованій методъ былъ, въ сущности, таковъ: экспериментаторъ отмѣчалъ двумя ударами электрическаго молотка извѣстный промежутокъ времени, а пациентъ долженъ былъ указать, какое время кажется ему равнымъ данному; величина, на которую онъ ошибался, указывала на степень неточности при субъективной оцѣнкѣ времени. Къ сожалѣнію, данныя разныхъ наблюдателей (Фирордта, Коллерта, Эстеля, Ме-

нера, Гласса) оказались различными, и только одно обстоятельство было выяснено несомненно, а именно что чувство времени периодически, т.-е. мы съ наибольшею точностью оцѣниваемъ промежутки известной продолжительности, затѣмъ при большихъ промежуткахъ эта точность постепенно убываетъ и достигаетъ наконецъ minimum'a, но затѣмъ, при дальнѣйшемъ увеличеніи промежутковъ, опять становится точнѣе и постепенно достигаетъ второго maximum'a, послѣ котораго опять убываетъ, и т. д. Но и здѣсь періодъ (отъ одного maximum'a до другого) оказался у разныхъ наблюдателей различнымъ: у Эстеля, наприм., онъ равенъ 0,7 сек., у Менера—1,5, у Гласса—1,25 сек. Изложивъ эти прежніе опыты, Мюнстербергъ ставитъ вопросъ: какъ объяснить эти противорѣчія данныхъ у наблюдателей, пользовавшихся одинаково хорошими методами? Очевидно тѣмъ, что у нихъ были разныя субъективныя мѣрила или разный масштабъ времени. Это различіе можно сравнить съ тѣмъ, которое произошло-бы при оцѣнкѣ длины, если-бы, наприм., одинъ наблюдатель измѣрялъ данную длину движеніемъ руки, другой—движеніемъ глазъ, третій взялъ-бы нормальный метръ, раздѣленный только на дециметры, а четвертый—такой-же метръ, но раздѣленный и на сантиметры. И дѣйствительно, самонаблюденіе открываетъ цѣлый рядъ такихъ субъективныхъ мѣрилъ или масштабовъ времени. Изъ нихъ наиболѣе важны три слѣдующихъ: а) дыхательныя ритмическія движенія, которыя по своему постоянству могутъ служить превосходными мѣрилами времени; б) сокращеніе мышцъ головы и др., которыя возникаютъ при усиленномъ сосредоточіи вниманія; такъ какъ эти сокращенія постепенно усиливаются, достигаютъ maximum'a и ослабѣваютъ, а затѣмъ повторяютъ ту-же періодичность, то они могутъ тоже служить для сравненія и измѣренія промежутковъ времени; в) наконецъ такимъ-же мѣриломъ могутъ служить степени, какія проходитъ всякое чувственное представленіе, постепенно переходя отъ яркаго къ блѣдному образу. Принимая эти и нѣкоторыя др. мѣрила, Мюнстербергъ сумѣлъ объяснить всѣ указанныя выше противорѣчія разныхъ наблюдателей, изъ которыхъ каждый, самъ того не замѣчая, пользовался какимъ-нибудь изъ субъективныхъ масштабовъ. Это критическое изслѣдованіе М. подтверждаетъ собственными опытами, изъ которыхъ видна наприм. роль главнаго масштаба времени—дыханія; именно въ тѣхъ опытахъ, въ которыхъ начало и конецъ времени совпадали съ

опредѣленными фазами дыханія, средняя ошибка въ оцѣнкѣ промежутковъ была лишь въ 2,7⁰/₀ всего промежутка, между тѣмъ какъ безъ соблюденія этого условія (т.-е. при устраненіи масштаба дыханія) она возросла до 10,7⁰/₀.

2. Во второй статьѣ М. изслѣдуетъ періодическія колебанія вниманія и главнымъ образомъ подвергаетъ критикѣ работу по этому вопросу автора этого реферата. Это онъ находитъ тѣмъ болѣе нужнымъ, что, по его словамъ, «матеріаль доставленный этою работою уже въ настоящее время странствуетъ безъ измѣненія изъ одной книги въ другую... и, гдѣ это подходитъ, употребляется въ видѣ доказательствъ для метафизическихъ гипотезъ». Мюнстербергъ, подобно автору реферата, нашель, что слабыя зрительныя раздраженія, фиксируемыя съ напряженнымъ вниманіемъ, даютъ не постоянное ощущеніе, но прерывистое. Но, говоритъ онъ, Ланге напрасно полагаетъ, что причина этого—колебанія какой-то силы апперцепціи (вниманія), за которую такъ стоитъ школа Вундта: причина этихъ измѣненій (въ силѣ ощущенія) чисто-периферическая, именно эти колебанія зависятъ отъ утомленія и новаго напряженія аккомодационнаго и фиксаціоннаго аппарата глаза: слабое зрительное раздраженіе только тогда даетъ образъ на сѣтчаткѣ, когда глазъ точно аккомодированъ къ данному разстоянію и прямо фиксированъ; если-же эти условія, подъ вліяніемъ быстрого утомленія глазныхъ мышцъ, нарушаются, ощущеніе очевидно исчезнетъ. Въ доказательство этого положенія М. сдѣлалъ, между прочими, слѣдующіе опыты: а) онъ ставилъ передъ глазомъ черезъ каждыя 2 сек. призматическое стекло, и при этомъ вышеуказанныя колебанія въ силѣ ощущенія становились значительно рѣже; причина ясна: призматическое стекло уклоняетъ образъ фиксируемаго зрительнаго предмета; глазъ, слѣдовательно, долженъ тоже повернуться и это движеніе служитъ противовѣсомъ утомленію при неподвижномъ фиксированіи; если-же утомленіе возникаетъ не такъ скоро, то по предыдущему, и наши колебанія должны стать рѣже; б) черезъ каждую секунду зрительный объектъ покрывался на одно мгновеніе картономъ, причемъ однако періодичность колебаній въ силѣ ощущенія не измѣнялась; это тоже понятно, ибо ясно, что такое моментальное закрытіе вовсе не облегчаетъ прежней аккомодации и фиксаціи; в) медленное движеніе зрительнаго объекта совершенно устраняетъ колебанія, т.-е. слабое ощущеніе всегда

сохраняется неизмѣннымъ; причина этого та-же, что причина замедленія колебаній въ опытѣ (а). Наконецъ 1) ускоренное дыханіе дѣлаетъ колебанія чаще, замедленное-же—замедляетъ ихъ; это тоже понятно, ибо очевидно, что усиленное дыханіе повышаетъ тонусъ всей двигательной системы, замедленное-же—понижаетъ его, и слѣдоват. въ первомъ случаѣ утомленіе и глазныхъ мышцъ наступаетъ скорѣе, во второмъ—медленнѣе. Всѣ эти опыты, говоритъ М., показываютъ, что мнѣніе Ланге объ апперцепціонномъ происхожденіи рассматриваемыхъ колебаній ложно и что эти колебанія зависятъ попросту отъ періодическаго утомленія глазныхъ мышцъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію двухъ остальныхъ изслѣдованій М., мы должны сказать нѣсколько словъ *pro domo sua*. Не успѣвъ еще повторить опытовъ М., мы ничего не можемъ сказать объ ихъ достовѣрности, но охотно признаемъ ихъ истинность и безъ такой провѣрки. И тѣмъ не менѣе никакъ нельзя согласиться, что эти опыты служатъ опроверженіемъ предложенной нами гипотезы о природѣ вниманія. Эта гипотеза была формулирована въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) Всѣ наши представленія имѣютъ связь съ тѣми или другими движеніями: представленія зрительныя, т.-е. о предметахъ имѣющихъ нѣкоторую форму,—съ движеніями глазныхъ мышцъ, помощью которыхъ мы воспринимаемъ эти формы, представленія отвлеченныя—съ выразительными движеніями словъ, изъ означающихъ представленія о частяхъ нашего тѣла—съ движеніями ихъ ощупыванія, и т. д. 2) Усиленіе нашихъ представленій черезъ такъ-наз. сосредоточіе вниманія совершается именно черезъ *слабое* воспроизведеніе указанныхъ *движеній*, благодаря чему воспроизводятся и усиливаются ассоциированныя съ ними представленія. Такъ какъ эти движенія и въ частности сокращенія глазныхъ мышцъ періодичны, то и усиленіе слабыхъ ощущеній черезъ такъ-наз. вниманіе бываетъ тоже періодично, т.-е. эти слабыя ощущенія получаютъ, по своей интенсивности, колебанія. Отсюда видно, что возраженія М. вполне дѣйствительны противъ того, кто, какъ Вундтъ, видитъ въ рассматриваемыхъ колебаніяхъ «колебанія центральной силы апперцепціи», но они вовсе не приложимы къ моей гипотезѣ, ибо я, *вмѣстѣ съ Мюнстербергомъ, вижу причину колебаній въ двигательныхъ аппаратахъ*. Правда, я полагаю, что періодическія сокращенія мышцъ вызываютъ связанныя съ ними ассоціаціи

и помощью этих послѣднихъ усиливаютъ реальное ощущение, М.-же стремится объяснить дѣло помимо такихъ ассоціаций. Но относительно этого пункта различія его опыты ничего не рѣшаютъ. Это смѣшеніе моихъ взглядовъ съ теоріями школы Вундта тѣмъ страннѣе, что въ послѣднемъ изд. своей «Физиологической Психологіи» самъ Вундтъ, давъ отчетъ о результатахъ моей работы, отчасти отвергаетъ выводы изъ нихъ *именно по ихъ несогласію со своей теоріей апперцепціи.*

3. Въ третьей статьѣ М. изслѣдуетъ глазомѣръ, т.-е. точность, съ которой мы оцѣниваемъ глазомъ разстоянія,—вопросъ имѣющей самую тѣсную связь съ проблемой о природѣ нашихъ представлений о пространствѣ. Изложивъ результаты многочисленныхъ предыдущихъ изслѣдованій такого-же рода (Вебера, Фолькманна, Гегельмайера, Шодена, Кундта, Фехнера, Луберта, Гельмгольца, Вундта, Ястрова и др.), М. указываетъ основную задачу своихъ опытовъ. Она состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать, какое значеніе имѣетъ въ оцѣнкѣ глазомѣромъ разстояній движеніе глаза. Изъ разнообразныхъ и точныхъ наблюдений, числомъ до 20.000, оказалось, что оцѣнка разстояній прямо зависитъ отъ условій движенія глазъ: всякое измѣненіе въ послѣднихъ измѣняетъ точность оцѣнки, а пока эти условія остаются прежними, оцѣнка сохраняетъ постоянную величину. Отсюда М. заключаетъ, что наше зрительное пространство строится изъ ощущеній движеній глаза, именно, слѣдующимъ образомъ: раздраженію каждой точки на сѣтчаткѣ глаза соотвѣтствуетъ опредѣленной величины рефлексивное вращеніе глаза, переводящее это раздраженіе на центральную, наиболѣе чувствительную область сѣтчатки; чѣмъ эти боковыя точки находятся дальше отъ центра, тѣмъ потребное движеніе больше, а слѣд. и его ощущеніе интенсивнѣе; такимъ-то образомъ съ каждымъ мѣстомъ сѣтчатки ассоціируется извѣстной силы мышечное ощущеніе; установленіе системы этихъ мышечныхъ ощущеній (по ихъ силѣ) въ связи съ ассоціированными съ ними зрительными ощущеніями и составляетъ наше систематическое представленіе зрительнаго пространства.

4. Въ статьѣ *о пространственномъ чувствѣ уха* М. изслѣдуетъ роль полукружныхъ каналовъ уха въ локализациі акустическихъ впечатлѣній. Изложивъ содержаніе предыдущихъ работъ, посвященныхъ тому-же вопросу (Криза и Ауербаха, Тарханова, Рождественскаго, Урбанчича, Прейера, Анны Томашевичъ, Арн-

гейма и Брейера), М. полагаетъ, что ими установлены лишь два основные факта, а именно: а) локализация слуховыхъ впечатлѣній есть функція полукружныхъ каналовъ и б) раздраженіе полукружныхъ каналовъ вызываетъ движенія головы (по тремъ соответственнымъ плоскостямъ). Какъ объединить эти два основные факта? Это и стремится сдѣлать гипотеза М., согласно которой локализация слуховыхъ впечатлѣній производится именно благодаря движеніямъ головы (подобно тому какъ локализация зрѣт. раздраженій производится благодаря движеніямъ глаза). Самимъ слуховымъ ощущеніямъ несвойственно опредѣленнаго пространственнаго характера, т.-е. они не имѣютъ «мѣстныхъ знаковъ»: еще Урбанчикъ показалъ, что акустическое ощущеніе можетъ оставаться по своему качеству и даже силѣ неизмѣннымъ, хотя его локализация измѣняется. Можно представить, что тѣ-же волны воздуха, которыя въ улиткѣ уха порождаютъ слуховыя впечатлѣнія, производятъ въ полукружныхъ каналахъ такое особое раздраженіе, которое само не ощущается, но рефлексивно (можетъ-быть черезъ мозжечекъ) вызываетъ особенные повороты головы; система ощущеній этихъ движеній въ ихъ связи съ слуховыми ощущеніями и порождаетъ нашу систему «слухового пространства». Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти движенія почему-либо задерживаются, локализация все-таки происходитъ по установившимся раньше воспоминаніямъ (по ассоціямъ). Основаніемъ этой гипотезы служатъ, во первыхъ, одно общее біологическое соображеніе и, во вторыхъ, опыты произведенные самимъ М. Общее соображеніе таково: локализация слуховыхъ впечатлѣній только въ такомъ случаѣ біологически полезна (а только полезное приспособленіе допустимо), когда она не пассивна, но связана съ цѣлесообразными движеніями, а таковыми именно и являются рефлексивные повороты головы, обращающіе глаза, ротъ и носъ животнаго къ источнику звука. Что касается до собственныхъ опытовъ М., то они, по ихъ значительной сложности, не могутъ быть изложены въ краткомъ рефератѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе двухъ первыхъ выпусковъ этого новаго, въ высокой степени интереснаго изданія. Широкая ученость автора (онъ докторъ философіи и докторъ медицины), смѣлость и ясность въ постановкѣ задачъ и опытовъ и искусное пользованіе самонаблюденіемъ сразу поставили Мюнстерберга въ рядъ первыхъ психологовъ нашего времени.

Н. Ланге.

2. *Mind*, a quarterly review of psychology and philosophy. October, 1890, № 60.

Herbert Spencer.—Происхождение музыки.

Между авторомъ и Дарвиномъ существуетъ слѣдующаго рода разногласіе по вопросу о происхожденіи музыки. Оба они полагаютъ, что музыка развилась изъ голосовыхъ звуковъ, но, въ то время какъ авторъ придаетъ подобное значеніе всякимъ звукамъ, являющимся какъ слѣдствіе возбужденія, Дарвинъ кладетъ въ основу происхожденія музыки только тѣ звуки, которыми, по его мнѣнію, самцы привлекали самокъ. Мало этого, Дарвинъ даже думаетъ, что самые голосовые органы первоначально употреблялись и развились для цѣлей размноженія. Авторъ начинаетъ свои возраженія съ того, что показываетъ, какъ происхожденіе многихъ звуковъ, издаваемыхъ животными, не имѣетъ никакого отношенія къ воспроизведенію. Затѣмъ авторъ упрекаетъ Дарвина за то, что онъ безъ критики принялъ общераспространенное мнѣніе, созданное «вѣроятно, поэтами», будто пѣніе птицъ связано съ ухаживаніемъ. Спенсеръ указываетъ на примѣры, опровергающіе это мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что отношеніе между ухаживаньемъ и пѣніемъ не есть отношеніе причины и слѣдствія, но—отношеніе сосуществованія: оба они — результаты избытка силъ; Но если-бы даже пѣніе птицъ и было связано съ любовью, то и тогда вопросъ относительно человѣка оставался-бы открытымъ: разстояніе между человѣкомъ и птицею въ зоологической скалѣ слишкомъ велико, чтобы судить по аналогіи. Мало того, животныя гораздо болѣе близкія къ человѣку не издаютъ звуковъ при ухаживаніи. Самъ Дарвинъ признаетъ, что пока еще нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ относительно употребленія млекопитающими своихъ голосовыхъ средствъ для цѣлей ухаживанія. Авторъ, обильными выписками изъ описательной социологій, доказываетъ то-же самое и относительно низшихъ расъ у человѣка. Наконецъ, заключаетъ онъ, если-бы даже мы и не имѣли всѣхъ этихъ фактовъ, то и тогда остался-бы, все-таки, необъясненнымъ процессъ, благодаря которому звуки полового происхожденія развились въ музыку.

Затѣмъ Спенсеръ возражаетъ Гэрнею; это возраженіе носитъ такой детальный характеръ, что не можетъ быть передано вкратцѣ. Авторъ всюду находитъ, что возраженія Гэрнея основаны на недостаточномъ знакомствѣ его съ закономъ развитія.

Авторъ заканчиваетъ свою статью заявленіемъ, что многія возраженія на его теорію, изложенную въ опытѣ «О происхожденіи и функціи музыки», основаны на недоразумѣніи. Къ нему относились такъ, какъ будто-бы онъ хотѣлъ дать полную теорію музыки, тогда какъ онъ только изслѣдовалъ ея происхожденіе. Чтобы предотвратить на будущее время подобныя недоразумѣнія и показать, какъ должна быть сложна полная теорія музыки, авторъ перечисляетъ составныя части музыкальнаго эффекта. Онѣ могутъ быть раздѣлены на такія, которыя связаны съ ощущеніемъ, перцепціей или эмоціей.

James Sully.—Умственная дѣятельность.

Сэлли разсматриваетъ только познавательную сторону умственной дѣятельности, оставляя безъ анализа ощущеніе и вниманіе-рефлексъ.

Познавательная дѣятельность сводится къ тремъ процессамъ: дифференціаціи, ассимиляціи и ассоціаціи. Дифференціація есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному; она совершается постепенно и притомъ такимъ образомъ, что сначала дифференцируются родовые признаки, а затѣмъ уже видовые. Различеніе (*discrimination*) есть процессъ основанный на дифференціаціи, но независимый отъ нея. Сначала нужно, чтобы «А» и «В» дифференцировались, какъ два отдѣльныя впечатлѣнія, а затѣмъ уже можетъ возникнуть различеніе: сознаніе отношенія «А—В». Сюда-же примыкаетъ законъ перемѣны или относительности: сознаніе предполагаетъ перемѣну психическихъ состояній; физиологическое основаніе этого закона лежитъ въ условіяхъ нервной дѣятельности, въ истощеніи работающихъ нервовъ. Законъ относительности обусловливаетъ могущественное значеніе контраста, но авторъ оспариваетъ тѣхъ, которые сводятъ качество ощущеній къ вліянію контраста, которые, наприм., утверждаютъ, что черное кажется намъ чернымъ только тогда, когда мы сравниваемъ его съ бѣлымъ.

Ассимиляція есть второй познавательный процессъ. Его законъ: сходное соединяется со сходнымъ. Сходство съ точки зрѣнія интенсивности можетъ быть полнымъ и неполнымъ, а съ другой точки зрѣнія экстенсивности—цѣлостнымъ и частичнымъ. Авторъ оспариваетъ Гербартианцевъ, замѣняющихъ отношенія сходства и несходства отношеніями равенства и неравенства и сводящихъ неполное сходство на частичное, выражаемое формулою АВ—АС.

Авторъ согласенъ, что неполное сходство можно во многихъ случаяхъ свести на частичное, но утверждаетъ, что бываютъ случаи, когда этого и нельзя сдѣлать: когда въ двухъ не вполне сходныхъ ощущеніяхъ нельзя отыскать того общаго элемента «А», который требуется формулою АВ—АС. Ассимиляція бываетъ: 1) автоматическая, или узнаваніе, и 2) ассимиляція сравненія (Comparative Assimilation). Третій познавательный процессъ — ассоціація; въ основѣ ея лежатъ два явленія: удерживаніе и воспроизведеніе. Впрочемъ, удерживаніе играетъ важную роль во всѣхъ видахъ умственной дѣятельности.

Не слѣдуетъ думать, что три указанные процесса идутъ другъ за другомъ, — они происходятъ одновременно, ибо они тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Въ томъ-же № Mind'a помѣщены еще статьи: Whittaker'a — Психологія Фолькмана; Orange — Беркли, какъ нравственный философъ; Croom Robertson'a — Мюнстербергъ о «мышечномъ чувствѣ» и о «чувствѣ времени».

П. Мокіевскій.

3. Перечень статей въ послѣднихъ книжкахъ иностранныхъ философскихъ журналовъ.

1) *Revue philosophique*. Ред. Th. Ribot. № 11-й **Novembre**. 1890. Durand (de Gros). Что такое общая физиологія? E. de Hartmann. Аксиологія и ея подраздѣленія. F. Paulhan. Новый мистицизмъ. P. Regnaud. Происхожденіе суффиксовъ и механизмъ словопроизводства въ индо-европейскихъ языкахъ. — Общее обозрѣніе — Tappery. Исторія понятія матеріи. Критическіе отзывы о книгахъ и обзоръ иностранныхъ журналовъ. — № 12. **Decembre**. E. de Roberty. Антиноміи и виды непознаваемого въ эволюціонистской философіи. A. Vinet. Воспріятіе у ребенка. — Общее обозрѣніе. — M. Vernes. Религіозная исторія и философія. — Замѣтки и обсужденія. — Lechalas. Экспериментальныя основанія геометріи. Labande. О причинности. Критическіе отзывы о книгахъ и обзоръ иностранныхъ журналовъ.

2) *Vierteljahresschrift f. wissenschaftliche Philosophie*. Ред. R. Avenarius. Leipzig. 1890. № 4-й. A. Döring. Что такое время? I. Petzoldt. Maxima, Minima und Oekonomie. (Третья статья). A. Marty. О рефлексѣ рѣчи, нативизмѣ и намѣренномъ

развитіи рѣчи (сѣдьямая статья). Обзоръ книгъ. Заявленія авторовъ о ихъ книгахъ. Журналы. Библиографическія сообщенія.

3) **Philosophische Studien.** Ред. W. Wundt. Leipzig. 1890. В. VII. Heft 3. Wundt. Къ ученію о душевныхъ движеніяхъ. Götz Martius. О времени реакціи и продолжительности перцепціи звуковъ. A. Kirschmann. О количественныхъ отношеніяхъ одновременныхъ свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ контрастовъ.

4) **The American Journal of Psychology.** Ред. Stanley Hall. September. 1890. Vol. III. № 3. H. Donaldson. Анатомическія наблюденія надъ мозгомъ и нѣкоторыми органами чувствъ слѣпой и глухонѣмой Лауры Бриджмэнъ. Hodge. Очеркъ исторіи рефлексивныхъ дѣйствій. Joseph Le Conte. О любопытномъ зрительномъ явленіи. W. Noyes. О хроноскопѣ. Обзоръ психологической литературы.

5) **Rivista di filosofia Scientifica.** Дир. Enrico Morselli, ред. Eugenio Tanzi. Milano. Vol IX. Кн. LXXXIII. Ноябрь 1890. Cardini Giulio. Функция свободы въ эволюціи. Tedeschi Enrico. Этюды по сравнительной этнографіи. Исслѣдованіе о происхожденіи поцѣлѹя. Govacchini Alfonso. Душа животныхъ въ сравненіи съ душою человѣка.—Общій обзоръ.—Maggi Leopoldo. Этюды по сравнительной морфологіи. О третьемъ глазѣ человѣка.—Обзоръ аналитическій.—Faggi Adolfo. Философія безсознательнаго. Библиографія. Журналы.

Б. РУССКІЕ ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Православное Обозрѣніе. «Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія»—А. И. Введенскаго (Продолженіе. Глава V: теорія Спенсера и общій взглядъ на ученіе опытной философіи о происхожденіи и основаніяхъ вѣры въ Бога. № 9, стр. 78—91; № 10, стр. 331—363)

Имя Спенсера достаточно извѣстно интересующимся развитіемъ философской мысли, а его сочиненія: «Основныя начала», «Основанія социологіи» и трактатъ «Прошедшее и будущее религіи»—переведены на русской языкъ*). Поэтому нѣтъ настоящей нужды излагать его воззрѣнія на происхожденіе и основы религіи, раз-

*) Первые два вышли отдѣльными изданіями; переводъ послѣдняго напечатанъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1884 годъ.

витыя въ трехъ названныхъ сочиненіяхъ и кратко приведенныя у г. Введенскаго (стр. 78—91); но надобно коснуться критическихъ замѣчаній, какія послѣдній дѣлаетъ на систему автора, пользующагося въ Россіи едва-ли не большей популярностью, чѣмъ за границей.

Вмѣстѣ съ французскими критиками Спенсера (Каро, Ревилемъ и др.) г. Введенскій склоненъ считать изслѣдованія его въ области религіи скорѣе опытомъ, чѣмъ системой. Сомнѣніе въ научномъ достоинствѣ возрѣній Спенсера начинается по поводу противорѣчія его конечныхъ выводовъ. Въ «Основныхъ началахъ» онъ утверждаетъ, что послѣднимъ основаніемъ вѣры въ Бога служить неопредѣленное сознаніе абсолютно-непостижимой силы, обнаруживающейся въ явленіяхъ вселенной (агностицизмъ); между тѣмъ какъ въ «Основаніяхъ соціологіи» дѣлаетъ попытку вывести идею Бога изъ культа предковъ, а религіозную функцію—изъ страха предъ умершими.) Свести къ единству эти два взгляда довольно трудно, если не поступиться какимъ-либо однимъ, т. е. или признать поклоненіе предкамъ не корнемъ, а лишь *одной изъ формъ* вѣры (чего не хочетъ самъ Спенсеръ), или мысль о единомъ божествѣ положить не началомъ, а концомъ религіознаго развитія (чему противорѣчатъ нѣкоторые факты). Между тѣмъ Спенсеръ даже въ специальномъ, вызванномъ нападками критики трактатѣ «Прошедшее и будущее религіи» не позаботился ни выразиться достаточно ясно о томъ, какое собственно изъ названныхъ началъ—идею единства міровой силы или представленіе множества духовъ онъ считаетъ подлинной основой религіозныхъ идей,—ни показать, въ какомъ отношеніи находятся эти начала, если они дѣйствуютъ совмѣстно. Въ виду этого г. Введенскій различаетъ въ возрѣніяхъ Спенсера его «агностицизмъ» и его же «преобразованный эвгемеризмъ»*) и критически разсматриваетъ оба въ отдѣльности.

Чтобы съ полнымъ правомъ усматривать корень религіи въ страхѣ первобытнаго человѣка предъ мертвыми, необходимо доказать, что культъ мертвыхъ или предковъ повсюду обусловливалъ начало религіи; между тѣмъ ни древнимъ, ни новымъ послѣдователямъ Эвгемера не удалось доказать, что онъ есть необ-

*) По имени древняго (род. ок. 316 г. до Р. Хр.) того-же имени мыслителя, который первый началъ выводить вѣру въ Бога изъ культа предковъ.

ходимое начало вѣры, а наука показываетъ, что этотъ культъ есть только одна изъ формъ религій доисторическихъ и притомъ не самая старшая. Но и тамъ, гдѣ культъ предковъ распространенъ, онъ не гарантируетъ непремѣнной вѣры въ безсмертныхъ духовъ, а также и поддерживается не по мотиву страха, а скорѣе по мотиву огорченной смертью близкихъ любви. Такимъ образомъ, фактическое обоснованіе посылокъ, являющихся опорой эвгемеристическаго воззрѣнія Спенсера не можетъ быть признано достаточнымъ. Недостаточенъ эвгемеризмъ и какъ система, потому что, отказываясь представить точный способъ перехода множественныхъ представлений о духахъ предковъ къ идеѣ хотя-бы той-же единой непознаваемой силы, тѣмъ самымъ онъ не объясняетъ подлежащей изслѣдованію группы явленій. Осталось-бы только указать причину, по которой Спенсеръ и послѣ нападокъ и замѣчаній критики не пересталъ держаться своего взгляда на происхожденіе религій, — и г. Введенскій усматриваетъ ее въ чрепѣрномъ пристрастіи знаменитаго автора къ теоріи эволюціи, для оправданія которой теорія Эвгемера весьма пригодна. Это-же пристрастіе къ эволюціонизму заставило Спенсера допустить погрѣшности и въ методѣ: по словамъ одного изъ достойнѣйшихъ критиковъ Спенсера, онъ игнорировалъ или долженъ былъ перетолковать такое множество фактовъ, что «собравъ все имъ обойденное съ помощью тысячи аргументовъ, весьма легко было-бы развить теорію, діаметрально противоположную его теоріи». (Ревиль). — Агностицизмъ Спенсера, ограниченный имъ-же самимъ въ концѣ сочиненія «Основныя начала», когда онъ призналъ въ основѣ религій идею не одного только *непознаваемого*, но непознаваемой *силы*, хотя имѣетъ за собой болѣе психологически-научныхъ данныхъ, не можетъ, однако, быть принятъ въ качествѣ совершенной и безспорной теоріи. Каковы-бы ни были теоретическія воззрѣнія чловѣка, они съ необходимостью ведутъ къ соответствующимъ практическимъ обнаруженіямъ. Если даже согласиться со Спенсеромъ, будто всякое религіозное воззрѣніе непремѣнно сводится къ агностицизму, то отсюда вытекала-бы безусловная необходимость признать полное единство и религіозной морали, чего въ виду множества отрицательныхъ инстанцій сдѣлать никакъ нельзя. Съ другой стороны, какъ система, самъ агностицизмъ ничего не обѣщаетъ людямъ ни въ сферѣ морали, ни въ области наукъ. «Теорія, отрицающая личность Бога, естественно и логи-

чески ведетъ къ отрицанію и личности человѣка» (Ө. Портеръ),— условіе, при которомъ нравственный прогрессъ человѣчества долженъ остановиться; а усвояя всему, не познанному человѣчествомъ, свойство непознаваемости, эта теорія ограничиваетъ предѣлы науки областью практическихъ интересовъ, — условіе, которое едва-ли можетъ быть принято человѣческой любознательностью.

Выводы Спенсера представляютъ послѣднее слово опытной науки по вопросу объ основахъ религіи. Дѣлая ихъ, онъ впалъ въ двойную ошибку; но въ то время, какъ одна изъ его ошибокъ представляетъ собою погрѣшность возрѣній лично Спенсера, другая является роковымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ эмпиризма вообще и обусловлена его методомъ и характеромъ.

Эмпиризмъ, въ лицѣ трехъ разсмотрѣнныхъ представителей, нашель, что содержаніе религіозныхъ вѣрованій опредѣляется тремя идеями: силы, безконечности и личной жизни, и этимъ онъ сдѣлалъ весьма много, потому что *„идея личной живой и безконечной силы есть предѣльная идея феноменологии религіознаго сознанія“*. Высокая заслуга эмпиризма заключается въ томъ, что онъ способствовалъ научной, необыкновенно точной и тщательной постановкѣ этого вывода. Несогласіе его съ попыткой Спенсера объяснить дѣйствительный религіозный процессъ изъ культа предковъ не особенно важно. Но названный выводъ эмпиризма о содержаніи религіознаго сознанія не исчерпываетъ вопроса о подлинныхъ основахъ религіи. Что служить объективный причиной общечеловѣческой вѣры въ единую безконечную силу?—Какъ было указано раньше, отвѣтъ Милля на этотъ вопросъ оказался недостаточнымъ какъ съ субъективной, такъ и съ объективно-научной точки зрѣнія. Спенсеръ приблизился къ истинѣ, когда указалъ такую причину въ опытномъ *познаніи*, но не рѣшилъ вопроса, такъ какъ содержаніе религіозной идеи призналъ *непознаваемымъ*. Въ этомъ пунктѣ на теоріи Спенсера ясно обнаружилось безсиліе эмпиризма рѣшить проблему религіи опытнымъ путемъ. И точно, вопросъ о началахъ и происхожденіи религіи стоитъ внѣ предѣловъ эмпиризма и по самому свойству своему требуетъ разрѣшенія на почвѣ рачіональной философіи, оперирующей изъ болѣе широкихъ и общихъ понятій о человѣкѣ и вселенной. Рѣшенію вопроса на рачіонально-философской почвѣ имѣетъ быть посвященъ новый отдѣлъ изслѣдованія г. Введенскаго.

Х. Поповъ.

III. Обзоръ книгъ.

1. ЭТИКА.

The ethical problem by d-r Paul Carus. Three lectures. Chicago 1890. Не представляя сколько-либо серьезнаго научнаго и философскаго явленія, брошюра д-ра Каруса заслуживаетъ однако полнаго нашего вниманія, какъ замѣчательное знаменіе времени. Она чрезвычайно ярко характеризуетъ анархическое состояніе дезориентировавшейся, утратившей прежнюю вѣру и ничѣмъ ее не могущей замѣнить мысли современнаго человѣчества. Лекціи Каруса—продуктъ чрезвычайно искренняго и само по себѣ глубоко-симпатичнаго стремленія современнаго американскаго общества—отыскать прочныя основы для нравственнаго убѣжденія и дѣятельности,—но стремленія, исходящаго, къ сожалѣнію, изъ недоразумѣній и приходящаго къ недоразумѣніямъ-же. Этимъ стремленіемъ, выразившимся, конечно, согласно съ характеромъ «просвѣщенныхъ» дѣльцовъ-американцевъ, прежде всего въ учрежденіи разныхъ *этическихъ обществъ* (Societies for ethical culture) одушевлена, нынѣ, какъ видно, именно вся та громадная часть американскаго общества, которая рѣшительно и навсегда отказалась и отъ всякой *метафизики* и отъ *всякой откровенной религіи*. *Позитивизмъ*, отрицающій и личнаго Бога и все мистическое и метафизическое—вотъ почва этихъ стремленій и основнаго догмата всѣхъ этихъ «обществъ», ставящихъ себѣ задачу—«установить

этику и религію на позитивныхъ, научныхъ основаніяхъ». Эта задача возникаетъ именно изъ утраты *ненаучныхъ* прежнихъ основаній этики и религіи. «Старыя основанія религиозной этики, — говоритъ Карусъ, — изнасились и поэтому-то, только поэтому, этическая проблема и сдѣлалась самымъ жгучимъ вопросомъ» (р. 12).

Конечно, для выполненія такой задачи, какъ «построить этику и религію на позитивно-*научной* основѣ», требуется совершенно своеобразное опредѣленіе понятій не только этики, но и религіи и науки. Это опредѣленіе и составляетъ, по нашему мнѣнію, интереснѣйшую часть брошюры д-ра Каруса, дѣлающую ее «знаменіемъ времени».

Наименѣе оригинально у него понятіе науки. Здѣсь онъ не идетъ дальше самаго зауряднаго позитивизма съ его девизомъ «savoir pour grévoir. Для него пониманіе вообще есть не что иное какъ знаніе единообразій въ опытныхъ фактахъ (р. 28) и задача знанія—практическое приложеніе его. «Теоретизированіе безъ практической задачи, — по его убѣжденію, — пустое дѣло» (р. 4). «Знаніе превращаетъ движеніе въ дѣйствіе. Дѣйствіе зависитъ отъ знанія, и единственная задача знанія—приложеніе его къ дѣйствію... въ этомъ смыслѣ всякое знаніе должно имѣть этическое приложеніе и нѣтъ такого научнаго открытія, котораго нельзя-бы формулировать какъ этическое предписаніе» (4—6). Съ этой точки зрѣнія этика каждаго народа есть практическое приложеніе его міровоззрѣнія (5),—міровоззрѣнія, изъ котораго конечно исключается все *неприложимое*, мистическое и метафизическое. Приложимость—критерій знанія.

Но тѣмъ-же, что и приложимое знаніе, оказывается для д-ра Каруса и религія. «Что такое религія?—говоритъ онъ.—Религія есть міросозерцаніе, приложенное къ практической жизни. Это—теорія міра въ ея этическомъ примѣненіи. Это—философія, какъ начало, регулирующее дѣйствія (8). Разница между философіей и религіей—только въ томъ, что первая—міровоззрѣніе отдѣльнаго лица, а вторая—міровоззрѣніе массы, а также—въ относителномъ преобладаніи теоретической или практической части. Всякая религія есть философія и всякая философія—религія» (ibid). Такъ какъ практическая приложимость одинаково составляетъ критерій и науки и религіи, то изъ послѣдней должно быть исключено все неприложимое, т.-е. все мистическое и трансцендентное. «Подобно наукѣ и религія должна развиваться до состоя-

нія научной цѣлости... Она сдѣляется научной системой истинъ, изслѣдуемыхъ и доказываемыхъ обыкновенными научными методами» (9—10). Новая «научная религія», основанная на фактахъ, не признаетъ личнаго Бога, но за то признаетъ господствующую во вселенной силу, законъ, которые не личны, но сверхъ-личны (super-personal). Въ ней и новая «научная молитва» будетъ состоять не въ поклоненіи (adoration), но въ повиновеніи закону (20—21). Религія здѣсь всецѣло основывается на фактахъ опыта, а ея содержаніе сводится *исключительно* къ нравственнымъ правиламъ поведенія (74). Таково понятіе Каруса о религіи, въ сущности почти тождественное съ понятіемъ о религіи нашего графа Л. Н. Толстого, только выраженное въ нѣсколько болѣе трезвой и связной формѣ. Впрочемъ и у Каруса мы встрѣчаемся съ любимымъ пріемомъ графа Л. Н. Толстого: подтвержденіемъ своего отрицанія откровенной религіи текстами изъ Евангелія и апостоловъ (напр. с. 83 и др.). Какъ-же рѣшаетъ Карусъ специальную этическую проблему на основаніи своихъ понятій «практической науки» и «научной религіи»?

Рѣшеніе это—самая слабая часть во всей книжкѣ Каруса, интересъ которой здѣсь придаютъ лишь нѣкоторыя очень мѣткія критическія замѣчанія, свидѣтельствующія о важномъ расколѣ, вкрадывающемся очевидно въ самый *догматъ* позитивизма и эволюціонизма. Любопытно читать у эволюціониста, что «почти всякій прогрессъ совершается въ направленіи наибольшаго сопротивленія, развитіе-же въ направленіи наименьшаго сопротивленія есть разрушеніе» (72), также какъ и встрѣтить у него очень остроумную критику утилитаризма (75 и слѣд.) и теоріи приспособленія (с. IV и др.). Любопытно также встрѣтить у позитивиста серьезное утвержденіе, что «міровая *субстанція* не можетъ быть мертвою матеріей» (36). Но въ своемъ положительномъ рѣшеніи этической проблемы Карусъ, къ сожалѣнію, не сказалъ уже ничего любопытнаго и оригинальнаго. Здѣсь—одно сплошное недоразумѣніе, забвеніе самыхъ элементарныхъ условій всякой возможной этики вообще.

Карусъ совершенно правильно понимаетъ свою философскую задачу, какъ состоящую не въ *изобрѣтеніи новыхъ* нравственныхъ правилъ, и предписаній,—*содержаніе* этики давно уже превосходно и со всею полнотой было выражено въ религіяхъ прошлаго. — Онъ видитъ эту задачу лишь въ указаніи *основанія обяза-*

тельности для насъ этихъ правилъ (почему? долга, «the why of the ought»). Казалось-бы,— понимая, что этику нѣтъ надобности сочинять вновь; искусственно построить, а что ее нужно лишь объяснить и оправдать, авторъ долженъ-бы понять, что и этого объясненія и оправданія должно искать не въ какихъ-либо сложныхъ и искусственныхъ, болѣе или менѣе сочиненныхъ и спорныхъ построеніяхъ, но что основаніе этической жизни нужно лишь открыть и указать въ общемъ и непосредственномъ сознаніи человѣчества. Вѣдь крайне прискорбна была-бы въ самомъ дѣлѣ судьба человѣческой нравственности, если-бы послѣдняя была вовсе лишена основаній до появленія того или другого научнаго открытія, до всеобщаго усвоенія человѣчествомъ той или другой научной теоріи! При этомъ вѣдь все человѣчество, или незнакомое съ этой теоріей, или не дожившее до этого открытія, или наконецъ не признающее эту теорію состоятельною, стояло-бы вовсе *внѣ нравственной* жизни, обходилось-бы безъ всякой нравственности! Не ждатель же человѣчеству, для того, чтобы жить нравственной жизнью, не только (немыслимаго) законченнаго, развитія наукъ*), но хотя-бы «успѣховъ» той или другой нарождающейся или спорной науки (наприм. социологіи?), какъ совѣтуютъ нѣкоторые русскіе писатели!

А между тѣмъ Карусъ никакого иного оправданія и основанія нравственности не указываетъ, какъ именно одну изъ многихъ возможныхъ теорій душевной жизни, довольно къ тому-же сложную и неполную. Для такого обоснованія и оправданія ему оказалось необходимо знать во-первыхъ *всю исторію* душевнаго развитія отъ первыхъ проблесковъ органической жизни на земномъ

---

*) Наприм. такого законченнаго кодекса научныхъ истинъ, надъ созданіемъ котораго работалъ нѣкогда основатель позитивизма О. Контъ, надѣявшійся на то, что для достиженія этой цѣли человѣчество добровольно откажется отъ *свободы изслѣдованія* (которая-де есть лишь принципъ критики, реорганизации, но не организаци) и добровольно *подчинится* въ этическихъ вопросахъ приговорамъ коллегіи „компетентныхъ“ позитивныхъ ученыхъ. Конечно, въ области науки столь-же мало осуществимъ отказъ отъ свободы изслѣдованія,— *конецъ науки*, какъ и въ нравственной области—отказъ отъ собственнаго сужденія о своемъ, оправдываемомъ или осуждаемомъ поступкѣ (отъ автономіи), т.-е. *конецъ нравственности*. И это сужденіе столь-же неустранимо изъ жизни существа самосознающаго (слѣд. судящаго о себѣ), какъ развитіе и сомнѣніе—изъ науки имѣющей дѣло съ никогда исчерпаемой, безконечной областью опыта.

шарѣ (40). У какихъ психологовъ онъ надѣется о ней достовѣрно освѣдомиться — рѣшительно недоумѣваемъ. Затѣмъ ему оказалось необходимо сослаться на законъ наслѣдственности, по которому «душевная жизнь нашихъ предковъ продолжается въ насъ», а наша душевная жизнь — въ нашихъ дѣтяхъ. Это ему нужно для того, чтобы установить необходимость непрерывнаго развитія души единаго человѣчества (41) и понятіе о непрерывности *душевной жизни человѣчества* какъ цѣлаго. Въ этой-же жизни души человѣчества онъ и видитъ искомый высшій и безспорный нравственный критерій. Съ точки зрѣнія послѣдняго «мы можемъ усиливать, или задерживать развитіе человѣческой душевной жизни: всѣ усилія, направленныя къ сохраненію и развитію ея—суть добро, всѣ усилія стремящіяся нарушить ее—суть зло (42). Въ виду этого критерія мы, рѣшаясь на поступокъ, должны имѣть въ виду не настоящій моментъ только, а всю *вѣчность*, соображая благо «всего человѣческаго рода во всѣхъ его будущихъ поколѣніяхъ» (42). При этомъ *всякій мотивъ долженъ быть точно «взвѣшенъ относительно всѣхъ друиыхъ мотивовъ настоящаго и будущаго»* (44). Можетъ быть такое соображеніе «вѣчности» и всѣхъ мотивовъ «всего—будущаго всѣхъ грядущихъ поколѣній» и способствуетъ жизни «души единаго человѣчества»—этого мы не знаемъ. Но несомнѣнно, знаемъ мы, что если такое соображеніе оказалось-бы необходимо для «рѣшенія на нравственный поступокъ»,—то на землѣ никогда не закончится ни одно такое «соображеніе», а потому и не состоится ни одно нравственное рѣшеніе, ни одинъ нравственный поступокъ! Бѣдное человѣчество, если Карусъ правъ въ своемъ обоснованіи этики, такъ и останется безъ разумной нравственности, несмотря на добрыя намѣренія Каруса и его не новыя изобрѣтенія «нравственной» науки и «научной» религии....

Написана книжка очень живо и ясно, мѣстами—даже блестяще. Относительно изложенія автору можно поставить въ упрекъ только излишнюю развязность, съ которой онъ обращается напр. съ Кантовыми понятіями «а priori» и «категорическаго императива» (pp. 26 и 32), стараясь приурочить ихъ къ своему собственному, совсѣмъ ужь не-Кантовскому воззрѣнію *).

*) Объ автономіи, не зависящей ни отъ признанія той или другой психологической или космической теоріи, ни отъ „соображенія послѣдствій“, при

Въ заключеніе—нѣчто и комичное и вмѣстѣ трогательное по своей наивности и довольно ярко характеризующее умственные вкусы и привычки «просвѣщеннаго» американскаго философствующаго общества. Каждая изъ трехъ лекцій, вошедшихъ въ брошюру Каруса, кончается *стихотворнымъ резюме*. Приводимъ буквальный переводъ одного изъ этихъ резюме, чтобы читатель могъ судить о степени его поэтичности: «Свобода человѣка не есть произволь, ни дѣйствіе безъ причины: свобода человѣка есть повиновеніе собственному закону души; ибо беззаконная анархія оставляетъ васъ рабами. замѣтьте! Свобода есть воистину автономія воли. Слабый ищетъ удовольствій, — результаты научаютъ предвидѣнію, считайтесь же съ закономъ и мѣрою Природы; одна истина освободитъ васъ!» (р. 50).

Итакъ, Америка, въ лицѣ Каруса, обогащаетъ насъ не только «нравственною» наукой и «научною» религіей, но и — «научными» стихотвореніями!

П. Астафьевъ.

2. МЕТАФИЗИКА.

Alfred Fouillée L'évolutionisme des idées forces. XCIV+303. Paris. Félix Alcan.

Характерною особенностью въ теоріи эволюціи, какъ ее понимаетъ большинство современныхъ ученыхъ, является то обстоятельство, что за фактами психической жизни не признается самостоятельнаго значенія, — они являются чѣмъ-то поверхностнымъ и добавочнымъ, по выраженію Maudsley, эпифеноменальнымъ. Противъ такого пониманія вооружается со всей силой своего таланта Fouillée въ упомянутой книгѣ, которая составила изъ статей, помѣщенныхъ въ *Revue philosophique* за текущій годъ. Онъ думаетъ, что его философія идей-силъ можетъ и должна замѣнить господствующую теорію исключительно механическаго эволюціонизма.

Въ настоящемъ сочиненіи, кромѣ общихъ положеній, составляющихъ введеніе, мы находимъ разборъ слѣдующихъ вопросовъ:

Карусовомъ обоснованіи этики очевидно не можетъ быть рѣчи, а между тѣмъ въ безусловной автономіи нравственнаго существа — весь смыслъ нравственнаго ученія Канта!

общій характеръ и значеніе состояній сознанія, психическія силы и ихъ соотношенія, критика теорій о челоѣкъ-автоматѣ.

Подъ идеей авторъ понимаетъ всякое состояніе сознанія, причемъ полагаетъ, что элементы сознанія, ощущенія, стремленія нераздѣлимо слиты. Пусть идеи не создаютъ новыхъ движеній и даже не направляютъ уже данныхъ,—значеніе ихъ въ томъ, что самыя движенія не могутъ быть безъ психического элемента.

Матерія проявляется въ движеніяхъ, которыя предполагаютъ извѣстныя измѣненія отношеній во времени и пространствѣ. Для физики эти термины остаются x , y , z ; но метафизикъ можетъ по аналогіи придавать извѣстное значеніе этимъ неизвѣстнымъ и, притомъ, лишь психическое значеніе.

Взаимное отношеніе физическихъ явленій таково-же, какъ и психическихъ: первыя неразрывно связаны со вторыми, но въ основаніи вторыхъ лежитъ первичный процессъ *влеченія-ощущенія* (*appétition-sensation*); если мы не желаемъ остановиться на непонятномъ дуализмѣ, то должны признать, что въ основаніи физическихъ явленій лежитъ тотъ-же процессъ, но въ болѣе грубой формѣ. Наука предполагаетъ нѣкоторое основное единство между субъектомъ и объектомъ, метафизика изыскиваетъ это единство, но странно помѣщать его гдѣ-то въ трансцендентномъ мірѣ, оно находится въ томъ мірѣ, часть котораго мы представляемъ сами; поэтому необходимо допустить единство основныхъ законовъ для физическихъ и психическихъ феноменовъ. Несомнѣнно, что въ утвержденіи, будто дѣйствительны лишь механическія и математическія отношенія, мы имѣемъ метафизическое утвержденіе, переходящее границы нашего возможнаго опыта: доказать его невозможно.

Главная ошибка эволюціонистовъ состоитъ въ томъ, что они принимаютъ эволюцію за законъ, т.-е. принимаютъ слѣдствіе за причину. Цвѣтокъ существуетъ не потому, что у него извѣстное, опредѣленное количество лепестковъ,—напротивъ, это число лепестковъ обуславливается его прозводительною силой, которая выливается въ опредѣленную форму. Спенсеръ принимаетъ результатъ за первичный законъ, подобно тому какъ еслибы кто думалъ, что узоръ на ткани производитъ ткань, а не нитки, ткацкій станокъ и ткачъ.

Для такихъ мыслителей механизмъ является какъ-бы необходимою наложенною извнѣ, первичнымъ условіемъ самихъ ве-

шей, тогда какъ онъ представляетъ изъ себя выраженіе активности вещей по отношенію къ средѣ, слѣдствіе внутреннихъ постоянныхъ свойствъ и ихъ взаимныхъ отношеній.

Природа не знаетъ нашихъ законовъ,—они являются лишь формулою нашего ума, простыми символами. Наприм., тѣло падаетъ не въ силу физическаго закона тяготѣнія, а въ силу нѣкоторой внутренней энергіи, о которой мы можемъ судить лишь по аналогии съ нашимъ внутреннимъ чувствомъ.

Задача философіи идеи-силъ показать, что механической и сознательный волевой процессы представляютъ изъ себя единую реальность, которая въ своемъ развитіи разнообразится благодаря различнымъ способамъ ея воспріятія.

Во вселенной нѣтъ ничего случайнаго, лишняго, эпифеноменальнаго; тѣнь бѣгущая отъ путешественника есть нѣкоторая часть космоса, также какъ и самъ путешественникъ. Почему-же такое презрѣніе къ даннымъ духовнаго порядка?

Фүлье горячо возстаетъ противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что сознание не имѣетъ никакого вліянія на ходъ вещей, что при устраненіи его все совершалось-бы по-старому—Константинополь былъ-бы взятъ турками, Спиноза написалъ-бы свою этику и т. д. Дѣтскими гипотезами, умствованіями надъ пустыми вѣроятностями (*sur des possibilbités en l'air*) называетъ Ф. такіа разсужденія. Забываютъ, говоритъ онъ, что разъ сознание существуетъ, то оно имѣетъ основаніе для этого, и эти основанія составляютъ часть совокупности міровыхъ основаній, гдѣ всякая вещь есть функція другихъ, такъ что можно подставить одинъ рядъ вещей на мѣсто другого, какъ въ уравненіяхъ отвлеченной алгебры; но въ дѣйствительности нѣтъ тѣлъ безъ духовнаго начала. Съ большимъ правомъ можно было-бы предположить, что Константинополь былъ-бы взятъ, еслибы не существовало ни стѣнъ, ни оружія, ни самого Константинополя.

Философы эволюціонизма могутъ совѣмъ воздержаться отъ трансцендентальныхъ гипотезъ, но незаконно искать въ механическихъ и автоматическихъ актахъ объясненія фактовъ сознанія. Объяснять рефлективные и автоматическія функціи мозга ослабленіемъ и разсѣяньемъ нѣкоторой первичной способности чувствовать—это вполнѣ законная индукція, не нарушающая закона непрерывности, но, принимая за точку отправленія грубый механизмъ, за первоначальныя данныя эволюціи—безчувственныя и без-

жизненные тѣльца, нельзя безъ «смертельного скачка» перейти къ жизни и сознанию.

Въ области психологіи Ф. приходится бороться съ ученіемъ объ идеяхъ-рефлексахъ. По его мнѣнію, устранять изъ области психической жизни активный элементъ—значить устранять психологію. Въ основѣ лежитъ волевой процессъ, который нельзя разложить; волевое движеніе мало-по малу свелось къ механическому и, отчасти благодаря привычкѣ, отчасти наслѣдственности, стало чисто-автоматическимъ рефлексивнымъ актомъ.

Реальность открывается непосредственно въ стремленіи (*appétit*) и проявляетъ свои отношенія къ средѣ подъ видомъ механизма. Несмотря на то, что въ основаніе психической жизни полагается воля, которая предшествуетъ сознанию, Ф. подвергаетъ строгой критикѣ ученіе о томъ, что основанія сознания безсознательны. Философію Гартмана онъ называетъ миѳологіей безсознательнаго.

Анализируя факты сознания, мы приходимъ къ случаю аналогичному съ микроскопическимъ анализомъ; мы не можемъ уловить элементъ сознания лишь въ силу его малаго напряженія, но несомнѣнно, что если увеличить силу наблюденія, то неясное выступитъ ярче и мы нигдѣ не найдемъ полной безсознательности и безразличности.

Теорія идей-рефлексовъ опирается на единство состава состояній сознания. Въ основаніе полагается ошущеніе толчка и количественная комбинація толчковъ производитъ качественное различіе чувствованій.

Вся эта теорія порождена незаконнымъ отвлеченіемъ; находя въ душевныхъ состояніяхъ лишь представленія, подъ конецъ субъективное заслоняютъ объективнымъ, а послѣднее сводятся къ механизму; динамическій элементъ изгоняется и идея является чѣмъ-то неподвижнымъ, безжизненнымъ, а между тѣмъ во всякомъ состояніи сознания находятся условія для ея измѣненій.

Но, признавая за идеями и душевными состояніями силу, можно держаться двухъ взглядовъ: или приписывать эту силу взаимодействующимъ объектамъ—это теорія Гербарта и ассоціонистовъ, или приписывать силу самому субъекту способному къ стремленію и воздѣйствію на объекты—теорія Фюлье.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе новой книги одного изъ самыхъ талантливыхъ французскихъ философовъ. Пока трудъ его не завершился вполне, сдѣлаемъ лишь краткое критическое

замѣчаніе. Несмотря на все свое желаніе устранить «необъяснимый» дуализмъ и своимъ ученіемъ объ идеяхъ-силахъ установить монистическое мировозрѣніе, — каждый разъ, когда дѣло идетъ о взаимодействіи психическаго и физическаго міровъ, у автора замѣчается сбивчивость выраженій и неясность мысли. Видно, что дуализмъ далеко еще не устраненъ даже для него самого.

Книга Фулье даетъ такъ много цѣнныхъ мыслей, что желательно было-бы увидѣть ее и въ русскомъ переводѣ.

Ю. Б—въ.

3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФІИ.

Paul Janet. *La Philosophie de Lamennais.* Paris. 1890.

Въ одномъ изъ послѣднихъ томиковъ «Bibliothèque de la Philosophie contemporaine», Поль Жанэ предпринялъ нелегкую задачу резюмировать въ цѣльномъ и законченномъ этюдѣ философскіе взгляды Ламеннэ и, — надо отдать ему справедливость, — выполнилъ эту задачу прекрасно. Въ первой главѣ своего труда онъ говоритъ о Ламеннэ, какъ о теологѣ и теократѣ; во второй — о его либерализмѣ и его политической роли послѣ іюльской революціи; и, наконецъ, въ третьей — характеризуетъ Ламеннэ какъ метафизика и эстетика. Въ особенности первыя двѣ главы интересны блестящей и талантливой характеристикой отношеній церкви къ государству во Франціи въ эпоху Реставраціи, — роли, которую въ этомъ движеніи игралъ аббатъ Ламеннэ, тогда еще крайній легитимистъ и ультрамонтанъ, его перехода къ либеральной партіи и къ либеральному католицизму школы Монталамбера, и, наконецъ, его окончательнаго разрыва съ католицизмомъ и монархіей. Но и третья глава, специально посвященная философскимъ взглядамъ Ламеннэ, представляетъ значительный интересъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи Ламеннэ мало извѣстенъ въ Европѣ и даже во Франціи окончательно забытъ. А между тѣмъ, хотя-бы съ исторической точки зрѣнія, философія Ламеннэ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ далекій, довольно самостоятельный отголосокъ философіи Шеллинга, въ соединеніи съ нѣкоторыми изъ основныхъ положеній Платона.

Философская система Ламеннэ, изложенная имъ въ сочиненіи «Esquisse d'une philosophie», является единственнымъ полнымъ фи-

лософскимъ синтезомъ, возникшимъ во Франціи въ XIX вѣкѣ, но, по странной случайности, она осталась совершенно изолированной попыткой и не создала даже призрака школы. По примѣру нѣмецкихъ метафизиковъ начала нынѣшняго столѣтія, Ламеннэ исходитъ изъ понятія бытія вообще и утверждаетъ, какъ первичный фактъ, существованіе двухъ формъ бытія: Безконечнаго и Конечнаго, которые не могутъ быть выводимы одно изъ другого. Богъ и міръ не доказываются. Цѣль философіи—не въ доказательствѣ ихъ существованія, а въ ихъ познаніи. Богъ или Субстанція вмѣщаетъ въ себѣ три основныя свойства, изъ которыхъ каждое можетъ быть разсматриваемо какъ бытіе въ цѣломъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, отличаются другъ отъ друга, такъ что догматъ о трояственности Бога—философски истиненъ. Ламеннэ, по примѣру Платона, говоритъ, что въ Богѣ есть принципъ различенія (*principe de distinction*), позволяющій ему быть, одновременно, и единымъ, и множественнымъ. Ламеннэ старается вывести а priori три существенныя свойства Бога: для того, чтобы быть,—говоритъ онъ,—необходимо *мочь* быть; отсюда—Могущество. Кроме того, необходимо быть тѣмъ или другимъ, имѣть форму,—однимъ словомъ, быть понятнымъ (*intelligible*); но въ абсолютѣ понятное, или разумное не отличается отъ Разума (*Intelligence*). Наконецъ, необходимъ принципъ единенія, т. е. любовь. Такимъ образомъ, Могущество есть Отецъ; Разумъ, исходящій отъ Могущества—Сынъ; Любовь есть Духъ. Эти идеи напоминаютъ Ому Кампанеллу, но обоснованы онѣ своеобразно. Твореніе есть реализація божественныхъ идей внѣ Бога; оно и не эманация, какъ у Платона, и не созданіе *ex nihilo*. Твореніе есть партиципация (сопричастность). Богъ извлекаетъ изъ своей субстанціи всѣ существа, и нѣтъ возможности предположить, чтобы всѣ субстанціи были что-либо; но это—не необходимая эманация, это—свободный актъ воли. Въ сотворенной вселенной необходимо различать матерію и тѣла. Матерія—не болѣе какъ предѣлъ (*limite*); это—божественный принципъ различенія, реализованный во внѣ. Все, что положительно въ тѣлахъ, есть духъ. Но духъ, будучи созданнымъ,—ограниченъ. То, что не болѣе какъ различеніе, становится въ реальности препятствіемъ. Однако, матерія не есть не-бытіе: это—реальность, непонятная сама по себѣ, которая постигается нами лишь какъ предѣлъ духа; вотъ почему всякое сотворенное существо, одновременно, и духъ и матерія. Одинъ лишь Богъ аб-

солютно нематериаленъ. Подобно тому, какъ вселенная представляетъ Бога, во первыхъ, субстанцію, которая есть духъ, и, во вторыхъ, предѣломъ, который есть матерія,—она точно также представляетъ его и своею трійственностію. Три божественныхъ лица обнаруживаются психологически въ человѣкѣ и физически въ трехъ силахъ: электричествѣ, свѣтѣ и теплотѣ. Онѣ существуютъ на всѣхъ ступеняхъ бытія—сначала въ самыхъ скрытыхъ формахъ, потомъ—въ формахъ все больше и больше развитыхъ, переходя всегда отъ простаго къ сложному. Такимъ образомъ, Ламеннѣ примѣнилъ къ философіи принципъ эволюціонизма, который, по всей вѣроятности, заимствовалъ у Шеллинга и который впоследствии получилъ такое значительное развитіе.

Свою теорію познанія Ламеннѣ основываетъ на принципѣ всеобщаго согласія. По этому поводу Жанэ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе. Не разъ было доказываемо, что въ своей абсолютной формѣ эта доктрина всеобщаго согласія совершенно несостоятельна; но, по мнѣнію Жанэ, въ ней есть доля правды. Она есть не болѣе какъ утвержденіе факта, признаваемого сознаниемъ каждаго, когда говорятъ, на примѣръ, что каждый изъ насъ сомнѣвается въ себѣ до тѣхъ поръ, пока его мнѣніе единично и несогласно съ мнѣніемъ другихъ, и утверждается въ своемъ мнѣніи, когда оно раздѣляется другими. Отсюда, у тѣхъ, кто имѣетъ опредѣленное мнѣніе,—потребность организоваться въ группы, образовывать секты, школы, партіи,—однимъ словомъ, увеличивать авторитетомъ числа голосовъ значеніе каждаго индивидуальнаго голоса. Но и группа, сама съ себѣ, не непогрѣшима; группа можетъ также ошибаться, какъ и отдѣльный человѣкъ; поэтому, лучшіе умы чувствуютъ потребность освободить себя отъ группъ, сектъ и школъ, и входить въ соглашеніе съ другими школами, группами, сектами, и когда находишь тотъ пунктъ, относительно котораго всѣ согласны, то чувствуешь себя совершенно удовлетвореннымъ сознаниемъ своей правоты. Даже въ наукѣ всеобщее согласіе является прочнымъ критеріемъ истины. Абсолютно-истинное—внѣ спора. Споръ есть лишь исканіе истины. Главный аргументъ позитивизма противъ метафизики основанъ, именно, на вѣчныхъ спорахъ метафизиковъ между собой, между тѣмъ какъ въ наукѣ существуетъ всегда возрастающая степень достовѣрности, которая внѣ спора. Но вѣдь это то-же самое, что утверждаетъ и Ламеннѣ,—а именно, что

согласіе людей есть признакъ достовѣрности. Вѣдь и Гербертъ Спенсеръ говоритъ, что то, что истинно въ философіи, то принято съ общаго согласія всѣми борющимися, т.-е. это есть осадокъ, который остается послѣ того, какъ было выдѣлено все спорное (34, 35).

Эстетика—самая блестящая по стилю и красотѣ отдѣльныхъ мѣстъ часть философіи Ламеннэ. Въ общемъ его эстетика близко примыкаетъ къ платонизму, также какъ и эстетика Кузена. Основные положенія тѣ-же, что и у Кузена. Съ точки зрѣнія теоріи, т.-е. принциповъ прекраснаго вообще, Жанэ отдастъ предпочтеніе Кузену. Ламеннэ не занимается ни идеей прекраснаго съ психологической точки зрѣнія, ни прекраснымъ въ природѣ. Но, въ примѣненіи къ искусству, эстетика Ламеннэ имѣетъ несомнѣнное преимущество. По его мнѣнію, всякое искусство беретъ свое начало въ храмѣ. Искусство постепенно развивалось изъ религіи; но искусство, воспроизводящее движеніе въ природѣ, отдѣлившись отъ божественнаго, чтобы жить своею собственною жизнію, должно подчиниться закону возврата, который снова приведетъ его къ центру единства, изъ котораго оно вышло. Выйдя изъ религіи, искусство должно возвратиться къ ней. Поэтому Ламеннэ думаетъ, что въ будущемъ найдется такая религіозная форма которая будетъ идеаломъ искусства. «Будемъ надѣяться,— говоритъ онъ,— что Провидѣніе, по неизвѣданнымъ путямъ, ведетъ народы къ новому убѣжищу и что великая поэзія нашего вѣка— жрица религіи, которая не имѣетъ еще названія—несетъ въ своемъ лонѣ символъ неизвѣстнаго Бога».

Въ концѣ концовъ Жанэ думаетъ, что въ философіи Ламеннэ можно найти много глубокихъ и плодотворныхъ воззрѣній, съ которыми придется считаться впослѣдствіи, когда метафизика займетъ въ человѣческомъ мышленіи то мѣсто, которое ей по праву принадлежитъ.

В. Чуйко.

IV. Полемика и письма *).

Отвѣтъ проф. А. А. Козлову.

Въ послѣдней книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи» проф. Козловъ помѣстилъ весьма обширныя возраженія на мою статью объ отношеніяхъ между философіей и наукой. Хотя я весьма польщенъ вниманіемъ ко мнѣ уважаемаго философа и раздѣляю до нѣкоторой степени воззрѣнія моего почтеннаго оппонента относительно полезности спора, тѣмъ не менѣе не вижу настоятельной необходимости отвѣчать на всѣ его возраженія, и именно по слѣдующимъ причинамъ.

Во первыхъ, отвѣтъ на нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ мнѣ почтеннымъ профессоромъ возраженій можно найти уже въ самой моей статьѣ. Такъ наприм. мнѣ представляется незаслуженнымъ сдѣланный имъ упрекъ, будто-бы мною *«такъ сказать (?)»* обойденъ самый главный и естественный вопросъ объ отношеніи между философіей и наукой, а именно: наука-ли философія или

---

*) Въ послѣднее время редація получаетъ такое количество большею частью совершенно субъективныхъ возраженій на отдѣльныя статьи, «писемъ въ редакцію» и проч., что напечатаніе всего этого матеріала и не возможно и не имѣло-бы интереса и смысла для большей части нашихъ читателей. Поэтому редакціонный комитетъ дѣлаетъ тщательную выборку изъ этого матеріала и будетъ печатать лишь возраженія и письма, имѣющія обще-научный интересъ. Остальныя возраженія онъ будетъ передавать гг. сотрудникамъ по принадлежности.

не наука», послѣ того какъ именно посильному разбору этого вопроса и посвящена моя статья и въ особенности вторая половина перваго отдѣла. Впрочемъ мой достоуважаемый оппонентъ самъ соглашается, что вопросъ этотъ можетъ скрываться у меня въ другой формѣ: «противоположна или тождественна философія съ наукой». Можетъ-быть постановка вопроса въ указанномъ мѣстѣ дѣйствительно, какъ замѣчаетъ мой оппонентъ, болѣе или менѣе искусственна, хотя въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы указать, почему онъ такую ее находитъ,—тѣмъ не менѣе говорить, будто этотъ вопросъ у меня «не формулированъ и обойденъ», въ виду сказаннаго, не было достаточнаго основанія.

Далѣе, нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ уважаемымъ оппонентомъ возраженій таковы, что отвѣчать на нихъ было-бы, позволю себѣ такъ выразиться, пустой тратой времени. Такъ наприм. А. А. Козловъ не видитъ возможности согласиться съ примѣненіемъ къ философіи и наукѣ слова организмъ, на томъ основаніи, что не находитъ, «что соотвѣтствуетъ въ образованіи, происхожденіи, вообще въ процессахъ созиданія науки образованію, происхожденію и процессамъ созиданія и развитія организма? Что въ наукѣ соотвѣтствуетъ, наприм., процессу роста организма и неизбѣжнымъ *последнимъ фазисамъ* жизни его: дряхлости, старости, наконецъ смерти и разложенію?....». Отвѣтъ на эти недоумѣнія мой уважаемый оппонентъ могъ-бы вкратцѣ найти на стр. 48—55 моей статьи. Что касается до «последнихъ фазисовъ», то, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ отдѣловъ науки и особенно философіи, исторія представляетъ обильные примѣры. Кромѣ того, еслибы достоуважаемый профессоръ потрудился анализировать понятіе организма, то нашель-бы, что многіе изъ приводимыхъ имъ процессововъ вовсе не вытекаютъ съ необходимостью изъ такого понятія.

Главная-же причина, почему я считаю себя совершенно въ правѣ уклониться отъ отвѣта на всѣ сдѣланныя мнѣ возраженія, это то, что вести споръ такъ, какъ думаетъ мой достопочтенный оппонентъ, я нахожу совершенно бесполезнымъ. Споръ можетъ привести къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ лишь тогда, когда оба противника свои мнѣнія аргументируютъ и постоянно указываютъ, почему они другъ съ другомъ несогласны. Г-нъ же Козловъ заявляетъ на первыхъ-же страницахъ: «по-моему, философія есть одна изъ наукъ» и кончено,—все остальное представ-

лаетъ затѣмъ лишь пространное развитіе той мысли, что такъ какъ г. Иванцовъ со мной несогласенъ, то слѣдовательно его воззрѣнія невѣрны. Почему достоуважаемый профессоръ думаетъ, что философія есть наука, и что эта за наука, объясненіе этому въ его возраженіяхъ я, какъ ни старался, найти не могъ. Что касается до дальнѣйшей аргументаціи, то хотя мой оппонентъ и неоднократно оную обѣщаетъ, но она почти цѣликомъ сводится на слѣдующія выраженія: «я совершенно не могу допустить» (стр. 129), «я рѣшительно не могу оправдать» (стр. 130) «я еще менѣе могу согласиться» (стр. 130) и тому под. Надѣюсь, что мой уважаемый противникъ найдетъ возможнымъ допустить, что препираться такимъ образомъ было-бы похоже на извѣстный споръ о томъ, стрижено или брито...

Въ виду всего этого я позволю себѣ ограничиться еще очень немногими замѣчаніями.

Достоуважаемый профессоръ крайне склоненъ, какъ говорить Щедринъ, «къ укоризнѣ въ неимѣніи христіанскихъ правилъ» и достаточной логики. Не знаю, наприм., на основаніи какихъ данныхъ заключаетъ онъ (на стр. 133), что воззрѣніе Катрфажа относительно существованія и единства человѣческой души, выводимое имъ изъ всеобщности понятій добра и зла, загробной жизни, божества, имѣетъ для меня «повидимому довольно сомнительный характеръ». Можетъ-быть это и такъ, но для чего здѣсь высказана почтеннымъ оппонентомъ такая догадка, кромѣ какъ не для «укоризны»?

Что касается до укорозъ въ нелогичности, то на нихъ уважаемый мой оппонентъ, какъ специалистъ по логикѣ и вѣрный стражъ ея, является особенно щедрымъ. Цѣлыя тирады приводитъ онъ изъ элементарныхъ учебниковъ, хотя иногда и не вполне ясно—съ какою цѣлью. Такъ, на второй-же страницѣ, онъ заявляетъ, что мое опредѣленіе философіи не удовлетворяетъ правиламъ логики, «чтобы правильное опредѣленіе понятій состояло въ указаніи *ближайшаго рода* (genus proximum), къ которому принадлежитъ понятіе, и *специфическаго отличія* (differentia specifica), которымъ отличается опредѣленное понятіе, какъ видъ, отъ другихъ видовъ, принадлежащихъ къ тому-же роду». Не знаю, удовлетворяетъ-ли этимъ правиламъ самъ уважаемый противникъ мой, заявляя просто-напросто, что «философія есть одна изъ наукъ», не обозначая при этомъ, ни

что онъ разумѣтъ подь словомъ наука, ни что за наука философія, ни чѣмъ отличается она отъ другихъ наукъ; но думаю, что когда я говорю, что философія есть организмъ (сказавъ предварительно, что я разумѣю подь словомъ организмъ), я указываю genus proximum философіи, дополнивъ затѣмъ, что это организмъ нашихъ свѣдѣній и воззрѣній *), я указываю differentiam specificam (что разумѣется здѣсь подь словами свѣдѣнія и воззрѣнія, также указано). Дальнѣйшія тирады изъ учебниковъ логики представляютъ собою главнымъ образомъ развитіе и дополненіе приведенной и потому на нихъ я останавливаться не буду. Позволю лишь себѣ спросить достопочтеннаго спеціалиста по логикѣ, какъ это въ *большинствѣ случаевъ* философы *единогласно* называли философію наукой? (Стр. 125). У меня какъ-то понятія случайности и всеобщности другъ съ другомъ не вяжутся.

Не могъ я также понять смысла слѣдующаго возраженія уважаемаго профессора (стр. 130): «какъ-бы то ни было, я рѣшительно не могу оправдать положеніе автора о составѣ науки и философіи изъ воззрѣній или свѣдѣній и думаю, что, согласно логикѣ, философія или какая-либо другая наука можетъ состоять и состоятъ изъ *понятій и сужденій*». Совершенно вѣрно; но вѣдь самыя понятія могутъ быть и врожденными, и предвзятыми, и добытыми опытнымъ путемъ; равнымъ образомъ и въ томъ или другомъ сужденіи можетъ выражаться или извѣстное свѣдѣніе, или чисто-фантастическое построеніе и т. д. Самъ оппонентъ дальше прибавляетъ, что «конечно различіе между науками можетъ быть устанавливаемо на основаніи различія въ характерѣ, происхожденіи, цѣнности и т. п. этихъ составляющихъ науку понятій и сужденій». Но почему-же на томъ-же основаніи не можетъ быть устанавливаемо и различіе между наукой и философіей? Во всякомъ случаѣ къ чему-же тутъ цитата изъ учебника, какъ не для «укоризны»?

Г. Козловъ упрекаетъ меня въ томъ, что я, разбивая различныя опредѣленія философіи, не указываю на источники, т. е. авторовъ и сочиненія, изъ которыхъ я взялъ эти мнѣнія. Не дѣлаю этого я потому, что совершенно не нахожу нужнымъ. Для меня

*) Замѣчу кстати, что къ словамъ „свѣдѣнія и воззрѣнія“ не требуется дополнительнаго слова, ибо здѣсь разумѣются вообще всѣ наши свѣдѣнія и воззрѣнія (Ср. стр. 128, примѣч. въ возраженіи г. Козлова).

важно было то, *какъ* смотрѣли и смотрятъ на философію, а вовсе не *кто* смотрѣлъ на нее такъ или иначе. И уважаемый профессоръ, какъ специалистъ по философіи, конечно знаетъ, что если собирать всѣ такія чужія мнѣнія, даже кратко формулируя ихъ, со всѣми ихъ индивидуальными особенностями, то можно наполнить ими по крайней мѣрѣ двѣ книжки нашего журнала.

Г. Козловъ сомнѣвается даже, чтобы я могъ указать на философскія системы, которыя представляли-бы лишь развитіе воззрѣній, не отличающихся ни малѣйшей научной доказательностью (стр. 136). Научно доказательнымъ я называю то, что или прямо подтверждается опытомъ, или съ необходимостью изъ него вытекаетъ. По словамъ самого почтеннаго оппонента моего (стр. 132), «въ основаніи философіи, по мнѣнію Спинозы, находились рacionales знанія, выведенныя изъ *врожденныхъ идей*, составляющихъ собственное и исконное состояніе души человѣческой. Сужденія, въ которыхъ выражаются эти рacionales знанія, составляли у Спинозы опредѣленія и аксіомы, изъ которыхъ онъ думалъ вывести все содержаніе философской науки». Во врожденныя идеи конечно можно вѣрить, можно даже жертвовать за такія идеи своей жизнью, но не знаю, можно-ли сказать, что онѣ отличаются *научной доказательностью* *)?

Уважаемый противникъ мой не можетъ допустить также, чтобы кто-либо изъ философовъ вносилъ въ свою систему воззрѣнія, научно не оправдывая ихъ, и притомъ «признаваясь въ томъ и возводя такой образъ дѣйствія въ *принципъ*» (стр. 134). Но я вѣдь вовсе не говорю, что философы возводятъ такой образъ дѣйствія въ принципъ, а просто указываю, что они дѣлаютъ такъ. Тотъ-же Спиноза не находитъ нужнымъ оправдывать свои положенія, которыя выдаетъ за аксіомы. Да и въ статьяхъ самого многуважаемаго оппонента, по скольку по крайней мѣрѣ я знакомъ съ ними, можно было-бы подыскать изрядное количество примѣровъ подобнаго рода. Я вовсе не думаю утверждать, чтобы уважаемый профессоръ возводилъ такой образъ дѣйствія въ *прин-*

---

*) Что касается до математическихъ истинъ, которыя г. Козловъ сопоставляетъ съ рacionales положеніями Спинозы, то относительно ихъ вовсе не доказано, чтобы онѣ были врожденными. Во всякомъ случаѣ геометрическія положенія точной повѣркѣ, хотя-бы отчасти, подлежатъ. Впрочемъ изложеніе моихъ воззрѣній на математическія истины г. Козловъ найдетъ на страницахъ нашего журнала.

цинъ, не возстаю и противъ самыхъ воззрѣній подобнаго рода, ибо знаю, что отдѣлаться отъ нихъ и врядъ-ли возможно; смѣю даже думать, что такія воззрѣнія были часто самыми могучими двигателями въ прогрессѣ человѣчества. Но зачѣмъ-же называть ихъ свѣдѣніями научно доказуемыми—названіемъ совершенно къ нимъ неподходящимъ, а съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ, пожалуй, даже и унижительнымъ?

Хотя я и многое имѣлъ-бы еще замѣтить на возраженія моего почтеннаго оппонента, но думаю, что врядъ-ли это поведетъ къ чему-либо. Коренное несогласіе почтеннаго философа съ моими положеніями вытекаетъ, кажется, изъ кореннаго различія въ нашихъ основныхъ воззрѣніяхъ. Конечно, послѣднихъ ни я у него не поколеблю замѣчаніями на отдѣльныя возраженія профессора, ни онъ не заставитъ меня склониться на его сторону своими: «я совершенно не могу допустить, я рѣшительно не могу оправдать» и т. п. Если споръ полезенъ, какъ думаетъ мой почтенный оппонентъ, то едва-ли такой споръ, какой онъ началъ,

Ник. Иванцовъ.

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемый

Николай Яковлевичъ!

Такъ какъ въ нашемъ отечествѣ интересъ къ философскимъ наукамъ столь слабъ, что переводъ иностраннаго, хотя-бы и очень хорошаго, сочиненія изъ области этихъ наукъ двумя лицами для двухъ особыхъ изданій ничего, кромѣ чувствительной потери времени, труда и издержекъ для переводчиковъ и издателей, не принесетъ, то я просилъ-бы васъ быть столь любезнымъ—извѣстить черезъ посредство вашего журнала лицъ, занимающихся философскими науками, что подѣ моею редакціей начать переводъ сочиненія Гёфдингга: «Psychologie in Umrissen auf Grunlage der Erfahrung von Dr. Harald Höfding». Переводъ этотъ я предполагаю снабдить своими примѣчаніями. Надѣюсь, что, если это возможно, вы исполните мою покорнѣйшую просьбу. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ и проч.

Алексѣй Козловъ.

Кіевъ. Декабря 20-го 1890 г.

V. НОВЫЯ КНИГИ.

Л. Я. Гуревичъ. Переписка Бенедикта де Спинозы. Съ прилож. жизнеописанія Спинозы. I. Колеруса. Пер. съ лат., подъ ред. и съ примѣч. А. Л. Волынскаго. С.-П. (Ц. 6 р.).

Э. К. Ватсонъ. А. Шопенгауэръ, его жизнь и философская дѣятельность. Съ портретомъ. С.-П. 1891 г. (94 стр. Ц. 25 к.).

Н. Н. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма. 1861—1865. С.-П. 1890 г. (596 стр. Ц. 2 р.).

А. С. Пругавинъ. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія. Москва. 1890 г. (280 стр. Ц. 1 р. 50 к.).

W. Wallace. Life of Arthur Schopenhauer. London. 1890. (Pp. X+217).

W. Platt Ball. Are the Effects of Use a. Disuse inherited. London. 1890. (XII+156).

Archibald Alexander. A theory of Conduct. New-York. 1890. (III).

Ch. Adam. Philosophie de François Bacon. Paris. 1890. (437).

A. Bonjéan. L'hypnotisme: Ses rapports avec le Droit et la Thérapeutique. La suggestion mentale. Paris. 1890. (IX+320).

Al. Schmid. Erkenntniss-Lehre. 2 Bände. Freiburg. 1890. (VII+490; V+428).

Victor Cathrein. Moralphilosophie. I. Allgemeine Moralphilosophie. Freiburg. 1890 (XV+522).

Ed. Grimm. Zur Geschichte des Erkenntnissproblems. Von Bacon zu Hume. Leipz. 1890 (XII+596).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

•

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Материалы для истории философии в России *). 1855—1888.

(Продолжение).

С Л А В Я Н О Ф И Л Ы .

VI. И. В. Кирѣевскій.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій родился въ 1806 г. въ Москвѣ. Выдержавъ комитетскій экзамень, онъ поступилъ въ 1824 г. на службу въ Московскій Главный Архивъ Иностранной Коллегіи. 1829—1830 гг. Кирѣевскій былъ за границей, гдѣ лично познакомился съ Гегелемъ, Шеллингомъ и Мишле, а также слушалъ Шлейермахера. Въ 1834 г. онъ сталъ издавать журналъ «Европеецъ», запрещенный цензурой послѣ второй книжки. Въ сороковыхъ годахъ Кирѣевскій добивался каѳедры философіи въ Московскомъ университетѣ, но старанія его остались безуспѣшными. Въ 1845 г. Кирѣевскій снова пробовалъ выступить на журнальномъ поприщѣ въ качествѣ негласнаго редактора «Москвитянина», но съ 4-й книжки долженъ былъ отказаться отъ редакторства. Умеръ 11-го іюня 1856 г. въ Петербургѣ отъ холеры.

---

*) См. *Вопр. Филос. и Псих.*, кн. 4, прил. I, стр. 1—32, кн. 5, прил. I, стр. 33—44.

См. Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣвскаго, Сочиненія, т. I, стр. 3—111.

Большинство некрологовъ Кирѣвскаго не имѣеть никакого значенія. Однако слѣдуетъ выдѣлить некрологъ, написанный А. С. Хомяковымъ («Рус. Бесѣда» 1856 г., кн. 2, стр. 3—8, изданъ и отдѣльнымъ оттискомъ безъ имени автора подъ заглавіемъ: «И. В. Кирѣвскій», а также въ сочиненіяхъ Хомякова, т. I, стр. 555—559 по 1-му изд., стр. 586—590 по 2-му изд.). Здѣсь дружеской рукой очерченъ симпатичный характеръ Кирѣвскаго, а также сдѣлана попытка оцѣнить его дѣятельность. См. также Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, кн. 2-я, изд. 3-е, Спб. 1863, стр. 479; Геннади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, т. II, Берлинъ, 1880, стр. 135—136. Отсталый, въ Оптиной пустынѣ, «Дом. Бесѣда» 1860, вып. 4, стр. 61—66 (объ отношеніи Кирѣвскаго къ старцу Макарію). Нѣсколько біографическихъ свѣдѣній дано и въ письмѣ Н. П. Барсукова къ Ѡ. Н. Б. («Русскій» 1868, № 68). Краткія характеристики въ «Совр.» 1856, 8, (т. 58), стр. 203 («Замѣтки новаго поэта») и въ «От. Зап.» 1856, 9, т. 108, стр. 41—44 («Литературныя и житейскія замѣтки») не имѣють никакого значенія.

Нѣкоторыя изъ обнародованныхъ писемъ Кирѣвскаго касаются философіи, имѣнно тѣ, которыя помѣщены въ только что упомянутыхъ «Матеріалахъ» на стр. 41—44 (о Шлейермахерѣ), 45—49 (о Гегелѣ), 56—58, 61, 65 (о Шеллингѣ), 89—91 (письмо къ Хомякову о волѣ).

Полное собраніе сочиненій Ивана Васильевича Кирѣвскаго, т. I—II, изданіе А. И. Кошелева, М. 1861. Въ 1-мъ томѣ 111—200 стр., во 2-мъ—343 стр. Первому тому предпосланы (стр. 3—111) весьма цѣнные «Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣвскаго», которыми пользовались всѣ писавшіе о Кирѣвскомъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ изданіи почти нигдѣ нѣтъ указаній, когда написаны статьи, и были-ли гдѣ-нибудь помѣщены нѣкоторыя изъ нихъ. Издатель обѣщалъ выпустить и третій томъ, куда должны были войти письма Кирѣвскаго и нѣкоторыя вновь найденныя небольшія статьи и замѣтки. Остается неизвѣстнымъ, почему А. И. Кошелевъ не выполнилъ своего обѣщанія.

Для характеристики философскихъ взглядовъ Кирѣвскаго важны слѣдующія статьи:

1. Обзоръніе русской словесности за 1829 годъ. Денница (альманахъ М. Максимовича) на 1830 г., стр. IX—LXXXIV, а также Сочиненія I, 19—46.

Къ философіи имѣють отношеніе стр. 33—34 (по поводу стихотвореній философа-поэта Веневитинова). «Намъ необходима философія: все развитіе нашего ума требуетъ ее. Ею одною живетъ и дышетъ наша поэзія; она одна можетъ дать душу и цѣлость нашимъ младенствующимъ наукамъ, и самая жизнь наша, можетъ быть, займетъ отъ нея изящество стройности». «Наша философія должна развиться изъ *нашей жизни*» (33).

2. Девятнадцатый вѣкъ. «Европеецъ» 1832, кн. 1, стр. 3—23; также Сочиненія I, 61—85. Статья не окончена.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ господствуютъ сначала два направленія—разрушительное и насильственно соединяющее. Изъ борьбы ихъ явилось «стремленіе къ мирительному соглашенію враждующихъ началъ» (65). Сближеніе жизни съ развитіемъ челоуѣческаго духа замѣтно и въ поэзіи, и въ философіи, и въ религіи. Въ философіи, казалось, все развитіе новѣйшаго мышленія совмѣстилось въ системѣ Шеллинга и нашло въ ней свое завершеніе и оправданіе. Однако самъ Шеллингъ перешелъ къ положительной философіи. Развитію Россіи недоставало элементовъ классическаго міра. Народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать просвѣщеніе прямо и водворить его у себя, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту.

За эту статью «Европеецъ» подвергся запрещенію. Подъ словомъ просвѣщеніе—говорится въ запретительной бумагѣ—авторъ «разумѣетъ свободу, дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а *искусно отысканная середина* не что иное, какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ запрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ» (Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣвскаго, стр. 80).

3. Въ отвѣтъ А. С. Хомякову. Сочиненія I, 188—200.

Статья написана въ 1838 г. и вызвана чтеніемъ Хомякова «О старомъ и новомъ» (см. ниже VII, 1). Три элемента легли основаніемъ европейской образованности: римское христіанство, міръ необразованныхъ варваровъ и классическій міръ древняго язычества. «Этотъ классическій міръ древняго язычества, не доставшій-

ся въ наслѣдіе Россіи, въ сущности своей представляетъ торжество формальнаго разума человѣка надъ всѣмъ, что внутри и внѣ его находится,—чистаго, голаго разума, на себѣ самомъ основаннаго, выше себя и внѣ себя ничего не признающаго и являющагося въ двухъ свойственныхъ ему видахъ—въ видѣ формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности» (190—191). «Всѣ высокіе умы Европы жалуются на теперешнее состояніе нравственной апатіи, на недостатокъ убѣжденій, на всеобщій эгоизмъ, требуютъ новой духовной силы внѣ разума, однимъ словомъ — ищутъ вѣры и не могутъ найти ея у себя, ибо христіанство на Западѣ исказилось своемысліемъ» (192). Что рационализмъ характеризуетъ просвѣщеніе и бытъ европейскій, будетъ еще яснѣе, если сравнить основныя начала общественнаго и частнаго быта Запада съ основными началами того общественнаго и частнаго быта, который, если не развился вполнѣ, то по крайней мѣрѣ ясно обозначился въ прежней Россіи подъ прямымъ влияніемъ чистаго христіанства. Частная, личная самобытность была у насъ такъ-же мало извѣстна, какъ и самовластіе общественное. Поземельная собственность, источникъ личныхъ правъ на Западѣ, была у насъ принадлежностью общества. «Даже самое слово право было у насъ неизвѣстно въ западномъ его смыслѣ, но означало только справедливость, правду» (195). Католичество не могло сообщить наукамъ философской стороны христіанства, потому что само не имѣло ея въ чистомъ видѣ. «Оттого видимъ, что науки, какъ наслѣдіе языческое, процвѣтали такъ сильно въ Европѣ, но окончились безбожіемъ, какъ необходимымъ слѣдствіемъ своего односторонняго развитія» (198). Въ Россіи собиралось и жило то устроительное начало знанія, та философія христіанства, которая одна можетъ дать правильное основаніе наукамъ» (тамъ-же). Однако нѣтъ надобности возвращать мертвую форму, но и не слѣдуетъ вытравливать ея остатковъ.

4. Обзорѣніе современнаго состоянія литературы. «Москвитянинъ» 1845, 1, стр. 1—28; 2, стр. 56—78; 3, стр. 18—30. Также Сочиненія II, 1—58.

Стр. 1—46 заняты разсужденіями философскаго характера, и только конечь посвященъ обзору русскихъ журналовъ.

«Новая Европа пришла въ противорѣчіе съ Европою старою и чувствуетъ, что для начала новой жизни ей нужно новое основаніе» (5). Поиски за этимъ основаніемъ вели только къ проти-

ворѣчіямъ (Шеллингъ, Гегель, Тренделенбургъ, Герbartъ). Германія пережила свою настоящую философію, и скоро предстоитъ ей новый переворотъ въ убѣжденіяхъ. «Чѣмъ менѣе удовлетворительности представляетъ философское состояніе Германіи, тѣмъ сильнѣе раскрывается въ ней потребность религіозная» (12). Вотъ откуда обиліе религіозныхъ теченій въ Германіи (Шлейермахеръ, Даубъ и др.). Во Франціи существенный вопросъ минуты состоитъ въ соглашеніи религіи и общества. На днѣ европейскаго просвѣщенія въ наше время всѣ частные вопросы о движеніяхъ умовъ, о направленіяхъ науки, о цѣляхъ жизни, о различныхъ устройствахъ обществъ, о характерахъ народныхъ, семейныхъ и личныхъ отношеній, о господствующихъ началахъ внѣшняго и самаго внутренняго быта челоуѣка, — всѣ сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра православно-словенскаго» (26).

5. Жизнь Стефенса. «Москвитянинъ» 1845, 1, стр. 1—52; 2, стр. 53—68; 3, стр. 1—46. Также Сочиненія II, 59—117.

Это переводъ избранныхъ отрывковъ изъ автобіографіи Стефенса (*Was ich erlebte*, 10 тт., Breslau 1840—1845) съ предисловіемъ и послѣсловіемъ Кирѣевскаго о значеніи Стефенса. За предисловіемъ слѣдуетъ письмо изъ Берлина русскаго путешественника (Хомякова?) о лекціяхъ Стефенса (стр. 60—62).

6. Рѣчь Шеллинга. Сочиненія II, 172—184. По всѣмъ признакамъ статья написана для какого-то журнала. Всѣ поиски за этимъ журналомъ ни къ чему не привели.

Статья составлена по разнымъ журнальнымъ отрывкамъ и по лекціямъ Шеллинга въ Мюнхенѣ и Берлинѣ. Излагается рѣчь Шеллинга о значеніи Януса въ римской религіи. Для уясненія взгляда Шеллинга на міеологію затрогивается его понятіе религіи.

7. Сочиненія Паскаля, изданныя Кузеномъ. «Москвитянинъ» 1845 г., № 3, стр. 73 — 78; также Сочиненія II, 185—189.

Кирѣевскій сочувственно относится къ Паскалю, но не къ Кузену. Почти вся замѣтка состоитъ изъ перевода рѣчи В. Гюго о значеніи Поръ-Рояля, сказанной Сентъ-Беву при приѣмѣ его въ академію.

8. Отзывъ о трудѣ Э. Надеждина: Опытъ науки философіи, Спб. 1845. «Москвитянинъ» 1845, 2, стр. 33 — 36; также Сочиненія II, 214—217.

Неопредѣленность основной точки зрѣнія, отсутствіе логическаго вывода перваго понятія—недостатки книги Надеждина.

9. О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи (письмо къ графу Е. Е. Комаровскому). Москов. Сборн. 1852, кн. 1 (и единственная), стр. 3—68, отдѣльный оттискъ, М. 1852, 68 стр., 2-е изд. 1888, 55 стр. Также Сочиненія II, 229—280.

При всемъ богатствѣ, при всей громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ общій выводъ изъ всей совокупности западно-европейскаго знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка. «Самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности и, уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанія; что его умозрительное спѣвливаніе выводныхъ понятій требуетъ основаній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познанаія; что высшія истины ума, его живыя точки зрѣнія, его существенныя убѣжденія, всѣ лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса, и хотя не противорѣчатъ его законамъ, однако-же и не выводятся изъ нихъ, и даже не достигаются его дѣятельностію, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общою дѣятельностію другихъ силъ человѣческаго духа» (234). Въ противоположность Западу Россія осталась вѣрною вселенской церкви, принявъ христіанство изъ Греціи. Древне-греческая образованность переходила къ Россіи, просвѣтленная христіанствомъ, общественныя формы ея слагались не путемъ насилія, а развивались спокойно. Особенность умственнаго характера Рима отразилась и на Западѣ. Между тѣмъ отличительный складъ римскаго ума заключался «въ томъ, именно, что въ немъ наружная разсудочность брала перевѣсъ надъ внутреннею сущностію вещей» (242). «Подчинивъ вѣру логическимъ выводамъ разсудка, западная церковь еще въ девятомъ вѣкѣ положила внутри себя неминуемое сѣмя реформации, которая поставила ту же церковь передъ судомъ того-же логическаго разума, ея самую возвышеннаго надъ общимъ сознаніемъ церкви

вселенской» (246). «Европейскія общества, основанныя насиліемъ, связанныя формальностію личныхъ отношеній, проникнутыя духомъ односторонней разсудочности, должны были развить въ себѣ не общественный духъ, но духъ личной отдѣленности, связываемой узлами частныхъ интересовъ и партій» (249). Таже разсудочность является сущностію схоластики (251—252), Декарта (252—253), Спинозы, Лейбница (253), Юма, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля (254). Иной характеръ представляетъ духовная философія восточныхъ отцовъ церкви, писавшихъ послѣ Х в. Это философія прямо и чисто христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно-свободному умозрѣнію. Она никогда не была оцѣнена на Западѣ. Стремясь къ истинѣ умозрѣнія, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа, западные—болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные для достиженія полноты истины ищутъ внутренней цѣльности разума; западные, напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣленности. На Западѣ «раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, имущественнаго и нравственнаго» (276). Раздвоеніе и цѣльность, разсудочность и разумность—вотъ послѣднее выраженіе западно-европейской и древне-русской образованности. Естественно возникаетъ вопросъ: отчего-же при такихъ условіяхъ Россія не опередила Европы? Здѣсь возможны только гадательныя предположенія, но во всякомъ случаѣ «корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ, и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его святой, православної церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи» (279).

На эту статью отвѣчалъ *А. С. Хомяковъ* (см. ниже VII, 10).

10. О необходимости и возможности новыхъ на-

чалъ для философіи. «Русская Бесѣда» 1856, кн. 2-я, стр. 1—48, отдѣльно М. 1856, 48 стр., 2-е изд. 1888, тоже 48 стр. Также Сочиненія II, 281—325.

Въ лицѣ Гегеля рационализмъ достигъ послѣдняго всевъщающаго вывода, далѣе котораго умъ человѣка уже не можетъ стремиться, не измѣнивъ совершенно своего основного направленія. Это рационалистическое мышленіе связываетъ всѣ явленія современнаго европейскаго просвѣщенія въ одинъ общій смыслъ и даетъ имъ одинъ общій характеръ. Та-же черта сказалась и въ раздвоеніи вѣры. «Въ отношеніи къ церкви вселенской Римъ въ дѣлахъ вѣры даетъ преимущество отвлеченному силлогизму передъ святымъ преданіемъ, хранящимъ общее сознаніе всего христіанскаго міра въ живой и неразрывной цѣльности..... Отсюда произошло первое раздвоеніе въ самоосновномъ началѣ западнаго вѣроученія, изъ котораго развилась сперва схоластическая философія внутри вѣры, потомъ реформація въ вѣрѣ и философія внѣ вѣры» (284). «Философія, возбужденная протестантизмомъ, преимущественно должна была ограничиваться областью разума логическаго, равно принадлежащаго каждому человѣку, каковы бы ни были его внутреннія высота и устройство» (288). Сначала дѣятельность мысли распалась на двѣ стороны. «Въ народахъ происхожденія романскаго, которые, по своей исторической натурѣ, стремились сливать внутреннее самосознаніе съ внѣшностью жизни, возникла философія опытная или чувственная, восходившая отъ частныхъ наблюденій къ общимъ итогамъ и изъ порядка внѣшней природы выводившая всѣ законы бытія и разумѣнія. Въ народахъ германскаго происхожденія, носившихъ также, вслѣдствіе своей исторической особенности, внутри себя постоянное чувство раздѣленія жизни внѣшней отъ внутренней, возникло стремленіе вывести изъ самыхъ законовъ разума законы для внѣшняго бытія. Наконецъ обѣ философіи соединились въ одно умственное воззрѣніе, основанное на тождествѣ разума и бытія и развивавшее изъ этого тождества ту форму мышленія, которая обнимала всѣ другія философіи, какъ отдѣльныя ступени неконченной лѣстницы, ведущей къ одной цѣли» (291). Умъ западнаго человѣка, повидимому, имѣетъ особенное сродство съ философіей Аристотеля. «Философія Аристотеля, когда она не служила подкрѣпленіемъ чужой системы, а дѣйствовала самобытно, имѣла на просвѣщеніе человѣчества весьма грустное

вліяніе» (295). Она «разорвала цѣльность умственного самосознанія и перенесла корень внутреннихъ убѣжденій человѣка, въ нравственного и эстетическаго смысла, въ отвлеченное сознание разсуждающаго разума» (296). «Въ церкви православной отношеніе между разумомъ и вѣрою совершенно отлично отъ церкви римской и отъ протестантскихъ исповѣданій. Это отличіе заключается, между прочимъ, и въ томъ, что въ православной церкви божественное откровеніе и человѣческое мышленіе не смѣшиваются; предѣлы между божественнымъ и человѣческимъ не переступаются ни наукою, ни ученіемъ церкви» (308). Православное мышленіе «ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня, стремится самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою» (309). А для этого необходимо, чтобы разумъ стремился собрать въ одну недѣлимую цѣльность всѣ свои отдѣльныя силы, постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумѣнія, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума. «Находясь на этой высшей степени мышленія, православно-вѣрующій легко и безвредно можетъ понять всѣ системы мышленія, исходящія изъ низшихъ степеней разума, и видѣть ихъ ограниченность и вмѣстѣ относительную истинность» (311).

«Философія не есть одна изъ наукъ и не есть вѣра. Она — общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ и проводникъ мысли между ними и вѣрою» (313). Слѣды такой философіи въ писаніяхъ св. отцовъ православной церкви. «Противопоставить эти драгоценныя и живительныя истины современному состоянію философіи; проникнуться по возможности ихъ смысломъ; сообразить въ отношеніи къ нимъ всѣ вопросы современной образованности, всѣ логическія истины, добытыя наукою, всѣ плоды тысячелѣтнихъ опытовъ разума среди его разностороннихъ дѣятельностей; изъ всѣхъ этихъ соображеній вывести общія слѣдствія, соотвѣтственныя настоящимъ требованіямъ просвѣщенія, — вотъ задача, рѣшеніе которой могло-бы измѣнить все направленіе просвѣщенія въ народѣ, гдѣ убѣжденія православной вѣры находятся въ разногласіи съ заимствованною образованностью» (314). «Нѣмецкая философія, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга»

можетъ служить у насъ самою удобною степенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанию вѣрующаго разума» (325).

11. Отрывки найденные въ бумагахъ. «Рус. Бесѣда» 1857, кн. 1, стр. 1—24; также Сочиненія II, 326—343.

Самый большой и важный—первый отрывокъ (326—334), гдѣ затронуты вопросы о причинахъ застоя въ древне-русской образованности и объ отношеніи иноземной образованности къ коренной русской. Подчеркиваются несимпатичныя стороны русскаго челоуѣка, и объясняется ихъ происхождение. Русскій челоуѣкъ потерялъ уваженіе къ святынѣ правды, хотя есть еще сферы жизни, гдѣ святость правды и вѣрность слову остались для него священными. Виною тутъ чужая образованность. Но было-бы нелѣпо и вредно изгонять эту образованность. Ее надо подчинить господству православно-христіанскаго убѣжденія путемъ развитія законовъ самобытнаго мышленія.—Остальные отрывки носятъ характеръ краткихъ набросковъ и афоризмовъ: о значеніи твореній св. отцовъ для философіи, о словѣ, объ отвлеченномъ мышленіи, о вѣрѣ и ея отношеніи къ другимъ душевнымъ силамъ, о бого-сознаніи и пр.

По поводу «Отрывковъ»:

А. С. Хомяковъ, давшій цѣльность отрывочнымъ мыслямъ Кирѣвскаго и во многомъ развившій ихъ самостоятельно, хотя и въ духѣ своего друга, см. ниже VII, 13.

С. М. Соловьевъ. Шлецеръ и анти-историческое направленіе. «Рус. Вѣс.» 1857, апрѣль, кн. 2-я, стр. 431—480. О Кирѣвскомъ говорится на стр. 474—480 по поводу перваго отрывка. Направленіе Кирѣвскаго — анти-историческое.—Статья Соловьева вызвала статью *К—ова*: «Оппозиція г. Соловьева покойному И. В. Кирѣвскому» (Молва 1857, № 33, стр. 380—383; № 34, стр. 391—393). Отношеніе къ Кирѣвскому восторженное. «Своимъ строго-логическимъ движеніемъ мысли онъ умѣлъ доходить до множества вопросовъ важныхъ, они сами навязывались ему и ложились подъ перо; но онъ не обязывалъ себя рѣшать ихъ, потому что понималъ важность и трудность такого рода обязанностей» (383). Соловьевъ изуродо-

валь мысли Кирѣвскаго.—См. также *А. С. Хомяковъ*: «Замѣчанія на статью г. Соловьева» (ниже VII, 14).

12. Индиферентизмъ. Изъ письма покойнаго И. В. Кирѣвскаго къ Н. «Дом. Бесѣда» 1861, вып. 46, стр. 879—886. Сообщилъ *И. Л.*

Отличительныя и существенныя черты католичества, протестантизма и православія (отношеніе разума къ откровенію).

Изложенію и оцѣнкѣ взглядовъ Кирѣвскаго посвящены слѣдующія статьи:

Д. И. Писаревъ. Русскій Донъ-Кихоть. (По поводу выхода въ свѣтъ Сочиненій Кирѣвскаго). «Рус. Слово» 1862, 2, стр. 88—110. Также Сочиненія, Спб. 1866, т. II, стр. 1—21.

Кирѣвскій—плохой мыслитель: онъ боялся мысли. Онъ нигде не подвинулъ русскаго самосознанія, онъ даже не затронулъ его. Надо пожалѣть о его печальныхъ заблужденіяхъ. Отчего Кирѣвскій, самъ человѣкъ не глупый, хотѣлъ остановить разумъ на пути его развитія? Это любопытная психологическая задача. Въ нѣмецкихъ философахъ Кирѣвскій увидалъ и понялъ только то, что имѣло сходство съ его стремленіями. Кирѣвскій родился художникомъ и неизвѣстно почему вообразилъ себя мыслителемъ. «Онъ не мыслитель, онъ просто человѣкъ, горячо чувствующій и старающійся убѣдить читателя въ нормальности и законности своихъ симпатій» (Сочиненія Писарева II, 9). Славянофильство—донъ-кихотство, всегда искреннее, часто трогательное, большею частію несостоятельное. Благоразумный человѣкъ не станетъ ни опровергать отрывочныхъ восклицаній, ни смѣяться надъ несвязною рѣчью. «Умозрительная философія—пустая трата умственныхъ силъ, безцѣльная роскошь, которая всегда останется непонятною для толпы, нуждающейся въ насущномъ хлѣбѣ» (II, 6). Умозрительная философія—хроническое повѣтріе, болѣзненный наростъ, развившійся вслѣдствіе того, что живыя силы, стремившіяся къ практической дѣятельности, были насильственно сдавлены и задержаны.

Эта статья вмѣстѣ съ статьею «Бѣдная русская мысль» (по поводу сочиненія Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ I», Спб. 1862) навлекла на Павленкова, издателя сочиненій Писарева, судебное преслѣдованіе. Дѣло (отчетъ о немъ приложенъ ко 2-му тому сочиненій Писарева) кончилось тѣмъ, что статья «Бѣдная русская мысль» была уничтожена. Однако обѣ преслѣдуемыя

статьи были подъ измѣненнымъ заглавіемъ напечатаны въ Москвѣ: *Н. Р. (аюдинъ?)*. Двѣ статьи, М. 1868. Тутъ содержатся: 1) Взглядъ на славянофильское любомудріе, направленное противъ западничества Петра, какъ на психологическій фактъ, стр. 3—26 (это не что иное, какъ статья «Русскій Донъ-Кихотъ»); 2) Оправданіе Петра Великаго съ точки зрѣнія исторической необходимости (это уничтоженная статья «Бѣдная русская мысль»). Отчетъ о дѣлѣ Павленкова вызвалъ статью *М. П. Погодина* «Нигилистамъ» (газета «Русскій» 1868, № 68), гдѣ очень обстоятельно повѣствуется, какъ Михаилъ Петровичъ, по поводу павленковскаго процесса, ознакомился съ сочиненіями Писарева, и кака онъ задумалъ обратить его на путь истины, но этому похвальному намѣренію помѣшало неожиданное извѣстіе о преждевременной смерти Писарева. Тутъ-же Погодинъ пытается дать собственную характеристику Кирѣевскаго.

Ф. Терновскій. Два пути духовнаго развитія. (Тоже по поводу выхода въ свѣтъ сочиненій Кирѣевскаго.) Труды Кіевск. дух. акад. 1864, 4, стр. 378—402.

Задача статьи—обсудить воззрѣнія Кирѣевскаго съ психологической точки зрѣнія. Во всѣхъ его философскихъ сочиненіяхъ проводится параллель между путемъ духовной раздробленности (просвѣщеніе европейское) и между путемъ духовной цѣльности (просвѣщеніе древне-русское). Какъ отъ поборника послѣдняго пути, отъ Кирѣевскаго нельзя ожидать безпристрастнаго сужденія въ вопросѣ объ отношеніи Россіи и Европы къ этимъ путямъ, о сравнительномъ достоинствѣ ихъ, о всемірно-историческомъ значеніи Россіи и Европы. Кирѣевскій не выясняетъ, что за сокровища для философіи заключаются въ твореніяхъ св. отцовъ, онъ не дѣлаетъ попытки раскрыть и установить новое философское міросозерцаніе, котораго, по его словамъ, можно достигнуть при высшемъ, цѣльномъ способѣ мышленія. Кирѣевскій «мыслилъ односторонне, но всѣ его мысли носятъ на себѣ печать жизненнаго опыта, глубокаго убѣжденія и полнѣйшей добросовѣстности. Онъ имѣлъ право судить объ обоихъ путяхъ духовнаго развитія, потому-что въ собственной жизни прошелъ по каждому изъ нихъ» (401).

А. Скабичевскій. Очерки умственнаго развитія нашего общества. 1825—1860. Н. А. Полевой, В. О. Одоевскій, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. А. Доб-

ролюбовъ и ихъ сподвижники. «От. Зап.» 1870, 10 и 11; 1871, 1—4, 10 и 11; 1872, 4—6. Кирѣвскому посвящена гл. IV, 1870, 11, стр. 26—31. Эта работа перепечатана въ Сочиненіяхъ А. Скабичевскаго, Спб. 1890, т. I, стр. 279—572, подъ заглавіемъ: «Сорокъ лѣтъ русской критики». Тутъ о Кирѣвскомъ рѣчь идетъ на стр. 350—354. Разсматривается почти исключительно западничество Кирѣвскаго по его статьѣ «Девятнадцатый вѣкъ».

T. G. Masaryk. Slovanské studie. I. Slavjanofilství Ivana Vasiļjeviče Kirějevského. Пражскій журналъ Athenaeum 1889, № 3, стр. 61—73; № 4, стр. 104—113; № 5, стр. 134—143; № 6, стр. 161—170; № 7, стр. 197—202; № 8, стр. 233—243. Отдѣльно Прага 1889.

Масарикъ считаетъ Кирѣвскаго замѣчательнымъ мыслителемъ и обстоятельно излагаетъ его ученіе. Не рѣдко дается и критика взглядовъ Кирѣвскаго. Работа сдѣлана по русскимъ источникамъ и представляетъ самое обстоятельное изслѣдованіе о Кирѣвскомъ, какое только мы имѣемъ до сихъ поръ.

Статьи и замѣтки, разсматривающія ученіе Кирѣвскаго въ связи съ другими славянофилами, приведены на стр. 81—88.

VII. А. С. Хомяковъ.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ родился въ Москвѣ 1 мая 1804 года. Послѣ домашняго образованія онъ поступилъ въ 1822 году въ военную службу, но въ 1825 году вышелъ въ отставку и два года провелъ за границей. Въ 1828—1829 гг. принималъ участіе въ турецкомъ походѣ, въ 1844—1845 гг. былъ опять за границей. Умеръ 23-го сентября 1860 года въ своемъ имѣніи, селѣ Ивановскомъ, Рязанской губ., Данковскаго уѣзда.

Самыя обстоятельныя біографическія данныя можно найти у *П. Баршневъ*: Біографическія воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ, «Рус. Бесѣда» 1860, т. II (кн. 20-я), стр. 29—38, а также у *М. Лоннинова*: А. С. Хомяковъ, «Рус. Вѣс.» 1860, сентябрь, кн. 2-я, Совр. лѣтопись, стр. 152—154. Позднѣйшія біографіи не даютъ ничего новаго. Изъ нихъ сравнительно полностью отличаются біографіи, помѣщенные въ Иллюстраціи 1860, № 42, стр. 253—254 (съ портретомъ), въ Мѣсяцесловѣ на 1862 годъ, Спб., стр. 119—121 (въ приложеніи), въ Портретной галлерей

русскихъ дѣятелей, издаваемой А. Мюнстеромъ, т. II, Спб. 1869, стр. 251—254 (біографія написана М. Д. Хмыровымъ). Не такъ обстоятельны біографическія данныя въ «Воскресномъ Досугѣ» т. VI, 1865, № 142, стр. 265—266 (съ портретомъ), у Геннади, «Рус. Архивъ» 1864, стр. 1081—1082, въ сборникѣ Гербеля «Русскіе поэты», изд. 3-е, Спб. 1888, стр. 311—313.

Для характеристики Хомякова важна брошюра «Въ память объ А. С. Хомяковѣ», М. 1860, 98 стр. (помѣщена и въ «Рус. Бесѣдѣ» 1860, т. II, кн. 20-я, стр. 1—98). Здѣсь находятся слѣдующія статьи, читанныя въ собраніи общества любителей россійской словесности 6-го ноября 1860 года (о самомъ засѣданіи свѣдѣнія можно найти въ «Рус. Инвалидѣ» 1860 г. № 252, фельетонъ М. А. «Московская хроника»):

М. Поодинъ. Воспоминаніе объ А. С. Хомяковѣ. Стр. 3—28. «Философія была однимъ изъ любимыхъ его занятій, и ничего не любилъ онъ столько, какъ бороться съ Гегелемъ и бить его послѣдователей, незваныхъ нашихъ философовъ» (7).

П. Бартенева. Біографическія воспоминанія, упомянутыя выше. Стр. 29—38.

М. Лончиновъ. А. С. Хомяковъ, какъ предсѣдатель общества любителей россійской словесности. Стр. 39—46.

А. Гильфердингъ. О филологической дѣятельности покойнаго А. С. Хомякова. Стр. 47—54.

Ю. Самаринъ. Хомяковъ и крестьянскій вопросъ (письмо къ Поодину). Стр. 55—60. Также Сочиненія Ю. О. Самарина I, 245—250.

Н. Г(илляро)въ. О судьбѣ убѣжденій. Стр. 61—88. Затронута философская сторона дѣятельности Хомякова (стр. 71—75), но больше всего отведено мѣста его религіознымъ взглядамъ. Въ первый разъ на русскомъ языкѣ приведены довольно большія выдержки изъ заграничныхъ брошюръ Хомякова.

К. Коссовичъ. Нѣсколько словъ въ память А. С. Хомякова (въ Спб. университетѣ). Стр. 89—98.

Позже появились: *А. И. Кошелевъ.* Мои воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ (Рус. Архивъ 1879, II, стр. 265—276).—*Н. Барсуковъ.* Замѣтка о А. С. Хомяковѣ (Рус. Архивъ 1885, 9, стр. 158—159).—А. С. Хомяковъ и его пріатели

(объясненіе приложеннаго рисунка). Рус. Архивъ 1884, № 4, стр. 335—336.

Другія характеристики: *А. Козловъ* въ Моск. Вѣстникѣ 1860, № 41, стр. 659—660 (теплый отзывъ о Хомяковѣ, какъ чело-вѣкѣ и убѣжденномъ общественномъ дѣятелѣ).—*А. Гильфердингъ*, Спб. Вѣдомости 1860, № 216 (восторженное слово въ память Хомякова. Онъ сравнивается съ Ломоносовымъ).—*П. Плетневъ* въ Отчетахъ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка за 1852—1865 гг., стр. 330—332.—Генераль-адъютантъ графъ *Остенъ-Сакенъ*, подъ командой котораго служилъ Хомяковъ: Начало са-мобытной жизни А. С. Хомякова, Рус. Инвалидъ 1861, № 48, перепечатано въ сборникѣ Погодина Утро, М. 1866, стр. 426—428.—*Aleksej Sfefanowicz Chomjakow* въ Slavische Blätter (Zeitschrift für die Gasammt-Interessen des Slaventhums, herausgegeben von A. Lukšić, Wien) 1866, № 5, стр. 97—99 (биографическій очеркъ съ портретомъ; оцѣнка Хомякова очень сочувственная).—*А. Рачинскій*. Изъ воспоминаній объ А. С. Хомяковѣ, Рус. Архивъ 1876, т. II, № 5, стр. 101—104.—Моск. Медич. Газета 1860, № 42, стр. 340 (Хомяковъ, какъ поклонникъ гомеопатіи).—*Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы, кн. 2-я, изд. 2-е, Черниговъ 1863, стр. 292—293, изд. 3-е, Спб. 1884, стр. 490—492.

Для характеристики взглядовъ какъ самого Хомякова, такъ и современныхъ ему кружковъ, важны его письма: къ С. П. Шевыреву (Рус. Арх. 1878, 5, стр. 60—63), къ Гильфердингу (тамъ-же 1878, 7, стр. 366—388), къ А. И. Кошелеву (тамъ-же 1879, 11, стр. 277—300), къ гр. А. Д. Блудовой (Рус. Архивъ 1879, 3, стр. 372—382, съ замѣткой самой Блудовой, стр. 383—384), къ разнымъ лицамъ (тамъ-же 1884, № 3, стр. 202—229); А. С. Хомяковъ о сельской общинѣ (изъ письма къ другу), Рус. Арх. 1884, № 4, стр. 261—269; Отзывъ А. С. Хомякова о К. Д. Кавелинѣ (Рус. Арх. 1885, 6, стр. 335—336).

Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Томъ I, изданный подъ редакціей И. Аксакова: собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ разнороднаго содержанія, М. 1871, VI+721+III; 2-е изд. 1878 (съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ статей), VII+768. Томъ II, изданный подъ редакціей и съ предисловіемъ Ю. О. Самарина: богословскія сочиненія, Прага 1867, LI+407 (это изданіе разрѣшено синодомъ къ обращенію въ Россіи толь-

ко съ 22-го февраля 1879 г.); 2-е изд. М. 1880, XXXVII+450; 3-е изд. М. 1886, тоже XXXVII+450. Томъ III, подъ редакціей А. Ѳ. Гильфердинга: Записки о всемірной исторіи ч. I, М. 1871, 522+VI; 2-е изд. М. 1882, XVI+534+VI. Т. IV, подъ ред. А. Ѳ. Гильфердинга: Записки о всемірной исторіи, ч. II. (Обзоръ всемірной исторіи), М. 1873, II+XV+1013+IV. Этотъ томъ вышелъ въ томъ-же году и отдѣльно подъ заглавіемъ: Обзоръ всемірной исторіи.—Кромѣ того было нѣсколько изданій стихотвореній Хомякова.

Славянофильское ученіе такъ тѣсно связано съ богословіемъ, что при перечисленіи статей Хомякова нельзя обойти его богословскихъ брошюръ и писемъ.

1. О старомъ и новомъ.. Сочиненія I, 359—377 (по обоимъ изданіямъ). Статья написана въ 1839 году.

Строгая критика старой Руси. Петръ Великій оказалъ ей громадную пользу, но не вспомнилъ, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь только тамъ, гдѣ полная свобода. Однако предъ Западомъ мы имѣемъ выгоды неисчислимыя. На нашей первоначальной исторіи не лежитъ пятно завоеванія. Кровь и вражда не служили основаніемъ государству русскому, и дѣды не завѣщали внукамъ преданій ненависти и мщенія. Церковь, ограничивъ кругъ своего дѣйствія, никогда не утратила чистоты своей жизни внутренней и не проповѣдывала дѣтямъ своимъ уроковъ неправосудія и насилія (376).—На эту статью отвѣчалъ *Кирьевскій*, см. выше VI, 3.

2. О свободѣ и необходимости. По поводу Спинозы, Канта и другихъ. Сочиненія II, 449—450 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ).

Безсвязные отрывки, набросанные послѣ перваго знакомства съ Гегелемъ. Нѣкоторыя мѣста остались непрочитанными.

3. Письмо изъ Петербурга о выставкѣ. Москвитянинъ 1843, 7, стр. 211—222; также Сочиненія I, 401—412, по 2-му изд. 434—445.

На стр. 410—412 (1-е изд.) высказаны эстетическіе взгляды Хомякова.

4. Письмо въ Петербургъ по поводу желѣзной дороги. Москвитянинъ 1845, 2, стр. 71—85; также Сочиненія I, 419—433, по 2-му изд. 452—466.

Кратко излагаются начала западной и русской жизни (стр. 425—433 по 1-му изд.).

5. Мнѣніе иностранцевъ о Россіи. Москвитянинъ 1845, 4, стр. 21—48, безъ подписи; также Сочиненія I, 3—28 (по обоимъ изданіямъ). Отрывки въ I-й части Хрестоматіи Галахова, Спб. 1868, изд. 12-е, стр. 260—266; въ слѣдующихъ изданіяхъ ихъ нѣтъ.

Разсматривается вопросъ о наносныхъ и самобытныхъ элементахъ русскаго просвѣщенія. «Намъ уже позволительно надѣяться на свою живую науку, на свое свободное художество, на свое крѣпкое просвѣщеніе, соединяющее въ одно жизнь и знаніе, и точно такъ, какъ мысль иноземная явилась у насъ въ своей иноземной формѣ, точно такъ-же просвѣщеніе родное проявится въ образахъ и, такъ сказать, въ нарядѣ русской жизни» (27). Иностранцы питаютъ къ намъ страхъ и ненависть, внушенные нашею вещественною силою, вмѣстѣ съ неуваженіемъ, внушеннымъ нашимъ собственнымъ неуваженіемъ къ себѣ.

6. Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ. Московскій Сборникъ (В. А. Панова), 1846, стр. 147—198, а также Сочиненія I, 31—69 (по обоимъ изданіямъ).

Мимоходомъ высказанъ взглядъ на Гегеля (стр. 36—37, 50). Много разсужденій объ исторіи, какъ наукѣ. Преобладаніе и одностороннее развитіе разсудка составляетъ характеристику нашего мнимаго просвѣщенія. «То внутреннее сознаніе, которое гораздо шире логическаго и которое составляетъ личность всякаго человѣка такъ-же, какъ и всякаго народа, утрачено нами. Но и тѣсное логическое сознаніе объ нашей народной жизни не доступно намъ по многимъ причинамъ: по нашему гордому презрѣнію къ этой жизни, по неспособности чистой разсудочной образованности понимать живыя явленія и даже по отсутствію данныхъ, которыя могли-бы быть подвергнуты аналитическому разложенію» (52). Но и на Западѣ далеко не все устойчиво. «Современная шаткость духовнаго міра на Западѣ—не случайное и преходящее явленіе, но необходимое послѣдствіе внутренняго раздора, лежавшаго въ основѣ мысли и въ составѣ обществъ» (68).

7. О возможности русской художественной школы. Московскій Сборникъ 1847, стр. 319—358, а также Сочиненія I, 73—101 (по обоимъ изданіямъ).

Въ видѣ введенія разсматривается отношеніе разсудка къ разуму. «Въ искусствѣ сосредоточивается и выражается полнота чело-вѣческой жизни съ ея просвѣщеніемъ, волею и вѣрованіемъ. Художникъ не творитъ собственно своею силою: духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ» (75). Оно—образъ самосознающей жизни. Тамъ, гдѣ общество раздвоилось, гдѣ жизненные силы приведены въ оцѣпенѣніе разрывомъ между жизнію и знаніемъ и вѣчною, и даже нескрытою враждою самобытнаго и чужеземнаго наплыва,—тамъ духовныя побужденія теряютъ свое значеніе и мѣсто ихъ заступаетъ мертвый и мертвящій формализмъ. «Всякое народное просвѣщеніе опредѣляется народною личностію, т.-е. живою сущностію народ-ной мысли; болѣе-же всего опредѣляется оно тою вѣрою, кото-рая въ немъ является предѣломъ его разумѣнія. Въ современной Европѣ является стремленіе къ примиренію разрозненныхъ началъ просвѣщенія и жизни въ единствѣ религіозной мысли; но это стремленіе не достигаетъ нигдѣ своей цѣли и свидѣтельствуетъ только о внутренней враждѣ непримиримыхъ началъ и о неуто-ленной и неутолимой жаждѣ единства» (80). Вопросъ о возмож-ности художественной школы есть для насъ вопросъ о жизни и смерти въ смыслѣ дѣятельности умственной и духовной. «При-обрѣсти жизненные силы посредствомъ полного внутренняго сое-диненія съ живымъ просвѣщеніемъ Запада невозможно и по распаденію западной жизни, и потому, что ея начала, совершенно чуждыя русской землѣ, возросшей на началѣ высшемъ, хотя до сихъ поръ еще не развитомъ, не могутъ быть ни приняты ею, ни привиты къ ней» (90). «Жизненное начало утрачено нами, но оно утрачено только нами, принявшими ложное полужнаніе по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуетъ еще цѣло, крѣпко и неприкосновенно въ нашей великой Руси, не смотря на наши долгія заблужденія и на наши, къ счастью, беспо-лезныя усилія привить свою мертвенность къ ея живому тѣлу» (91).

8. По поводу Гумбольдта. Сочиненія I, 143—174 (по обоимъ изданіямъ). Написано, какъ догадывается издатель, въ 1849 г.

По поводу нападенія Гумбольдта на гегелевское ученіе о необ-ходимости, управляющей историческими событіями, Хомяковъ критикуетъ историческую систему Гегеля. Она ложна отъ нача-

ла до конца. Это не что иное, какъ безсознательная перестановка причины и дѣйствія. «Смѣщеніе пути аналитическаго съ путемъ реального синтеза есть общій и постоянный порокъ почти всѣхъ нѣмецкихъ мыслителей» (145). Гумбольдтъ не понималъ этой ошибки и потому вернулся къ партикуляризму въ исторіи. «До сихъ поръ не являлось и явиться не можетъ, новаго начала духовнаго, которое могло-бы пополнить въ душѣ человѣческой пустоту, оставленную въ ней конечнымъ паденіемъ начала латино-протестантскаго» (150). «Гегелизмъ въ своемъ паденіи показалъ всю глубину духовной бездны, надъ которой уже давно, сама того не зная, стояла философствующая Германія, онъ обличилъ язву, которой исцѣлить не могъ. Но въ этомъ безспорно заключается и великая заслуга. Всѣ будущія попытки по пути чисто философскому не возможны послѣ Гегеля» (150). Обновленія слѣдуетъ ожидать оттуда, гдѣ правильно понимается христіанство, т.-е. съ Востока. Естественно является вопросъ, какъ можетъ Русь исполнить это свое призваніе и какіе органы она можетъ найти въ частной дѣятельности для выраженія и проявленія своихъ внутреннихъ началъ. Современное положеніе дѣлъ безотрадно вслѣдствіе оторванности отъ народной почвы. «Лучшая доля предстоитъ будущимъ поколѣніямъ. Въ нихъ уже могутъ выразиться вполнѣ всѣ духовныя силы и начала, лежащія въ основѣ святой православной Руси. Но для того, чтобы это было возможно, надобно, чтобы жизнь каждаго была въ полномъ согласіи съ жизнью всѣхъ, чтобы не было раздвоенія ни въ лицахъ, ни въ обществахъ. Частное мышленіе можетъ быть сильно и плодотворно, только при сильномъ развитіи мышленія общаго; мышленіе общее возможно только тогда, когда высшее знаніе и люди, выражающіе его, связаны со всѣмъ остальнымъ организмомъ общества узами свободной и разумной любви, и когда умственные силы каждаго отдѣльнаго лица оживляются круговращеніемъ умственныхъ и нравственныхъ соковъ въ его народѣ. Исторія призываетъ Россію стать впереди всемірнаго просвѣщенія: она даетъ ей [на это право за всесторонность и полноту ея началъ, а право, данное исторіею народу, есть обязанность, налагаемая на каждаго изъ его членовъ» (173—174).

9. Аристотель и всемірная выставка. Сочиненія I, 177—194 (по обѣимъ изданіямъ). Написано въ концѣ 1851 года.

Параллель между Аристотелемъ и Западомъ. Аристотель при-

несъ много пользы, но его пришлось все-таки свергнуть. Точно также долженъ быть свергнуть и Западъ, хотя вліяніе его и было полезнымъ. Сходство между Аристотелемъ среднихъ вѣковъ и нашимъ раболѣпствомъ передъ западною мыслию идетъ и далѣе: какъ жизнь эллинская окончательно выразилась въ двухъ своихъ великихъ представителяхъ—Аристотелѣ и Платонѣ, точно такъ-же западный міръ раздѣлился на народы романскіе и германскіе. Призывъ къ самобытному развитію. О самой выставкѣ почти ничего не говорится.

10. По поводу статьи И. В. Кирѣевского: «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи». Сочиненія I, 197—260 (по обоимъ изданіямъ). Написано въ 1852 г. для 2-й книги Московскаго Сборника, но эта книга по цензурнымъ условіямъ не увидѣла свѣта.

Хомяковъ почти во всемъ согласенъ съ Кирѣевскимъ и только развиваетъ нѣкоторыя его мысли, обставляя ихъ большимъ количествомъ фактовъ. Такъ онъ останавливается на вопросѣ о томъ вліяніи, которое имѣло на ходъ ума человѣческаго то преобладаніе понятія о внѣшней правдѣ и обоготвореніе политическаго общества, которое передано Римомъ новымъ народамъ западной Европы. Зародыши смерти лежали въ основѣ западной жизни и обличены во всеобъемлющемъ и всегубящемъ раціонализмѣ Запада. «Раціонализмъ и формальность римской образованности приносили свои плоды, и новый приливъ науки отъ упавшей Византіи не только не измѣнилъ ихъ характера, но, обогативъ мысль множествомъ знаній, не подведенныхъ ни подъ какую разумную систему, ускорилъ разложеніе началъ, уже готовыхъ къ разложенію» (209). «Самое протестантство было плодомъ раціональнаго направленія. Его формы, его строго-логическій ходъ были торжествомъ раціонализма, который выступалъ впередъ явно и сознательно изъ римскаго ученія, въ которомъ онъ заключался бессознательно и тайно» (210). «Самъ Западъ произнесъ приговоръ свой въ послѣднихъ выводахъ философскаго мышленія, уличившаго себя въ отвлеченной и односторонней разсудочности, и мы счастливы тѣмъ, что имѣемъ точки опоры и отправленія въ другомъ просвѣщеніи и въ другой области жизни и мысли» (212).

Но съ особенною обстоятельностью Хомяковъ останавливается на вопросѣ, отчего развитіе древней Руси не превзошло разви-

тія западнаго. Отвѣтъ Кирѣевскаго не удовлетворяетъ Хомякова. Нельзя допустить, что ученіе христіанское въ полнотѣ и чистотѣ своей выразалось во всемъ объемѣ общественнаго и частнаго быта древней Руси. Существовало раздвоеніе между стремленіемъ къ единству и стремленіемъ къ обособленію, и представителями этихъ стремленій были обще-русская дружина съ духовенствомъ и областная земщина. Но это раздвоеніе было фактомъ, а не сознаннымъ началомъ. Хотя всѣ народы Запада находились въ гораздо худшемъ отношеніи къ христіанству, чѣмъ Русь, однако просвѣщеніе развилось въ нихъ быстрѣе, такъ какъ они выросли на почвѣ древне-римской, непримѣтно пропитывавшей ихъ началами просвѣщенія, а также потому, что просвѣщеніе ихъ по односторонности своихъ началъ могло развиваться при многихъ недостаткахъ въ жизни общественной и частной. «Въ древней Руси просвѣтительное начало не могло преодолѣть вещественныхъ препонъ, противопоставленныхъ ему просвѣщеніемъ, и мысленныхъ преградъ, противопоставленныхъ невѣжествомъ» (242). Въ древней Руси разуму не доставало сознанія. «Мысль челоуѣка, содержа въ себѣ начало проявленія и начало сознанія, проходитъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи двѣ степени, первую—степень опредѣленнаго проявленія, вторую—степень опредѣленнаго сознанія» (251). «Первая составляетъ область жизни и художества, вторая—область знанія и науки. Первая—синтезъ, вторая—анализъ. Полнота духа заключается въ согласномъ и равномѣрномъ соединеніи обоихъ» (251). Развивъ это ученіе о сознаніи (248—257), Хомяковъ приходитъ къ такому отвѣту на занимающій его вопросъ: просвѣтительное начало по своей всесторонности и полнотѣ требовало для своего развитія внутренней цѣльности въ обществѣ, которой не было, и этой цѣльности не могло оно дать мирными путями вслѣдствіе неполнаго понятія о православіи въ значительной части людей, составляющихъ русскій народъ, и недостатка опредѣлительнаго сознанія во всѣхъ.

11. Предисловіе къ Русской Бесѣдѣ. Русская Бесѣда 1856, кн. 1, стр. I—VI; также Сочиненія I, 513—518 (по 1-му изд.), 544—549 (по 2-му изд.).

Краткая программа славянофильской партіи.

12. Современный вопросъ. Молва 1857, № 28, стр. 326—327. Сочиненія I, 607—609 (по 1-му изд.), 636—638 (по 2-му изд.).

Публицистическая замѣтка объ общинѣ, какъ основѣ русской жизни.

13. По поводу отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Кирѣвскаго. Рус. Бесѣда 1857, кн. 1-я, стр. 25—46. Сочиненія 1, 263—284 (по обоимъ изданіямъ).

Хомяковъ старается уяснить ученіе Кирѣвскаго въ отношеніи къ уже извѣстнымъ школамъ: Аристотель, Юмъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель (264—269). Впрочемъ, излагаются не столько взгляды Кирѣвскаго, сколько взгляды самого Хомякова, однако, въ полномъ согласіи со взглядами его друга. Особенно обстоятельно критикуется гегельянство. «Цикль германской философіи совершенъ гегелизмомъ, ея послѣдній выводъ отвергнуть и осужденъ всѣми тѣми, кто сколько-нибудь вѣренъ самому методу ея діалектики» (269), но «самое паденіе германской школы есть ея величайшее торжество» (272). «Кругъ отвлеченнаго, чисто-разсудочнаго мышленія ею обойденъ и очерченъ, законы его опредѣлены строго и отчетливо, и опредѣлены для всего человѣчества и для всѣхъ временъ. Нѣтъ мыслителя, который могъ-бы говорить объ ней иначе, какъ съ благоговѣйною признательностью, и счастливыми назовемъ мы тѣхъ людей, которые закалили свои діалектическія силы въ холодныхъ, но крѣпкихъ струяхъ кантовскаго ученія» (273). Однако «мы можемъ сказать, что мы пережили нѣмецкую философію, ибо поняли ея односторонность не смутнымъ пониманіемъ неудовлетвореннаго духа, но яснымъ сознаніемъ разума» (274). Познаваемое не есть вполнѣ отраженіе духа. Такъ воля, присущая сила разума, никогда не переходитъ на степень предмета познаваемаго. Поэтому-то ея и слѣдовъ нѣтъ въ германской философіи, если не считать передержекъ. Тутъ излагается взглядъ на волю (275—278). «Разумъ живъ воспріятіемъ явленія въ вѣрѣ и, отрѣшаясь, самовоздѣйствуетъ на себя въ разсудкѣ; разумъ отражаетъ жизнь познаваемаго въ жизни вѣры, а логику его законовъ—въ діалектикѣ разсудка» (279). Вѣра—непосредственное живое и безусловное знаніе, зрячесть разума. «Всѣ глубочайшія истины мысли, вся высшая правда вольнаго стремленія доступны только разуму, внутри себя устроенному въ полномъ нравственномъ согласіи съ всесущимъ разумомъ, и ему одному открыты невидимыя тайны вещей божескихъ и человѣческихъ» (282). «Изъ всемірныхъ законовъ волящаго разума или разумѣющей воли, первымъ, высшимъ, совершеннѣйшимъ яв-

ляется неискаженной душѣ законъ любви. Слѣдовательно, согласіе съ нимъ по преимуществу можетъ укрѣпить и расширить наше мысленное зрѣніе, и ему должны мы покорять и по его строю настраивать упорное нестройство нашихъ умственныхъ силъ» (283, по 1-му изд. 282—283). «Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовью. Эта черта рѣзко отдѣляетъ ученіе православное отъ всѣхъ остальныхъ» (283). «Науки философскія, понятія во всемъ ихъ живомъ объемѣ, по необходимости отправляясь отъ вѣры и возвращаясь къ ней, въ то-же время даютъ разсудку свободу, внутреннему знанію силу и жизни полноту» (284, по 1-му изд. 283—284).

14. Замѣчанія на статью г. Соловьева: Шлецеръ и анти-историческое направленіе. Рус. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 141—158. Сочиненія I, 585—603, по 2-му изд. 614—632.

Въ защиту Кирѣевского (см. выше VI, 11). Спутанность понятій насквозь проникаетъ статью Соловьева. Мертвенность взгляда характеризуетъ «Исторію» Соловьева. «Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія» (603 по 1-му изд.).

15. Отвѣтъ предсѣдателя, сказанный дѣйствительному члену гр. Л. Н. Толстому на его вступительное слово въ засѣданіи 4-го февраля 1859 г. Сочиненія I, 678—680, по 2-му изд. 632—633.

Эстетическіе взгляды Хомякова.

16. О современныхъ явленіяхъ въ области философіи. Письмо къ Ю. О. Самарину. Рус. Бесѣда 1859, кн. 1-я, стр. 1—32. Сочиненія I, 287—318 (по обоимъ изданіямъ).

Дается критика гегельянства (292—304) и крайней лѣвой, т. е. матеріализма (302—317). Школа Канта показала свою несостоятельность въ смыслѣ общей всеобъемлющей философіи, но совершила дѣло незабвенное въ смыслѣ критики понятія. «Ея высшее развитіе, такъ-же какъ и крайняя односторонность, выразилась въ Гегелѣ, а эта односторонность состояла въ принятіи законовъ пониманія за законъ всецѣлаго духа» (295). «Гегель былъ

не только довершителемъ философіи: онъ былъ для Германіи возстановителемъ если не вѣры, то, по крайней мѣрѣ, чувства вѣры» (301). Разобравъ понятіе вещества и силы, Хомяковъ приходитъ къ заключенію, что «матеріализмъ, подвергнутый испытанію логики, обращается въ бессмысленный звукъ» (307). И чистый рационализмъ, и матеріализмъ не что иное, какъ двѣ стороны одной и той-же системы, которую можно назвать нессарионизмомъ, иначе системою безвольности. Безсознательная идея безвольности—внутренняя болѣзнь школы нѣмецкаго рационализма, непремѣнно приводящая къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и, слѣдовательно, къ распаденію. «Правда, что опредѣленіе воли, какъ начала самостоятельнаго, приводитъ также къ противорѣчіямъ, и мы опять попадаемъ въ антиномію, но эта мнимая антиномія есть только діалектической обманъ» (313). «Воля не подлежитъ опредѣленію, принадлежа міру допредметному» (313). Въ заключеніе привѣтствуется лексиконъ Гогоцкаго, какъ отрадное явленіе философской литературы.

17. Второе письмо о философіи къ Ю. Э. Самарину. Предсмертное неоконченное сочиненіе. Рус. Бесѣда 1860, т. II (кн. 20-я), стр. 1—30; такъ-же Сочиненія I, 321—348 (по обоимъ изданіямъ). Прерывается на полуфразѣ.

«Міръ является разуму какъ вещество въ пространствѣ и какъ сила во времени» (325). Пространство и сила одинаково—категоріи разума. «Время есть сила въ ея развитіяхъ, пространство въ ея сочетаніяхъ» (326). «Время и пространство суть категоріи причинности и взаимности въ мірѣ явленій, независимыхъ отъ субъективной личности человѣка» (329). «Явленіе не доступно сознанію, какъ явленіе, но его законы, его внутренняя логика намъ не чужды» (330). Начало явленія въ свободной мысли, т.-е. въ волѣ разума. «Воля—это послѣднее слово для сознанія, такъ-же какъ оно первое для дѣйствительности» (340). Волею «опредѣляются границы субъективности человѣческой въ отношеніи къ объективации или къ внутреннему представительству; ею для человѣка отмѣчается то, что въ немъ отъ него самого, и отдѣляется отъ того, что въ немъ не отъ него: она-же сама не узнается ни изъ какого опыта, ни изъ какого явленія и не переходитъ ни въ какое явленіе» (341). Необходимость есть проявленная воля. «Откуда-бы мы ни шли, отъ своей-ли личной субъективности и сознанія, отъ анализа-ли явленій въ ихъ міровой

общности, одно выступаетъ въ конечномъ выводѣ—воля въ ея тождествѣ съ разумомъ, какъ его дѣятельная сила, неотдѣлимая ни отъ понятія объ немъ, ни отъ понятія отъ субъективности. Она ставитъ все сущее, выдѣляя его изъ возможнаго, или, иначе, выдѣляя мысленное изъ мыслимаго свободою своего творчества. Она по существу своему разумна, ибо разумно все, что мыслимо, а она—разумъ въ его дѣятельности, такъ-же какъ сознание есть разумъ въ его отражательности» (345). «Миръ явленный возникаетъ изъ свободной силы, воли, но этотъ миръ представляется какъ сочетаніе двухъ фактовъ, «всего» и момента или «атома», двухъ мыслимыхъ, а не являемыхъ, которыя, впрочемъ, двумя называетъ только наша субъективная слабость, обманутая нашимъ путемъ по міру представлений» (347).

18. Записки о всемирной исторіи. Сочиненія, т. III и IV. Отрывокъ изъ 2-й части въ Рус. Бесѣдѣ 1860, т. II (кн. 20-я), стр. 101—118, съ предисловіемъ отъ редакціи, написаннымъ Ю. Э. Самаринимъ. Записки приведены въ нѣкоторый порядокъ А. Э. Гильфердингомъ.

Въ 3-мъ томѣ содержится исторія первобытной культуры, въ 4-мъ исторія народовъ до X—XI вв. «Въ общемъ мнѣніи историковъ-исслѣдователей преобладаетъ какой-то матеріализмъ, принимающій въ расчетъ силу, число, власть и больше ничего» (III, 104). Хомяковъ хотѣлъ показать на дѣлѣ, какъ слѣдуетъ писать исторію.

19. Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie. Paris, Meyueis et Co, 1853, 63 стр. Подъ предисловіемъ какъ къ этой, такъ и къ двумъ слѣдующимъ брошюрамъ находится подпись Ignotus. По русски въ Сочиненіяхъ II, 29—92 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ), а ранѣе въ Прав. Об. 1863, 10, стр. 75—100; 11, стр. 163—197 (переводъ прот. Н. А. Сергіевскаго).

Объ отношеніи свѣтской власти къ духовной и т. п. Брошюра Лоранси вызвана статьей Э. И. Тютчева La question romaine et la papauté въ Revue des Deux Mondes 1850, февраль.

20. Quelques mots sur les communions occidentales à l'occasion d'un mandement de Mgr. l'Archevêque de Paris. Par un chrétien orthodoxe. Leipzig, Brockhaus 1855,

IV+92 *). По русски Сочиненія II, 95—168 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ), а такъ-же въ Прав. Об. 1864, I, стр. 1—38; 2, стр. 105—144 (переводъ прот. Н. А. Сергіевскаго).

Въ своемъ посланіи парижскій архіепископъ считаетъ Крымскую войну священной войной противъ ереси Фогія. Въ отвѣтъ на это Хомяковъ доказываетъ, что протестанство и католичество—двѣ вѣтви раскола, въ основаніи которыхъ лежитъ раціонализмъ.

Объ эти брошюры переведены по нѣмецки подъ заглавіемъ: *Einige Worte eines orthodoxen Christen über die abendländischen Glaubensbekenntnisse. Aus dem Französischen. Bautzen, J. C. Schmalzer 1856, 109 стр.*

21. *Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et prote-*

*) Въ экземпляръ этой брошюры, находящійся въ Спб. публичной библиотекѣ, вплетено интересное письмо Хомякова къ директору библиотеки барону М. А. Корфу. Вотъ его текстъ:

Милостивый Государь
Модестъ Андреевичъ.

Г-нъ Коссовичъ передалъ мнѣ лестное желаніе вашего высокопревосходительства имѣть въ Императорской Библиотекѣ экземпляръ изданныхъ мною за границу брошюрокъ о вопросахъ религіозныхъ. Грустно мнѣ, что я не умѣлъ сохранить тайну своего авторства въ дѣлѣ, въ которомъ я хотѣлъ-бы быть свободнымъ отъ всякаго личнаго побужденія, но не сумѣлъ: ужъ этому пособить нельзя, и я поспѣшилъ переслать къ вамъ свое скудное приношеніе, если-бы не встрѣтилось тутъ затрудненія. Не безъ труда добылъ два экземпляра, а третій у меня присланъ былъ Василиемъ Дмитриевичемъ Олсуфьевымъ по порученію Государыни Императрицы. Разумѣется, объ этомъ экземплярѣ не могло быть и рѣчи, а оба остальные были въ чтеніи и чуть-чуть не зачитаны. Я наскоро бросилъ ихъ отыскивать, а тутъ пришло говѣніе, набѣжали хлопоты съ полицією, которая меня таскала къ себѣ по случаю бороды и русскаго платья; все это меня позадержало. Насилу вчера высвободилъ одинъ экземпляръ, который и поспѣшаю препроводить вашему высокопревосходительству. Простите его невзрачность; чѣмъ богаты тѣмъ и радъ.

Примите благосклонно мое приношеніе, а съ тѣмъ и увѣреніе и пр.

Апрѣля 12-го д.

1856.

Москва.

Судя по дѣламъ канцеляріи библиотеки, а также въ виду сходства съ другими автографами Хомякова, находящимися въ библиотекѣ, надо думать, что это подлинное письмо, а не копія съ него.

stantes. Leipzig, Brockhaus 1858, VII+110 стр. Понѣмецки: Noch einige Worte eines orthodoxen Christen über die abendländischen Glaubensbekenntnisse. Aus dem Französischen. Bautzen, J. C. Schmalzer 1860, 66 стр. По русски: Сочиненія II, 171—258 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ), а такъ-же Прав. Об. 1875, I, стр. 6—57, но здѣсь почему-то нѣтъ конца.

Эти три брошюры вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими богословскими статьями Хомякова напечатаны въ Сборникѣ: L'Eglise latine et le Protestantisme au point de vue de l'Eglise d'Orient. Recueil d'articles sur des questions religieuses, écrits à différentes époques et à diverses occasions, par A. S. Khomiakoff. Lausanne et Vevey, B. Benda, 1872, 400 стр.

22. Письма къ Пальмеру и Вильямсу. Сочиненія II, 345—422 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ). Письма къ Пальмеру помѣщены такъ-же въ Прав. Обзорѣнн 1869, 3, стр. 372—423; 4, стр. 491—537; 9, стр. 521—552, съ предисловіемъ и обстоятельными комментаріями свящ. А. М. Иванцова-Платонова.

23. Письмо къ И. С. Аксакову о значеніи страданія и молитвы. Сочиненія II, 329—338 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ).

По поводу одной изъ проповѣдей Vinet. Затрогивается вопросъ о свободѣ и необходимости.

24. Письмо къ К. С. Аксакову о молитвѣ и чудесахъ. Сочиненія II, 339—342 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ).

25. Церковь одна. Опытъ катехизическаго изложенія ученія о церкви. Сочиненія II, 3—26 (по двумъ послѣднимъ изданіямъ). Ранѣе въ Прав. Обзорѣнн 1864, 3, стр. 233—258, подъ заглавіемъ: О церкви. Время написанія не извѣстно. Поанглійски: The orthodox doctrine on the church, an essay by A. Chomiakoff, translated from the original russ. Brussels 1864, III+28. Предпослано введеніе и кое-гдѣ сдѣланы небольшія примѣчанія.

26. Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи. Рус. Архивъ 1879, I, стр. 114—131. Отрывки были помѣщены въ газетѣ День 1861, № 1, стр. 3—7.

Записка, переданная кн. П. А. Вяземскому, товарищу министра народнаго просвѣщенія.

Хомякову посвящены слѣдующія статьи:

Ю. О. Самаринъ. См. ниже VIII, 10.

И. С. Аксаковъ. Газета «Москва» 1868, № 160, а такъ-же Со-

чиненія И. С. Аксакова IV, 150—159. По поводу пражскаго изданія 2-го тома сочиненій Самарина разсматривается вопросъ, что можетъ отвѣтить наша церковь на духовные вопросы западнаго человѣчества.

Свящ. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Нѣскольکو словъ о богословскихъ сочиненіяхъ А. С. Хомякова (по поводу пражскаго ихъ изданія). Прав. Об. 1869, 1, стр. 97—119.

Значеніе Хомякова очень велико. Онъ—основатель свѣтской богословской школы. Жаль только, что его сочиненія остаются чужероднымъ и непризнаннымъ явленіемъ въ русскомъ обществѣ.

Н. И. Барсовъ. Новый методъ въ богословіи (по поводу богословскихъ сочиненій Хомякова, изданныхъ въ Прагѣ г. Самаринимъ, и нѣкоторыхъ другихъ произведеній современной богословской литературы). Христ. Чтеніе 1869, т. I, стр. 177—201, 346—377; 1870, т. I, стр. 591—644.

Больше всего удѣлено мѣста Хомякову и его богословскимъ взглядамъ, хотя затронуть и Кирѣвскій.

Ав. Васильевъ. Хомяковъ и славянское дѣло. Спб. 1877. 16 стр.

Популярная брошюра о значеніи Хомякова въ славянскомъ дѣлѣ. Хомякову удѣлены стр. 1—11.

А. Горшковъ. Пасынки русской исторіи (по поводу первыхъ двухъ томовъ сочиненій Хомякова). «Рус. Бог.» 1880, 12, стр. 1—26.

«Не идеи Хомякова интересны, а условія породившія ихъ; интересны и поучительны тѣ жизненные вліянія, которыя наложили свою печать на умственную дѣятельность столь высоко-даровитаго человѣка, сводя ее, въ концѣ концовъ, къ нулю или даже менѣе, чѣмъ къ нулю» (12).

М. Урсинъ (псевдонимъ М. Здѣховскаго, профессора славянскихъ литературъ въ Краковскомъ университетѣ). Очерки изъ психологіи славянскаго племени. Славянофилы. Спб. 1887. 221 стр.

Хомякову посвящена гл. IV: А. С. Хомяковъ и славянофильство (115—151). Разсматривается поэзія Хомякова и обстоятельно излагаются его богословскіе взгляды, а такъ-же взгляды на всемірную исторію. «Хомяковъ—одинъ изъ величайшихъ людей, которыхъ произвела Россія. Не говоря уже о поэзіи, но въ богословіи и метафизикѣ, въ исторіи и политикѣ, въ литератур-

ной критикѣ и въ филологіи—вездѣ онъ оставилъ неизгладимую печать своего дарованія, благодаря силѣ критическаго анализа и громаднымъ діалектическимъ дарованіямъ, составлявшимъ главное качество этого обильнаго и всесторонняго ума» (119—120). «Быстрое разложеніе славянофильства свидѣтельствуєтъ о его несостоятельности оно слишкомъ безусловно возвеличило историческія начала русской жизни и слишкомъ слабо указало на ихъ несовершенства въ практикѣ» (151).

Вл. С. Соловьевъ. Исторія и будущность теократіи. Т. I. Загребъ 1887.

Богословскимъ взглядамъ Хомякова посвящены стр. XIV—XVII. См. *Д. Хомяковъ:* По поводу историческихъ ошибокъ, открытыхъ г. Соловьевымъ въ богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова («Прав. Об.» 1888, 3, стр. 611—615).

По поводу выхода въ свѣтъ сочиненій Хомякова, Кирѣевскаго и К. С. Аксакова (2 тома, М. 1861) появились слѣдующія статьи и замѣтки:

В. «Сбп. Вѣд.» 1862, № 13 и 14. Значеніе славянофильства для исторіи. Больше всего выдвигается Хомяковъ.

«От. Зап.» 1862, 1, стр. 355—357 (ч. 140). Сочувственная, но безодержательная замѣтка.

Московское словенство. «Совр.» 1862, 1, стр. 15—32. Существенная тенденція славянофильства, можетъ быть, и бессознательная, «заклучалась въ томъ, чтобы убить всякую самостоятельность мысли, отнять у ней то, что она приобрѣла во все продолженіе своего историческаго развитія» (18). Родоначальникомъ ученія является «Маякъ». Кирѣевскій высказывается прямо и откровенно, тогда какъ Хомяковъ отдѣляется фразами. Въ слѣдующей книгѣ «Современника» (стр. 267—281) появилась статья, иронически полемизирующая съ первой статьей. Сгруппировавъ выдержки изъ славянофильскихъ сочиненій, она насмѣшливо подчеркиваетъ ихъ достоинства. Первую статью Н. И. Барсовъ почему-то приписываетъ Добролюбову.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ. «От. Зап.» 1862, 2, стр. 679—719; 3, стр. 26—58; 5, стр. 1—23.

Послѣ изложенія взглядовъ, общихъ всѣмъ славянофиламъ, подробно и съ большими выписками разсматриваются Кирѣевскій, Хомяковъ и К. Аксаковъ. «Никто еще ближе славянофиловъ

не подходилъ къ русской дѣйствительности, несмотря на то, что въ ихъ ученіи есть стороны, далеко не удовлетворяющія мыслящаго человѣка нашего времени» (682—683). Убѣжденія славянофиловъ «идутъ не изъ головы, а изъ сердца, полного любви и вѣры» (691).

Н. Свѣденцовъ. Два слова о славянофилахъ. «Свѣточъ» 1862, 7, стр. 59—70.

Нѣкоторые взгляды славянофиловъ на коренныя черты русской національности не лишены парадоксальности. Являясь слѣдствіемъ пристрастной односторонности направленія, она мѣшаетъ согласиться съ ученіемъ славянофиловъ въ полномъ его составѣ. Хомяковъ—скорѣе философъ, Кирѣевскій—литераторъ.

VIII. Ю. О. Самаринъ.

Юрій Оеодоровичъ Самаринъ родился 21-го апрѣля 1819 года. Окончивъ въ 1837 г. Московскій университетъ, онъ защитилъ въ 1844 г. магистерскую диссертацию «Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ». Въ 1844—1853 гг. состоялъ на государственной службѣ. Принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по крестьянскому вопросу, а затѣмъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ земцевъ. Умеръ въ Берлинѣ 19-го марта 1876 года.

Некрологовъ очень много. Перечень ихъ можно найти у В. Межова: Историческая библіографія, т. II, Спб. 1882, стр. 357—358. Слѣдуетъ выдѣлить некрологъ, написанный *К. Д. Кавелинымъ*, «Вѣстн. Евр.» 1876, 4, стр. 906—910, гдѣ за Самаринымъ признается «убѣжденіе и цѣльный нравственный характеръ, не допускавшій сдѣлокъ съ совѣстью» (см. *Л. Литература и жизнь.* По поводу замѣтки *К. Д. Кавелина*, «Голось» 1876, № 103).

Памяти Ю. О. Самарина («Прав. Об. 1876, 4, стр. 673—729), гдѣ, кромѣ біографическихъ данныхъ, дается характеристика Самарина, какъ писателя и общественнаго дѣятеля; тутъ-же приводятся рѣчи при отпѣваніи и на засѣданіяхъ, посвященныхъ памяти Самарина, а такъ-же отзывы печати. Въ память Ю. О. Самарина, рѣчи, произнесенныя въ Спб. и Москвѣ по поводу его кончины, Спб. 1876, VI+53 стр. Характеристика Самарина дана и *Ор. О. Миллеромъ* («Недѣля» 1876, №№ 19, 23 и 26). Очень важны Данныя для біографіи Ю. О. Самарина

за 1840—1845 гг. (Сочиненія Ю. Э. Самарина, т. V, стр. XXXV—XСII; собраны Д. Э. Самаринымъ). Это періодъ, когда Самаринъ увлекался Гегелемъ и пытался примирить съ нимъ православіе. Письма Ю. Э. Самарина 1840—1845, «Рус. Архивъ» 1880 г., т. II, стр. 241—332. Переписка Ю. Э. Самарина съ А. И. Герценомъ. «Русь» 1883, № 1, стр. 30—42; № 2, стр. 23—30.

Сочиненія Ю. Э. Самарина образцово издаются его братомъ Д. Э. Самаринымъ въ Москвѣ. Т. I: статьи разнороднаго содержанія и по польскому вопросу, 1877 г., X+402 стр. Т. II: крестьянское дѣло до Высочайшаго рескрипта 20-го ноября 1857 года, 1878 г., XI+444 стр. Т. III: крестьянское дѣло съ 20 ноября 1857 по іюнь 1859 года, 1885 г., XXXII+495 стр. Т. V (подъ ред. прот. А. М. Иванцова-Платонова): Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, 1880 г., XСII+463. Т. VI: статьи богословско-философскаго содержанія и по польскому вопросу, 1887 г., 543 стр. Т. VII: письма изъ Риги и исторія Риги, 1889 г., СXXXV+658 стр. Т. VIII: Окраины Россіи, 1890 г., XXVII+622.

1. О мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ. «Москвитянинъ» 1847, ч. 2, стр. 132—222, за подписью М... З... К... Сочиненія I, 28—108.

Разбирается статья К. Кавелина «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» (30—65), а въ концѣ (94—108) статья Бѣлинскаго «Взглядъ на русскую литературу 1846 года». Развитіе германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода. Путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности до идеи о челоуѣкѣ, т.-е. о началѣ абсолютнаго соединенія и подчиненія личностей подъ верховный законъ, логически дойти нельзя, потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ самъ собою въ синтетическій. Это начало явилось не какъ прямое ему противодѣйствіе, а проникло въ сознаніе передовыхъ мыслителей западной Европы изъ сферы религіи. Западъ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы,—требованіе общины. Такое требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею: въ оправданіе формулы мы приносимъ *бытъ*, и тутъ точка прикосновенія нашей исторіи съ западной. Общинный бытъ славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія. Въ національный бытъ славянъ христіанство внесло сознаніе и

свободу, и община такъ сказать растворилась, приняла въ себя начало общенія духовнаго и стала какъ-бы свѣтскою историческою стороною церкви. Задача нашей внутренней исторіи опредѣляется, какъ просвѣтленіе народнаго общиннаго начала общиннымъ церковнымъ. Внѣшняя исторія имѣла цѣлью отстоять и спасти политическую независимость того-же начала не только для Россіи, но и для всего славянскаго племени, созданиемъ крѣпкой государственной формы, которая не исчерпываетъ общиннаго начала, но и не противорѣчитъ ему (63—64). Переходя къ Бѣлинскому, Самаринъ находитъ много ошибокъ въ его изложеніи славянофильскихъ взглядовъ.

2. Два слова о народности въ наукѣ. Рус. Бесѣда 1856, кн. 1-я, стр. 35—48. Сочиненія I, 109—121.

«Народность есть больше, чѣмъ объектъ для мысли; сама мысль должна получить отъ нея образованіе, ибо какъ въ исторіи общечеловѣческія начала проявляются не иначе какъ въ народной средѣ, такъ и въ области науки мысль возводитъ эти начала въ сознание черезъ эту-же среду» (120). Полемика съ «Моск. Вѣд.».

На эту статью:

Б. Н. Чичеринъ. О народности въ наукѣ. Рус. Вѣс. 1856, май, кн. 1-я, стр. 62—71; сент., кн. 1-я, стр. 8—27 (Совр. лѣтопись). «Требовать сознательнымъ образомъ общаго умственнаго и нравственнаго подчиненія народнымъ началамъ значитъ отрицать въ народѣ движеніе и развитіе» (26).

(*Катковъ*). Замѣтки Русскаго Вѣстника. Русская Бесѣда и такъ называемое славянофильское направленіе. Рус. Вѣс. 1856, июнь, кн. 1-я, стр. 219—223 (Современная лѣтопись).

На эти двѣ статьи:

3. О народномъ образованіи. Рус. Бесѣда 1856, кн. 2-я, стр. 85—106. Сочиненія I, 122—147.

Поднять вопросъ объ отношеніи русской народности къ западному просвѣщенію, и уясняется понятіе истинной образованности. Но больше всего мѣста удѣлено статьѣ пензенскаго помѣщика *Великосельцева* «Замѣтки о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту» (Земледѣл. Газета 1856, №№ 24 и 25, стр. 93—95, 98—99). Эта статья составляетъ курьезъ, единственный въ своемъ родѣ. Авторъ убѣжденъ, наприм., что будь у крестьянокъ талія поизящнѣе,

крестьяне отличались-бы и нравственностью, и матеріальнымъ благосостояніемъ.

На эту статью Самарина:

(Катковъ). Замѣтки Русскаго Вѣстника. Вопросъ о народности въ наукѣ. Рус. Вѣс. 1856, іюнь, кн. 2-я, 312—319 (Совр. лѣтопись).

Въ полемикѣ принялъ участіе и К. А(ксаковъ): О русскомъ возрѣніи (Рус. Бес. 1856, кн. 1-я, стр. 84—86); Еще нѣсколько словъ о русскомъ возрѣніи (Рус. Бес. 1856, кн. 2-я, стр. 139—147).

Статья Рус. Вѣстника вызвала:

4. Замѣчанія на замѣтки Русскаго Вѣстника по вопросу о народности въ наукѣ. Сочиненія I, 148—161. Написано для тѣснаго круга сотрудниковъ Русской Бесѣды.

5. Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина. Рус. Бесѣда 1857, кн. 1-я, стр. 103—118. Сочиненія I, 189—206.

«Народность, какъ опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки; а для того, чтобы произнести надъ нею историческій приговоръ,—иными словами, для опредѣленія ея отношенія къ будущему,—нужно, чтобы мысль перешагнула за ея предѣлы и вознеслась на высшую точку зрѣнія, на которую подниметъ ее другая народность» (206). «Русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея» (206).

6. Замѣчанія на статью г. Соловьева «Шлецеръ и анти-историческое направленіе». Рус. Бесѣда 1857, кн. 3-я, стр. 90—103. Сочиненія I, 224—239.

Самозащита.

7. Замѣтка. Рус. Бес. 1858, кн. I, стр. 220—223, за подписью: . . . . ъ. Сочиненія I, 240—244.

По поводу статьи Е. К.: Взглядъ на задачи современной критики (Атеней 1858, ч. 1, стр. 61—69). Отголосокъ полемики о народности. Можно-ли навязывать образованность силою?

8. Письма о матеріализмѣ: Н. П. Гилярову. День 1861, № 2, стр. 2—4 (только первое письмо). Прав. Об. 1877, 4, стр.

703—715; отдѣльный оттискъ, 15 стр., М. 1877. Сочиненія VI, 540—554.

Второе письмо не окончено. Первое письмо написано подъ впечатлѣніемъ книги Бюхнера. Матеріализму надо дать полную свободу, ибо самоубійство—участъ лжи. «Онъ призванъ покончить со всѣми попытками на чемъ-нибудь утвердить идею нравственности внѣ православія (разумѣя подъ этимъ словомъ не одну доктрину, но церковь, какъ живой организмъ)». «Противъ него не устоитъ ни безцвѣтный, безкостный, дряблый гуманизмъ, ни социализмъ со всѣми его бреднями и полуистинами» (544). «Матеріализмъ—это острая кислота, которая обмоетъ тусклый ликъ православія и возвратитъ ему блескъ и чистоту» (544). «Онъ силенъ воздѣйствіемъ на него отрицаемой имъ силы» (546).

9. По поводу мнѣнія Русскаго Вѣстника о занятіяхъ философіею, о народныхъ началахъ и объ отношеніи ихъ къ цивилизации. День 1863, № 36, стр. 4—10. Сочиненія I, 266—290.

Вызвано замѣтками Рус. Вѣс. (1863, 5, стр. 398—418) о статьѣ Н. Н. Страхова «Роковой вопросъ» (Время 1863, 4). Рус. Вѣс. напалъ на г. Страхова за то, что онъ гегельянецъ и славянофилъ Самаринъ защищаетъ г. Страхова. «За исключеніемъ Германіи можетъ быть, нигдѣ въ Европѣ философія не встрѣчала такого сочувствія и не имѣла такого значительнаго вліянія, какъ именно у насъ, въ нашихъ университетахъ и академіяхъ» (269).

10. Предисловіе къ богословскимъ сочиненіямъ А. С. Хомякова. Напечатано во всѣхъ изданіяхъ 2-го тома сочиненій Хомякова (I—XXXVII по двумъ послѣднимъ изданіямъ), въ Прав. Об. 1880, 1, стр. 29—68, наконецъ въ сочиненіяхъ самого Самарина VI, 329—370. Понѣмецки: Juri Samarin über Chomäkoff. Ein Beitrag zur Kenntniss der neusten theologischen Bestrebungen in Russland. Aus dem Russischen. Berlin 1869, Behr's Buchhandlung, 56 стр. Переводъ принадлежитъ баронессѣ Э. Э. Раденъ. Предпослано небольшое предисловіе.

«Матеріализмъ выросъ подъ крыломъ идеализма; потомъ, оперившись очень скоро, онъ заклевалъ своего родителя и, оставшись безъ роду и племени, присосѣдился почти насильно къ естественнымъ наукамъ, въ сущности вовсе въ немъ непричастнымъ» (IV). Но въ мнѣніи своемъ о вѣрѣ матеріализмъ сходилъ съ идеализмомъ. Однако православіе осталось совершенно въ сто-

ронѣ отъ діалектическаго процесса, хотя въ русскомъ обществѣ и можно было наблюдать невѣріе научное, казенное и житейское. При всей своей разносторонности Хомяковъ былъ цѣльною и сосредоточенною натурою. Онъ представляетъ примѣръ полнѣйшей свободы въ религіозномъ отношеніи. «Церковь была для него живымъ средоточіемъ, изъ котораго исходили и къ которому возвращались всѣ его помыслы» (XII). «Хомяковъ открылъ собою новую эру въ исторіи православной школы, подготовивъ будущую ея побѣду надъ современнымъ рационализмомъ» (XXXV).

По поводу этого предисловія см. *И. С. Аксаковъ* въ газетѣ «Москва» 1868, № 161, перепечатано въ его Сочиненіяхъ IV, 150—159.

11. Объ отношеніи церкви къ свободѣ. Прав. Об. 1877, 3, стр. 537—543; отдѣл. оттискъ, 8 стр., М. 1877. Сочиненія VI, 555—562.

Вариантъ предыдущей статьи.

12. Разборъ сочиненія К. Д. Кавелина «Задачи психологіи». Сочиненія VI, 373—477. Значительная часть напечатана Кавелинымъ въ «Вѣс. Евр.» 1875, 5, стр. 361—370, 381—385; 6, стр. 782, 783, 786; 7, стр. 336—337, 338, 342—344. Цитаты по шестому тому сочиненій.

Предпослано предисловіе (373—396) Д. Θ. Самарина о возникновеніи труда. Первые двѣ статьи (397—412, 413—431) значительными частями вошли въ статью Кавелина, третья (432—445) только повліяла на редакцію отвѣта Кавелина. Къ этому присоединены отдѣльныя замѣчанія Самарина на разныя мѣста «Задачъ Психологіи». Выборку этихъ замѣчаній сдѣлалъ Вл. С. Соловьевъ.

Кавелинъ стоитъ съ матеріалистами на одной почвѣ. Матеріалистическая закваска чувствуется особенно въ его методѣ. Онъ отвергъ реальность и объективность невещественнаго міра на томъ только основаніи, что понятіе о немъ зарождается въ нашей субъективной средѣ. Къ другимъ заключеніямъ пришелъ-бы Кавелинъ, если-бы онъ строго держался своего основного положенія, что какъ психическая, такъ и физическая жизнь исходятъ изъ одного общаго имъ обѣимъ начала. Къ вопросу о свободѣ Кавелинъ относится неопредѣленно. «Вы сдѣлали положительно все возможное, чтобы спасти хоть малую толику свободы; но вы не спасли ея, и ваши усилія, исчерпывающія всѣ сред-

ства защиты отъ матеріализма, служатъ для меня полнымъ доказательствомъ невозможности отстоять свободу при тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ вы исходите, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы ее опредѣляете, т.-е. только какъ принадлежность личнаго индивидуальнаго, человѣческаго существованія» (408). «Философія ставитъ начала, но она не даетъ ихъ никому, потому что ей вообще нѣтъ дѣла до субъектовъ, а начало и правило входитъ въ жизнь субъекта въ той мѣрѣ, въ какой оно становится для него обязательнымъ» (410). Такое правило даетъ каждому только религія.

13. По поводу сочиненій Макса Мюллера по исторіи религій. Прав. Об. 1878, 1, стр. 1—49, отдѣльно 47 стр.; М. 1878. Сочиненія VI, 481—523. Предсмертное сочиненіе на нѣм. яз. Переводъ на рус. яз. сдѣлалъ В. Д. Кудряцевъ-Платоновъ. Предпослано обстоятельное предисловіе Д. Θ. Самарина.

Всѣ доказательства бытія Божія не имѣютъ никакой логической силы и при томъ по той совершенно простой причинѣ, что ни одного факта нельзя доказать въ строго философскомъ смыслѣ. «Вопреки Мюллеру, въ непосредственномъ и личномъ воспріятіи сознательнаго и преднамѣреннаго воздѣйствія Бога на человѣческую жизнь кроется корень религій» (515). Абсолютная свобода изслѣдованія ничуть не противоположна объективному откровенію. Корень этого предразсудка заключается въ смѣшеніи и отождествленіи вѣры, какъ самаго глубокаго убѣжденія, которое, разумѣется, не можетъ быть несвободнымъ, съ вѣрою, какъ внѣшнимъ, формальнымъ, условнымъ подчиненіемъ какому-нибудь авторитету. Вся этика утверждается на религіозной основѣ и предполагаетъ религіозныя убѣжденія.

Самарину посвящены статьи:

Прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Предисловіе къ 5-му тому сочиненій Самарина (стр. VII—XXXIV). Выясняется генезисъ славянофильства, какъ богословской системы, въ частности богословскихъ взглядовъ Самарина. Критикуются его богословскія увлеченія.

Русскій богословъ изъ свѣтскихъ людей сороковыхъ годовъ (по поводу 5-го тома сочиненій Самарина). Прав. Об. 1880, 5, стр. 42—98. Статья представляетъ обширныя выписки изъ А. М. Иванцова-Платонова, Д. Θ. Самарина и сочиненій самого Ю. Θ. Самарина.

М. И. Каринскій. Рѣчь въ память Ю. О. Самарина. Въ упомянутомъ выше сборникѣ «Въ память Ю. О. Самарина», Спб. 1876, стр. 3—9. «Если Ю. О. Самаринъ съ самаго начала своей общественной дѣятельности выступаетъ какъ человекъ съ высокимъ философскимъ развитіемъ, если во все ея продолженіе слѣдитъ за наиболѣ замѣтными проявленіями философской мысли, то въ этомъ мы должны видѣть не результатъ только его симпатій къ философской наукѣ, но и результатъ его убѣжденія въ томъ, что общее міровоззрѣніе человека производитъ весьма важное вліяніе на весь складъ его духовной жизни» (4—5). «Явленія личнаго нравственнаго міра были той исходной точкой, на которой съ особеннымъ предпочтеніемъ, съ особенною внимательностію останавливался мыслящій взглядъ Ю. О. Самарина» (6).—Несочувственный отзывъ объ этой рѣчи въ Дѣлѣ 1876, 9, стр. 68—71.

О славянофилахъ вообще:

В. Бѣлинскій. Взглядъ на русскую литературу 1846 года. Современникъ 1847, 1 стр. 1—56, а также Сочиненія XII, 9—72 (3-е изд., М. 1874)

Ошибаясь въ выводѣ, славянофилы правы въ положеніяхъ. «Положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то гуманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гнѣющаго будто-бы Запада, но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма» (24—25 по сочиненіямъ). Славянофиламъ посвящены стр. 9—46. Отповѣдью на эту статью является первая по времени статья Самарина.

В. Ивановъ. Славянофильство и западное направленіе. Газета «Москва» 1857, № 23, стр. 277—279.

Публицистическая замѣтка въ похвалу славянофиловъ. Славянофильство стоитъ за просвѣщеніе настоящее, глубокое и прочное, тогда какъ западничество стоитъ за лжепросвѣщеніе, блестящее, но мишурное и обманчивое.

И. С. Аксаковъ. Полное собраніе сочиненій. Т. II: славянофильство и западничество. 1860—1886. Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» М. 1886. VI+846+IV.

Беллюстинъ (ум. въ 1890 г.). Славянофильство и православіе. «День» 1864, № 12, стр. 8—9. Горячій призывъ къ преобразованіямъ въ средѣ служителей вѣры.

А. Скабичевскій. Живая струя (вопросъ о народности въ литературѣ). «От. Зап.» 1868, 4, стр. 143—184. Сочиненія I, 113—123, Спб. 1890.

Выясняется генезисъ идеи народности. Съ этою цѣлью затронута философская подкладка славянофильства.

(*П. Лавровъ*). Философія исторіи славянъ. «От. Зап.». 1870, 6, стр. 347—420; 7, стр. 65—126. Безъ подписи.

По поводу статей Гильфердинга «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ» («Вѣст. Евр.» 1868) довольно подробно разсматриваются взгляды на исторію славянъ, высказанные славянофилами, Мицкевичемъ, разными нѣмецкими писателями, Клявелемъ, Литтре и Вырубовымъ.

У славянофиловъ племенной славянскій элементъ отступалъ на второй планъ предъ элементомъ церковнымъ, принесеннымъ изъ Византіи. «Мистическія стремленія Кирѣвскаго не позволяли ему ни отнестись надлежащимъ образомъ къ прошедшему, ни уяснить себѣ истинное значеніе собственной мысли (358). «Нельзя отнять у Хомякова ни обширнаго знанія, ни остроумія, ни весьма мѣткихъ указаній въ частныхъ случаяхъ. Но онъ злоупотреблялъ своимъ остроуміемъ, чтобы исказить дѣйствительную перспективу событій» (367).—Сравнительно съ германскими народами у славянъ, какъ показываетъ исторія, въ слабой степени развито стремленіе къ политическому строительству. Но въ области развитія мысли они не ниже другихъ, а при удобныхъ обстоятельствахъ они полнѣе и цѣльнѣе понимаютъ вопросы этой области. Значитъ, славяне *могутъ* давать на эти вопросы болѣе истинныя и передовыя рѣшенія, чѣмъ другія племена. Въ славянскомъ умѣ заключается возможность сильнаго и оригинальнаго творчества мысли, цѣльнаго и всесторонняго усвоиванія вопросовъ и безбоязненнаго отвѣта на нихъ. Отсутствіе уступчивости, умственныхъ сдѣлокъ въ этой сферѣ, можетъ быть, указываетъ и причину слабости славянъ въ сферѣ политической. «Предъ нами одно средство: переработать наши культурныя наслоенія, всѣ одинаково не національныя, помощью общечеловѣческаго начала мысли; отказаться отъ культурныхъ привычекъ, которыми дорожить нечего; взглянуть прямо на современные историческіе во-

просы въ ихъ цѣлости и отдаться имъ совсѣмъ. Это нужно и для того, чтобы задача передовыхъ двигателей досталась намъ» (125). Наше настоящее національное дѣло—проповѣдь мысли теоретической и практической въ ея новѣйшемъ фазисѣ.

А. Н. Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Спб. 1873, 2-е изд., исправленное и дополненное, 1890.

Славянофиламъ посвящены главы VI—VII (стр. 245—347 по 2-му изд., или Вѣст. Евр. 1872, 11, стр. 47—97; 12, стр. 618—678). Разсматриваются всѣ важнѣйшіе представители стараго славянофильства. При этомъ не упущена изъ виду философская подкладка ученія. «Подъ научнымъ и литературнымъ вліяніемъ времени, особенно подъ вліяніемъ новѣйшей философіи, новая школа не довольствовалась популярными формами романтическаго патріотизма, официальной народностью: она ставила вопросъ гораздо шире, искала національный принципъ, предназначеніе, роль народа въ судьбахъ человѣчества и т. д.: все это облеклось теперь въ форму философско-исторической теоріи» (255 по 2-му изданію).

Взгляды А. Н. Пыпина на славянофиловъ вызвали слѣдующія три статьи:

М. П. Погодинъ. Къ вопросу о славянофилахъ. Гражданинъ 1873, № 11, стр. 347—352; № 13, стр. 415—420. Погодинъ не доволенъ изложеніемъ славянофильства, даннымъ г. Пыпинымъ. Статья Погодина интересна, какъ замѣтки человѣка, на глазахъ котораго выросло все направленіе.

Э. Дмитріевъ-Мамоновъ (бывшій славянофилъ). Славянофилы. Историко-критическій очеркъ. Рус. Архивъ 1873, 12, стр. 2488—2508.—«Живое славянофильство исчезло; оно сдѣлалось пошленькимъ, формальнымъ, худосочнымъ катехизисомъ клерикально-полицейскихъ сентенцій» (2489—2490). Славянофильство имѣло громадное значеніе, какъ протестъ противъ современнаго ему застоя.—По поводу этой статьи *И. Аксаковъ.* Письмо къ издателю (Рус. Архивъ 1873, 12, стр. 2508—2529, а также сочиненія Аксакова, т. VII, М. 1887, стр. 766—784). Г. Мамоновъ извращаетъ нравственный образъ покойныхъ славянофиловъ и клеветаетъ на ихъ преемниковъ.

Н. И. Барсовъ. О значеніи Хомякова въ исторіи отечественнаго богословія. Полемическая замѣтка. Христ.

Чтеніе 1878, т. I, стр. 303—320.—Славянофильство такое-же дѣтище западной философіи, какъ и самое западничество.

А. Д. Градовскій (ум. въ 1890 г.). Первые славянофилы. Въ книгѣ «Национальный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ», Спб. 1873, стр. 217—309.

Задача автора—разсмотрѣть дѣйствіе славянофильскихъ идей на настоящее время. «Подобно всякому сильному и живому ученію славянофильство измѣнило общій духъ времени» (218). «Въ славянофильской теоріи кроется зародышъ плодотворнаго стремленія, которому не суждено погибнуть въ нашемъ обществѣ, если только общество это призвано къ самостоятельной національной жизни» (220). Въ славянофильствѣ выразился протестъ противъ принесенія въ жертву національныхъ идеаловъ, противъ осуществленія чуждыхъ идеаловъ принудительнымъ, государственнымъ порядкомъ, мимо народа, противъ раздвоенія земли и государства. «Чѣмъ трезвѣе, самостоятельнѣе русское общество будетъ относиться къ явленіямъ европейской жизни, тѣмъ съ большей благодарностью будетъ оно вспоминать о людяхъ, въ которыхъ раньше другихъ проснулся этотъ законный скептицизмъ» (305—306).—Первая лекція посвящена генезису славянофильства, вторая и третья—его историческимъ и религіознымъ взглядамъ.

Э. Дмитріевъ-Мамоновъ. Наука и преданіе. Письмо къ Н. От. Зап. 1875, 8, стр. 245—265.

Разбирается философское міросозерцаніе славянофиловъ. Точкою отправленія служитъ второе письмо Хомякова о философіи. Съ позитивистической точки зрѣнія критикуется его ученіе о волѣ. «Коренная ошибка Шопенгауера и Хомякова состояла въ томъ, что они допускали абсолютную индивидуальность отдѣльныхъ явленій природы, тогда какъ она только относительная, ибо въ каждомъ явленіи, въ каждомъ существѣ проявляются и отражаются одни и тѣ-же общіе міровые законы, только въ различномъ преломленіи и приложеніи. Стало быть, вся задача заключается въ томъ, чтобы въ частномъ познать общіе законы и расслѣдовать, что въ этихъ общихъ законахъ лежитъ естественный и необходимый залогъ, какъ для счастья каждаго индивида, такъ и для гармоническаго единства всѣхъ» (265).

Ор. Ф. Миллеръ. Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ. Рус. Мысль 1880, 1, стр. 77—101; 3, стр. 1—44.

«Славянофильство не было добросовѣстно изучаемо даже тѣ-

ми, кто думаетъ оказать ему честь, причисляя себя къ послѣдователямъ-продолжателямъ» (79). Къ основнымъ его началамъ близки многіе западникіи.

И. Пановъ. Славянофильство, какъ философское ученіе. Жур. Мин. Нар. Просв. 1880, 11, стр. 1—67.

Попытка представить отрывочные философскіе взгляды первыхъ славянофиловъ въ видѣ цѣльной философской системы. Критическаго отношенія къ ней совсѣмъ нѣтъ.

П. Линицкій. Славянофильство или либерализмъ. Опытъ систематическаго обзорѣнія того и другаго. Кіевъ 1882.

Излагаются взгляды славянофиловъ на европейское и русское просвѣщеніе. Черты для характеристики западнаго просвѣщенія Кирѣевскій заимствуетъ изъ философіи Гегеля. И характеристика русскаго просвѣщенія у него основывается, очевидно, на той-же философіи. «Заслуга славянофильства заключается въ томъ, что оно настойчиво указывало на коренное значеніе православія въ нашей народной жизни и въ исторіи нашего отечества» (249). Однако славянофилы слишкомъ много берутъ на себя, говоря, что разъяснили православіе.—Славянофиламъ посвящены стр. 8—93 (а также Труды Кіев. дух. акад. 1882, 3—5).—О всей книгѣ проф. Линицкаго будетъ рѣчь еще ниже.

Взгляды проф. Линицкаго на славянофиловъ вызвали статью *Ө. И. Смирнова*: Богословское ученіе славянофиловъ предъ судомъ проф. Линицкаго («Прав. Об.» 1883, 10, стр. 273—295). Это защита славянофиловъ отъ упрековъ въ протестантствѣ и т. п. Проф. Линицкій, по мнѣнію автора, искажаетъ славянофильское ученіе. На это *П. Линицкій*: По поводу защиты славянофильства въ «Православномъ Обзорѣніи» (Труды кіев. духовн. акад. 1884, 1, стр. 77—94). Разсматривается вопросъ о рационализмѣ въ католичествомъ и о сходствѣ славянофильства съ протестантствомъ.

Вл. С. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. «Вѣстн. Евр.» 1889, 5, стр. 290—303; 6, стр. 734—745; 11, стр. 363—388; 12, стр. 771—795. Эта статья была въ числѣ причинъ, по которымъ журналъ получилъ предостереженіе.

«Кіевская Русь могла свободно воспринять истинныя универсальныя начала христіанской культуры помимо ея одностороннихъ и преходящихъ формъ» (291). Но въ московскую эпоху русскій народъ, отдаваясь всецѣло національно-политической за-

дачѣ, «легко принималъ необходимое средство (сильную государственность) за самую цѣль своей исторической жизни, а за этимъ неизбѣжно слѣдовало потемнѣніе и искаженіе религіозно-нравственнаго идеала» (291—292). Въ московскомъ государствѣ вовсе не было дѣятельной религіи, идеала общественной правды. Съ превращеніемъ христіанства въ религіозный атрибутъ русской народности, и церковь перестала быть самостоятельною соціальною группою, слилась въ одно нераздѣльное цѣлое съ національнымъ государствомъ. Изъ самодвольной замкнутости Русь выведена Петромъ. «Все болѣе и болѣе глубокое проникновеніе началомъ общечеловѣческой христіанской культуры, сопровождаемое постояннымъ критическимъ отношеніемъ къ своей общественной дѣйствительности,—вотъ единственный путь, чтобы развить всѣ положительныя силы русской націи, проявить истинную самобытность, принять самостоятельное и дѣятельное участіе во всемірномъ ходѣ исторіи» (303). Вѣрность этого пути доказывается, во первыхъ, положительными результатами, а во вторыхъ—полною несостоятельностью русскаго духа въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отступалъ отъ христіанскаго направленія. Такая косвенная провѣрка христіанскаго пути сдѣлана словянофильствомъ. «Исторія славянофильства есть лишь постепенное обличеніе той внутренней двойственности непримиренныхъ и непримиримыхъ мотивовъ, которая съ самаго начала легла въ основу этого искусственнаго движенія» (734). «Въ системѣ славянофильскихъ воззрѣній нѣтъ законнаго мѣста для религіи, какъ таковой» (738). У славянофиловъ идетъ дѣло не о православіи, а о православничаніи, которое имѣетъ весьма мало общаго съ истинною вѣрою русскаго народа. «Проповѣдь Хомякова роковымъ образомъ была осуждена на безплодіе, потому что при первой попыткѣ дать ей дальнѣйшее развитіе непремѣнно должно-бы было обнаружиться въ ней противорѣчіе между широкою, всеобъемлющею формулою церкви и узкимъ мѣстнымъ традиціонализмомъ, между вселенскими идеалами христіанства и языческой тенденціей къ особничеству» (744). «Внутреннее противорѣчіе между требованіями истиннаго патріотизма, желающаго, чтобы Россія была какъ можно лучше, и фальшивыми притязаніями націонализма, утверждающаго, что она и такъ всѣхъ лучше,—это противорѣчіе погубило славянофильство, какъ ученіе» (363). Подробно разбирается «Записка о внутреннемъ состояніи Россіи»

К. Аксакова («Русь» 1881, №№ 26—28). «Вопреки исторіи и здравому смыслу приписывая все зло русской дѣйствительности реформамъ Петра Великаго, они (славянофилы) въ качествѣ общественнаго идеала противопоставляли этой дѣйствительности какую-то смѣсь изъ допетровской археологіи, изъ требованій христіанской морали и изъ тѣхъ социально-политическихъ стремленій, которыя они безсознательно себѣ усвоили вслѣдствіе своего европейскаго образованія и своего близкаго общенія съ западническими кружками сороковыхъ годовъ» (384). «Поклоненіе своему народу, какъ преимущественному носителю вселенской правды; затѣмъ поклоненіе ему, какъ стихійной силѣ, независимо отъ вселенской правды; наконецъ, поклоненіе тѣмъ національнымъ односторонностямъ и историческимъ аномаліямъ, которыя отдѣляютъ нашъ народъ отъ образованнаго человѣчества, т. е. поклоненіе своему народу съ прямымъ отрицаніемъ самой идеи вселенской правды — вотъ три постепенныя фазы нашего націонализма, послѣдовательно представляемыя славянофилами, Катковымъ и новѣйшими обскурантами» (779). Какъ Катковъ былъ Немезидою славянофильства, такъ новѣйшіе обскуранты—Немезидою Каткова. Вдохновителемъ И. Аксакова и Каткова былъ Жозефъ де-Местръ (М—евъ: Жозефъ де-Местръ и его политическая доктрина, «Рус. Вѣс.» 1889, 5 и 6), а обскурантовъ вдохновляетъ теперь карриатура на де-Местра—Бержере (Principes de politique).

Статья Вл. С. Соловьева вызвала множество газетныхъ замѣтокъ. Слѣдуетъ упомянуть двѣ статьи:

А. А. Кирѣева. Славянофильство и націонализмъ. Отвѣтъ г. Соловьеву. Петроградъ 1890, 36 стр. Принципы новаго славянофильства по существу тѣ-же, что и стараго. Национализмъ прямо берется подъ защиту.—*Ю. Г.* По поводу брошюры А. Кирѣева. «Моск. Вѣд.» 1890, № 28.

Д. Самаринъ. Поборникъ вселенской правды. Возраженіе В. С. Соловьеву на его отзывы о славянофилахъ 40-хъ годовъ. «Новое Время» 1890, №№ 5015, 5021 и 5029 (14-го, 20-го и 28-го февраля). Отдѣльно Спб. 1890, 79 стр. Въ отдѣльномъ изданіи прибавлено возраженіе (стр. 68—79) на отвѣтъ Вл. С. Соловьева. По мнѣнію Д. Э. Самарина, Вл. С. Соловьевъ невѣрно передаетъ ученіе славянофиловъ. На это *Вл. С. Соловьевъ*: Новая защита стараго славянофильства. («Нов. Вр.»

1890, № 5049, 20-го марта). Вл. С. Соловьевъ находитъ возможнымъ остаться при своихъ взглядахъ и устраняетъ нѣсколько недоразумѣній. Интересъ націонализма преобладалъ у славянофиловъ надъ вселенскимъ принципомъ.

Я. Колубовскій. Философія у русскихъ. Ибервегъ-Гейнце, Исторія новой философіи. Спб. 1890, стр. 539—541. Тутъ дана важнѣйшая литература, и сдѣланъ краткій сводъ славянофильскихъ воззрѣній въ одно цѣлое.

Я. Колубовскій.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Психологическое общество.

1. Самонаблюдение — единственный источникъ познания душевной жизни.

Положенія Н. Я. Грота *).

1. Ключъ къ изученію и истолкованію фактовъ и законовъ душевной жизни находится въ нашемъ *самосознаніи*. Только въ немъ *душевная* жизнь раскрывается намъ непосредственно, въ дѣйствительныхъ своихъ качествахъ, тогда какъ внѣ его мы находимъ лишь *физическіе* символы и знаки душевныхъ состояній.

2. Поэтому *самонаблюдение* — единственный прямой источникъ познания душевныхъ явленій и ихъ законовъ. Внѣшнее-же или «объективное» (Спенсеръ) психологическое наблюдение (другихъ существъ), насколько чрезъ его посредство открывается *содержаніе душевныхъ состояній*, основано также на самонаблюденіи.

3. Хотя нельзя отрицать общихъ *эмпирическихъ* законовъ выраженія внутреннихъ душевныхъ состояній и движеній, — законовъ,

---

*) Обсуждались въ засѣданіяхъ Общества, 10 и 22-го ноября, и 8 декабря 1890г. Въ преніяхъ приняли участіе д. члены Общества: П. Е. Астафьевъ, Н. Н. Баженовъ, Н. П. Бугаевъ, В. Р. Буцке, А. К. Вульффертъ, В. А. Гольцевъ, Н. А. Звѣревъ, П. А. Каленовъ, А. А. Корниловъ, С. С. Корсаковъ, Л. М. Лопатинъ, Е. И. Челпановъ.

являющихся результатомъ психическихъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ существами извѣстнаго вида путемъ наслѣдственной передачи, — но все-же *внѣшніе* знаки и символы, выражающіе душевныя состоянія людей и другихъ существъ, относительно, *индивидуальны и неустойчивы*.

4. При сколько-нибудь развитой душевной самодѣятельности устойчивость даже въ индивидуальныхъ способахъ выраженія душевныхъ состояній у людей нарушается участіемъ *личнаго произвола и преднамѣренности* въ проявленіи и непроявленіи внутреннихъ душевныхъ движеній и въ симулированіи мнимыхъ душевныхъ движеній.

5. Слѣдовательно, сами по себѣ, внѣшніе символы не даютъ еще *твердой опоры* для полного уразумѣнія душевныхъ состояній другихъ психическихъ существъ. Все дѣло, очевидно, въ правильномъ психологическомъ *истолкованіи* «относительныхъ» внѣшнихъ символовъ этихъ душевныхъ состояній, а это истолкованіе всецѣло опирается на *самонаблюденіе*.

6. Наблюдая внѣшніе физическіе символы психическихъ событій въ другихъ существахъ, мы истолковываемъ ихъ на основаніи *собственнаго душевнаго опыта*, въ связи съ воспоминаніемъ пережитыхъ нами *аналогичныхъ* душевныхъ состояній.

7. Но въ виду ограниченности индивидуальной душевной жизни такое истолкованіе не могло-бы быть достаточно широкимъ, еслибы мы не обладали способностью, независимо отъ *раціональнаго и теоретическаго* объясненія внѣшнихъ условныхъ выраженій чужихъ состояній, *непосредственно сочувственно ихъ переживать*.

8. Это сочувственное переживаніе душевныхъ состояній другихъ лицъ и существъ, расширяющее нашъ психологическій опытъ, основано на особомъ *психическомъ взаимодействіи* субъектовъ, сходномъ съ тѣмъ, которое происходитъ при *внушеніи* въ опытахъ гипнотизма. Можно прямо сказать, что другія существа внушаютъ намъ свои душевныя состоянія и только тогда мы эти послѣднія дѣйствительно понимаемъ, переживая ихъ въ себѣ.

9. *Внушеніе* намъ чужихъ душевныхъ состояній происходитъ однако не только при *реальномъ*, но и при *идеальномъ* психическомъ взаимодействіи, чрезъ посредство художника или артиста, искусственно воспроизводящаго предъ нами жизнь другихъ людей. Что это за процессъ, мы не знаемъ; но психологическая

цѣна его въ обоихъ случаяхъ одна и та-же: мы понимаемъ только то, что *сами* переживаемъ и наблюдаемъ *въ себѣ*.

10. Если самонаблюденіе — *единственный* источникъ познанія психическихъ состояній, то всего доступнѣе психологическому наблюденію субъекта его *собственная* душевная жизнь. Затѣмъ — менѣе доступна душевная жизнь другихъ существъ, *близкихъ* по душевному складу (люди того-же пола, степени развитія и одинаковаго темперамента и характера). Еще менѣе доступна душевная жизнь существъ *иного* душевнаго склада, а именно въ уменьшающейся прогрессіи — лицъ другого пола, другой степени развитія, другого темперамента и характера, другой психической организаціи (дѣти, люди низшей культуры, животныя). Этимъ освѣщается и историческій ходъ развитія науки *психологіи*, переходъ ея отъ однѣхъ областей изученія къ другимъ.

11. Для объясненія возможности объективнаго познанія *всеобщихъ законовъ душевной жизни и дѣятельности*, единственно на почвѣ самонаблюденія, въ широкомъ смыслѣ слова, неизбѣжно предположить: а) *тождество природы* нашего субъекта съ природою другихъ психическихъ субъектовъ, б) проявленіе въ свойствахъ нашего индивидуальнаго субъекта природы *всеобщаго субъекта* душевной жизни, ему имманентнаго, и слѣдовательно в) *потенціальную принадлежность* нашему субъекту доступныхъ другимъ живымъ существамъ душевныхъ состояній и движеній, которыя и переходятъ въ дѣйствительныя состоянія или акты наши, при психическомъ взаимодействіи съ окружающимъ міромъ, *реальномъ* или *идеальномъ*.

12. Самонаблюденіе, какъ орудіе достовѣрнаго научнаго знанія, въ психологіи, съ точки зрѣнія этихъ предположеній, есть процессъ такого *самораздвоенія сознанія*, при которомъ всеобщій познающій субъектъ становится способнымъ *въ насъ* — объективно наблюдать и истолковывать испытываемыя имъ самимъ, реально или идеально, индивидуальныя душевныя состоянія.

12. Возможность такого самораздвоенія сознанія условливается извѣстною *высотою* умственнаго и вообще душевнаго развитія (въ смыслѣ самосознанія) и требуетъ особеннаго направленія сознанія *внутрь себя* и особенной психической *гибкости* и *воспріимчивости*. Въ этомъ смыслѣ способность объективнаго психологическаго наблюденія есть извѣстнаго рода *талантъ*, въ наибольшей мѣрѣ присущій нѣкоторымъ художникамъ (собственно

онъ-то именно и создаетъ этихъ художниковъ-психологовъ), и этимъ объясняется, почему самые глубокіе психологи наблюдатели встрѣчаются среди гениальныхъ художниковъ.

14. Психологическій *экспериментъ*, какъ ясно изъ предыдущаго, также всецѣло основанъ на самонаблюденіи, т.-е. на наблюденіи въ *себѣ* сочувственно переживаемыхъ нами, чрезъ экспериментальное взаимодействіе съ другими существами, или-же на истолкованіи нами при содѣйствіи своего душевнаго опыта, искусственно порождаемыхъ въ нихъ (нами-же) душевныхъ состояній и движеній.

15. Но такъ какъ въ выраженіи ими этихъ душевныхъ состояній тоже участвуетъ ихъ *индивидуальный психическій складъ*, ихъ *воля* и ихъ *самонаблюденіе* (наприм. и въ опытахъ гипнотизма играютъ роль личный характеръ и предварительныя *самовнушенія* субъектовъ), то безусловной объективной достовѣрности въ психическихъ экспериментахъ надъ *другими* существами достигнуть едва-ли возможно.

16. Поэтому *лучшая форма* психологическаго эксперимента— это *экспериментъ надъ собою* (конечно тамъ, гдѣ онъ примѣнимъ), провѣряемый самонаблюденіями и экспериментами *надъ собою-же* другихъ людей, способныхъ къ безпристрастному изученію своихъ душевныхъ состояній.

17. Однако такого рода экспериментальная повѣрка и такой экспериментальный методъ, хотя и основанные на самонаблюденіи, *нисколько не меньше достовѣрны и объективны*, чѣмъ экспериментъ, опирающійся на *внѣшній* опытъ въ области физическихъ наукъ.

18. Въ основаніи всякаго эксперимента лежитъ *взаимная про-вѣрка свидѣтельствъ многихъ экспериментирующихъ лицъ*, стоящихъ на той ступени развитія, которая допускаетъ объективное наблюденіе, и на той ступени знанія, на которой возможно правильное истолкованіе наблюдаемаго. Всѣ опытыя знанія и въ области изученія физической природы опираются на тотъ-же *авторитетъ известнаго числа компетентныхъ наблюдателей*, какъ и въ области изученія фактовъ душевной жизни.

19. Все, что сказано до сихъ поръ, однако-же нисколько не исключаетъ важности для психологіи *наблюденій* надъ душевною жизнью *другихъ* людей и существъ, и даже *экспериментовъ* надъ этою душевною жизнью, хотя правильное воспріятіе и истолкованіе добываемаго этимъ путемъ матеріала и зависитъ всецѣло

отъ субъективныхъ условій нашего душевнаго опыта и самознанія.

20. *Субъективная*, психическая жизнь можетъ быть наблюдаема и изучаема *объективно* на основаніи внутренняго опыта — благодаря участію объективной работы мышленія.

Доставленныя въ редакцію журнала возраженія членовъ Общества по поводу положеній Н. Я. Грота.

1. **С. С. Корсакова.** Я полагаю, что самонаблюденіе не есть единственный источникъ познанія душевной жизни. Онъ есть *необходимый*, но не единственный.

Самъ Николай Яковлевичъ, отводя значительную роль въ нашей восприимчивости, по отношенію къ душевной жизни другихъ людей, элементу эмоціональному, до извѣстной степени даетъ эмоціональному элементу значеніе одного изъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о душевныхъ явленіяхъ. Эмоція, по его взгляду, вызываетъ въ человѣкѣ сочувствіе другому — и это сочувствіе дѣлается предметомъ самонаблюденія. Если это и такъ, то все-таки значить эмоція играла роль въ развитіи нашего знанія о томъ, что происходитъ въ душѣ другого человѣка, слѣдовательно была также *источникомъ* познанія.

Затѣмъ я не согласенъ съ Николаемъ Яковлевичемъ и въ томъ представленіи, которое онъ имѣетъ о причинѣ нашего воспріятія психическаго состоянія другихъ людей. Я не думаю, чтобы всегда было такъ, какъ думаетъ Н. Я.: что человѣкъ переживаетъ то, что испытываетъ другой, наблюдаетъ это въ себѣ, а потому и знаетъ, что происходитъ въ душѣ другого человѣка. Я думаю, что существуетъ такое-же познаніе душевнаго состоянія другихъ людей, какъ и всякое другое познаніе, т.-е. познаніе черезъ сочетаніе воспріятія съ прежде составленными ассоціаціями ихъ представленій и понятій, относящихся къ той области, къ которой принадлежитъ объектъ знанія. Вѣдь и явленія, относящіяся къ области свѣта, мы воспринимаемъ не сейчасъ послѣ рожденія въ томъ видѣ, какъ мы воспринимаемъ ихъ, достигши полнаго развитія. Мы должны сначала *научиться* смотрѣть, т.-е. находить зрительныя представленія, которыя и сочетаются при актѣ зрѣнія со всякимъ новымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ — въ *безсознательной сферѣ душевной дѣятельности*. Аналогично этому

научаемся мы и познавать психическія состоянія другого чело-вѣка: у насъ подъ вліяніемъ опыта уже есть готовыя ассоціаціи между всѣмъ тѣмъ, чѣмъ выражается душевная жизнь, и душевными состояніями; эти ассоціаціи даютъ запасъ представленій о душевныхъ состояніяхъ вообще. При воспріятіи выраженія лица, выраженія словеснаго и т. п., другого чело-вѣка—ассоціація между этими воспріятіями и представленіями о душевномъ состояніи совершается непосредственно, *безъ того, чтобы мы сами переживали это состояніе*, какъ думаетъ Николай Яковлевичъ. Весь процессъ совершается чаще всего ниже уровня сознательности, и мы познаемъ только готовый выводъ, что находящійся передъ нами чело-вѣкъ испытываетъ то или другое.

Я думаю, что чело-вѣкъ можетъ познавать состоянія другихъ людей, не подвергая самонаблюденію то, что происходитъ въ немъ самомъ по сочувствію. Самонаблюденіе есть актъ *сознательный*, а процессъ познания можетъ въ значительной своей части совершаться и безъ сознанія. Безсознательнаго самонаблюденія я признать не могу.

Я не могу согласиться и съ тѣмъ представленіемъ, которое имѣетъ Николай Яковлевичъ о воспримчивости дѣтей къ состояніямъ душевной жизни другихъ людей. Если онъ полагаетъ, что дѣти сначала испытываютъ то, что другія, а потомъ, наблюдая это состояніе въ себѣ, получаютъ и представленія объ этомъ, то мнѣ кажется, что это не-вѣрно: чаще дѣти сначала имѣютъ представленіе о чувствѣ другихъ людей, а потомъ уже начинаютъ испытывать соотвѣтствующее этому чувство. То-же самое и при внушеніи. Если я хочу, чтобы чело-вѣкъ, находящійся въ гипнозѣ, испугался, я говорю ему: «Вы видите змѣю»,—и тогда вслѣдъ за представленіемъ у него является и чувство. Внушенія чувствъ непосредственно, безъ представленій, не происходитъ.

С. Корсаковъ.

2. В. А. Гольцева. Самонаблюденіе, въ прямомъ смыслѣ этого слова, является единственнымъ источникомъ познанія (въ психологическомъ отношеніи) только на первоначальныхъ ступеняхъ развитія. Замѣтивши, что извѣстныя душевныя состоянія и движенія выражаются у него самого опредѣленными знаками, чело-вѣкъ предполагаетъ, по аналогіи, что за такими-же знаками у другого чело-вѣка существуютъ такія-же состоянія и движенія.

Наблюдения и размышления вносят в это предположение весьма значительныя поправки. Человѣкъ убѣждается, что за одинаковыми внѣшними выраженіями могутъ скрываться различныя душевныя состоянія. Объективныя данныя, такимъ образомъ обработанныя нашимъ мышленіемъ, исправляютъ выводы самонаблюдения и придаютъ ему научную достовѣрность. Кромѣ того, мы обладаемъ способностью уменьшать или увеличивать въ нашемъ сознаніи то или другое чувствованіе. Я, на примѣръ, *такой* ревности, какъ Отелло, не испытывалъ, но, обладая элементами этого чувства, могу представить себѣ страсть, овладѣвшую героемъ великой шекспировской трагедіи. Опять, слѣдовательно, мы расширяемъ наши психологическія данныя путемъ разнообразныхъ логическихъ операций, которыя не слѣдуетъ, мнѣ кажется, всегда и систематически выдѣлять изъ области другихъ операций духовной жизни. Мы совершаемъ нѣсколько шаговъ и далѣе, еще болѣе усиливая роль провѣренныхъ наблюдениемъ аналогій и логическихъ построений. Когда художникъ, какъ графъ Л. Н. Толстой, изображаетъ намъ тонкія особенности чувства матери, то нельзя, въ точномъ смыслѣ этого слова, говорить о томъ, что единственнымъ источникомъ знанія въ данномъ случаѣ послужило для художника самонаблюдение. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что по мѣрѣ умственного развитія отдѣльнаго человѣка и успѣховъ научной мысли роль самонаблюдения, въ его чистомъ, наивномъ, непосредственномъ смыслѣ слова, перестаетъ быть исключительно: самонаблюдение все болѣе и болѣе провѣряется данными наблюдения, а наши душевныя состоянія все болѣе и болѣе усложняются логическими конструкціями.

В. Гольцевъ.

2. «Теорія апперцепціи и психической активности въ современной психологіи».

Положенія **Е. И. Челпанова** *).

1. Основной недостатокъ ассоціативной психологіи состоитъ въ томъ, что она отодвигаетъ на задній планъ вопросъ о психической активности и отрицаетъ непосредственность чувства активности.

*) Къ реферату, читанному въ Обществѣ 8 декабря 1890 г. Въ преніяхъ принимали участіе: Л. М. Лопатинъ, П. Е. Астафьевъ, В. Р. Буцке, В. А. Гольцевъ, В. П. Сербскій, П. В. Преображенскій.

2. «Апперцептивная» психологія признаетъ волю за основной элементъ психической жизни и считаетъ чувство активности непосредственно даннымъ.

3. Физиологическая подкладка апперцепціи — это возбужденіе, идущее отъ такъ-называемаго „апперцептивнаго“ центра къ двигательнымъ и чувственнымъ областямъ.

4. Актъ апперцепціи совпадаетъ съ той функціей сознанія, которую мы по отношенію къ внѣшнимъ дѣйствіямъ называемъ «волей». Основное сходство между ними въ слѣдующемъ: волевые дѣйствія сопровождаются чувствомъ внутренней дѣятельности; этимъ-же самымъ характеризуется актъ апперцепціи.

5. Существуетъ апперцепція различныхъ степеней: апперцепція *активная* и апперцепція *пассивная*. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ внутренней волевой дѣятельностью, въ обоихъ случаяхъ образы дѣйствуютъ въ качествѣ внутреннихъ возбудителей и только мѣра внутренней дѣятельности въ обоихъ указанныхъ случаяхъ различна.

6. Всѣ формы душевной жизни: познаніе, чувство, аффекты, интеллектуальныя чувства и др. выводимы изъ апперцепціи.

7. Внѣшнее проявленіе воли есть результатъ внутренней дѣятельности ея. Первичная дѣятельность воли есть апперцепція. Внутренняя дѣятельность воли существуетъ вездѣ, гдѣ существуетъ сознаніе, потому что сознаніе безъ апперцепціи немислимо. Внѣшняя дѣятельность воли по своей психологической природѣ есть не что иное какъ апперцепція двигательнаго представленія.

8. На вопросъ, въ чемъ *существенный характерный признакъ воли, какъ факта сознанія*, нѣкоторые психологи отвѣчаютъ, что это есть чувство усилія, напряженія и т. д., и что воля въ этомъ смыслѣ есть нечто иное, какъ «комплексъ ощущеній».

9. Вундтъ предполагаетъ, что существенный признакъ воли какъ факта сознанія есть *«чувство дѣятельности, активности»*, а двигательныя ощущенія, связанныя съ волевымъ дѣйствіемъ суть явленія второстепенныя для характеристики воли.

10. Чувство дѣятельности существуетъ уже въ низшихъ формахъ волевыхъ актовъ, въ высшихъ-же, а именно—въ актѣ рѣшенія или выбора, оно проявляется въ наиболѣе отчетливой формѣ. Въ волевомъ рѣшеніи мы дѣйствуемъ съ сознаніемъ причинности нашего совокупнаго душевнаго бытія. Для сознанія каждое отдѣльное волевое дѣйствіе есть творческій актъ, который является продуктомъ причинности самого субъекта.

2. Отчетъ о дѣятельности Психологическаго Общества въ 1890 году.

Бюро Общества въ истекшемъ году составляли:

Предсѣдатель **Н. Я. Гротъ**, товарищъ предсѣдателя **Н. А. Звѣревъ**, секретарь **В. П. Преображенскій**, товарищъ секретаря **А. К. Вульфертъ**, казначей **Н. А. Абрикозовъ**, кандидатъ казначея **С. С. Корсановъ**, библиотечарь **Л. М. Лопатинъ**. Почетныхъ членовъ Общества было 10, дѣйствительныхъ 142, членовъ-корреспондентовъ 6, членовъ-соревнователей 34, итого 192.

Въ теченіе года Общество имѣло 17 засѣданій, въ которыхъ были доложены и обсуждались слѣдующіе рефераты:

- 1) **Н. Я. Гротомъ** „О задачахъ метафизики.“
- 2) **О. В. Леоновой** „Современный взглядъ на локализацию въ мозговой корѣ“.
- 3) **Н. А. Иванцовымъ** „Воспоминанія о воззрѣніяхъ **С. А. Усова** на искусство“.
- 4) **Н. А. Звѣревымъ** „Что такое философія“.
- 5) **В. Р. Буцке** „Физиологическая теорія памяти“.
- 6) **Н. А. Тимковскимъ** „О прекрасномъ“.
- 7) **А. А. Токарскимъ** „О заклинаніи со стрѣлою тибетскихъ ламъ“.
- 8) **Л. М. Лопатинымъ** „По поводу современнаго философскаго міросозерцанія“.
- 9) **Н. И. Карѣевымъ** „О свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“.

- 10) А. А. Токарскимъ „О меряченіи“.
- 11) Л. М. Лопатинымъ „По поводу гипотезы объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ истинъ“.
- 12) Л. М. Лопатинымъ „Теорія математическихъ воззрѣній Канта“.
- 13) Н. А. Иванцовымъ „По поводу реферата Л. М. Лопатина объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ истинъ“.
- 14) Е. А. Шмидтомъ „По поводу рефератовъ Л. М. Лопатина и сдѣланныхъ ему возраженій“.
- 15) Н. Я. Гротомъ „Самонаблюденіе—единственный источникъ познанія душевной жизни“.
- 16) В. Р. Букке, по поводу сообщенія Н. Я. Грота: „Объ отношеніяхъ межу психологіей и психіатріей“.
- 17) Е. И. Челпановымъ „Теорія апперцепціи и психической активности въ современной психологіи“.

Кромѣ того Общество посвятило 4 особыя засѣданія на обсужденіе тезисовъ В. Р. Букке, Л. М. Лопатина, Н. Я. Грота и Е. И. Челпанова, а также Н. Я. Гротомъ былъ прочтенъ рефератъ посторонняго лица, г. Вилькина, „О телепатіи“.

Денежныя средства Общества находились въ слѣдующемъ состояніи:

Къ 24 января 1890 года (годовое собраніе Общества) оставалось 307 р. 57 к. и сверхъ того пожертвованій Д. А. Столыпина: 2.000 рублей на премію за сочиненіе по философіи наукъ и 1.000 рублей на покрытіе дефицита по изданію журнала.

Въ теченіе года по 1 декабря получено пособіе отъ университета 400 руб., отъ изданій Общества 707 руб. 95 коп., членскихъ взносовъ 410 руб., % съ капитала Столыпина 220 руб. Итого 2.046 руб. 52 коп. Израсходовано на изданіе 4-го выпуска Трудовъ Общества (Лейбницъ) 609 руб. 75 коп., текушіе расходы 260 руб. 1 коп. Итого 869 руб. 76 коп. Остается въ кассѣ Общества 1.176 руб. 76 коп.

Обществомъ изданъ въ текущемъ году IV выпускъ „Трудовъ:“ Избранныя философскія сочиненія Г. В. Лейбница. Съ портретомъ. Переводъ членовъ Общества подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Сверхъ того, при участіи Общества продолжалось изданіе журнала „Вопросы философіи и психологіи“ подъ редакціей профессора Н. Я. Грота.

3. Списокъ членовъ общества.

вошедшихъ въ составъ его съ 20 Апрѣля по 20 Декабря 1890 года.

Дѣйствительные члены:

- Абрикосовъ, А. А.
180. Бартеневъ, Ю. П.
181. Поливановъ, Л. И.
182. Бобровъ, Е. А.
183. Смирновъ, О. А.
184. Преображенскій, П. В.
185. Ланнъ, Ферд.

Члены-соревнователи:

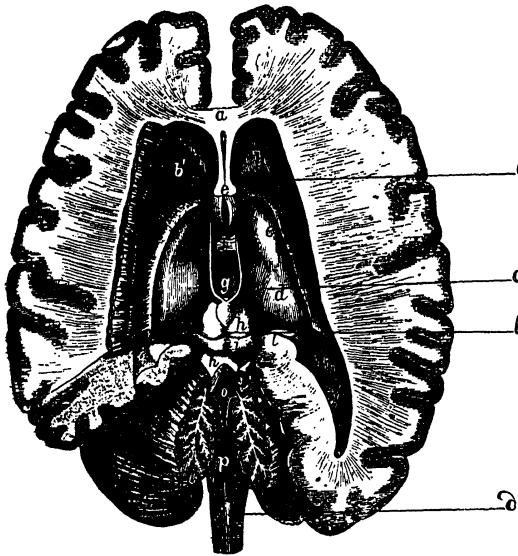
186. Ходолей, Н. Ю.
187. Бобровъ, А. Н.
188. Брюхатовъ, А. Д.
189. Долгинцевъ, В. О.
190. Рачинскій, Н. П.
191. Рачинскій, Г. А.
192. Кандауровъ, Д. П.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Современный взглядъ на локализацию функций въ мозговой корѣ.

(Рефератъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ въ засѣданіи 18-го ноября 1889 года).

На основаніи эмбриологическихъ и анатомическихъ данныхъ и физиологическаго эксперимента, головной мозгъ можно рассматри-

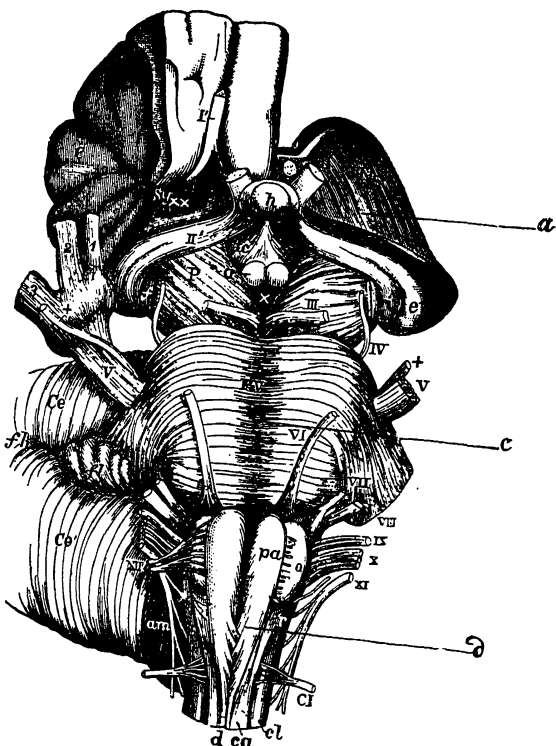

вать, какъ двѣ самостоятельныя морфологическія и физиологическія единицы. Подъ этимъ мы разумѣемъ двѣ самостоятельныя части его: мозговой стволъ и мозговой покровъ. Мозговой стволъ распадается на такъ-называемые мозговые узлы или „субкортикальные“ ганглии. Этимъ именемъ мы обозначаемъ части головного

Рис. 1. Видъ на мозговой стволъ сверху по удаленіи мозговаго покрова $\frac{1}{2}$. По Hirschfeld'у и Leveillé.

нія и которыя становятся видны также и съ верхней стороны по удаленіи мозгового покрова. Къ нимъ причисляются: узлы промежуточного (а), средняго (b), задняго (с) и послѣдующаго мозга (d), которые иначе носятъ названіе: зрительнаго бугра (а), четверохолмія (b), Варолиева моста (с) и продолговатаго мозга (d). Всѣ эти части состоятъ изъ сѣрой массы

или гангліозныхъ клѣтокъ. Въ составъ - же мозгового покрова входятъ узлы передняго мозга или полосатое тѣло (e) и мозговая кора. Эта послѣдняя состоитъ изъ поверхностнаго сѣраговещества или нервныхъ клѣтокъ и изъ лежащаго подъ ней бѣлаго вещества, — волоконъ, играющихъ роль простыхъ проводниковъ раздраженія. Эти бѣлыя массы спускаются отъ коры въ нисходящемъ направленіи, прерываются въ мозговыхъ узлахъ, выходятъ изъ нихъ

Рис. 2. Мозговой стволъ со стороны основанія.
По Schwaalbe. Объясненіе буквъ см. въ текстѣ.

вновь и направляются въ спинной мозгъ, составляющій непосредственное продолженіе продолговатаго—большаго мозга, гдѣ и оканчиваются. Смотря по тому въ какія периферическія соединенія вступаютъ эти проводники, они проводятъ раздраженіе или центро-стремительно—отъ периферіи къ центру, т.-е. къ корѣ, или, наоборотъ, центробѣжно—отъ центра (коры) къ периферіи. Центро-стремительно проводящія волокна передъ тѣмъ, какъ достигнуть своего центрального окончанія, прерываются въ мозговыхъ узлахъ.

Послѣ этого сжатого обзора, выясняющаго въ общихъ чертахъ отношенія между отдѣльными частями головного мозга, мы обратимся къ разсмотрѣнью локализациі функцій въ мозговой корѣ на основаніи данныхъ физиологическихъ, патолого-анатомическихъ и клиническихъ.

Часть физиологіи, которая занимается изученіемъ функцій мозговой коры и опредѣленіемъ точекъ для различныхъ отправленій на ея поверхности, составляетъ весьма обширный отдѣлъ экспериментальной физиологіи. Конечно, въ краткомъ рефератѣ не можетъ быть и рѣчи о перечисленіи всѣхъ произведенныхъ экспериментовъ, въ чемъ и не является необходимости: я остановлюсь только на такихъ, добытыхъ путемъ наблюдений, фактахъ, которые признаются большинствомъ изслѣдователей и которые болѣе или менѣе согласны между собою. Всѣ эти эксперименты и наблюденія согласны лишь въ принципѣ, но несогласны въ опредѣленіи мѣста и величины центра.

Всѣ данныя о функціи мозговой коры добыты съ помощью двухъ способовъ: посредствомъ наблюдений надъ животными и посредствомъ наблюдений у постели больного,—наблюдений, которыя сравниваются потомъ съ данными вскрытія. Краткости ради я назову эти способы: первый—методомъ искусственно вызванныхъ поврежденій или физиологическимъ экспериментомъ, второй—методомъ патолого-анатомическимъ. Первый методъ примѣняется только къ животнымъ и потому все, что намъ извѣстно о локализациі функцій въ мозговой корѣ, съ помощью метода искусственно вызванныхъ поврежденій примѣнимо прямо и непосредственно только къ мозгу животныхъ. Опредѣленіе точекъ для отдѣльныхъ отправленій коры подвержено рѣзкимъ колебаніямъ не только въ предѣлахъ разновидностей, но и у одного и того же животнаго замѣчается рѣзкое колебаніе этихъ точекъ въ сравненіи одного полушарія съ другимъ. У человѣка различіе между обоими полушаріями заключается вообще въ томъ, что моторныя области выражены сильнѣе въ лѣвомъ полушаріи, чѣмъ въ правомъ. Обращаясь къ вопросу о локализациі функцій въ мозговой корѣ человѣка на основаніи этой и другихъ причинъ, мы не можемъ всѣ произведенныя наблюденія надъ мозгомъ животнаго прямо и непосредственно перенести на головной мозгъ человѣка. Мы можемъ это сдѣлать только тогда, когда между наблюденіями, произведенными надъ первымъ и надъ мозгомъ чело-

вѣка мы поставимъ патолого-анатомическій методъ—и свѣдѣнія, добытыя съ помощью фізіологическаго эксперимента, будемъ провѣрять при помощи патологическихъ измѣненій.

Наблюденія надъ животными происходятъ, главнымъ образомъ, двумя способами: посредствомъ экстирпации сѣраго вещества коры головного мозга и посредствомъ раздраженія ея электрическимъ токомъ. Сужденія о функціи отдѣльныхъ долей головного мозга основываются на опытахъ съ удаленіемъ и разрушеніемъ коры, причемъ предполагается, что специфическая функція, сохраняющаяся послѣ экстирпации извѣстнаго участка коры, составляетъ функціональную способность не тронутой ея части, и наоборотъ, мозговой корѣ приписываютъ тѣ функціи, которыя выпадаютъ съ ея разрушеніемъ. Первый изслѣдователь, который занялся изученіемъ фізіологическихъ отправленій центральной нервной системы въ этомъ смыслѣ, былъ—Flourens. Этотъ изслѣдователь смотрѣлъ на функцію долей мозга или на то, что онъ называлъ «lobes cérébraux», соотвѣтствующихъ въ наше время приблизительно тому, что извѣстно подъ именемъ мозгового покрова, состоящаго изъ поверхностнаго сѣраго вещества или коры и лежащаго подъ нимъ бѣлаго вещества, какъ на одно цѣлое, и утверждалъ, что локалізаціи специфическихъ способностей въ опредѣленныхъ доляхъ мозга не существуетъ. Изслѣдованія эти, относящіяся къ 20-мъ годамъ нашего столѣтія, привели его къ утверженію, что «доли мозга»—исключительный органъ для всѣхъ видовъ психической дѣятельности. Послѣ полнѣйшей экстирпации обѣихъ долей мозга у птицъ и маленькихъ млекопитающихъ, Flourens наблюдалъ какъ глухоту и слѣпоту, такъ и прекращеніе дѣятельности всѣхъ остальныхъ органовъ чувствъ. Курица, лишенная обѣихъ долей мозга, по его словамъ, «a perdu tous ses sens». Однако позднѣйшіе фізіологи, повторившіе его опыты, не могли убѣдиться въ томъ, что экстирпация коры полушарій достаточна для полнѣйшаго уничтоженія функціи органовъ чувствъ. Longet и Renzi въ противоположность Flourens'у, нашли, что съ удаленіемъ коры всѣ ощущенія попрежнему остаются, а Cuvier вывелъ заключеніе, что «les lobes cérébraux sont le receptacle où toutes les sensations prennent une forme distincte et laissent des souvenirs durables». Luciani и Tamburini, удаливъ кору затылочныхъ долей и угловыхъ извилинъ, не уничтожили этимъ вполнѣ зрѣнія, а по мѣрѣ удаленія одной или другой не вызывали про-

должительной геміанопсіи *). Экстирпація коры височныхъ долей вызывала также только временное нарушеніе функціи, но не уничтожала абсолютно слуха. Вообще, какъ односторонняя, такъ и двусторонняя экстирпація коры названныхъ центровъ сопровождалась только проходящими нарушеніями. Если положить на полъ кусокъ бѣлой бумаги, то лишенная затылочныхъ долей собака старательно обходить его, боясь наступить; если положить на кусокъ бумаги рядъ кеглей, то она такъ осторожно между ними ступаетъ, что ни одного не передвинетъ съ мѣста, но стоитъ впустить только здоровую собаку, которая все разрушитъ, не обращая вниманія ни на бумагу, ни на кегли. Этотъ остроумный опытъ Гольца, доказывающій, что собака видитъ, но одновременно не понимаетъ видимаго ею, принимая кусокъ бѣлой бумаги за воображаемое препятствіе, привелъ его къ утверженію, что собака лишенная затылочныхъ долей видитъ и, можетъ-быть, даже очень хорошо видитъ, но не понимаетъ видѣннаго. Другіе наблюдали, что животныя, лишенная коры, все-таки были въ состояніи избѣгать препятствія, когда ихъ побуждали къ движенію, замѣчали, какъ они повертывали голову въ сторону зажженной свѣчи, какъ быстро оборачивались въ сторону, гдѣ производили шумъ, однимъ словомъ, находили положительные признаки способности зрѣнія и слуха. На этомъ основаніи создано общее правило, въ силу котораго разграничили ощущенія, какъ простыя впечатлѣнія, возникающія вслѣдствіе периферическаго раздраженія органа чувствъ отъ представленій, какъ отъ превращенныхъ ощущеній. Первые названы безсознательными или пассивными ощущеніями, вторыя—сознательными или активными. Эти послѣднія локализируются исключительно только въ корѣ мозга, первыя-же въ субкортикальныхъ гангліяхъ: въ промежуточномъ, среднемъ мозгу, въ мосту, въ продолговатомъ и спинномъ мозгѣ. На этомъ основаніи, съ удаленіемъ коры уничтожаются толь-

---

*) Именемъ геміанопсіи называютъ двустороннюю одноименную слѣпоту правую или лѣвую. Принято, что затылочная доля каждаго полушарія находится въ связи съ обѣими половинами сѣтчатокъ и такимъ образомъ, что затылочная доля лѣваго—соединяется съ наружной половиной сѣтчатки лѣваго глаза и съ внутренней—праваго. Наоборотъ, затылочная доля праваго полушарія—съ наружной половиной сѣтчатки праваго глаза и съ внутренней лѣваго. При пораженіи затылочной доли одного изъ полушарій, происходитъ выпаденіе функціи соотвѣтствующей половины сѣтчатки.

ко представленія, понятія, волевые импульсы, вся цѣль умозаключеній, но не ощущенія, которыя остаются. Въ пользу вѣрности этого общаго положенія, принимаемаго физиологами, говорятъ клиническія и патолого-анатомическія наблюденія.

Мнѣніе Flourens'a, что локалізаціи на поверхности мозга не существуетъ, раздѣлялось до 1870 года, когда, благодаря открытію, сдѣланному Fritsch'емъ и Hitzig'омъ, этотъ взглядъ измѣнился въ противоположную сторону и въ области физиологіи мозга наступила новая эра. Съ помощью электрическаго раздраженія мозговой коры вышеназваннымъ изслѣдователямъ удалось найти на поверхности полушарій ограниченную область, электрическое раздраженіе которой сопровождается сокращеніемъ опредѣленныхъ мышечныхъ группъ, между тѣмъ, какъ раздраженіе въ другихъ мѣстахъ не сопровождается мышечнымъ сокращеніемъ. Такимъ образомъ, открытіемъ психо-моторнаго центра заложено было первое основаніе для молодой, начинающей отрасли знанія, надъ дальнѣйшимъ плодотворнымъ развитіемъ которой неутомимо работаютъ самые даровитѣйшіе изъ естествоиспытателей. Опыты съ электрическимъ раздраженіемъ и экстирпаціей коры окончательно разрушили воззрѣніе Flourens'a и положительно доказали, что различнымъ частямъ мозговой коры присущи различныя функціональныя энергіи. Раздраженіе электрическимъ токомъ указало также на ту разницу, которая получается при раздраженіи коры и при раздраженіи лежащаго подъ ней бѣлаго вещества, а именно: раздраженіе непосредственно сѣраго вещества коры вызывало мускульныя сокращенія, которыя отличались отъ такихъ-же сокращеній при раздраженіи бѣлаго вещества; кривыя сокращенія, выражавшія переходъ мышцъ изъ спокойнаго состоянія въ дѣятельное, при раздраженіи коры имѣли другую форму, чѣмъ при раздраженіи бѣлаго вещества. Такимъ образомъ, мы можемъ раздѣлить, получающіяся сокращенія отъ раздраженія моторныхъ участковъ, до и по удаленіи коры, на корковыя и мякотныя. Время, протекающее съ момента раздраженія до наступленія мышечнаго сокращенія, т.-е. время скрытаго возбужденія продолжительнѣе для корковыхъ, чѣмъ для мякотныхъ сокращеній. Реакціонный періодъ значительнѣе, слѣдовательно, когда раздражается не разрушенная поверхность головного мозга, чѣмъ при раздраженіи обнаженнаго бѣлаго вещества. Включеніе сѣраго вещества замедляетъ, слѣдовательно, наступленіе нервной дѣятельности, вслѣд-

ствіе чего послѣдняя пріобрѣтаетъ извѣстную самостоятельность и опредѣленный характеръ: она должна имѣть въ сѣромъ веществѣ коры собственныя возбуждающіяся точки, отличныя отъ такихъ-же точекъ бѣлаго вещества. При этомъ замѣчается еще одно рѣзкое различіе: непосредственное раздраженіе бѣлаго вещества сопровождается мышечнымъ сокращеніемъ пока пропускается токъ, но оно исчезаетъ съ его размыканіемъ; напротивъ, при раздраженіи коры, сокращенія продолжаются и по удаленіи раздражителя. Если взять токъ извѣстной силы и раздражать у собакъ, усыпленныхъ морфіемъ, опредѣленную область поверхности коры, вызвавъ этимъ дѣятельность извѣстныхъ мышечныхъ группъ, то, при не слишкомъ высокихъ степеняхъ усыпленія, довольно одного нѣжнаго поглаживанія кожи возбужденныхъ мышцъ, чтобы сдѣлать область коры, взятую для раздраженія, возбуждимою для значительно слабѣйшаго тока. Это приращеніе возбудимости получается только при корковыхъ сокращеніяхъ, но не при мякотныхъ. Съ другой стороны, бываютъ извѣстныя стадіи усыпленія морфіемъ и хлораломъ, при которыхъ сѣрое вещество коры болѣе не реагируетъ на электрическія раздраженія, а напротивъ, бѣлое вещество—тѣмъ легче. Всѣ эти факты доказываютъ самостоятельность нервной возбудимости сѣраго вещества коры и показываютъ, что вызванныя электризаціей поверхности мозга мышечныя сокращенія получаютъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе возбужденія нервныхъ элементовъ сѣрой поверхности головного мозга и, что возбуждающіяся части послѣдней обладаютъ качествомъ нервныхъ центральныхъ аппаратовъ,—слѣдовательно суть нервныя или корковыя клѣтки.

Въ послѣднее время наблюденія надъ самостоятельностью центральныхъ нервныхъ аппаратовъ обогатились еще однимъ доказательствомъ вѣрности высказаннаго взгляда: итальянскіе изслѣдователи Bianchi и Abundo, занимаясь изслѣдованіемъ такъ-называем. психомоторной области у собакъ, сняли съ поверхности мозга сѣрый слой коры, не повредивъ при этомъ, какъ имъ казалось, бѣлыхъ массъ, чѣмъ вызвали вторичную нисходящую дегенерацію пирамиднаго пути. Эти изслѣдователи утверждаютъ, что они могли прослѣдить дегенеративный процессъ отъ самой коры, чѣмъ доказывается, что перерожденныя волокна и часть разрушеннаго корковаго слоя находятся въ самой тѣсной связи и составляютъ одну систему. Если къ этому еще прибавить, что разрушеніе сѣ-

раго вещества коры сопровождается психическимъ разстройствомъ, потерей памяти и пониманія, а по наблюденіямъ физиологовъ, вылущеніе сѣраго вещества коры влечетъ за собою слабоуміе и также потерю памяти съ пониманіемъ, то мы съ необходимостью должны смотрѣть на клѣтки сѣраго вещества коры, какъ на центры, въ которыхъ совершаются всѣ сознательные психическіе акты, а на бѣлое вещество,—какъ на простой проводникъ импульсовъ, возникающихъ въ клѣткахъ коры. Было замѣчено, что животныя лишеныя мозговой коры продолжали воспринимать впечатлѣнія и ощущенія, такъ какъ выражали то-же неудовольствіе при кормленіи колоквинтами, но позабывали ощущенія ранѣ испытанныя: собака не отвѣчаетъ на зовъ господина, не узнаетъ приготовленій къ раздраженію ея вкусовыхъ нервовъ,—она потеряла воспоминаніе о тѣхъ приготовленіяхъ, которыя предшествовали физической боли, позабыла, что съ помощью органовъ движенія она могла-бы обратиться въ бѣгство и тѣмъ освободиться отъ неприятныхъ ощущеній. Гдѣ утративъ способность, съ удаленіемъ коры головного мозга, вновь узнавать и вспоминать разъ уже испытанное ощущеніе, становится невозможнымъ соединеніе въ мозгу одного явленія съ другимъ: собака не можетъ соединить видъ или хлопанье кнута съ представленіемъ о физической боли. Анатомически такое соединеніе образныхъ воспоминаній достигается существованіемъ въ мозгу ассоціаціонныхъ системъ или такъ-называем. *fibrae prapiae* коры, безъ которыхъ самый простой физическій актъ невозможенъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ головномъ мозгу: проэціонные пучки, которые проводятъ къ мозгу возбужденія со стороны внѣшняго міра, распредѣляя ихъ по различнымъ чувственнымъ участкамъ коры, и ассоціаціонные пучки, которые соединяютъ клѣтки коры различныхъ территорій и устанавливаютъ функціональную связь, при возникновеніи одного образнаго воспоминанія съ другимъ. Одновременно, съ первымъ возникновеніемъ образнаго воспоминанія въ данномъ участкѣ коры возбуждаются нѣсколько различныхъ участковъ вслѣдствіе раздраженія, въ которыхъ и рождаются соощущенія. Если теперь мы воспроизведемъ главное образное воспоминаніе, то одновременно съ нимъ возстанутъ и всѣ остальные, второстепенныя, одновременно съ нимъ родившіяся. Напримеръ: предъ нами ребенокъ, который въ первый разъ видитъ собаку или другое какое-нибудь животное; она издаетъ

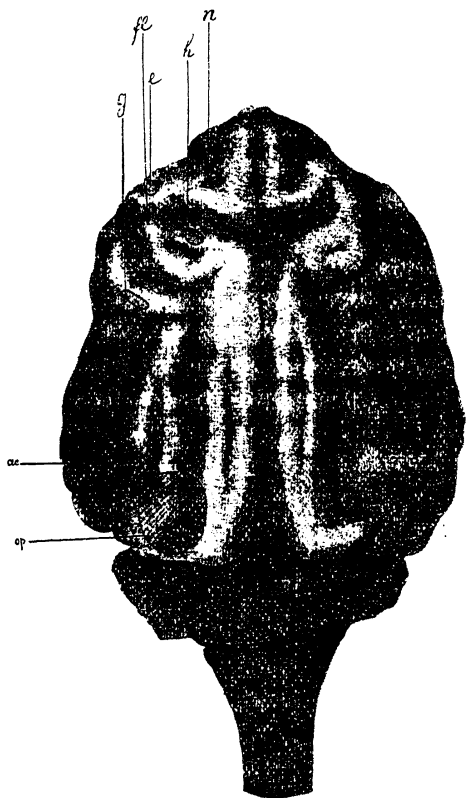
звукъ, лагть. Одновременно, въ корѣ мозга этого ребенка произойдетъ возбужденіе двухъ чувственныхъ территорій: слуховой и зрительной. Черезъ нѣкоторое время, если онъ услышитъ лай скрытаго отъ его взора животнаго, то въ его корковомъ центрѣ возникнетъ не только слуховой, но и зрительный образъ собаки: одно воспоминаніе будитъ другое и ребенокъ по звуку заключаетъ о ея присутствіи. «Въ способности воспроизводить образныя воспоминанія», говоритъ Мейнертъ, «кроется процессъ умозаключенія: послѣдній вытекаетъ изъ первой». Но между периферическимъ окончаніемъ нерва и кортикальнымъ центромъ находится еще промежуточное звено, въ которомъ заложены сѣрья массы съ нервными клѣтками,—это, такъ называем., субкортикальные центры или ганглии. Longet, Schiff и Golz утверждаютъ, что животныя, у которыхъ субкортикальные центры были сохранены, продолжали лѣтать, плавать и ходить. Въ психической жизни человѣка эти ганглии играютъ очень большую роль. Въ нихъ происходитъ превращеніе обыкновенныхъ, извнѣ получаемыхъ раздраженій въ ощущенія, которыя доставляются затѣмъ корѣ мозга, которая ихъ уже перерабатываетъ въ соотвѣтствующія представленія и понятія. Но какъ происходятъ эти измѣненія—намъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ только результатъ видоизмѣненія, а не самый актъ его составляетъ предметъ непосредственнаго наблюденія. Субкортикальнымъ центромъ ощущенія для зрительнаго нерва будетъ переднее двухолміе, наружное колѣнчатое тѣло и *pulvinar*. Получаемое извнѣ свѣтовое раздраженіе достигаетъ посредствомъ зрительнаго тракта субкортикальныхъ центровъ, перерабатывается здѣсь въ свѣтовое ощущеніе, направляется далѣе къ корѣ и превращается въ ней въ свѣтовое представленіе и понятіе. Соотвѣтствующее происходитъ и съ остальными органами высшихъ чувствъ. Ощущеніе локализуется въ субкортикальномъ центрѣ, представленіе и понятіе — въ кортикальномъ.

Въ томъ-же направленіи Fritsch'a, Hitzig'a и Flourens'a продолжали работать Ferrier, Munk, Golz и друг. По изслѣдованіямъ Ferrier и Munk'a превращеніе обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній въ обонятельныя и вкусовыя представленія у животныхъ происходитъ въ крючкообразной извилинѣ (*gyrus uncinatus*) и въ близъ лежащихъ частяхъ, въ особенности въ *gyrus hippocampi* (извилина Аммоніева рога). У человѣка находили, что *gyrus hippocam*

рі имѣеть также отношеніе къ акту обонянія, а именно, одинъ изъ трехъ корешковъ обонятельнаго нерва, наружный, оканчивается въ названной извилинѣ; средній корешокъ — въ передней продыравленной пластинкѣ; внутренній — въ лобномъ окончаніи *gugi fornicati* (дуговой извилины рис. 5, Olf.). За корковый

центръ для зрительнаго нерва, со времени Haller'a, считаютъ затылочную долю. Panizza установилъ связь между зрительнымъ нервомъ и его кортикальнымъ центромъ. Онъ обратилъ вниманіе на появленіе слѣпоты у собакъ послѣ экстирпаціи части коры затылочной доли противоположной стороны; послѣ вылушенія глазного яблока у кролика, лошади, собаки, быка, овцы, онъ наблюдалъ восходящую атрофію четверохолмія, зрительнаго бугра и пучка волоконъ, выходящаго изъ затылочной доли. Hitzig наблюдалъ точно также появленіе слѣпоты у собаки послѣ удаленія коры затылочной доли противоположной стороны. Munk

подробнѣе изслѣдовалъ и описалъ это явленіе. Онъ вырѣзалъ опредѣленный участокъ коры затылочной доли (рис. 3, Ор.), завязалъ оперированной собакѣ глазъ на сторонѣ, соотвѣтствующей мѣсту поврежденія и наблюдалъ слѣдующее: собака перестала искать пищу въ тѣхъ мѣстахъ комнаты, гдѣ прежде она привыкла ее находить; она не обращала никакого вниманія на пищу постав-

Рис. 3. Мозгъ собаки по Fritch'у и Hitzg'у и
ac—кортикальный центръ слуховаго нерва; op—
кортикальный центръ зрительнаго нерва. Ос-
тальные подробности видны изъ текста.

ленную предъ ея глазами, пока ее не понюхаетъ. Если поставить предъ ней чашку съ пищей и ведро съ водою, то она повторно будетъ ихъ обходить, не замѣчая. Видъ кнута также не пугаетъ ее, тогда какъ прежде она всегда убѣгала въ уполь. Она не мигаетъ при приближеніи къ ея глазу огня. Прежде, до операціи, когда ей протягивали руку, то она обыкновенно подавала лапу, теперъ-же она это дѣлаетъ только тогда, когда ей крикнуть: «лапу». «Такая собака», говоритъ Munk, «можетъ снова научиться видѣть, какъ и прежде, и съ видѣннымъ сообразовать свои дѣйствія. Она, слѣдовательно, не слѣпа, но только душевно слѣпа, она лишилась лишь тѣхъ образныхъ воспоминаній (Erinnerungsbilder), которыя она приобрѣла предшествовавшимъ воспитаніемъ». Онъ назвалъ это явленіе «душевной слѣпотой» — Seelenblindheit. Если-же вырѣзать всю кору затылочной доли, то не смотря на то, что субкортикальные зрительные центры не тронуты, животное навсегда, будто-бы, лишается способности зрѣнія, т.-е. теряетъ зрительное ощущеніе. Исчезаетъ, слѣдовательно, извѣстная функція коры, — явленіе, которое Munk назвалъ «корковой слѣпотой» — Rindenblindheit. Послѣдняя отличается отъ первой тѣмъ, что она не излѣчима. Животное при душевной слѣпотѣ не можетъ отличить пробку отъ съѣдобнаго корма, пока не понюхаетъ или не лизнетъ языкомъ. Преодолѣвать препятствія, которыя ранѣе оно не научилось преодолевать, теперъ оно не въ состояніи, такъ какъ ему не достаетъ представленія видѣннаго, т.-е., утрачена способность перерабатывать зрительныя ощущенія и соотвѣтственно съ ними сообразовать свои дѣйствія. Luciani и Tamburini показали, что у собакъ и обезьянъ зрительная сфера одной стороны имѣетъ отношеніе къ обѣимъ половинамъ сѣтчатокъ, а не къ одной только сѣтчаткѣ противоположнаго глаза.

Эксперименты надъ собаками и обезьянами показали, что двусторонняя экстирпація сѣраго вещества коры височной доли влекла за собою глухоту, причемъ замѣчали, что утрачивалась не способность воспринимать слуховыя ощущенія, но только способность понимать слышанное. Ferrier утверждаетъ, что у обезьянъ слуховой центръ находится въ первой височной извилинѣ. Munk, который вырѣзалъ кору затылочной доли для опредѣленія корковаго зрительнаго центра у собаки, сдѣлалъ аналогичныя наблюденія и для височной доли. Онъ вырѣзалъ опредѣленную область

коры обѣихъ височныхъ долей и наблюдалъ то-же явленіе, что и въ предыдущемъ случаѣ (рис. 3 ас.). Собака хотя и слышитъ, но не понимаетъ слышаннаго: если ей крикнуть: «сюда, лапу», то она не отвѣчаетъ на это соотвѣтствующими движеніями, какъ прежде. Она можетъ все-таки со временемъ опять научиться понимать слышанное и черезъ 5—6 недѣль послѣ операціи представляется совершенно нормальною. Слѣдовательно, она не глуха, а только душевноглуха, и Munk назвалъ такое состояніе «душевной глухотой»—*Seelentaubheit*—въ противоположность корковой глухотѣ, *Rindentaubheit*, которая неизлѣчима и которая появляется, если вырѣзать всю кору височной доли. Если Munk подъ именемъ корковой слѣпоты и корковой глухоты подразумѣвалъ не просто только абсолютную и постоянную *душевную* слѣпоту и глухоту, а абсолютную и постоянную слѣпоту и глухоту, то, въ такомъ случаѣ, изслѣдователи не раздѣляютъ его воззрѣній, такъ какъ, повторяя его опыты, физиологи не могли вызвать ни абсолютной и постоянной слѣпоты, ни такой-же глухоты, и его утвержденіе остается не доказаннымъ, а вопросъ: можно-ли вызвать абс. и постоянную слѣпоту и глухоту разрушеніемъ одного только корковаго центра, безъ разрушенія соотвѣтствующаго ему субкортикальнаго—остается пока открытымъ*).

То, что сдѣлалъ Munk для доказательства, что затылочная доля собаки имѣетъ отношеніе къ акту зрѣнія, а височная—къ акту слуха—сдѣлалъ Wernicke въ отношеніи человѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ Broca показали, что при моторной афазіи**) разрушеніе коры ограничивается задней третью лѣвой третьей лобной извилины,—областью, названною Broca-центромъ рѣчи, именно моторнымъ центромъ, въ которомъ сохраняются образы двигательной иннервации устной рѣчи (рис. 4, g. Br.). При моторной афазіи способность понимать постороннюю рѣчь сохранена, но нарушена только способность выражать словами понятое, вслѣдствіе того, что больные позабываютъ, съ одной стороны, какъ самыя слова (амнестическая форма), такъ съ другой—движенія, необходимыя для произношенія отдѣльныхъ словъ (атактическая форма). Къ ней примѣнимо противоположное стиху Мефистофеля: «Denn eben

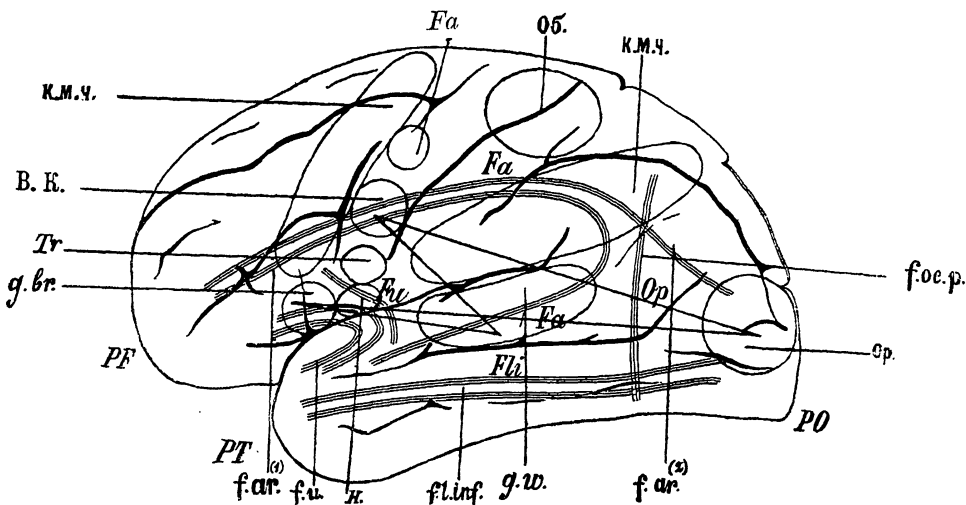
*) Изслѣдованіе Munk'a вызвало и со стороны Wundt'a цѣлый рядъ возраженій, разборъ которыхъ я не нахожу возможнымъ включить въ скромныя рамки моего сообщенія.

**) Разстройство рѣчи двигательной формы.

wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein»,— на оборотъ, понятіе существуетъ, оно не утрачено, а не достаетъ слова. Патологія показала, что при подобныхъ афазическихъ расстройствахъ чаще всего поражается островокъ съ близъ лежащими частями лобной доли и полосатое тѣло лѣвой стороны (Kussmaul). У лицъ пораженныхъ этимъ видомъ афазіи запасъ словъ очень невеликъ, наприм. весь ихъ разговоръ ограничивается иногда такими фразами: oui, oui, oui и воу, воу, воу, или-же они сохраняютъ абс. молчаніе. Но они понимаютъ когда съ ними разговариваютъ и даютъ посредствомъ знаковъ правильные отвѣты; точно также они понимаютъ, повидимому, прочитанное. Иногда къ этому расстройству прибавляется нарушение способности писать, такъ-называемая письменная слѣпота (agraphia). Подобно тому, какъ и моторная афазія, аграфия представляетъ аналогичное расстройство письма. Она происходитъ потому, что больные позабываютъ частью самыя буквы и слова (амнестическая форма), частью—движенія, необходимыя для выраженія слова письменно (атактическая форма). Гдѣ локализуется письменная слѣпота, въ точности неизвѣстно. По мнѣнію Exner'a, въ задней части второй лѣвой лобной извилины, по всей вѣроятности, находится моторный аграфическій центръ. По мнѣнію другихъ, въ нижней части передней центральной извилины, вѣроятно тоже моторный аграфическій центръ; въ области нижней темянной извилины вѣроятно сенсорный аграфическій центръ. Въ свою очередь Wernicke произвелъ рядъ наблюдений надъ сенсорной афазіей, признавъ за ея центръ заднія двѣ трети первой лѣвой височной извилины, въ которой сохраняются звуковые образы словъ (извилина Wernicke, рис. 4, g. W.). Другіе наблюдали также разрушеніе и во второй височной извилинѣ. Въ противоположность моторной афазіи, сенсорная характеризуется тѣмъ, что при нормальномъ слухѣ и при сохраненной моторной функціи нарушена способность понимать смыслъ рѣчи другихъ. На самыя простыя вопросы: какъ васъ зовутъ? сколько вамъ лѣтъ?—получаются самыя неподходящіе отвѣты. Laquer описываетъ одинъ случай сенсорной афазіи. Разрушенная часть обнимала собою первую лѣвую височную извилину, именно извилину Wernicke. «Если,—пишетъ Laquer,—встать за спину больной и начать хлопать и свистать, то она сейчасъ-же оборачивается; если встать такъ, чтобы она не видала, и обратиться къ ней съ вопросомъ, то она

точасъ-же обращается въ сторону вопрошателя, чтобы показать, что она все слышала. Но смыслъ рѣчи оставался для нея непонятнымъ». Иногда къ этому разстройству, такъ-называемой словесной глухотѣ, прибавляется еще разстройство въ актѣ чтенія

Рис. 4. Вокругой видъ выпуклой поверхности лѣваго полушарія челоуѣческаго мозга.

G. W. извилина Wernicke; кортикальный центръ слухового нерва; сенсорный центръ рѣчи. G. Br. извилина Броса; моторный центръ рѣчи. Н. центръ подъязычнаго нерва. Tr. trigeminus, центръ жевательныхъ мышцъ. Fa. центръ лицевого нерва. Вк. центръ изолированного движенія верхней конечности. Об. общій кортикальный центръ движенія обѣихъ конечностей. Ор. кортикальный центръ зрительнаго нерва. К. М. Ч. центръ кожного и мышечнаго чувства.

Ассоциатiонная система волоконъ: f. и. крючкообразный пучекъ, соединяющій лобную долю съ височной; f. ар¹. дугообразный пучекъ, болѣе длинный путь соединенія лобной доли съ височной, f. ар². часть предьдущаго пучка, соединяющаго лобную долю съ затылочной; f. l. inf. нижнiй продольный пучекъ, идущiй отъ височной доли къ затылочной; f. ос. р. вертикальный пучокъ Wernicke. Прямыя черныя линiи изображаютъ схематическiя соединенiя центровъ между собою.

при нормальномъ зрѣнiи,—такъ-называемая словесная слѣпота (saecitas et surditas verbalis). Разрушенiе въ корѣ въ послѣднемъ

Примѣчанiе къ рис. 4 и 5. Такъ какъ вмѣсто раскрашиванiя пришлось ограничиться кружками, то они только приблизительно указываютъ величину даннаго центра.

случаѣ наблюдали въ области лѣвой нижней темянной извилины, въ угловой извилинѣ и въ области второй затылочной извилины. Нѣкоторые совсѣмъ отрицають участіе угловой извилины въ актѣ зрѣнія; Seguin локализуетъ его въ клиновидной долькѣ (cuneus), Nothnagel—въ клиновидной долькѣ и въ первой затылочной извилинѣ (рис. 4, Op., и рис. 5, Cu.). При существованіи caecitas et surditas verbalis больной не могъ находить на улицѣ свою квартиру, такъ какъ №№ домовъ оставались для него непонятными. При попыткѣ читать получаютъ совершенно непонятные звуки, такъ что объясняться съ такими лицами письменно не представляется возможности. Но если такому лицу не предлагали вопросовъ, а предоставляли его самому себѣ, то онъ могъ разговаривать свободно и правильно. При разрушеніи центра оптическихъ воспоминаній, но при цѣлости остальныхъ, можно получить правильное наименованіе предмета: это если дають опредѣлить его посредствомъ осязанія, вкуса или обонянія. Само собой разумѣется, что словесную глухоту и слѣпоту нельзя смѣшивать съ настоящей слѣпотой и глухотой; онѣ являются не вслѣдствіе прекращенія проводимости данныхъ звуковыхъ и свѣтовыхъ раздраженій, а вслѣдствіе прекращенія функции коры. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ случай, который сообщаетъ Kussmaul. У одной 25 л. женщины появились признаки сенсорной афазіи. Въ началѣ ее считали глухой, такъ какъ она ни слова не отвѣчала на вопросы, съ которыми къ ней обращались. Но со временемъ убѣдились, что она могла различать два колокола по звуку, стукъ въ дверь и тикъ-такъ часовъ слышала такъ-же тонко, какъ и здоровая. Позднѣе, по выздоровленіи, она рассказывала, что слышала слова, только какъ неопредѣленный шумъ. Сенсорная афазія у человѣка аналогична душевной глухотѣ и слѣпотѣ у животныхъ: какъ здѣсь, такъ и тамъ, они не глухи и не слѣпы, а только душевно глухи и слѣпы; хотя они и продолжаютъ воспринимать ощущенія, т.-е. хотя у нихъ и происходитъ превращеніе звуковыхъ и зрительныхъ раздраженій въ таковыя-же ощущенія, но превратить ихъ въ соотвѣтствующія представленія и понятія они болѣе не въ состояніи, такъ какъ эта специальная функция коры нарушена и вмѣстѣ съ тѣмъ они лишились тѣхъ слуховыхъ и оптическихъ образныхъ воспоминаній, приобретенныхъ всѣмъ предшествовавшимъ жизненнымъ опытомъ, которыя они привыкли соединять съ извѣстными впечатлѣніями и ощу-

шеніями, получаемыми извнѣ. Потому такое состояніе, какъ душевная слѣпота, не слѣдуетъ смѣшивать съ геміанопсіей, т.-е. съ двусторонней, одноименной слѣпотой. Душевная слѣпота можетъ существовать и отдѣльно отъ геміанопсіи и ею не обуславливается. Геміаноптикъ можетъ видѣть и читать и буквы и слова, если изображеніе ихъ падаетъ на сохраненную часть сѣтчатки, между тѣмъ какъ подверженный душевной слѣпотѣ видитъ и буквы и слова, и можетъ-быть очень хорошо видеть, но не можетъ прочесть и понять ихъ смыслъ. Онъ уподобляется человѣку, который никогда не учился читать или которому дали прочесть книгу, написанную на иностранномъ, непонятномъ для него, языкѣ. Душевная глухота основана на потерѣ акустическихъ представленій словъ. Хотя больной воспринимаетъ слуховыя ощущенія словъ, но онъ утратилъ способность ихъ психической переработки, т.-е. ихъ понять. Онъ находится въ состояніи ребенка, который слышитъ, но не понимаетъ значенія слышаннаго, — въ состояніи человѣка, съ которымъ разговариваютъ на чужомъ, непонятномъ для него, языкѣ, или-же, наконецъ, въ состояніи той больной изъ случая сообщеннаго Kussmaul'емъ, которая принимала слова за непонятный шумъ.

Проф. Штриккеръ сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе надъ механикой языка. По его мнѣнію, если мы понимаемъ то, что намъ говорятъ, то это происходитъ не потому, что мы слышимъ извѣстный звукъ, а потому, что съ этимъ звукомъ соединена иннервація тѣхъ мышечныхъ группъ, сокращеніе которыхъ влечетъ за собою произношеніе той-же самой фразы. Мы доходимъ до познанія звука тѣмъ, что получаемое извнѣ акустическое впечатлѣніе влечетъ за собою мышечную иннервацію. Эта иннервація распространяется на гортань, или губы: мы поемъ или свистимъ что-нибудь про себя. Тамъ-же, гдѣ иннервація не переходитъ на гортань и губы, по мнѣнію Штриккера, переходитъ на *tensor tympani* *). Эта иннервація исходитъ изъ центра рѣчи, и когда, вслѣдствіе болѣзни, онъ бездѣйствуетъ, то появляется афазія: человѣкъ слышитъ рѣчь къ нему обращенную, но не понимаетъ ея смысла. Если приложить его теорію къ музыкѣ, то она слѣдующая: когда мы слышимъ музыку, то въ нашей гортани одновременно происходитъ сокращеніе, необходимое для исполненія

*) Мышца сокращающая барабанную перепонку.

слышанной мелодіи. Но это встрѣчается не у всѣхъ людей. У другихъ, напротивъ, иннервируются губы. Рассказываютъ, что Mozart всегда свисталъ, когда проходилъ по улицѣ, а Johann Strauss былъ крайне удивленъ, когда Штриккеръ обратилъ его вниманіе на игру его губъ, когда онъ думалъ о какой-нибудь мелодіи. Проф. Störk, въ Вѣнѣ, одной пѣвицѣ ввелъ горловое зеркало, прося ее думать въ это время о какой-нибудь музыкальной пьесѣ, или-же заставляя слушать пѣніе и наблюдалъ, какъ голосовыя связки колебались подъ тактъ воображаемой или пропѣтой мелодіи. У опытныхъ пѣвцовъ онъ наблюдалъ также и ритмическое колебаніе грудной клѣтки. Но, встрѣчаются музыканты, въ особенности между піанистами, у которыхъ сокращаются не гортань и губы, а, по мнѣнію Штриккера, tensor tympani. Для доказательства вѣрности своего взгляда, въ лабораторіи Штриккера въ Вѣнѣ были произведены опыты надъ животными. Послѣ соответственнаго препарованія была введена тонкая игла въ tensor tympani и оказалось, что эта мышца при звукахъ различной высоты сокращалась съ различной интенсивностью. Дальнѣйшіе опыты показали, что tensor tympani не только отвѣчаетъ сокращеніямъ различной силы на звуки различной высоты, но и на различныя гласныя буквы: а, е, і, о, u; интензивнѣе на а и всего слабѣе на и. Если эта теорія Штриккера вѣрна, то является вопросъ, отчего при выпаденіи одной только моторной функціи, а именно при моторной афазіи, мы понимаемъ рѣчь къ намъ обращенную? Съ другой стороны, теорія Штриккера приложима одинаково къ акту чтенія и письма. Такъ, мало образованные люди не понимаютъ прочитаннаго, если не читаютъ вслухъ, точно также не могутъ писать не произнося вслухъ или шепотомъ написанную фразу. Нѣкоторыя психическія разстройства могутъ также служить тому примѣромъ, какъ наприм. при душевной слѣпотѣ: больной не узнаетъ предмета, находящагося предъ его глазами, не понимаетъ его назначенія и не можетъ назвать его по имени. Но, какъ скоро слово было произнесено, онъ узнавалъ предметъ, и какъ скоро слышалъ названіе предмета, то, по требованію, могъ указывать на него и понимать его назначеніе.

Шефферъ произвелъ опыты съ электризаціей моторныхъ центровъ надъ 18 макаками. Онъ нашелъ, что положеніе центровъ подвержено извѣстнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ. Все-таки моторная область въ цѣломъ рѣзко ограничена, какъ позади, такъ и

сбоку посредствомъ межтемянной борозды (sulcus interparietalis) и Сильвіевой борозды (Fossa Sylvii), а со срединной поверхности посредствомъ sulci calloso-marginalis; только спереди недостаетъ рѣзкой границы. Въ остальномъ отдѣльные центры не граничатъ другъ къ другу посредствомъ бороздъ и даже не чрезъ центральную борозду. Моторные центры въ общемъ Шёфферъ распределяетъ слѣдующимъ образомъ: область нижней конечности обнимаетъ собою выпуклую поверхность большей части верхней темянной доли, верхнія окончанія обѣихъ центральныхъ извилинъ, заднюю часть верхней лобной извилины, простираясь отъ задняго конца sulci calloso-marginalis по срединной сторонѣ краевой извилины до центральной борозды; область туловища обнимаетъ собою медиальную сторону, впереди области нижней конечности, соприкасаясь съ краемъ верхней лобной извилины, гдѣ спереди доходитъ до угла прецентральной борозды; для иннервации верхней конечности: позади центральной борозды занимаетъ всю область между послѣдней, межтемянной бороздой и областью нижней конечности, доходя спереди до прецентральной борозды; область лица занимаетъ нижнюю часть центральныхъ извилинъ. Позднѣе онъ произвелъ нѣсколько опытовъ съ экстирпаціей моторной области и оказалось, что вылушеніе выпуклой поверхности моторной области и той части области нижней конечности, которая занимаетъ краевую извилину со стороны срединной поверхности, влекло за собою почти полный параличъ верхней противоположной конечности, параличъ лица, парезъ *) нижней конечности и головы. Двусторонняя экстирпація моторной области краевой извилины со стороны срединной поверхности влекла за собою полнѣйшій параличъ мышцъ нижнихъ и ослабленіе мышцъ верхнихъ конечностей. Движенія у такихъ оперированныхъ обезьянъ очень характерны: онѣ лежатъ на животѣ и могутъ передвигаться почти только съ помощью верхнихъ конечностей. Констатировать нарушеніе чувствительности въ парализованныхъ членахъ ему не удалось вслѣдствіе затрудненій, которыя встрѣчаются при изслѣдованіи чувствительности у обезьянъ. Опыты Ferrierъ съ экстирпаціей моторныхъ центровъ привели его къ слѣдующему результату: разрушеніе средней трети центральныхъ извилинъ влекло за собою параличъ кисти и сгибателя верхней ко-

---

*) Неполный параличъ.

нечности, послѣ разрушенія верхней части центральных извилинъ—параличъ ступни и волоченіе нижней конечности; послѣ вылушенія всей верхней половины центральных извилинъ Ferrier наблюдалъ параличъ обѣихъ конечностей на противоположной половинѣ тѣла.

У человѣка, на основаніи патологическихъ наблюденій, центромъ для движенія верхней конечности считается средняя треть передней центральной извилины (рис. 4, К. В.). Lobus paracentralis и верхнія трети обѣихъ центральных извилинъ составляютъ общій корковый центръ для движеній обѣихъ конечностей противоположной стороны тѣла (рис. 4, Об.; рис. 5, Parc.). Если

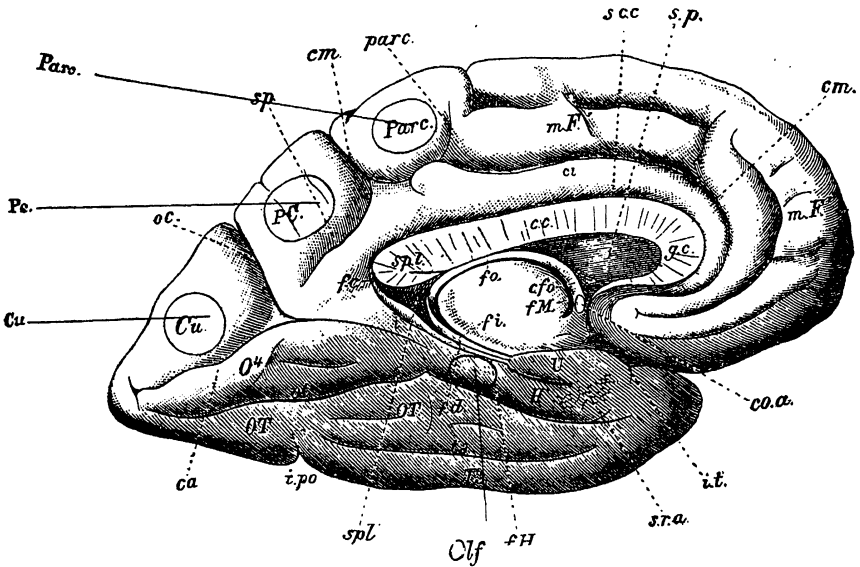

Рис. 5. Видъ лѣваго полушарія со стороны срединной поверхности.

Olf. кортикальный центръ обонятельнаго нерва. Cu. кортикальный центръ зрительнаго нерва. Parc. общій центръ движенія обѣихъ конечностей. Pc. центръ кожного и мышечнаго чувства.

сравнить центры нижней конечности съ верхней, то становится замѣтно, что они покрываютъ другъ друга и только верхняя конечность имѣетъ отдѣльный центръ. То-же самое нашелъ и Ехнер, электризуя моторную область мозга собаки: моторныя области отдѣльныхъ мышцъ не разграничены, а покрываютъ другъ друга. Задняя и наружная часть сигмовидной извилины—область общая

для мышцъ конечностей: flexor и extensor digitorum и abductor pollicis передней лапы (сгибатель и разгибатель пальцевъ и мышца отводящая большой палецъ), flexor и extensor digitorum задней лапы. Къ тому-же результату пришелъ Шефферъ, экстирпируя кору у обезьянъ. Американскій врачъ Dr. Bartolow, воспользовавшись случаемъ костнаго дефекта на выпуклости черепа у человѣка, произвелъ опытъ съ раздраженіемъ обнаженной моторной области электрическимъ токомъ, опытъ, который хотя и съ трудомъ вяжется съ гуманными цѣлями врачебной науки, но тѣмъ не менѣе доказалъ, что у человѣка, какъ и у остальныхъ животныхъ, раздраженіе электрическимъ токомъ этой области сопровождается мышечнымъ сокращеніемъ. Центръ двигательнаго тройничнаго нерва, именно центръ жевательныхъ мышцъ, локализуется въ нижнюю треть передней центральной извилины и въ пограничныя части средней и нижней лобныхъ извилинъ (рис. 4, Tr.). Центръ мышцъ лица—въ передней части передней центральной извилины, между нижней и верхней лобными бороздами и въ близъ лежащихъ частяхъ второй лобной извилины (рис. 4, Fa); центръ подъязычнаго нерва—въ нижней части передней центральной извилины съ прилегающими частями третьей лобной извилины (рис. 4, H.). Nothnagel локализуетъ центръ мышцъ лица точно также въ нижней части передней центральной извилины.

Fritsch и Hitzig, раздражая кору большого мозга собакъ электрическимъ токомъ, пришли къ слѣдующему результату: одна часть поверхности мозга собаки двигательная, другая часть—не двигательная. Двигательная часть лежитъ вообще болѣе спереди, не двигательная болѣе сзади. Электрическое раздраженіе моторной области сопровождается сокращеніемъ опредѣленныхъ мышечныхъ группъ на противоположной половинѣ тѣла. Возбуждая кору собаки электрическимъ токомъ, они опредѣлили слѣдующія точки, имѣющія, по ихъ мнѣнію, прямое отношеніе къ опредѣленнымъ произвольнымъ мышечнымъ группамъ. Опытъ распространялся на всю переднюю долю мозга, носящую терминологию Owen'a: gyrus praefrontalis, postfrontalis и supersylvianus и содержать подъ буквами n (рис. 3) участокъ для сокращенія затылочныхъ мышцъ, подъ буквами e, f, h и g по порядку участки для разгибателей (extensor) и сгибателей (flexor) передней конечности, для мышцъ задней конечности и для мышцъ лица. Если вырѣзать найденные Fritsch'емъ и Hitzig'омъ тѣ участки коры,

которые при раздраженіи ихъ токомъ вызывали сокращеніа опредѣленныхъ мышечныхъ группъ, то наступало нарушеніе въ правильномъ употребленіи этихъ мышцъ, продолжавшееся болѣе или менѣе продолжительно. Удаленіе коркового участка е вліяло на правильное употребленіе разгибателей, участка f—сгибателей передней конечности и т. д. Конечность была нѣсколько ослаблена, но не парализована. Но, одновременно, Hitzig замѣтилъ, что нарушеніе правильности въ движеніи происходитъ не въ отношеніи ходьбы или бѣганія, а прекращаются только такіа движенія, которыя требуютъ знанія положенія части тѣла, которая приводится въ движеніе, какъ въ отношеніи остальныхъ частей, такъ и въ отношеніи всего окружающаго. Наприм., если животное хочетъ встать, то вмѣсто того, чтобы поставить лапу на подошву, оно поворачиваетъ ее тыломъ внизъ. Schiff обратилъ вниманіе физиологовъ на то обстоятельство, что если удалить кору въ области извилинъ praе- и postfrontalis, въ сложности gyrus sigmoides по Ferrier, то, кромѣ нарушенія въ двигательной сферѣ, можно было наблюдать нарушеніе чувствительности въ соответствующихъ членахъ. Munkъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ этомъ центрѣ оканчиваются чувствительныя волокна противоположной половины тѣла; сюда приносятся съ периферіи кожныя и мускульныя ощущенія, перерабатываются въ представленія и переносятся на двигательныя центры. По мнѣнію Munk'а, настоящая причина, почему послѣ экстирпаціи опредѣленныхъ участковъ коры передней доли мозга является ограниченность въ пользованіи опредѣленными мышечными группами, кроется въ томъ, что послѣ операціи части тѣла, соединенныя съ этимъ центромъ, лишаются своего психо-сензитивнаго центральнаго окончанія, что и ведетъ къ уничтоженію импульсовъ къ движенію. Если, наприм., на основаніи изслѣдованій Fritsch'а и Hitzig'а, удалить частицу коры изъ области лѣвой gyri postfrontalis, то мы видимъ, что животное безъ противодѣйствія переноситъ неудобное положеніе правой задней ноги, такъ какъ чувствительный путь для ощущенія неправильнаго положенія конечности прерванъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ животное можетъ употреблять конечность для ходьбы и бѣганія, такъ какъ моторный путь между мускулатурой и центромъ не нарушенъ. Эту переднюю долю мозга, извѣстную со времени опытовъ Fritsch'а и Hitzig'а за психомоторный центръ, Munkъ локализовалъ какъ центръ для чувства осязанія, давленія

и мышечнаго чувства, назвавъ эту долю мозга «ощущающей сферой» (Gefühlssphäre) въ отличіе отъ зрительной сферы и слуховой. Рядомъ съ душевной слѣпотой и глухотой Munkъ принимаетъ душевный параличъ, Seelenlähmung, какъ слѣдствіе разрушенія такъ называем. психо-моторныхъ центровъ. Если разрушена только часть коры психо-моторнаго центра, то наступаетъ душевный параличъ, который излѣчимъ; разрушеніе всей территоріи центра влечетъ корковый параличъ (Rindenlähmung), который неизлѣчимъ. Послѣднее время два итальянскихъ изслѣдователя Bianchi и Abundo высказались противъ мнѣній Schiff'a, Hitzig'a и Munk'a. Разрушая ту-же область коры, они не получали разстройствъ чувствительности, или крайне незначительныя, но за то наблюдали полнѣйшее исчезновеніе сознательныхъ движеній и признали ее за истый моторный центръ. Одновременно Luciani и Serrilli на основаніи своихъ экспериментальныхъ опытовъ и клиническихъ наблюденій пришли къ тому заключенію, что ограничить локализацию для чувствительности въ мозговой корѣ отдѣльными участками невозможно, но что на моторный центръ слѣдуетъ смотрѣть какъ на смѣшанный: для ощущенія и для движенія. Того-же мнѣнія придерживается и Exner. Экстирпация моторныхъ центровъ наноситъ вредъ чувствительности противоположной половины тѣла, которая хотя и достигаетъ незначительной степени, но, во всякомъ случаѣ, притупленіе чувствительности на парализованной сторонѣ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Также и клиническія наблюденія не даютъ болѣе тонкаго ограниченія чувствительности, разстройство которой при двигательныхъ параличахъ вообще менѣе интенсивно выражается, чѣмъ разстройство двигательной сферы. Такое различіе въ получаемыхъ результатахъ происходитъ вѣроятно потому, что области коры, различныя въ функціональномъ отношеніи, такъ тѣсно соединены между собою, что частью покрываютъ другъ друга и вслѣдствіе этого нельзя вполне удалить одну безъ ущерба другой и, такимъ образомъ, причиняя вредъ другимъ функціямъ. Можетъ-быть чувствительныя клѣтки расположены болѣе поверхностно, между тѣмъ какъ моторныя — въ болѣе глубокихъ слояхъ. Точно также и индивидуальность можетъ составить основаніе для подобныхъ различій. Наприм. анатомически одинаковыя поврежденія могутъ вызвать различныя функціональныя разстройства. Есть лица, которыя не могутъ писать безъ того, чтобы

не произносить написанное слово; встрѣчаются и такія, которыя пишутъ только по оптическому образному воспоминанію. Если въ первомъ случаѣ наступитъ моторная афазія, то рядомъ съ ней будетъ существовать и аграфія, несмотря на то, что центръ оптическихъ образныхъ воспоминаній не будетъ разрушенъ. Во второмъ случаѣ моторная афазія можетъ и не быть и вмѣстѣ съ тѣмъ письменная слѣпота будетъ существовать, если центръ оптическихъ воспоминаній будетъ разрушенъ.

На основаніи клиническихъ наблюдений Luciani и Serrilli, стараются все-таки нѣсколько точнѣе опредѣлить центръ кожныхъ и мышечныхъ ощущеній. Онъ занимаетъ заднія части трехъ лобныхъ извилинъ, обѣ центральныя извилины, lobus paracentralis и обѣ темянныя извилины, такъ какъ разрушеніе въ этихъ частяхъ всего чаще *) сопровождается нарушеніемъ въ мышечномъ и кожномъ ощущеніяхъ. Нѣкоторыя данныя позволяютъ предполагать, что мышечное чувство локализуется въ первой и второй темянныхъ извилинахъ, а кожное—занимаетъ приблизительно ту-же область, что и моторная функція, причемъ предполагаютъ, что нижняя часть моторной области находится въ болѣе близкомъ отношеніи къ кожнымъ ощущеніямъ лица, а верхняя—къ кожнымъ ощущеніямъ конечностей. Luciani и Serrilli описываютъ случаи съ разрушеніемъ психо-моторной области у собакъ и обезьянъ, причемъ кромѣ временныхъ паралитическихъ явленій, которыя продолжительнѣе у обезьянъ, они наблюдали при этомъ временное расстройство въ сферѣ мускульнаго и кожного чувствъ на противоположной половинѣ тѣла.

Очень поучительны и интересны въ этомъ отношеніи опыты Golz'a. Послѣ обширной и глубокой экстирпации передней доли мозга собаки, включая всю такъ-называемую возбудимую, т.-е. психо-моторную область лѣваго полушарія, Golz наблюдалъ гемиплегію **) и почти полный параличъ чувствительности въ мышцахъ и кожѣ правой стороны тѣла. Всѣ эти расстройства почти вполне исчезли чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ операціи, такъ что неопытный глазъ наблюдателя не могъ-бы отличить по движеніямъ это животное отъ здороваго. Другое интересное наблюдение Golz'a—то, что животное съ двустороннимъ поврежденнымъ переднимъ мозгомъ утрачиваетъ способность сознательно задер-

*) По ихъ мнѣнію даже постоянно.

**) Параличъ одной половины тѣла.

живать рефлексы *), которые у оперированныхъ собакъ являются повышенными.

Съ этимъ послѣднимъ наблюденіемъ находится въ связи фактъ, что съ удаленіемъ переднихъ долей мозга у собакъ наступаетъ замѣтное измѣненіе въ характерѣ. Если до операціи онѣ были кротки и ласковы, то послѣ нея дѣлались ворчливы, запальчивы, безпокойны и сварливы. Наоборотъ, съ удаленіемъ затылочныхъ долей, Golz наблюдалъ противоположныя измѣненія въ характерѣ своихъ собакъ: тѣ, которыя до операціи были злы и безпокойны, дѣлались добры и кротки послѣ нея.

Послѣдствія животнаго эксперимента и патологическія наблюденія вообще согласны, какъ мы видимъ, между собою. Главное различіе заключается въ силѣ и продолжительности наступившаго явленія. Функціональныя разстройства тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ выше организованъ мозгъ животнаго, и, наоборотъ, тѣмъ слабѣе и короче, чѣмъ онъ ниже. У собакъ вызванная гемиплегія постепенно ослабѣваетъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ исчезаетъ (хотя, по мнѣнію Golz'a и Schiff'a, полное возстановленіе разстроенной функціи никогда не наступитъ, но лишь повидимому), однако исчезаетъ настолько, что только глазъ очень опытнаго наблюдателя можетъ подмѣтить оставшееся разстройство. У обезьянъ она продолжительнѣе и со временемъ только частью исчезаетъ; между тѣмъ какъ у человѣка она остается, повидимому, на всю жизнь. Все это становится понятнымъ, если допустить, что функція субкортикальныхъ ганглиевъ сильнѣе развита у собакъ, слабѣе у обезьянъ и всего слабѣе у человѣка. Слѣдствіемъ этого является то, что у собакъ субкортикальныя ганглии скорѣе могутъ уравнивать послѣдствія разрушенія данной области,—у обезьянъ менѣе и всего менѣе у человѣка. Но характеръ поврежденія какъ у человѣка, такъ и у низшихъ животныхъ остается одинаковымъ: никогда не уничтожается съ разрушеніемъ коры извѣстная функція безусловно. Въ послѣднее время изслѣдователи пришли вообще къ тому заключенію, что о рѣзкихъ границахъ болѣе разсуждать нельзя, что хотя локалізація и существуетъ, но въ томъ смыслѣ, что каждому периферическому концевому нервному аппарату соотвѣт-

*) Подъ рефлекторными движеніями физиологія понимаетъ всѣ произвольныя движенія, протекающія вслѣдствіе раздраженія чувствующихъ нервовъ.

ствуеть опредѣленная доля коры, что различнымъ частямъ коры присущи различныя функціи, а не въ томъ, что онѣ рѣзко между собою разграничены,—напротивъ, въ функціональномъ отношеніи различныя части коры покрываютъ другъ друга и каждая сфера распадается на «чистый центръ» или на «центральное поле» и на «иррадіаціонный поясъ», въ которомъ соединены нѣсколько различныхъ функцій вмѣстѣ. И у человѣка различныя въ функціональномъ отношеніи доли мозга также сливаются между собою, хотя, быть-можетъ, онѣ нѣсколько рѣзче обозначены, чѣмъ у собаки, но во всякомъ случаѣ рѣзкія границы для отдѣльныхъ функцій на поверхности мозга человѣка допустить нельзя и съ чисто анатомической точки зрѣнія. По мнѣнію Exner'a иррадіаціонный поясъ моторной области у человѣка не имѣетъ такого важнаго значенія для движенія, какъ центральное поле, на томъ основаніи, что поврежденіе перваго сопровождается меньшими расстройствами въ движеніи, которыя и легче ослабѣваютъ, чѣмъ поврежденія втораго. Если поражается центральное поле, то наступаетъ чистое явленіе, наприм. чистая душевная слѣпота, глухота и т. д., если-же поражается вмѣстѣ и иррадіаціонный поясъ, то наступающее явленіе носить смѣшанный характеръ. Тутъ могутъ появиться ненормальности со стороны органа слуха, зрѣнія, со стороны чувства осязанія. Чистое явленіе наблюдается несравненно рѣже смѣшаннаго. Мы можемъ только утверждать, что височная доля имѣетъ отношеніе къ акту слуха, затылочная—къ акту зрѣнія, темянная и задняя часть лобной долей—къ чувству осязанія и мышечному чувству, обонятельная доля вмѣстѣ съ извилиной Аммоніева рога (*gyrus hippocampi*)—къ акту обонянія, такъ какъ въ этихъ частяхъ всего чаще находили разрушенія при выпаденіи соотвѣтствующихъ функцій. Только задняя часть темянной доли общая для всѣхъ чувствъ. Нѣкоторымъ образомъ на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на центръ локализации всѣхъ чувствъ. Ея разрушеніе у собакъ влечетъ выпаденіе функцій органовъ зрѣнія, обонянія, осязанія и слуха. Разрушеніе какой-нибудь другой части коры никогда не сопровождается такими глубокими нарушеніями въ психикѣ животнаго.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ наблюденій мы можемъ представить себѣ механизмъ рѣчи при сообщеніи людей между собою въ слѣдующемъ видѣ. Акустическое слово или звуковая волна производитъ сотрясеніе барабанной перепонки въ нашемъ слу-

ховомъ органѣ, съ помощью которой приходитъ въ движеніе вся система косточекъ барабанной полости, и толчокъ, сообщаемый стремнемъ овальному окну, приводитъ въ движеніе всю массу жидкости, заключенной въ системѣ каналовъ внутренняго уха; въ лабиринтѣ звуковая волна сообщается заключенной въ немъ жидкости и здѣсь, попадая на концевые аппараты слухового нерва, раздражаетъ ихъ. Воспринятое периферіей органа раздраженіе достигаетъ окончанія слухового нерва, направляется далѣ по его корешку (*radix cochlearis*) и, пройдя длинный путь: черезъ ядро слуховаго нерва, трапецевидное тѣло, верхнюю оливу, нижнюю петлю, заднее двухолміе, внутреннее колѣнчатое тѣло, въ которыхъ превращается въ слуховое ощущеніе, передается наконецъ своему кортикальному центру — корѣ височной доли. Соотвѣтствующее происходитъ и при актѣ зрѣнія. Когда мы подносимъ къ нашему органу зрѣнія печатное или писанное слово, — изображеніе его, падая на сѣтчатку, производитъ раздраженіе, сообщающееся концевымъ зрительнымъ аппаратамъ. Это раздраженіе въ свою очередь направляется далѣ по зрительному тракту, проходитъ чрезъ такъ называемые первичные центры зрительнаго нерва: чрезъ зрительный бугоръ, наружное колѣнчатое тѣло, переднее двухолміе, превращается здѣсь въ оптическое ощущеніе, которое и передается затѣмъ при посредствѣ сагиттальнаго бѣлаго пучка корѣ затылочной доли *). Вотъ два сенсорныхъ корковыхъ центра для воспріятія акустическаго и оптическаго слова. Какъ извилины, точно также и различныя доли мозга вступаютъ между собою въ самую тѣсную связь, въ самыя разнообразныя соединенія. И, если мы желаемъ отвѣтить на слышанное словесно, то воспринятое нашимъ слуховымъ органомъ акустическое слово не остается только въ сенсорномъ центрѣ рѣчи, но, по ассоціаціонному волокну, соединяющему сенсорный центръ рѣчи съ моторнымъ, мы направляемъ им-

*) Считаю необходимымъ обратить здѣсь вниманіе *не* физиологовъ на одно основное физиологическое правило, игнорированіе котораго ведетъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ: нервное волокно проводитъ *только* раздраженіе и ничего болѣе и, смотря потому, какого центра — субкортикальнаго или кортикальнаго — раздраженіе въ данный моментъ достигло, оно принимаетъ ту или другую форму, или форму безсознательнаго ощущенія, или форму представленія, понятія. Съ этой точки зрѣнія, — а мы можемъ разсматривать здѣсь процессы, происходящіе въ головномъ мозгу, только со стороны психо-физиологической, — не можетъ быть рѣчи ни о недоразумѣніи, ни о неточности.

пульсъ въ третью лобную извилину, откуда послѣ превращенія акустическаго образа слова въ двигательный исходитъ соотвѣтственная иннервація, необходимая для произнесенія слова. Точно также, при письменномъ отвѣтѣ, воспринятое нашимъ органомъ зрѣнія оптическое слово не остается только въ корѣ зрительнаго центра, а по ассоціаціонному пути, соединяющему эти два центра между собою, направляется импульсъ въ моторный центръ писанія, откуда точно также, послѣ превращенія оптического образа въ двигательный, исходитъ соотвѣтственная иннервація для воспроизведенія письменнаго знака. Если мы желаемъ отвѣтить письменно на воспринятое акустическое слово, то мы направляемъ импульсъ не къ моторному центру рѣчи, а къ моторному письменному центру; если мы желаемъ отвѣтить словесно на воспринятое нами оптическое слово, то мы направляемъ импульсъ не къ центру писанія, а къ моторному центру рѣчи. У глухо-нѣмыхъ слуховой путь къ сенсорному центру рѣчи бездѣйствуетъ, точно такъ-же, какъ и путь соединяющій послѣдній съ моторнымъ центромъ рѣчи и съ моторнымъ центромъ писанія; но они могутъ достигнуть обоихъ моторныхъ центровъ, употребляя оптическій путь. При афазіи, когда утрачивается представленіе о двигательной иннерваціи, необходимой для произношенія слова (атакт.), путь, соединяющій моторный центръ рѣчи съ мускулатурой тѣхъ частей, которыя принимаютъ участіе въ актѣ рѣчи, бездѣйствуетъ, а пути, соединяющіе акустическій и оптическій центры съ моторнымъ центромъ рѣчи—безполезны. Если, при разрушеніи моторнаго центра рѣчи, моторный центръ писанія одновременно съ нимъ не поврежденъ, что случается крайне рѣдко, вслѣдствіе близости обоихъ центровъ, то возможно выражать свои мысли письменно. Но при афазіи, когда забываются самыя слова (амнест.), названный путь только временно бездѣйствуетъ, пока намъ не напомнятъ забытое слово. Если при сенсорной афазіи путь между сенсорнымъ центромъ рѣчи и моторнымъ не дѣйствуетъ, то можетъ функционировать путь, соединяющій оптическій центръ съ моторнымъ, и всѣ остальные пути, центры которыхъ не повреждены. Если оптическій центръ поврежденъ и путь соединяющій его съ моторнымъ центромъ писанія бездѣйствуетъ, то можетъ функционировать путь, соединяющій сенсорный центръ рѣчи съ моторнымъ центромъ писанія, если центры ихъ остались неповрежденными.

Спрашивается теперь, гдѣ локализуется психическая дѣятельность, въ какой части мозга происходят акты мышленія и воли? Такого участка, который служилъ-бы специальнымъ центромъ для высшихъ психическихъ процессовъ въ мозговой корѣ, указать нельзя. Основаніемъ психической дѣятельности служить не опредѣленный какой-нибудь участокъ мозговой коры, но вся сѣрая поверхность коры, со всѣми заложенными въ ней центрами, точно такъ же, какъ память не локализована въ какомъ-нибудь опредѣленномъ участкѣ мозга, а присуща каждой нервной кортикальной клѣткѣ. Когда бѣлыя массы или проводники, соединяющіе различные центры между собою, какъ и самые центры, не повреждены, то они всѣ вмѣстѣ, функционируя, составляютъ основаніе для нормальной психической дѣятельности.

Какъ вы видите, вопросъ о локализации функций въ мозговой корѣ далеко не исчерпанъ и понадобится еще много лѣтъ, а можетъ быть и цѣлое столѣтіе, пока мы дойдемъ до болѣе точныхъ и опредѣленныхъ результатовъ, чѣмъ тѣ, которые я имѣла честь изложить вамъ въ моемъ настоящемъ сообщеніи.

О. Леонова.
